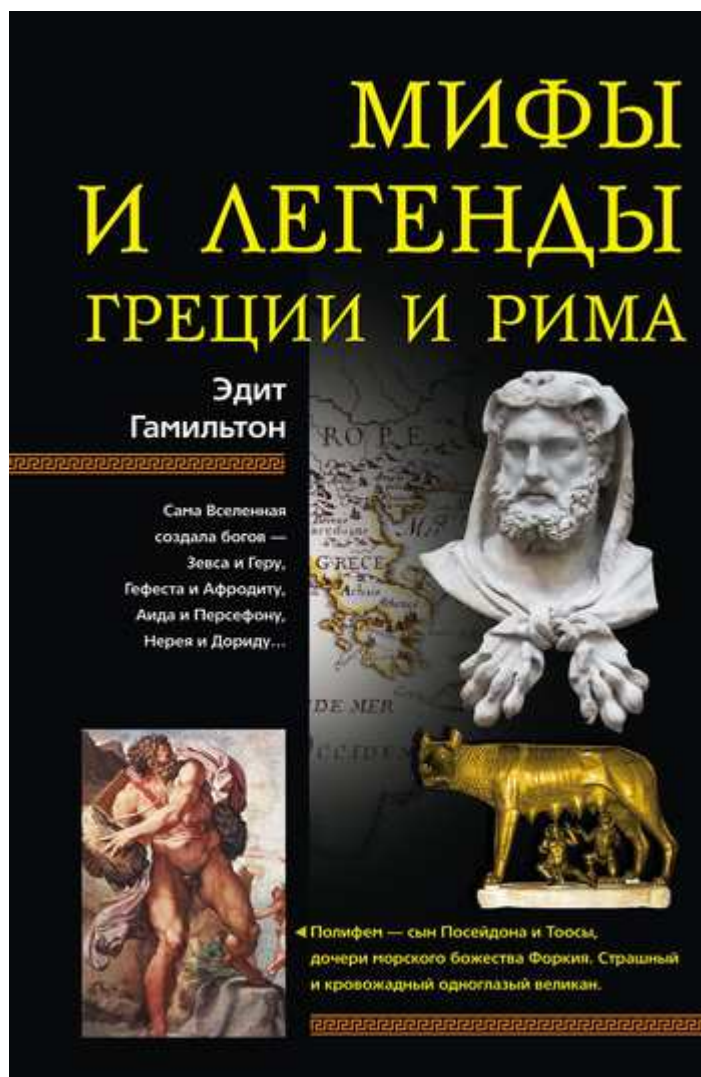

Эдит Гамильтон
Мифы и легенды Греции и Рима

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=611375
«Мифы и легенды Греции и Рима»: Центрполиграф; Москва; 2009
ISBN 978-5-9524-3979-5

Аннотация

Наиболее полное собрание мифов и легенд о богах и героях Древнего мира, потрясающих и восхищающих образностью, яркостью и романтизмом. Греческие и римские боги, герои Троянской войны, происхождение названий созвездий – об этом, а также о событиях, которые стали поводом для поиска новых форм и создания знаменитых произведений в науке, литературе, музыке и живописи, вы узнаете из этой замечательной книги.

Эдит Гамильтон
Мифы и легенды Греции и Рима

Предисловие

Книга по мифологии, очевидно, должна составляться на основании множества различных источников. Двенадцать столетий отделяют друг от друга первых писателей, донесших до нас мифы из глубокой древности, среди которых встречаются столь не похожие друг на друга истории, как не похожи «Золушка» и «Король Лир». Свести их воедино в пределах одного тома – задача, пожалуй, сравнимая по трудности с задачей составления антологии английской литературы от Чосера до баллад, содержащей, далее, Шекспира и Марло, Свифта и Дефо, Драйдена и Поупа и завершающейся, скажем, Текнисом и Броунингом или, чтобы сравнение было более точным, – Киплингом и Голсуорси. Перечень английских литераторов окажется более обширным, но представленные в антологии материалы будут более однородными. Действительно, Чосер более близок по духу к Голсуорси, а баллады – к Киплингу, нежели Гомер к Лукиану или Эсхил к Овидию.

Став перед этой проблемой, я с самого начала отказалась от идеи каким-либо образом унифицировать все эти мифы. Для этого потребовалось бы или переписать «Короля Лира», так сказать, низведя его до уровня «Золушки» (обратная процедура, очевидно, невозможна), или на свой собственный лад пересказать истории, которые ни в каком отношении не являются моими собственными и которые уже изложены большими мастерами способом, по их мнению, в наибольшей степени отвечающим характерам героев их рассказов. Я, конечно, не хочу сказать, что мною может быть воспроизведен стиль великого писателя или же что я

должна была стремиться к такого рода успехам. Я не ставила для себя большей цели, чем представить читателю самых различных авторов, которым мы обязаны нашим знанием мифов. Так, например, Гесиод – на удивление простой, благонамеренный писатель; он наивен, иногда даже по-детски простодушен, частично груб, но всегда исполнен благочестия. Многие из приведенных в книге мифов известны только благодаря ему. Рядом с ними – истории, которые привнес в мифологию Овидий, писатель тонкий, блестящий, артистичный, самоуверенный и целиком и полностью скептический. Мои усилия были как раз и направлены на то, чтобы показать читателю разноплановость в подходе к тематике у столь различных авторов. Кроме того, я учитывала, что, взяв книгу в руки, читатель в первую очередь будет интересоваться не тем, насколько занимательно тот или иной автор пересказывает миф, а тем, насколько близко он знакомит его с оригиналом.

Надеюсь, что читатели, незнакомые с классической мифологией, не только проникнутся интересом к сюжетам мифов, но и смогут прочувствовать мироощущение пересказывающих их авторов, тем более что за две тысячи лет они заслужили право называться бессмертными.

Введение в классическую мифологию

С давних пор... эллины отличались большим по сравнению с варварами благоразумием и свободой от глупых суеверий.

Геродот, 1:60

Как предполагается, греческая и римская мифология показывает нам, каким образом человечество мыслило и ощущало себя многие и многие века тому назад. Согласно этой точке зрения, исследуя мифологические картины, мы можем проследить путь от современного, цивилизованного человека, столь далекого от природы, к человеку, который жил в тесном с ней взаимодействии; а самый большой интерес в мифах представляет для нас то, что они переносят нас в то время, когда – в отличие от современности – мир был еще молод и человек жил в непосредственной связи с землей, ее деревьями и озерами, ее цветами и холмами. Мы понимаем, что во времена возникновения мифов между реальным и нереальным существовало очень мало отличий. Воображение человека было на удивление живым и не сдерживалось рассудком, так что в лесу любой из людей мог увидеть за деревьями пробегающую мимо нимфу или, нагнувшись к прозрачному водоему, разглядеть в его глубинах лицо наяды.

Идея вернуться к этому восхитительному положению вещей поддерживается почти каждым автором, работающим в области классической мифологии, и прежде всего поэтами. В эти бесконечно удаленные от нас времена первобытный человек мог

Увидеть встающего из моря Протея,
Услышать Тритона, звонко трубящего в рог.

И на какой-то миг благодаря созданным им мифам мы можем уловить отблеск этого

волшебного и населенного чудесными существами мира.

Однако даже краткого рассмотрения образа жизни нецивилизованных народов в каждой точке земного шара и в любой исторический период достаточно для того, чтобы воздух из этого шарика романтических построений полностью вышел. Совершенно очевидно, что примитивный человек – живи он на Новой Гвинее в наше время или в первозданных чащах много веков назад – никогда не населял свой мир доброжелательными к нему, милыми существами. В первобытной чаще таились ужасы, а не нимфы и наяды. Там жил Ужас с большой буквы, сопровождаемый своими ближайшими спутниками: Магией и общепринятой от нее защитой – Человеческими Жертвоприношениями. Главная защита человечества от гнева тех или иных божеств состояла в выполнении некоторых магических ритуалов, лишенных смысла, но эффектных, или в жертвоприношениях, сопряженных с муками и горестями.

Мифология греков

Достаточно темная картина древнейшей греческой мифологии самым коренным образом отличается от классических представлений. Анализ мировоззрения древних греков едва ли станет хорошим подспорьем для изучения взглядов первобытного человека на окружающий его мир. Весьма примечательно, насколько кратко греческие мифы рассматривают антропологи.

В отличие от египтян древние греки создавали себе богов по своему образу и подобию

Конечно, греки тоже имели свои собственные корни в первобытной жути. Конечно, они тоже когда-то жили жизнью дикарей, уродливой, полужвериной. Но вместе с тем мифы отчетливо показывают, сколь высоко они поднялись над первозданной мерзостью и всеобщей свирепостью к тому времени, о котором у нас есть хоть какие-то сведения. Об этом времени в мифах можно найти лишь очень туманные воспоминания.

Мы не знаем, когда все эти мифы получили современную трактовку; но как бы там ни было, к этому времени примитивный, первобытный образ жизни лежал у греков уже далеко за спиной. Мифы в том виде, в каком мы их знаем теперь, – создание великих поэтов. Первым письменным литературным памятником Греции является *Илиада*. Греческая мифология начинается с Гомера, жившего, как считают, не ранее чем за тысячу лет до времени Христа. *Илиада* является самым древним литературным произведением Греции. Она написана богатым, изящным, во всех отношениях прекрасным языком, прошедшим в своем развитии сотни лет, в течение которых люди стремились научиться выражать свои мысли четко и красиво. Этот язык – бесспорное свидетельство высокого уровня цивилизованности. Сюжеты греческой мифологии не проливают яркий свет на вопрос о том, на что было похоже раннее человечество. Зато помогают ответить на вопрос, какими были ранние греки. Эта тема очень важна для нас – их наследников в интеллектуальном, эстетическом и политическом отношении. Все, что мы узнаем о них, для нас не чуждо.

Принято говорить о «греческом чуде». Это выражение означает, что с пробуждением Греции произошло новое рождение мира. «Посмотрите: старое уходит, и все становится новым». Именно что-то вроде этого и свершилось в Греции. Почему же и когда это произошло, мы не имеем ни малейшего представления. Мы только знаем, что у ранних греческих поэтов появились новые представления, которые и не мыслились в предшествующем им мире, но, зародившись, уже никогда не уходили из нового мира. После этого прорыва в мышлении человечество стало центром вселенной, его наиболее важной составной частью. Это был поистине революционный переворот в сознании. До него человеческие существа представлялись чем-то малозначительным. В Греции же человек впервые осознал, что представляет собой человечество.

Древние греки создавали себе богов по своему образу и подобию. Сама идея не приходила в голову народам, ранее их вступившим на арену истории. Их боги не имели каких-либо реальных прототипов в природе, не походили ни на одно из живых существ. В Египте это мог быть какой-нибудь многометровый колосс, неподвижный, которого самое сильное воображение не могло наделить способностью к движению, – такой, как, например, вырубленный из камня комплекс гигантских храмовых колонн, то есть отображение человеческих форм, намеренно сделанных нечеловеческими. Или застывшая фигура женщины с кошачьей головой – воплощение очень негибкой и нечеловеческой жестокости. Или чудовищный, исполненный тайн сфинкс, стоящий просто по ту сторону от всего живого. В Месопотамии – это рельефы, изображающие существ, не похожих ни на одно из когда-либо живших в мире: люди с головами птиц и львы с головами быков, причем и те и другие – с орлиными крыльями. Все это – творения скульпторов, намеренно создававших образы, создать которые мог только их собственный мозг, – нереальность, доведенная до совершенства.

Такие и подобные им изображения и обожествлял догреческий мир. А теперь поставьте рядом с ними статую любого греческого бога, столь человеческого и естественного в своей красоте, и вы поймете, что в мир пришла новая идея. А с ее приходом вселенная стала рациональной.

Святой Павел сказал, что незримое должно постигаться через зримое. Это не была древнеиудейская идея; она была греческой. В древнем мире только в Греции человек был в первую очередь занят видимым миром; он удовлетворял свои желания в тех категориях,

которые были заложены в окружающем его мире. Скульптор, наблюдавший за состязающимися атлетами, чувствовал, что ничто из того, что он может вообразить, не будет столь же прекрасным, как эти сильные молодые тела. И он ваял статую Аполлона. Рапсод находил своего Гермеса среди людей, которых он встречал на улице. Он видел бога в облике, как выразился Гомер, молодого человека «в том возрасте, когда юность прекрасней всего». Греческие скульпторы и поэты поняли, насколько человек может быть великолепным, замечательно сложенным, сильным и быстроногим. Он стал завершением их поисков красоты. Им совсем не хотелось воплощать фантазии, порождаемые их мозгом. Все искусство, все мышление Греции концентрировалось на человеке.

Антропоморфные боги, естественно, сделали небеса очень приятным местом. И сами греки чувствовали себя там как дома. Они прекрасно знали, чем занимаются обитатели небесных чертогов, что они едят и пьют, где пируют и как развлекаются. Конечно, их следовало опасаться, ведь они были чрезвычайно сильны и, рассердившись, очень опасны. Однако при известной осторожности человек мог держать себя с ними достаточно непринужденно. Он даже вполне мог позволить себе насмехаться над богами. Любимым объектом насмешек являлся сам Зевс, пытающийся скрыть от супруги свои любовные похождения и неизменно терпящий поражения. Греки сочувствовали ему и еще больше любили его за это. Едва ли не самым популярным комическим персонажем стала Гера, типичная ревнивая жена. Ее остроумные попытки поймать с поличным своего супруга и наказать соперницу совсем не вызвали неудовольствия греков и развлекали их в той же мере, в какой нас развлекают ухищрения ее ревнивых современниц сегодня. Такие мифы располагали к тому, что у человека появлялись к богам вполне дружеские чувства. Смех у ног египетского сфинкса или ассирийского полуживотного был бы немислим; но он был вполне естественен для Олимпа, что делало богов вполне «компанейской публикой».

Низшие божества земли тоже были в высшей мере по-человечески привлекательны. В облике прекрасных юношей и девушек они населяли леса, рощи, реки, озера, находясь в полной гармонии с зелеными кущами и ясными водами.

Это и есть чудо, совершенное греческой мифологией, – гуманизированный мир и человек, свободный от парализующего страха перед всемогущей Неизвестностью. Пугающе непостижимые существа, обожествляемые в других странах, и внушающие ужас духи, которыми там кишмя кишели земля, воздух и море, были изгнаны из Греции. Может показаться странным, но те, кто слагал мифы, опирались не только на иррациональное и любили вкрапывать в свой рассказ факты, какие бы безудержно фантастические обстоятельства ни содержал миф. Всякий, кто внимательно читает мифы, замечает, что самые нереальные вещи в них происходят в мире, обставленном вполне рационально и прагматично. О Геракле, вся жизнь которого была, в сущности, непрерывной борьбой с до абсурда нелепыми чудовищами, всегда сообщается, что его дом находился в конкретном городе – Фивах. Любой греческий турист мог посетить место, где родилась Афродита, – неподалеку от берега острова Кифар. Крылатый конь Пегас, весь день пронесившись по небу, на ночь прилетал в свою благоустроенную конюшню в Коринфе. Привязка к знакомым каждому греку местам придавала реальность всем мифическим персонажам. Хотя подобное смешение рационального, жизненного, с одной стороны, и иррационального, фантастического – с другой – представляется детски наивным, стоит задуматься, насколько же такой подход был более надежным и разумным по сравнению, скажем, с эпизодами, в которых джинн появляется, когда Аладдин трет лампу, ниоткуда и, выполнив задачу, пропадает в никуда.

В классической мифологии нет места ужасающей иррациональности. Элементов магии, столь популярной в догреческом и послегреческом мире, в ней почти не существует. Ужасающей сверхъестественной силой в греческих мифах наделены только две женщины, но не обладает ни один мужчина. Одержимые демонами волшебники и отвратительные старые ведьмы, фигурировавшие в мифологии Европы и Америки чуть ли не до наших дней, у греков не играют никакой роли. Единственные «ведьмы» – это Кирка и Медея, но они

молоды и потрясающе красивы и поэтому вселяют восторг, а не ужас. Астрологии, столь популярной в мире со времен Вавилона и до наших дней, Греция не знала совершенно. Действительно, известно множество мифов о звездах, но ни в одном из них нет ни малейшего упоминания о каком-либо их влиянии на человеческие судьбы. Астрономия – вот что было создано греческой ментальностью в процессе наблюдений за звездами. Ни в одном из мифов не выведен обладающий магическими знаниями жрец, которого следует страшиться из-за того, что ему известны способы привлечь или, наоборот, оттолкнуть милость богов. Жрецы вообще появляются в мифах крайне редко, а если и появляются, большой роли не играют. Когда в *Одиссее* перед главным героем жрец и поэт падают на колени, умоляя сохранить им жизни, тот без раздумий убивает жреца, но сохраняет жизнь поэту. Гомер говорит, что Одиссей испытывал нечто вроде священного трепета перед человеком, которого его искусству обучили сами боги. Не жрец, но поэт связан с небесами – и никто не испытывает из-за этого перед ним страха. Души мертвых, привидения, которых так боялись в других странах, никогда не появлялись на земле ни в одном греческом мифе. Греки не знали страха перед покойными – *Одиссея* называет их: «эти достойные жалости мертвые».

В мире греческой мифологии человеческий дух не испытывает ужаса перед богами. Правда, боги непредсказуемы, и никогда нельзя предвидеть, когда ударит перун Зевса. Тем не менее все их сообщество – за немногими и по большей части не столь уж важными исключениями – чарующе красиво человеческой красотой, а ничто по-человечески красивое страшить не может. Ранние греческие мифологи преобразовали мир страха в мир, наполненный красотой.

Но и на солнце есть пятна. Эта трансформация происходила медленно и никогда не была полностью завершена. «Очеловеченные» боги на долгое время оказались лишь ненамного лучше своих почитателей. Конечно, они были невыразимо прекраснее и много сильнее их; более того, они были бессмертными. Однако нередко они поступали так, как не поведет себя ни один благородный мужчина, ни одна порядочная женщина. Так, например, в *Илиаде* Гектор совершает более благовидные поступки, чем любой из бессмертных, а в моральном отношении Андромаха бесконечно превосходит Афину или Афродиту. Что же касается Геры, то ее поведение от начала и до конца отвечает самому низкому уровню представлений о человеческой морали. Почти каждый из этих лучезарных богов может вести себя высокомерно или даже жестоко. На небесах гомеровского мира и еще очень долго после Гомера существуют очень ограниченные представления о хорошем и плохом.

Есть и другие темные пятна. Это – следы того времени, когда боги выступали в зверином обличье. Сатиры – это полулюди-полукозлы, а кентавры – полулюди-полулошади. Геру часто называют «волоокой». Это определение, видимо, удерживается за ней на всем пути развития ее образа от богини-коровы до антропоморфной царицы мира. Имеются также и мифы, которые явно сложены еще в эпоху человеческих жертвоприношений. Однако удивительно не то, что здесь и там еще встречаются эти кусочки дикарского мировоззрения. Удивительно, что их так мало.

Конечно, монстры всегда присутствуют в мифах в том или ином виде – ужасные гидры, горгоны, химеры; но они вводятся в миф только для того, чтобы герой мог быть увенчан победными лаврами. Действительно, что бы делал без них герой? А он ведь всегда их побеждает. Величайшего героя греческой мифологии, Геракла, можно рассматривать как аллегория самой Греции. Он сражался с чудовищами и освобождал от них землю подобно тому, как сама Греция освобождала землю от чудовищной идеи господства нечеловеческого над человеческим.

Греческая мифология переполнена рассказами о богах и богинях, но ее не следует рассматривать как греческую Библию, изложение греческой религии. В соответствии с большинством современных представлений подлинный миф имеет с религией мало общего. Он призван объяснить какие-то природные явления: например, каким образом в мире появились люди, животные, то или другое дерево или цветок, солнце, луна, звезды, бури,

извержения вулканов, землетрясения, то есть все то, что существует или происходит. Гром и молния возникают, когда Зевс мечет свои перуны. Вулкан извергается потому, что в горе заточено чудовище, которое время от времени пытается освободиться. Созвездие Большая Медведица не опускается за горизонт потому, что на него когда-то рассердилась некая богиня и повелела ему никогда не садиться в море. Мифы – это первонаука, результат первых попыток человека объяснить себе картину мира. Вместе с тем известны мифы, которые не объясняют ровным счетом ничего и имеют чисто развлекательный характер, относясь к тем рассказам, которыми люди тешат себя долгими зимними вечерами. Примером таких мифов является история Пигмалиона и Галатеи, никоим образом не связанная с каким-либо природным явлением. То же самое можно сказать о мифах о золотом руне, Орфее и Эвридике и множестве других. В наше время эта точка зрения является общепринятой, и нам не следует искать в каждой мифологической героине воплощение луны или зари, а в жизни каждого героя видеть солнечный миф. Мифы – это и перволитература, и первонаука.

Но они одновременно являются и отображением религиозных представлений. Конечно, эти представления находятся на заднем плане, но разглядеть их нетрудно. Начиная от Гомера и до трагиков и даже позднее постепенно углубляется понимание того, что же нужно человеку и чего он хочет от своих богов.

Громовержец Зевс, очевидно, был когда-то богом, распоряжавшимся дождем. Для греков он даже важнее, чем солнце, поскольку гористая Греция нуждалась в дожде гораздо больше, чем в солнечном тепле и свете, и богом богов должен был стать тот, кто дарил своим почитателям драгоценную влагу жизни. Но гомеровский Зевс – не какое-то природное явление. Он – личность, живущая в мире, в который уже вошла цивилизация, и, конечно, он – эталон представлений о добре и зле. По нашим меркам, не лучший образец: Зевс примеряет его в основном к другим, а не к себе самому. Однако он наказывает лгунов и нарушителей клятв; гневается на дурное обращение с телами покойных; он жалеет старого Приама и помогает ему, когда тот отправляется к Ахиллу в качестве просителя. Своего высшего уровня он достигает в *Одиссее*. Один из ее персонажей, свинопас, заявляет, что нуждающиеся и странники посылаются Зевсом, и тот, кто отказывается помочь им, грешит против самого отца богов. Гесиод, живший ненамного позже Гомера (если он вообще жил позже), говорит, что человек, который причиняет зло просителю и страннику или дурно обращается с сиротами, подвергает себя гневу Зевса.

А потом спутницей Зевса становится Справедливость. Это – совершенно новая идея. Еще в *Илиаде* склонные к пиратству капитаны кораблей справедливости вовсе не жаждали. Они стремились делать то, что им по нраву, поскольку чувствовали себя достаточно сильными и им был нужен бог, выступающий на стороне сильных. Но Гесиод, крестьянин-бедняк, осознавал, что неимущие должны иметь справедливого бога. Он писал: «И рыбы, и звери, и птицы небесные пожирают друг друга. Но человеку Зевс дал понятие о справедливости. Рядом с сидящим на троне Зевсом восседает справедливость». Эти фразы показывают, что огромные и горькие нужды обездоленных достигли небес и превратили бога сильных в бога защитника слабых.

Итак, в мифах о сластолюбивом Зевсе, о трусоватом Зевсе или даже о Зевсе, вызывающем насмешки, можно разглядеть черты нового отца богов. Эти качества все сильнее проступали по мере того, как люди постепенно осознавали, чего требует от них жизнь и что они хотят видеть в божестве, которому служат. Этот Зевс постепенно вытеснил всех остальных, со временем заняв собой всю сцену. По словам Диона Хрисостома, жившего во II в. н. э., он превратился в «нашего Зевса, подателя всяческих благ, всеобщего отца, спасителя и охранителя человечества».

Одиссея говорит о «божестве, для которого все люди равноценны», а через несколько столетий Аристотель напишет слова: «Величие, созданное племенем смертных». Начиная с ранних мифологов, греки имели представление и о божественном, и о превосходящем. Их стремление к постижению этих категорий было настолько сильным, что они прилагали

усилия увидеть их во всей четкости, пока бог грома и молнии не превратился в универсального отца.

Греческие и римские писатели-мифологи

Большинство книг по классической мифологии в значительной мере основаны на стихах римского поэта Овидия, творившего во времена правления императора Августа. Его сочинения – краткая энциклопедия мифологии. В этом отношении с ним не может сравниться ни один древний писатель. Он пересказал почти все мифы – и достаточно подробно. Иногда отдельные известные нам из литературы или изобразительного искусства мифы дошли до нас только благодаря ему. В этой книге, правда, я по возможности избегала использовать его стихи. Он был, несомненно, замечательным поэтом и отличным рассказчиком, вполне способным оценить тот великолепный материал, который мифы ему предлагали, но его точка зрения расходится с современной. Для него они были собранием немыслимого вздора.

Я болтаю о древних поэтов чудовищной лжи,
О вещах, не виданных никем и никогда.

В сущности, он заявляет своему читателю: «Не важно, насколько они глупы. Я их так для тебя хорошо приодену, что они придутся тебе по вкусу». И он делает это, нередко весьма удачно, но в его руках эти рассказы, которые были истинной, непреложной правдой для ранних греческих поэтов Гесиода и Пиндара и отражением глубокого религиозного чувства для греческих трагиков, стали пустыми побрякушками, иногда, правда, остроумными и несущими заряд развлекательности, нередко сентиментальными или утомительно риторичными. Греческие же мифологи почти свободны и от сентиментальности, и от риторичности.

Перечень основных писателей, через творения которых мифы дошли до нашего времени, невелик. Его, конечно, возглавляет Гомер. *Илиада* и *Одиссея* представляют собой (или, скорее, содержат) древнейшие памятники греческой литературы. Точно датировать какую-либо их часть возможным не представляется. Ученые дают очень расходящиеся датировки, и, вне всякого сомнения, будут делать это и впредь. Обычно возражений не вызывает цифра 1000 г. до н. э.

Второго из названных авторов относят к IX, иногда к VIII в. до н. э. Гесиод был бедным крестьянином; его жизнь была тяжелой и горькой. Не может быть большего контраста, чем между его поэмой *Труды и дни*, в которой он пытается научить человека жить добропорядочной жизнью в этом суровом мире, и изящным великолепием *Илиады* и *Одиссеи*. Но Гесиоду есть что сказать и о богах: в приписываемой ему второй поэме, *Теогонии*, он сосредотачивает себя на вопросах мифологии. Если Гесиод действительно создал ее, это означает, что скромный крестьянин, живущий в уединении вдалеке от городов, стал в Греции первым человеком, который задумался, откуда и как произошло все и вся: мир, небо, боги, человечество, – и постарался найти этому объяснение. Если Гомер никогда и ничему не удивлялся, то *Теогония* – это рассказ о появлении вселенной и о происхождении нескольких поколений богов, что весьма ценно для мифологии.

Следующими по порядку идут гомеровские гимны-поэмы, написанные в честь того или иного бога. Их тоже нельзя точно датировать, но согласно мнению большинства ученых они относятся к концу VIII или началу VII в. до н. э. Последний из представляющих заметный интерес гимнов (всего их 33) появился в Афинах и относится к V или, возможно, IV в. до н. э.

Пиндар, величайший лирический поэт Греции, начал писать приблизительно в конце VI в. до н. э. Он сочинял оды в честь победителей на всегреческих празднествах или играх, и в каждом из его произведений или излагается один из мифов, или же содержится намек на

него. Для мифологии Пиндар имеет то же значение, что и Гесиод.

Современником Пиндара был Эсхил, старший из трех самых известных поэтов-трагиков. Двое других, Софокл и Еврипид, были несколько моложе. Еврипид, самый младший, скончался в конце V в. до н. э. Все их пьесы, за исключением *Персов* Эшила, написанных в честь победы греков над персами при Саламине, созданы на основе мифологических сюжетов. Наряду с творениями Гомера они представляют собой наиболее важный источник для изучения мифов.

Большой мастер комедии, Аристофан, живший в конце V – начале IV в. до н. э., также нередко обращается к мифам, как, впрочем, и два великих прозаика – Геродот, первый историк Европы и современник Еврипида, и Платон, философ, живший почти поколение спустя.

Расцвет творчества александрийских поэтов приходится приблизительно на середину III в. до н. э. Их называли так потому, что в эту эпоху центр греческой литературы переместился из Греции в Александрию Египетскую. Александриец Аполлоний Родосский подробно рассказывает историю похода аргонавтов за золотым руном, а наряду с ней и некоторые другие мифы. В стихах Аполлония и еще трех александрийских поэтов, разрабатывавших мифологические сюжеты (пасторальные поэты Феокрит, Бион и Мосх), теряется простота Гесиода и присущая Пиндару вера в богов. Религиозность, свойственная поэтам-трагикам, утрачивает свою глубину и серьезность, но не допускается и фривольность Овидия.

Более поздние писатели, римлянин Апулей и грек Лукиан, творившие во II в. н. э., также внесли важный вклад в разработку мифологической тематики. Знаменитая история о любви Купидона и Психеи дошла до нас только в передаче Апулея. Его изложение мифов очень напоминает подход Овидия. Лукиан похож только на самого себя. Он представляет богов в сатирическом виде. В его время они уже стали предметом насмешек. Вместе с тем он сообщает о них немало ценных сведений.

Аполлодор, также грек, который – вслед за Овидием – является одним из самых плодовитых древних мифологов, но в отличие от Овидия он очень придерживается фактов и потому скучен. Его жизнь и творчество датируют в весьма широком диапазоне – от I в. до н. э. до IX в. н. э. Английский ученый Дж. Фрезер считает, что Аполлодор жил и творил или в I или во II в. н. э.

Грек Павсаний, автор, в сущности, первого в мире путеводителя, сообщает много интересного о тех событиях, связанных с мифами, которые происходили в местах, где побывал страстный путешественник. Он жил во II в. н. э.; вопросами о правдивости сообщаемых им мифов он не задается, излагая их с полной серьезностью.

Из римских поэтов сильно выделяется Вергилий. Он верит в мифы не более, чем его современник Овидий, но он увидел в них отображение человеческой сущности и придал мифологическим персонажам такие живые человеческие черты, которые не мог им придать никто со времени греческих трагиков.

Мифологическую тематику разрабатывали и другие римские поэты. Несколько мифов изложено Катуллом, Гораций часто намекает на тот или иной миф, но большого значения для мифологии эти поэты не имели. Всем римлянам мифы представлялись чем-то бесконечно далеким, какими-то забытыми тенями прошлого. Лучшими проводниками по греческой мифологии являются, несомненно, греческие писатели, сами верившие в то, что они пишут.

Часть I

Боги. Создание мира и человека и древнейшие герои

Глава 1 Боги

*Милые, смутные призраки славы минувшей,
Увы, последние из прежде живших богов...
Вы дышите воздухом тем, что дышали вы
В том мире далеком, откуда явились
Из небесных чертогов утраченных,
с Олимпа высот.*

Греки не верили, что вселенная создана богами. По их представлениям, все произошло как раз наоборот: вселенная создала богов. Прежде всего появились бог Неба и богиня Земли. Они и стали первыми родителями. Их детьми были титаны, а внуками – боги-олимпийцы.

Титаны и двенадцать великих олимпийцев

Вселенной несчетное количество веков правили титаны – боги старшего поколения. Они обладали чудовищным ростом и невероятной силой. Их было множество, но героями мифов выступают лишь некоторые из них. Самым главным из них был Крон, по-латыни Сатурн. Он управлял миром и остальными титанами, пока его не сверг с трона его сын Зевс, захвативший власть в свои руки. Согласно римским преданиям, после того как Зевс стал править миром, Сатурн бежал в Италию. Время его пребывания там называют «золотым веком» – временем идеального мира и счастья, длившимся до конца его правления.

Другими знаменитыми титанами были Океан, река, обтекающая Землю кругом; его жена Тефис (Тефия); Гиперион, породивший Солнце, Луну и Утреннюю зарю; Фемида (обычно переводится как Справедливость); Иапет – отец известных титанов: Атланта (державшего на плечах небосвод) и Прометея (ставшего спасителем человечества). Только они не подверглись изгнанию с приходом Зевса к власти, но им пришлось занять более низкое место в иерархии.

Среди богов, победивших титанов, выделяются двенадцать великих олимпийцев. Они называются так потому, что живут на Олимпе. Первоначально обиталищем богов считали вершину самой высокой горы Греции – Олимпа, расположенной на северо-востоке Греции, в Фессалии. Однако уже в самой ранней из греческих поэм, *Илиаде*, это представление

начинает вытесняться идеей Олимпа как некоего таинственного места, находящегося много выше всех гор Земли. В *Илиаде* Зевс обращается к богам, «на высшей главе многохолмного сидя Олимпа», то есть в данном случае это – все-таки гора. Но через несколько строк поэмы Зевс обещает при желании подвесить и землю и море на цепи, закрепленной за вершину Олимпа. Стало быть, здесь Олимп – уже не гора, но и не небо! У Гомера Посейдон заявляет, что он правит морями, Аид – царством мертвых, Зевс – небесами, а Олимп находится в их общем владении.

Олимп

Где бы, впрочем, он ни находился, войти на него можно через огромные облачные ворота, охраняемые Временами года. На Олимпе расположены чертоги богов, в которых они живут, спят, пируют, вкушая нектар и амброзию, и наслаждаются игрой Аполлона на лире. Это – обитель идеального блаженства. Ни один ветерок, утверждает Гомер, не нарушает спокойствия на Олимпе; здесь не бывает ни дождя, ни снега; во все стороны от Олимпа простирается безоблачное небо, и самый яркий солнечный свет рассеивается на ограждающих его стенах.

К числу олимпийцев относятся:

1) Зевс (Юпитер), повелитель мира и остальных богов; два его брата: 2) Посейдон

(Нептун) и 3) Аид; 4) Гестия (Веста), их сестра; 5) Гера (Юнона), супруга Зевса; 6) Арес (Марс), их сын; дети Зевса: 7) Афина (Минерва), 8) Аполлон, 9) Афродита (Венера), 10) Гермес (Меркурий), 11) Артемида (Диана); сын Геры Гефест (Вулкан), которого иногда считают также и сыном Зевса.

Зевс (Юпитер)

Зевс и его братья тянули жребий с тем, чтобы определить, какая часть мира достанется каждому из них. Моря получил Посейдон, подземный мир – Аид, а Зевс стал верховным правителем. Он стал богом небес, богом дождя и тучегонителем, обладавшим ужасными перунами. Его мощь превосходила силу и могущество всех прочих богов, вместе взятых. В *Илиаде* Зевс заявляет:

...могучее всех я бессмертных!
Или дерзайте, изведайте, боги, да все убедитесь:
Цепь золотую теперь же спустив от высокого неба,
Все до последнего бога и все до последней богини
Свесьте на ней; но совлечь не возможете с неба на землю
Зевса, строителя вышнего, сколько бы вы ни трудились!
Если же я, рассудивши за благо, повлечь возжелаю, —
С самой землей и с самым морем ее повлеку я
И моею десницею окрест вершины Олимпа
Цепь обовью; и вселенная вся на высотах повиснет
Столько превыше богов и столько превыше я смертных!

Тем не менее Зевс не был ни всемогущим, ни всеведущим. Его можно было легко обхитрить. В *Илиаде* его обманывают и Гера, и Посейдон. В некоторых случаях сильнее его оказывается таинственная сила, судьба. У Гомера Гера с презрением вопрошает Зевса, может ли он спасти от смерти человека, приговоренного к ней Судьбой.

В мифах Зевс представлен то и дело влюбляющимся в одну женщину за другой и пускающимся во все тяжкие, чтобы скрыть свою неверность от супруги. Причина, по которой такие проказы приписываются самому авторитетному из богов, состоит в том, что образ Зевса гимнов и мифов слагается из образов многих богов. Когда Зевса начинают обожествлять в городе, в котором уже имеется свой божественный повелитель, два образа постепенно сливаются в один, а жена более раннего бога переходит к Зевсу.

Однако результат такой трансформации оказывается сомнительным, и впоследствии грекам не очень импонировали эти бесконечные любовные похождения.

Однако даже в самых ранних памятниках Зевс наделен таким качеством, как величие. В *Илиаде* Агамемнон произносит слова:

Славный великий Зевс, горнооблачный житель эфира!

Зевс требовал не только жертвоприношений, но и добродетельных поступков. Греческому войску под Троей внушают, что «отец Зевс никогда не помог ни лжецам, ни нарушителям клятв». Два представления о Зевсе («высокое» и «низкое») сосуществовали долгое время.

На груди Зевс носит эгиду, один вид которой приводит в ужас; его птица – орел, дерево – дуб. Его оракул расположен в До доне под сенью дубовой листвы. Воля бога изъясняется через шорох дубовых листьев и истолковывается жрицами.

Гера (Юнона)

Она – жена и сестра Зевса. Ее воспитали титаны Океан и Тефис. Она – покровительница брака и особо заботится о замужних женщинах. В ее словесных портретах, нарисованных поэтами, привлекательного не так уж много. Одна из ранних поэм характеризует ее следующим образом:

Гера, на троне златом восседающая.
О, бессмертных царица!
Всех превосходишь ты по красе и по статьям из олимпийцев.
Ты – честь и для Зевса, повелителя громов.

Когда же ее деяния рассматриваются в мифе подробно, оказывается, что в основном она занята наказанием женщин, в которых влюбился ее супруг, даже если они уступили его домогательствам после того, как он принудил или обманул их. Гера не видела разницы в том, в какой мере они сопротивлялись или были принуждены уступить. В любом случае Гера считала их одинаково виновными. Ее неумолимая злоба преследовала не только женщину, но и ее детей. Троянская война могла бы завершиться почетным миром, при котором побежденных просто не было бы, если бы не ненависть Геры к троянцу, посчитавшему другую богиню прекрасней. Обида за свою непризнанную красоту таилась в ней вплоть до полного разрушения Трои.

В одном очень важном мифе, а именно мифе о золотом руне, она выступает как милостивая покровительница героев и вдохновительница их подвигов. Но больше ни в одном мифе она не выступает в таком качестве. Тем не менее она почиталась в каждом доме. Именно к ней замужние женщины обращались за помощью. Илифия, богиня-родовспомогательница, – ее дочь.

Ей посвящены корова и павлин. Ее любимый город – Аргос.

Посейдон (Нептун)

Посейдон – повелитель моря, брат Зевса и второй после него по мощи и значению. Греки, жившие по обоим берегам Эгейского моря, жили доходами от морской торговли, и благосклонность бога морей имела для них особую важность. Его жена – Амфитрита, внучка титана Океана. На дне морском у Посейдона – великолепный дворец, но на Олимпе его можно встретить чаще.

Посейдона почитают не только как хозяина морей – он подарил человеку первую лошадь.

Владыка Посейдон, тот, кто дает нам гордость,
И сильных коней молодых, и умение
Плыть над бездной бездонной!
Он повелевает и бурями и штилями:
Он повелел, и вдруг буря взыгралась,
И по глади морской покаталися мощные волны.

Когда же он несется в своей золотой колеснице над водами, волны стихают и позади нее расстилается уже тихое спокойное море.

Его часто называют Потрясателем земли и всегда изображают с трезубцем, с помощью которого он может потрясти или разбить в куски все, что ему угодно.

Просматриваются некоторые культовые связи между ним и быками, а также конями.

Аид (Плутон)

Среди олимпийцев – третий брат, получивший в качестве своей доли при дележе мира

подземный мир и владычество над душами усопших. Из-за того, что в земле таится немало драгоценных металлов, его также именуют Плутоном, то есть богом богатства. Этим именем его величают и греки, и римляне, но нередко его называют и Дис1, что по-латыни означает «богатый». Он владеет знаменитым шлемом, или шапкой, делающим надевшего его невидимым. Редко покидает свое мрачное царство, чтобы появиться на земле или на Олимпе. Впрочем, его к этому и не вынуждают – он не слишком желательный гость. Он безжалостен и неумолим, но справедлив; бог не злой, но внушающий ужас.

Аид женат на Персефоне (Прозерпине), которую он похитил на земле и сделал владычицей своего царства.

Он владыка мертвых, но не является воплощением самой смерти, которую греки называли Танатом, а римляне – Орком.

Афина Паллада

Она – дочь одного только Зевса2 и рождена без матери. Она вышла из его головы вполне сформировавшейся и в полном вооружении. В самом раннем повествующем о ней источнике, *Илиаде*, она – свирепая и беспощадная богиня-воительница, но в других мифах она проявляет свою воинственность только для того, чтобы помочь отстоять государство и отечество от внешних врагов. Она, скорее, богиня-защитница городов, покровительница цивилизованной жизни, ремесел и сельского хозяйства; изобретательница уздечки, впервые укротившая лошадей и поставившая их на службу человеку.

Она – любимое дитя Зевса. Он доверяет ей носить свою ужасающую эгиду – щит и свое сокрушительное оружие – перуны.

Чаще всего ее характеризуют словом «сероглазая» или, как иногда переводят, «сверкающеглазая». Из трех богинь-девственниц она – самая авторитетная; ее зовут Дева (Парфенос). Поэтому ее храм называется Парфеноном. У поздних поэтов она – воплощение мудрости, здравомыслия, чистоты.

Ей посвящен город Афины; ее дерево – выращенная ею маслина; ее птица – сова.

Аполлон (Феб)

Он – сын Зевса и Лето (Латоны), рожденный на маленьком острове Делос. Его называют «самым греческим из всех богов».3 Он – великолепная фигура в греческой поэзии, блистательный музыкант, восхищающий Олимп игрой на своей золотой лире; он отлично владеет и своим серебряным луком, бог-стреловец, далеко рассыпающий свои стрелы; он также и бог-целитель, первым научивший людей искусству врачевания. Помимо всех этих чарующих, да и полезных качеств, он – бог света, в естестве которого нет ни капли тьмы, и одновременно бог – воплощение правды. С его уст никогда не слетит ни одно лживое слово.

О, Феб, на троне истины сидящий!
Из своего дворца, что в сердце мира расположен,
Ты людям истину вещаешь.
По велению Зевса там лжи не может быть,
На речь правдивую там никогда
Не ляжет тень неправды.
Великий Зевс скрепил своими клятвами
Правдивость Аполлона – когда он говорит,
На искренность его все могут полагаться.

Важную роль в мифологии играли Дельфы, где был расположен оракул Аполлона, приютившиеся под вздымающимся над ними Парнасом. Посвященный ему источник – Касталия, его река – Кефисс. Дельфы считались центром мира4; в них стекались паломники

и из самой Греции, и из других стран. Ни одно другое святилище не могло соперничать с ними. Ответы на вопросы, задававшиеся тревожащимися «искателями истины», сообщались жрицей, которая перед началом предсказаний вводила себя в транс. Предполагалось, что он вызывается испарениями, выходящими из глубокой расселины в скале, над которой стоял ее треножник, где она восседала.

Аполлона называют Делийцем по названию острова Делос, на котором он родился, и Пифийцем, как бога, убившего змея Пифона, когда-то обитавшего в пещерах Парнаса. Это было ужасающее чудовище, и битва была очень жестокой, но в конце концов не знающие промаха стрелы Аполлона принесли ему победу. Еще одно прозвище Аполлона – Ликейский (Ликийский), которое трактуется как «волчий бог», бог света и бог Ликии.⁵ В *Илиаде* он называется Сминфеем, то есть мышинным богом, но защищает ли он мышей или уничтожает их, неизвестно. Зачастую он выполняет и функции бога Солнца. Его имя Феб означает «сияющий» или «лучезарный». Строго говоря, богом Солнца у греков был Гелиос, сын титана Гипериона.

В Дельфах Аполлон представлял собой силу, совершающую исключительно благодеяния, звено, обеспечивающее непосредственную связь между богами и людьми; силу, ведущую людей к познанию воли божества, указывающую им путь установления мира с богами; очистительную силу, способную снять скверну даже с тех, кто запятнал себя кровью родственников. Вместе с тем известно несколько мифов, в которых Аполлон предстает жестоким и безжалостным. В Аполлоне, как и во всех других богах, борются две идеи: одна – примитивная, грубая и вторая – возвышенная и поэтическая. От примитивной идеи в нем почти ничего не осталось.

Его дерево – лавр. Ему посвящено множество животных, главными из которых являются дельфин и ворон.

Артемиды (Диана)

По месту рождения, горе Кинф на острове Делос, ее также называют Кинфией.

Артемиды – сестра-близнец Аполлона, дочь Зевса и Лето. На Олимпе она – одна из трех богинь-девственниц.

Афродита золотая, что любовь пробуждает в творении каждом,
На Олимпе себе подчинить не может только три сердца:
Сердце чистое Весты, сероглазой Афины, богини войны и
ремесел,
И Артемиды, богини-охотницы, зверя гонящей по диким
ущельям.

Она – покровительница диких зверей, главная охотница среди богов – занятие, довольно странное для женщины. Как и всякий хороший охотник, она заботится о сохранении молодняка; она – везде «защитница юности нежной». Тем не менее действуя в духе тех потрясающих противоречий, столь характерных для мифологии, она не дает греческому флоту отплыть в Трою, пока греки не принесут ей в жертву девственницу. В ряде других мифов она также предстает злобной и кровожадной. С другой стороны, когда женщины умирали быстрой безболезненной смертью, считалось, что они убиты ее серебряными стрелами.

Подобно тому как Феб воплощает Солнце, Артемиды воплощает Луну, часто именуемую Селеной (Луна по-латыни). Исходно ни одно из этих имен ей не принадлежало. Фебой звалась титанида, одна из богинь старшего поколения. А Селеной действительно была богиня Луны, но никак не сестра Аполлона. Она была сестрой Гелиоса, бога Солнца, которого иногда путали с Аполлоном.

У поздних поэтов Артемиды отождествляется с Гекатой. Она предстает в трех

ипостасях: Селена – на небе, Артемида – на земле и Геката – в подземном мире, а также на земле, когда та окутана мраком ночи. Геката – богиня темных ночей, когда на небе не светит луна. Она ассоциируется с делами, совершаемыми во тьме ночей; она также – и богиня перекрестков, которые считались очень подходящим местом для всякого рода ритуальных действий в области черной магии. Это внушающее ужас божество.

Геката адская,
Всегда готова уничтожить нечестивца.
Вот с лаем Гекаты псы несутся по дорогам,
Она ж сама на перекрестке трех дорог
Уже стоит.

Довольно странное превращение для милостивой охотницы, гонящей по лесам дичь, для Луны, свет которой делает всех столь красивыми, наконец, для чистой девственницы, которой

Тот, кто душою чист и непорочен,
Может невозбранно нести в подарок и цветы, и фрукты, и
листву.
Но нечестивому заказано все это.

В ее образе очень четко высвечена зыбкость границы между добром и злом, свойственная каждому из богов.

Артемиде посвящен кипарис; под ее защитой находятся все дикие животные, но в особенности лань.

Афродита (Венера)

Она – богиня любви и красоты, в равной степени обманывающая и богов, и людей; она любит смеяться и весело или презрительно потешается над теми, кто попался в ее сети; она – неотразимая богиня, способная похитить даже рассудительность у мудреца.

В *Илиаде* она – дочь Зевса и Дионы, а в более поздних поэмах она рождается из морской пены, и ее имя объясняется как «пенорожденная» (Афрос – пена по-гречески). Она была рождена близ острова Киферы, а оттуда перенесена на Кипр. Оба этих острова считались посвященными ей. Ее называли Кифереей или Кипридой так же часто, как и настоящим именем.

В одном из гомеровских гимнов, где она называется «прекрасной, золотой богиней», повествуется о том, как

Дыханье западного ветра ее перенесло
Над беспокойным морем, над вздыбленной пеной
На Кипр, волнами окруженный, на остров, что любимым
станет ей,
Где Оры б в украшениях золотых
Приветствовали радостно ее.
И вот она уже одета как богиня,
Ее ведут торжественно к бессмертным.
Дивились все они, увидев
В уборе из фиалок Киферею.

Римляне писали о ней аналогичным образом. С нею приходит красота. Перед ней несутся ветры, разгоняющие штормовые тучи; вырастают прекраснейшие цветы; смеются

морские волны; ее саму окружает лучистый ореол. Без нее не бывает ни радости, ни очарования. Так ее предпочитают изображать поэты.

Но у нее есть другая сторона. Она не самым лучшим образом выглядит в той песне *Илиады*, в которой речь идет о битве героев. Здесь она – слабое создание, на которое смертный может напасть безбоязненно. В более поздних поэмах она представлена склонной к измене и злобной, готовой применить к людям смертельно опасные для них, разрушительные силы.

В большинстве мифов она – супруга Гефеста (Вулкана), хромого и безобразного бога-кузнеца.

Ее дерево – мирт, ее птица – голубь, а иногда – воробей и лебедь.

Гермес (Меркурий)

Его отец – Зевс, а мать – Майя, дочь титана Атланта. Благодаря известной статуе его облик более знаком современнику, чем облик других богов. Он изящен и быстр в движениях. На его ногах – крылатые сандалии; крылышки есть и на его шапочке, и на его волшебном жезле, кадуцее. Он – вестник Зевса и, чтобы выполнить его поручения, может мчаться по воздуху со скоростью мысли.

Он – самый хитроумный из всех богов; кроме того, он – свехудачливый вор, вступивший на этот путь, когда ему еще не исполнилось и дня от роду.

Младенец, что родился на рассвете,
Успел еще до окончания дня
Украсть стада у Аполлона.

Зевс заставил его вернуть стада хозяину, и Гермес получил у Аполлона прощение, подарив ему лиру, только что сделанную им из панциря черепахи. Возможно, между этим очень древним мифом и тем фактом, что он был богом торговли и соответственно покровителем торговцев, существовала какая-то связь.

В странном противоречии с этой его ролью он выполнял также функции проводника душ, божественного герольда, сопровождавшего души в их последнее прибежище.

В мифах он появляется чаще, чем любой другой бог.

Арес (Марс)

Он – бог войны, сын Зевса и Геры, которого, по уверению Гомера, оба они просто ненавидели. Действительно, он ненавидим ими во всех песнях *Илиады*, хотя это – поэма о войне. Иногда герои с восторгом приветствуют появление Ареса на поле битвы, но намного чаще радуются тому, что им удалось ускользнуть от ярости беспощадного бога. Гомер называет его убийцей, воплощенным проклятием рода человеческого и, как ни странно, трусом, который криком кричит от боли и убегает с поля боя, будучи ранен. Арес появляется в сопровождении свиты, члены которой должны вдохновлять воинов на подвиги. Среди свиты – его сестра Эрида (богиня раздора) и ее сын Спор. Рядом с ним по полю боя шествует Энио (Беллона – богиня войны у римлян), а вместе с ней – Ужас, Трепет и Паника. Там, где они проходят, раздаются стоны, а земля покрывается потоками крови.

Римляне относились к Марсу лучше, чем греки к Аресу. Он никогда не был для них хнычущим богом из *Илиады*; в блестящем панцире, грозный, неуязвимый, в битвах он был просто великолепен. Воины из великой римской героической поэмы, *Энеиды*, совсем не гордились возможности ускользнуть от руки Марса; они гордились, если видели, что обречены пасть на «Марсовом поле славы». Они стремились к достойной смерти и находили «сладостной гибель на поле брани».

Арес оставил немного следов в мифологии. В одном из мифов он – любовник

Афродиты, пойманный⁷ на потеху богам ее супругом Гефестом, но в большинстве случаев он – просто символ войны. У него нет выраженных личностных качеств, как у Гермеса, Геры или Аполлона.

Ему не воздают божеские почести ни в одном из городов. Греки туманно заявляли, что он – пришелец из Фракии, страны грубых и свирепых людей, расположенной к северо-востоку от Греции.

Его птица – гриф. По одной из версий, собака, узнав, что выбрана в качестве его животного, почувствовала обиду.

Гефест (Вулкан или Мулькибер)

Бог огня и кузнечного искусства, которого иногда называют сыном Зевса и Геры, иногда – одной только Геры, которая родила его в отместку Зевсу за то, что он в одиночку породил Афины. Среди бессмертных с их совершенной красотой он единственный был безобразным. Кроме того, он был хромым. В одном из эпизодов *Илиады* он рассказывает, что его бессовестная мать, увидев, что он родился уродом, выбросила его с неба. В другом месте он говорит, что это сделал Зевс, когда он, Гефест, пытался защитить мать. Вторая версия получила большую известность благодаря стихам Мильтона: Мулькибер был

Переброшен озлобленным Зевсом
Через зубцы высокой хрустальной стены.
С восхода падал он до полудня,
А потом еще целый день, а с новым закатом
На землю грохнулся он падучей звездой
На остров Лемнос, что в море Эгейском лежит.

Однако эти события, как предполагается, произошли в очень далеком прошлом. Во времена Гомера опасности быть изгнанным для Гефеста уже не существует; он в большой чести, он у бессмертных работник: оружейник и кузнец, заботящийся как о жилищах бессмертных, так и об их вооружении. В его мастерской трудятся выкованные им «золотые девы», которые в состоянии сами перемещаться и оказывают ему помощь в его трудах.

У более поздних поэтов его кузница нередко помещается под тем или иным вулканом, что время от времени вызывает их извержения.

В *Илиаде* его жена – одна из трех Граций; Гесиод называет ее Аглая. В *Одиссее* он женат на Афродите.

Гефест – добродушный, миролюбивый бог, уважаемый и на небесах, и на земле. Вместе с Афиной он заботится о жизни горожан. Оба покровительствуют ремеслам и тем занятиям, которые наряду с сельским хозяйством представляют собой основу цивилизации; он особо покровительствует кузнецам, а она – ткачихам. Когда дети городских жителей получают гражданство города, богом соответствующей церемонии является Гефест.

Гестия (Веста)

Она – сестра Зевса и подобно Афине и Артемиде – богиня-девственница. Она не обладает сколько-нибудь ярко выраженной личностью и роли в мифах не играет. Она – богиня домашнего очага, символа дома, вокруг которого было необходимо обносить новорожденного младенца, прежде чем он становился признанным членом семьи. Каждая трапеза начиналась и завершалась возлиянием в честь Гестии.

Гестия милая, везде – и в чертогах богов, и в жилищах у
смертных —
Высшая почесть: вино и в начале и трапезы перед концом

Тебе воздается – так, как это и должно,
И никогда без тебя ни люди, ни боги пира устроить не могут.

В некоторых городах существовал городской, общественный очаг, посвященный Гестии. Огонь в нем должен был поддерживаться непрерывно. При основании новой колонии туда перевозили угли из очага города-метрополии, с помощью которых и разжигался огонь в очаге нового города.

В Риме такой огонь поддерживали шесть жриц-девственниц. Их называли весталками.

Второстепенные боги Олимпа

Помимо двенадцати олимпийских богов на небесах жили и другие боги. Наибольшее значение из них имел бог любви Эрос (у римлян Купидон). Гомеру он неизвестен, но для Гесиода он

Самый прекрасный из числа бессмертных богов.

В ранних мифах он чаще всего изображается в виде красивого и серьезного молодого человека, раздающего людям добрые дары. Представление, которое составили о нем греки, наилучшим образом сформировал не поэт, а философ Платон. «Любовь – Эрос поселяется в сердце человека, но не в каждом сердце, поскольку там, где живет жестокость, он отступает. Его величайшая слава – в том, что он не может ни поступать дурно, ни позволять этого; сила никогда не идет с ним бок о бок, потому что все люди служат ему добровольно. И тот, кого коснулась Любовь, не ходит в потемках».

В самых древних версиях Эрос – не сын Афродиты, а скорее ее случайный попутчик. У более поздних поэтов он – ее сын; это – почти всегда испорченный и капризный ребенок, если не сказать хуже.

Зло в его сердце, но мед – на его языке.
Правды нет в нем ни капли, и в играх своих он жесток.
Слабы его ручки, но от стрелы из его колчана не уйти, как от смерти.
Хоть и тонки они, но и небосвода достигнут.
Так не трогай предательский дар, он отравлен любовным огнем.

Эроса часто изображают с повязкой на глазах, поскольку любовь слепа. Его спутник – Антер, который в одних случаях выступает как мститель за поруганную любовь, а в других, наоборот, выступает противником любви. Также известны Гимер (Желание) и Гименей (бог свадебных торжеств).

Геба – богиня юности, дочь Зевса и Геры. Иногда выступает в роли виночерпия на пирах богов; иногда эту роль выполняет Ганимед, молодой и красивый троянский царевич, похищенный и унесенный на Олимп Зевсовым орлом. Мифов о Гебе не существует, за исключением упоминания о ее свадьбе с Гераклом.

Ирида – богиня радуги и вестница богов; в *Илиаде* – только вестница. В этой роли может выступать также Гермес (впервые – в *Одиссее*), но он не занимает места Ир и-ды. Волю богов сообщают смертным попеременно то Ирида, то Гермес.

На Олимпе также живут две группы сестер: Музы и Грации.

Известны три Грации: Аглая (Сияющая), Евфросина (Благомыслящая) и Талия

(Цветущая). Они – дочери Зевса и Эвриномы, дочери титана Океана. За исключением известного из Гомера и Гесиода эпизода со свадьбой Аглаи и Гефеста они не упоминаются как отдельные личности; их всегда упоминают вместе как трехкратное воплощение изящества и красоты. Когда они танцевали под лиру Аполлона, ими восхищались сами боги; человек же, которого они навещали, мог считать себя счастливым. Они «придавали жизни радость цветения». Вместе с Музами они были «царицами пения», и без них не обходилось ни одно пиршество.

Музы были дочерьми Зевса и Мнемосины (Памяти). Первоначально, как и Граций, их не отделяли друг от друга. «Все они, – говорит Гесиод, – одинаково мыслят, их сердца настроены на песнопения, и их души свободны от забот. Счастлив тот, кого любят Музы. Поскольку, если человек, на сердце у которого печаль и скорбь, услышит пение слуги Муз, он тотчас же забывает свои черные мысли и больше не вспоминает о своих заботах. Таков священный дар Муз людям».

Со временем каждая Муза стала покровительствовать вполне определенному искусству. Клио стала музой истории, Урания – астрономии, Мельпомена – трагедии, Талия – комедии, Терпсихора – танца, Каллиопа – эпической поэзии, Эрато – любовной поэзии, Полигимния – песнопений, посвященных богам, Эвтерпа – лирической поэзии.

Гесиод жил вблизи Геликона, одной из гор, посвященных Музам. Другими такими горами были Пиэр в Пиэрии, где они родились, Парнас и, конечно, Олимп. Однажды Музы предстали перед Гесиодом и заявили: «Мы знаем, как обманывать, чтобы в ложь поверили, но мы также умеем, когда захотим, говорить об истинных вещах». Они, как и Грации, – спутницы Аполлона, бога, говорящего только правду. Пиндар утверждает, что инструменты их столь же благозвучны, как и лира самого Аполлона. «Золотые лиры, которым подчиняются па танцора, есть как у Аполлона, так и у венчаных фиалками Муз». Вдохновенного Музами кифареда почитали гораздо больше, чем любого жреца.

Когда образ Зевса стал более величественным, рядом с ним на Олимпе появилось два божества: Фемида, что означает правосудие или Божественная справедливость, и Дике (Дика), то есть Человеческая справедливость. Однако они никогда не имели реальных личностных свойств. То же можно сказать и о двух персонифицированных комплексах эмоций, ценившихся у Гомера и Гесиода превыше всего. Это Немесида (Мечь) и Эйдос, слово, труднопереводимое, но широко употребляемое греками. Оно означает благоговение перед моральными ценностями, смешанное с чувством стыда, которое удерживает людей от дурных поступков. Кроме того, оно означает чувство, которое богатый человек должен испытывать в присутствии обездоленного; это – не сострадание, а осознание того, что различие между ним и этим беднягой не так уж и велико.

Однако ни Немесида, ни Эйдос, видимо, не обитают вместе с богами. Гесиод сообщает, что Немесида и Эйдос, спрятав свои прекрасные лица под белые одежды, покидают землю и присоединяются к бессмертным только тогда, когда люди окончательно подчиняются собственной злой воле.

Время от времени на Олимп возносились и некоторые смертные. Но как только они попадали туда, их имена исчезали из литературы. Их истории будут рассказаны позже.

Боги вод

Посейдон (Нептун) – повелитель и хозяин Моря (имеется в виду Средиземное море), а также Понта Эвксинского (Гостеприимное море, ныне – Черное). Под его властью также находились подземные реки.

Океан – титан, повелитель реки Океан, обтекающей Землю. Его жену, титаниду, зовут Тефис (Тефия). Океаниды, нимфы, живущие в этой реке, – их дочери. Боги всех прочих

существующих на земле рек – их сыновья.

Понт, что означает Глубокое море, – сын матери-Земли и отец Неря, бога, гораздо более значительного, чем он сам.

Нерей – «морской старец», живущий в Средиземном море. «Бог достойный и мягкий; мыслит справедливо и добро, не лжет никогда», – говорит о нем Гесиод. Его жена – Дорида, дочь Океана. У них пятьдесят милостивых дочерей, морских нимф. По отцу их называют Нереиды. Одна из них, Фетида, – мать Ахилла, другая, Амфитрита, – супруга Посейдона.

Тритон – морской музыкант, трубящий в большую раковину. Он – сын Посейдона и Амфитриты.

Протей – по одной версии сын Посейдона, по другой – его спутник. Он может предсказывать будущее и произвольно изменять свой внешний вид.

Наяды – также водяные нимфы, живущие в ручьях, источниках и фонтанах.

Левкотея и ее сын Палемон – бывшие смертные, ставшие, как и Главк, морскими божествами. В мифологии большой роли не играют.

Подземный мир

Подземным царством правят один из двенадцати великих олимпийцев – Аид, или Плутон, и его супруга, царица Персефона. По имени его правителя этот мир часто также называют Аидом. В него, как указывает *Илиада*, с земли можно проникнуть через несколько секретных входов. Согласно *Одиссее*, путь туда проходит по Океану и ведет через вход, расположенный на самом краю света. У более поздних поэтов попасть в Аид можно через различные входы, расположенные в расщелинах земли и близ глубоких озер.

Тартар и Эреб иногда рассматриваются как две разные области подземного царства. Тартар глубже; он служит местом заключения для детей Земли; в Эреб души попадают сразу же после смерти их обладателей. Однако нередко различия между тем и другим не проводятся и в качестве обозначения подземного царства используется любое из этих названий, в особенности Тартар.

Согласно Гомеру, подземный мир – это мрачный и вместе с тем туманный мир, унылый, тусклый, населенный тенью. Там нет ничего реального. Тени мертвых влачат там самое жалкое существование, напоминающее кошмарный сон. Более поздние поэты рисовали царство мертвых более четко – как место, где нечестивцы подвергаются наказанию, а добродетельных людей ожидает вознаграждение. У римского поэта Вергилия эта идея выражена в таких подробных деталях, каких нет ни у одного грека. Все мучения злодеев и радости праведников описаны у него с большой убедительностью. Вергилий, кроме того, – единственный поэт, ясно излагающий географию этого места. Дорога в него ведет к месту слияния Ахеронта, реки горестей, и Кокита, реки стенаний. Старик перевозчик по имени Харон перевозит души мертвых на противоположный берег, где стоят адамантовые ворота Тартара (Вергилий предпочитает это название). Харон берет в свою лодку души только тех, в рот которым была заранее вложена плата за перевоз и которые были погребены должным образом.

Перед воротами Тартара на страже стоит Кербер, трехголовый пес с хвостами в виде змей, который выпускает все души, но не выпускает ни одной. По прибытии в подземное царство душа предстает перед тремя судьями: Радамантом, Миносом и Эаком, которые выносят приговор и посылают грешников на вечные муки, а праведников – на благословенные Елисейские поля.

Помимо Ахеронта и Кокита в Тартаре текут еще три реки, отделяющие подземный мир от верхнего, солнечного: Флегетон, огненная река; Стикс, река, название которой входит в слова клятвы, которой клянутся боги; и Лета, река забвения.

Где-то посередине огромной области находится дворец Плутона, но кроме того, что в нем множество дверей и он всегда заполнен многочисленными гостями, о нем ничего не известно. Вокруг него простираются обширные пустыни, унылые и холодные, и луга из асфodelей, удивительных бледных, похожих на призраки цветов. Больше о дворце Плутона поэты ничего не сообщают, предпочитая не задерживаться в этом мрачном и унылом жилище.

Эринии (Фурии) помещены Вергилием в подземный мир, где они наказывают злодеев. Греческие же поэты мыслили их как преследовательниц грешников на земле. Они неумолимы, но справедливы. Как говорил Гераклит, «если со своего пути сойдет само Солнце, Эринии набросятся и на него». Обычно считается, что Эриний было три: Тисифона, Мегера и Алектэ.

Морфей (Сон) и его брат Танат (Танатос – Смерть) также обитают в подземном мире. Оттуда и поднимаются к людям сны. Правдивые сны через роговые ворота, а ложные – через ворота из слоновой кости.

Второстепенные боги земли

Землю греки называли всеобщей матерью, но в действительности – она божество. Как божество, она никогда не отделялась от собственно Земли и вместе с тем персонифицировалась. Богиня плодородия Деметра (Церера), дочь Крона и Реи, и бог вина, виноградарства и виноделия Дионис, известный также под именем Вакх, – основные божества мира Земли, играющие очень важную роль в греческой и римской мифологии. Их истории будут изложены в следующей главе. Прочие известные божества большого значения практически не имели.

Пан был главным из них. Он – сын Гермеса; гомеровские гимны в его честь называют Пана шумливым и веселым божеством. Отчасти он – животное с козлиными рогами и копытами вместо ступней. Бог пастухов овечьих и козьих стад, а также веселый участник танцев лесных нимф. Его прибежище – все дикое, запущенные места, леса и горы, но больше всего он любит место своего рождения, Аркадию. Он – превосходный музыкант. Из своей тростниковой свирели он в состоянии извлекать мелодии, подобные трелям соловья. Он всегда влюблен в ту или иную нимфу, но его любовь всегда отвергают из-за его безобразного лица.

Звуки, которые по ночам слышат в лесной чаще дрожащие от страха путники, как считают, издает он. Отсюда легко установить происхождение выражения «панический страх».

Силен иногда считается сыном Пана, а иногда его братом, сыном Гермеса. Он – веселый старый толстяк, который обычно разъезжает на осле, потому что слишком пьян, чтобы ходить пешком. Его связывают как с Вакхом, так и с Паном. Силен опекал и обучал Вакха, когда бог виноградарства был еще молодым и, как показывает его непрерывное пьянство, перестав быть учителем, стал достойным последователем Вакха.

Наряду с этими действующими на земле богами большой известностью пользуются братья Кастор и Полидевк (Поллукс), которые в большинстве мифов проводят одну половину времени на земле, а другую – на небе.

Они – сыновья Леды; их обычно считают божествами, особо покровительствующими мореходам. Они -

Покровители быстрых судов,
Когда бури, ветра штормовые
Бушуют над яростным морем.

Они известны и как мощные помощники и спасители в бою. Их особенно почитают в Риме, где они рассматривались как

Великие близнецы,
Пред кем все дорийцы склонились.

Но рассказы о них довольно противоречивы. Иногда богом считается только Полидевк, а Кастор предполагается смертным, получившим свое «половинное» бессмертие только вследствие братской любви Полидевка.

Леда – жена спартанского царя Тиндарея, согласно традиционной версии родившая двух смертных детей от него (Кастор и Клитемнестра, жена Агамемнона) и двух бессмертных (Полидевк и Елена⁸, виновница падения Трои) от Зевса, явившегося к ней в виде лебедя. Тем не менее сводных братьев Кастора и Полидевка часто называют сыновьями Зевса. Их греческое имя, под которым они наиболее известны, – Диоскуры, что означает «отроки Зевса». Вместе с тем их также называют «сыновьями Тиндарея», Тиндаридами.

Обычно считается, что они жили в эпоху, предшествующую Троянской войне, в одно время с Тесеем, Ясоном и Аталантой. Они принимали участие в охоте на калидонского вепря и в походе аргонавтов за золотым руном; кроме того, известно, что они спасли Елену, похищенную Тесеем. Во всех мифах они не играют значительной роли, за исключением рассказа о смерти Кастора, когда Полидевк доказал свою братскую любовь и преданность.

Однажды, уж неизвестно, по какой причине, братья вторглись во владения хозяев крупных стад скота, Идаса и Ликкея. Там, как сообщает Пиндар, Идас, рассердившись из-за кражи его быков, убил Кастора. Другие же авторы говорят, что причиной ссоры были дочери царя этой страны Левкиппа. Полидевк заколол Ликкея, а Зевс поразил Идаса своим перуном. Кастор был мертв, и безутешный Полидевк умолял отца позволить ему тоже умереть. Зевс, сжалившись, разрешил ему поделить жизнь пополам с братом и

Жизни свою половину проводить под землей,
А половину другую – в чертогах небесных.

Согласно этой версии, братья больше уже никогда не покидали друг друга. Один день они проводили в Аиде, а другой на Олимпе, всегда появляясь вместе.

Позднегреческий автор Лукиан дает иную версию, согласно которой для обитания им предоставлены и земля и небо, но когда Полидевк отправляется на небо, Кастор должен пребывать на земле, так что они никогда не встречаются друг друга. В маленькой сатире Лукиана Аполлон спрашивает Гермеса:

– А скажи, почему мы никогда не видим Кастора и Полидевка одновременно?

– Видишь ли, – отвечает Гермес, – они так привязаны друг к другу, что, когда судьба приказала одному из них умереть, а бессмертным был только один из них, они решили разделить бессмертие между собой.

– Не слишком мудро, Гермес. А чем они, кстати, могут заниматься? Я предсказываю будущее, Асклепий излечивает болезни, ты – хороший вестник, а эти двое все время так и бездельничают?

– Нет, конечно. Они состоят на службе у Посейдона. Их дело выручать корабли из беды.

– А, теперь ты хоть что-то сказал. Я рад, что они нашли себе такое хорошее занятие.

Им посвящены две звезды: Близнецы. Их часто изображают скачущими на

великолепных белых конях, но Гомер отличает Кастора за его умение обращаться с конями. Он характеризует братьев следующим образом:

Кастор, коней укротитель, и Полидевк, знаменитый кулачный боец.

Силены⁹ – полулюди-полулошади. Они передвигаются на двух, а не на четырех ногах, но часто имеют копыта вместо ступней, иногда лошадиные уши и всегда – лошадиные хвосты. Специальных мифов о них не существует, но их часто можно видеть на греческих вазах.

Сатиры, как и Пан, – полулюди-полукозлы, живут в диких местах.

В противоположность этим богам, имеющим нечеловеческие черты и качества и физически безобразным, богини лесов отличаются прелестными женскими формами. Это – Дриады, иногда известные как Гамадриады; жизнь каждой Гамадриады зависит от жизни ее дерева.¹⁰

Эол, владыка ветров, также живет на земле, на острове Этолия. Собственно говоря, он только повелитель ветров, так сказать, вице-король богов. Главные четыре ветра – это Борей, северный ветер (Аквилон у римлян); Зефир, западный ветер (Фавоний); Нот, южный ветер (Аустер); Эвр, восточный ветер (по-латыни он – тоже Эвр).

Известны также некие обитавшие на земле существа, не имевшие ни полной человеческой, ни полностью божественной природы. Назовем главных из них.

Кентавры – это наполовину люди, наполовину кони. По большей части они были дикими существами, скорее напоминавшими своим поведением животных, чем людей. Правда, один из них, Хирон, был общеизвестен своей добротой и мудростью.

Горгоны также относились к обитателям земли. Их было три; две из них были бессмертны. По виду они напоминали крылатых драконов; их взгляд обращал людей в камень. Их отцом был Форкис, сын неба (Урана) и земли (Геи)¹¹.

Граи, сестры Горгон, три седовласые женщины, имевшие только один глаз на троих. Жили на дальнем берегу Океана.

Сирены жили на острове посреди моря. Своим пением они заманивали мореходов на верную смерть. На что они походили, неизвестно, потому что тот, кто их видел, назад не возвращался¹².

Гораздо более важными силами, правда не привязанными к какому-либо месту обитания ни на земле, ни на небесах, были Судьбы (Мойры по-гречески, Парки по-латыни). Согласно Гесиоду, они при рождении человека определяли меру добра и меру зла, которые ему предстоит испытать на жизненном пути. Их было три: Клото («прядущая нить жизни»), Лахесис («дающая жребий»), назначающая жребий человеку, и Атропос («неотвратимая»), державшая в руках «жуткие ножницы» и перерезавшая нить жизни.

Римские боги

В Риме двенадцать великих олимпийцев превратились в римлян. Влияние греческого искусства и литературы там настолько было велико, что древние римские божества

приобрели черты сходства с соответствующими греческими богами, а затем полностью с ними слились. Большинство из них, правда, имели римские имена: это Юпитер (Зевс), Юнона (Гера), Нептун (Посейдон), Веста (Гестия), Марс (Арес), Минерва (Афина), Венера (Афродита), Меркурий (Гермес), Диана (Артемида), Вулкан или Мультибер (Гефест), Церера (Деметра).

Двое из них сохранили свои греческие имена: Аполлон и Плутон; причем второй из них никогда не назывался в Риме Аидом. Бог вина, виноградарства и виноделия Вакх (но никогда Дионис!) имел также и латинское имя: Либер.

Принять греческий пантеон богов римлянам было довольно легко, поскольку их собственные боги не были достаточно персонифицированы. Римляне обладали глубоким религиозным чувством, но не слишком большим воображением. Они никогда бы не сумели создать образы олимпийцев – каждого с живыми, четко выраженными чертами. Своих богов, прежде чем тем пришлось уступить место греческим, они представляли себе довольно туманно, едва ли более ярко, чем просто «тех, кто находится наверху». Их называли общим, собирательным именем: Нумины (Numina), что по-латыни означает Силы или Воли, быть может, Воли-Силы.

Пока греческие литература и искусство не проложили себе путь в Италию, римляне не испытывали нужды в красивых, поэтичных богах. Они были людьми практики и не очень беспокоились «о музах в венках из фиалок» или «лиричном Аполлоне, что сладкие мелодии извлекает из лиры своей» и т. п. Они хотели поклоняться прагматичным богам. Так, важной Силой в их глазах был «тот, кто охраняет колыбель». Еще одной такой Силой был «тот, кто распоряжается детской пищей». Мифы о них никогда не слагались. По большей части никто даже не знал, какого они пола – мужского или женского. С ними были связаны простые акты повседневной жизни; эти боги придавали им определенное достоинство, чего нельзя было сказать о греческих богах, за исключением Деметры и Диониса.

Наиболее известными и почитаемыми из них были Лары и Пенаты. Каждая римская семья имела своего лара, духа предка, и несколько пенатов, хранителей очага и стражей домашнего хозяйства. Это были собственные боги семьи, принадлежащие только ей, ее самая важная часть, защитники и покровители дома. Им никогда не возносили молений в храмах; это делали только дома, где во время каждой трапезы им предлагалась некоторая толика пищи. Были также и общественные лары и пенаты, выполнявшие по отношению к городу те же функции, что и личные – к семье.

Существовало также множество Воль-Сил, связанных с ведением домашнего хозяйства: например, Термина, страж границ; Приап, бог-податель плодородия; Палее, покровительница домашнего скота; Сильван, помощник пахарей и дровосеков. Их перечень довольно обширен. Все, что было важно для ведения хозяйства, находилось в ведении некоей благодетельной силы, которой никогда не придавалась какая-либо определенная форма.

Сатурн был одной из этих Воль-Сил – покровителей сеятелей и посевов, а его супруга Опе выступала в качестве помощницы сборщиков урожая. В более позднюю эпоху Сатурна стали отождествлять с греческим Кроном и считать отцом Юпитера, греческого Зевса. Таким образом, ему были приданы личностные свойства; о нем был сложен ряд мифов. В память о «золотом веке», когда он правил в Италии, каждый год зимой в Риме устраивался праздник – Сатурналии. Его идея состояла в том, что на время празднеств на землю возвращается «золотой век». В это время запрещалось объявлять войну; рабы и хозяева совершали трапезу за одним столом; наказания откладывались; все дарили друг другу подарки. В человеческом мозгу таким образом поддерживалась мысль о равенстве людей, о том времени, когда все находилось на одном и том же общественном уровне.

Янус первоначально тоже был одной из таких Воль-Сил, точнее, «божеством добрых начинаний», которые, естественно, должны заканчиваться также хорошо. Со временем он в определенной мере персонифицировался. Фасады его главного храма в Риме выходили на

восток и на запад, то есть туда, где восходит солнце и где оно заходит; храм имел две двери, между которыми стояла статуя Януса с двумя лицами: старым и молодым. Если Рим находился с соседями в состоянии мира, обе двери были закрыты. За первые семьсот лет существования Рима они закрывались всего три раза: в правление доброго царя Нумы Помпилия, после Первой пунической войны в 241 г. до н. э. и в правление императора Августа, когда, по словам Мильтона,

Ни грома войн, ни кликов битв
Уж слышно не было в подлунном мире.

Естественно, новый год начинался с месяца, посвященного Янусу, то есть с января.

Фавн был внуком Сатурна. Он представляет собой что-то вроде греческого Пана; это был довольно грубоватый, неотесанный бог. Впрочем, он обладал также пророческим даром и являлся людям во сне. Фавны стали римскими сатирами.

Квирин – имя обожествленного Ромула, основателя Рима¹³.

Маны – это души находящихся в Аиде праведников. Иногда их считали божественными и поклонялись им.

Лемуры или Ларвы – души грешников и злодеев; их очень страшились.

Камены – первоначально весьма полезные с практической точки зрения богини, заботившиеся об источниках, водоемах и пр., целили болезни и предсказывали будущее. С приходом в Рим греческих богов были отождествлены с совсем непрагматичными Музами, которые покровительствовали только искусству и науке. По одной из версий Эгерия, дававшая советы царю Нуме Помпилию, была такой Каменой.

Луцина иногда рассматривается как римская богиня-родовспомогательница; однако обычно это имя используется как эпитет к именам Юноны или Дианы.

Помона и Вертумн первоначально считались Волями-Силами, покровительствующими садоводству и огородничеству. Позднее они были персонифицированы и был даже сложен миф о том, как они полюбили друг друга.

Глава 2 Великий бог и Великая богиня земли

Большинство смертных не видело в бессмертных богах особой для себя пользы. Иногда речь шла о совсем обратном: Зевс был опасным ловцом земных девушек и божеством, которое к тому же могло воспользоваться своим ужасающим перуном в любой момент

времени и совершенно непредсказуемо; Марс был поджигателем войны и всеобщим наказанием; Гера не желала иметь никаких представлений о справедливости, впадая в состояние ревности, а в этом состоянии она пребывала постоянно; Афина также была склонна затевать войну и пускала в дело свое исторгающее молнии копье столь же безответственно, как и ее отец Зевс; Афродита употребляла свою силу главным образом для того, чтобы заманить и обмануть легковверных. Конечно, олимпийцы представляли собой очень милое, даже блистательное сообщество, и их похождения создали основу для великолепных мифов; но и в тех случаях, когда они определенно не приносили вреда, они вели себя довольно капризно и своевольно, так что в целом смертные предпочли бы обходиться вообще без них.

Однако было два бога, точнее, бог и богиня, которые проявляли себя истинными друзьями человечества. Это богиня урожая Деметра (у римлян Церера), дочь Крона и Реи, и Дионис (Вакх), бог вина, виноделия и виноградарства. Деметра старше Диониса, что вполне естественно, – ведь хлеб начали сеять гораздо раньше, чем появилось виноградарство. Появление первого поля ознаменовало переход к оседлой жизни на земле. Виноградники появились много позже. Вполне естественно, что божественная сила, пробуждающая к жизни зерно, персонифицировалась как богиня, а не как бог. Если основным занятием мужчин были охота и война, то о полях заботились женщины. Разрыхляя почву, засеивая ее и собирая потом урожай, они прекрасно осознавали, что их женскому труду может помочь только богиня. Они могли также верить, что ей нужно выражать особое почтение – совершать скромные священнодействия, что способствовало повышению плодородия земли, – а не приносить ей столь любимые мужчинами кровавые жертвы. Благодаря ей освящалось хлебное поле, где произрастало «священное зерно Деметры». На священном току, на котором женщины веяли зерно, сама Деметра, богиня с волосами цвета спелой пшеницы, отделяет под порывами ветра зерно от мякины, и гряда мякины постепенно белеет. «Да удастся мне, – молится жрица, – собрать рядом с алтарем Деметры самое большое количество провеянного зерна, и да стоит она, улыбаясь, рядом со снопами и маками в руках».

Основной праздник в честь Деметры, естественно, устраивался во время уборки урожая. В седой древности это мог быть скромный день благодарения, когда преломлялся первый каравай хлеба, выпеченного из зерна нового урожая, и с почтением съедался под благодарственные молитвы, возносимые богине, от которой исходил этот наилучший, самый ценный в человеческой жизни дар. Позднее этот скромный праздник перерос в пышные мистерии в честь богини, о которых мы знаем очень немного. Большие же торжества устраивались в сентябре каждые пять лет, но зато они длились девять дней. Это были самые священные дни года, когда приостанавливались основные повседневные работы. По улицам ходили торжественные процессии, совершались жертвоприношения, завершаемые танцами и пением, везде царил всеобщее ликование. Все это было достоянием гласности и описано многими авторами. Но основная часть церемонии, совершаемая полностью на особой прилегающей к храму территории, не была описана никогда. Те, кто на ней присутствовал, были связаны обетом молчания, который они хранили настолько хорошо, что мы теперь можем представить себе лишь небольшие обрывки того, что происходило в действительности.

Большой храм Деметры находился в Элевсине, маленьком городке близ Афин, и само празднество именовалось поэтому Элевсинскими мистериями. Во всем греческом, да и в римском мире к ним относились с большим благоговением. Цицерон, писавший о них в I в. до н. э., сообщает: «Нет ничего выше, чем эти мистерии. Они облагородили наши характеры и смягчили наши обычаи; они заставили нас перейти от условий жизни дикарской к жизни истинно человеческой. Они не только показали нам, как можно жить радостно, но и научили, как умирать с большей надеждой».

И несмотря на то что эти мистерии были священными и внушающими трепет, они сохранили признаки того времени, из которого вышли. Согласно одному из свидетельств,

которым мы о них располагаем, в самый торжественный момент церемонии ее участникам «демонстрировали и зерно, в молчании созревшее».

Однажды, теперь уж никто не знает, когда и по какому поводу, в Элевсине поселился бог вина Дионис, чтобы занять место рядом с Деметрой. Увидев,

Как рядом с Деметрой под звуки кимвалов
Пышнокудрый Дионис восходит на трон,

никто, видимо, особого удивления не выразил. Вполне естественно, что торжества в их честь следовало объединить. Действительно, оба они – божества, несущие людям дары земли, оба незримо присутствуют при совершении повседневных действий, от которых зависит человеческая жизнь: при преломлении хлеба и разливании вина. Время сбора винограда, когда его ягоды подаются на давяльный пресс, было праздником Диониса.

Бог радости Дионис, ярчайшая звезда,
Восшедшая в дни сбора винограда.

Но Дионис не всегда был радостным богом, как и радующаяся летом Деметра не всегда бывала счастливой. Каждый из них познал как радость, так и боль. Также и в этом отношении они были тесно связаны друг с другом. Прочих бессмертных никогда не касалось длительное горе. «Живя на Олимпе, где никогда не дует ветер, и не выпадает дождь, и с неба не слетает ни одна даже самая крошечная снежинка, они счастливы день за днем, вкушая нектар и амброзию, радуясь сладкогласным звукам серебряной лиры Аполлона и отвечающим ему нежным голосам Муз, радуясь танцу Граций с Гебой и Афродитой и окружающему всех их лучезарному сиянию». Но два божества, теснее всех связанные с землей, знали раздирающую сердце боль.

Что случается с пшеницей и великолепными виноградными лозами, когда хлеб убран, виноградные кисти срезаны и наступают лютые морозы, убивающие молодую зелень на полях? Этим вопросом и задавались люди, слагая первые мифы в попытке объяснить то таинственное, те изменения, которые регулярно происходили перед их глазами: смену дня и ночи, смену сезонов, движение звезд по их небесным путям. Хотя Деметра и Дионис и были счастливы летом при сборе урожая, зимой, очевидно, они должны были чувствовать себя совершенно иначе. Они были в печали, и вместе с ними печалилась вся земля. Древние дивились тому, почему это должно было происходить, и, пытаясь объяснить смысл событий, рассказывали друг другу соответствующие мифы.

Деметра (Церера)

Эта история излагается только в одной из очень ранних поэм, точнее, в одном из самых ранних гомеровских гимнов, датируемом VIII или началом VII в. до н. э. Оригинал несет на себе следы ранней греческой поэзии: простоту, прямоту изложения и восторг перед чудесным окружающим миром.

У Деметры была единственная дочь Персефона (у римлян – Прозерпина), только что вступившая в пору своей весны. Деметра утратила ее и в своем ужасном горе перестала ниспосылать свои дары земле, которая немедленно превратилась в замерзшую пустыню. Зеленая цветущая земля, покрывшись ледяной коркой, оказалась безжизненной, поскольку не стало Персефоны.

Ее похитил владыка мрачного подземного мира, повелитель мириад душ, когда она, соблазненная чудесным цветком нарцисса, отбежала слишком далеко от подруг. В своей колеснице, запряженной черными, как уголь, конями, он взлетел из расселины в земле и, схватив девушку за запястье, усадил ее рядом с собой. И тотчас же унес, отчаянно

плачущую, в подземный мир. Ее крики отразили высокие холмы и морские глубины, и эти крики донеслись до матери. Разыскивая дочь, Деметра летала как птица над морем. Но никто не сказал ей правды – ни человек и ни бог, ни надежный «пернатый посланник». Девять дней провела Деметра в странствиях, и все это время она не вкушала амброзии, не подносила к губам сладкий нектар. Наконец она пришла к Гелиосу, и тот дал ей прямой ответ: Персефона – в подземном мире, в царстве теней.

Похищение Персефоны (Прозерпины)

Страшная боль вошла в сердце Деметры. Она покинула Олимп и стала жить на земле, изменившись так, что никто не мог узнать ее, да смертным вообще трудно распознать божество. В своих одиноких странствиях она как-то дошла до Элевсина и присела отдохнуть на обочине дороги у колодца. Она выглядела пожилой женщиной, из тех, кто в богатых домах присматривает за детьми или надзирает за кладовыми. Четверо сестер, милостивых девушек, собиравшихся набрать воды из колодца, увидели ее и поинтересовались, что она здесь делает. Та ответила, что ей удалось убежать от пиратов, которые собирались продать ее в рабство, и теперь, попав в эту чужую для нее страну, она даже не знает, к кому обратиться за помощью. Девушки ответили, что в городе ее с радостью примут в любом доме и, если только она согласится подождать, пока они сходят спросить свою мать, с удовольствием

приведут бедную женщину к себе. Богиня кивнула в знак согласия, и девушки, наполнив водой свои сверкающие кувшины, заспешили домой. Их мать, Метанира, приказала им немедленно возвращаться и пригласить странницу в дом, и, поспешив назад, они нашли славную женщину по-прежнему сидящей на том же месте, закутавшейся в покрывало и прикрывшей себя темным плащом до самых своих изящных ножек. Она последовала за ними, и когда, переступив порог, вошла в помещение, где сидела хозяйка дома, держа на руках младенца-сына, небесный свет разлился в дверном проеме и благоговейный страх овладел Метанирой.

Она пригласила Деметру присесть и сама предложила ей медового вина, но богиня не вкусила его. Вместо него она попросила сдобренного мятой ячменного отвара, глоток которого выпивают жницы во время жатвы, а также сакральный кубок, который вручают в Элевсине почитателям богини. Освежившись ячменным отваром, она взяла ребенка у матери и прижала его к своей благовонной груди, и возрадовалось материнское сердце Метаниры. Вот так Деметра начала нянчить малютку Демофонта, которого Метанира родила мудрому Келею. А младенец возрастал, как подобает молодому богу, потому что каждый день Деметра умащала его амброзией, по ночам держала его в пламени огня. Она хотела сделать мальчика бессмертным.

Однако что-то заставило беспокоиться мать ребенка, и однажды ночью она решила не спать и в ужасе закричала, увидев свое дитя лежащим среди языков пламени. Богиня разгневалась; она выхватила ребенка из огня и положила его на пол. Она же собиралась освободить его от бремени старости и от самой смерти, но испуганная мать этому помешала. Он по-прежнему лежал на коленях богини и спал в ее объятиях, и поэтому ему предстояло пользоваться почетом и уважением людей в течение всей его жизни.

А затем она решила заявить о том, что на самом деле она – богиня. Сама красота, казалось, задышала вокруг нее своим дыханием; тело же Деметры начало источать ароматы; от нее исходило сияние, так что весь дом Метаниры наполнился светом. И она объявила пораженным страхом женщинам, что она – Деметра. Элевсинцы должны выстроить большой храм близ города и таким образом вернуть себе ее расположение. Они охотно согласились выстроить ей храм, и когда он был завершен, Деметра вошла в него и уселась внутри – отдельно от богов Олимпа, в одиночестве, – она чахла от тоски по дочери.

Этот год стал самым ужасным, самым жестоким для человечества по всей земле. Нигде ничего не росло; не взошло ни одно зерно; напрасно быки тянули за собой плуги по полям. Похоже, весь род человеческий должен был вымереть от засухи. Наконец Зевс убедился, что за дело должен приняться он сам. Он – одного за другим – посылал к Деметре богов, чтобы смягчить гнев богини, но она не хотела выслушать ни одного из них. Она никогда не позволит земле снова плодоносить, пока не увидит свою дочь. И Зевс понял, что его брату придется уступить. Он приказал Гермесу спуститься в подземный мир с приказом его владыке отпустить свою молодую жену к Деметре.

Гермес нашел молодую чету спящими. Правда, Персефона держалась по отношению к мужу несколько отчужденно – она тосковала по матери. Услышав слова Гермеса, она даже подпрыгнула от радости, готовая отправиться в путь хоть сию минуту. Ее супруг понимал, что обязан подчиниться слову Зевса и немедленно отослать Персефону к матери, но, когда она уже покидала его, он умолил ее не думать о нем плохо и не печалиться, потому что она – жена одного из самых великих бессмертных. На прощанье он заставил ее проглотить зернышко граната, зная, что после этого она должна будет к нему вернуться.

Он приказал запрячь свою золотую колесницу, Гермес принял вожжи и погнал черных коней прямо к храму, где находилась Деметра, а та выскочила из храма встретить свою дочь с такой скоростью, с которой менады мчатся вниз по склону холма. Персефона же бросилась в ее объятия. Весь день они проговорили о том, что произошло с ними обеими, и Деметра опечалилась, услышав о зернышке граната и испугавшись, что она не удержит дочь при себе.

Затем Зевс направил к ней еще одного посланца. Им была не кто иная, как его почтенная матушка Рея, самая старшая из богинь. Сойдя с высот Олимпа и пролетев

над бесплодной, лишенной какой-либо зелени землей, она предстала перед дверью храма и обратилась к Деметре:

Пойдем, дочь моя, – так приказал всевидящий
Зевс-громовержец,
Вновь придешь ты в чертоги богов, где будешь воспринята с
честью.
С Персефоною там ты печали свои успокоишь —
Ведь у каждого года конец есть, как и у каждой зимы.
Только третью часть года она пусть проводит в Аиде,
Остальное же время ей суждено с богами бессмертными жить.
А теперь успокойся и подай людям благо – то, что от тебя,
ненаглядной, исходит одной.

Деметра не отказывалась, хотя особой радости это ей не доставило. Действительно, она должна была терять Персефону каждый год на четыре месяца, наблюдая, как юное и прелестное создание вынуждено спускаться в царство смерти. Но она была добра – не зря люди всегда называли ее «доброй богиней». Она сожалела о тех опустошениях, которые произвела на земле. Заставила поля снова дать богатый урожай, и весь мир покрылся цветами и зеленой листвой. Потом она отправилась к царям Элевсина, выстроившим ей храм, и выбрала одного из них, Триптолема, в качестве своего посланника к людям, чтобы он научил их, как нужно засеивать поля. Она обучила его, Келея и еще несколько человек своим священным ритуалам, «мистериям, о которых не смеет говорить никто, поскольку глубокий страх сковывает его язык. Благословен тот, кто их видел, и его участь да пребудет благой в мире ином».

Царица Элевсина благодатного
И благ земных подательница всех,
Яви ж свою нам снова милость, о, Деметра,
А с ней и ты, прекраснейшая Персефона!
Ты дев земных всех краше,
И в честь твою я песнь свою слагаю!

* * *

В рассказах о Деметре и Персефоне доминирует идея печали. Деметра – не только богиня урожая, но и в еще большей степени божественная мать, страдающая оттого, что каждый год видит свою дочь умирающей. Персефона же – «дева-повелительница весны и лета», одного легкого шага которой по сухим выжженным холмам достаточно для того, чтобы они вновь покрылись свежей зеленью.

Весны цветоносной я слышу шаги...

Так пишет о шагах Персефоны Сапфо. Но как бы там ни было, Персефона хорошо знала, сколь кратковременна вся эта красота; плоды, цветы, листва, весь зеленый убор земли исчезнет с приходом холодов и, как и она, попадет в объятия смерти. С того самого дня, как ее похитил владыка подземного царства, она – уже совсем не то веселое юное создание, которое когда-то играло на цветущем лугу, не думая ни о малейшей опасности. Правда, она каждую весну восстает из мертвых, но ведь она не забывает, откуда является на землю. При всей красоте в ее лице есть что-то странное, распространяющее ужас вокруг нее. Ее часто называют девой, «чье имя не смеешь произносить».

Олимпийские боги были счастливыми бессмертными. Они были очень далеки от страданий простых людей, обреченных на смерть. Но пусть в дни горя и в час смерти люди с состраданием посмотрят на богиню, которая была охвачена своим глубоким горем и обречена на многократную смерть.

Дионис (Вакх)

История Диониса очень отличается от истории Деметры. Из всех богов Дионис пришел на Олимп последним. Гомер не знает его. Какие-либо ранние сведения о жизни Диониса отсутствуют – за исключением кратких намеков у Гесиода, которые относятся к IX или VIII в. до н. э. Последний гомеровский гимн, написанный, быть может даже, в IV в. до н. э., содержит эпизод с пиратским кораблем, а судьба Пенфея излагается в последней пьесе Еврипида, наиболее близкого к современности из всех греческих поэтов.

Дионис, сын Зевса и царевны Семелы, родился в Фивах. Он был единственным из богов, родитель которого был простым смертным.

Только в Фивах смертные женщины могут
Бессмертных богов породить.

Виной тому, что Семела была самой несчастной женщиной из всех тех, в кого влюблялся Зевс, как всегда, была Гера. Он был безумно влюблен в царевну и обещал ей выполнить любое желание, при этом поклявшись рекой Стикс. Эту клятву даже он не осмелился бы нарушить. Она же заявила ему, что больше всего хотела бы увидеть его во всем могуществе, при всех атрибутах царя богов и повелителя громов и молний. Это желание было вложено в ее сердце Герой. Зевс знал, что ни один смертный не в состоянии увидеть его в таком обличье и остаться в живых, но подделать он уже ничего не мог. Ведь он поклялся Стиксом. Зевс явился именно в том обличье, о котором просила Семела, но, увидев этот апофеоз всежогущего огня, она умерла. Зевс успел выхватить из огня ребенка, который уже должен был вот-вот родиться, и тайком от Геры зашил в собственное бедро, где тот пробыл, пока ему не пришло время появиться на свет. После этого Гермес препоручил его заботам нимф Нисской долины, самой прелестной долины на земле. Правда, никто никогда ее не видел и не может сказать, где она находится. По одной из версий этими нимфами были Гиады, которых Зевс впоследствии поместил на небе в виде созвездия, которое предвещает дождь, если находится низко над горизонтом.

Таким образом, бог вина был рожден в огне и обихожен дождями – огненная жара, нужная для вызревания винограда, и влага, поддерживающая жизнь в лозе.

Достигнув зрелости, Дионис постранствовал по разным удивительным местам. В частности, ему пришлось путешествовать

По Лидии златообильной, по Фригии тоже.
По выжженной солнцем Персиде,
Вдоль стен величавых бактрийских,
По землям мидян, продуваемым всеми ветрами,
И по Аравии благословенной.

Он повсюду учил людей виноградарству, а также мистериям, которые следует устраивать в его честь, и везде, куда он приходил, его встречали как бога. Так продолжалось до тех пор, пока он не подошел к пределам родной страны.

Однажды невдалеке от берегов Греции проходил пиратский корабль. На высоком мысу пираты заметили красивого юношу. Его густые темные волосы свисали на пурпурный плащ, прикрывавший сильные плечи. Он выглядел как царевич, и его родители, вероятно, могли

заплатить за него богатый выкуп. В восторге пираты попрыгали на берег и схватили юношу. На корабле они достали крепкие веревки, чтобы связать пленника, но, к большому их удивлению, не смогли этого сделать: веревки не держались и падали, едва коснувшись его рук или ног. А он сидел и с улыбкой смотрел на них, прищутив черные глаза.

Из всех пиратов только один кормщик понял, в чем дело, и тотчас же закричал, что это, должно быть, бог и его следует тотчас же освободить, иначе всех их постигнет смертельная беда. Но капитан назвал его глупцом и приказал команде немедленно поднять парус.

Ветер наполнил его, но корабль не трогался с места. А потом чудеса начали следовать одно за другим. По палубе потоками потекло ароматное вино, над парусом протянулась виноградная лоза со множеством гроздьев, а темно-зеленый плющ обвился вокруг мачты подобно гирлянде, из которой свешивались цветы и чудесные плоды. В страхе пираты приказали кормщику направляться к берегу. Но было слишком поздно – их пленник превратился в свирепо ревушего льва. При виде его пираты начали прыгать за борт и в мгновение ока превращались в дельфинов. Этому превращения избежал только благоразумный кормщик. Бог пожалел его, удержав на корабле, и приказал не бояться, поскольку он сумел понравиться богу Дионису, рожденному от союза Зевса и Семелы.

Проходя по пути в Грецию через Фракию, Дионис повстречал одного из фракийских царей, Ликурга, нанесшего ему оскорбление тем, что строжайше запрещал вводить культ нового божества. Дионису пришлось отступить и даже искать убежища в морских глубинах. Но потом он вернулся, одолел Ликурга и наказал его за злонравие, хотя и сравнительно мягко,

Заточив его в горах в пещеру мрачную
До тех пор, пока его ярость не угасла,
До тех пор, пока злодей не понял,
Что имеет дело он с бессмертным богом.

Но другие боги не отличались такой же мягкостью. Зевс поразил Ликурга слепотой, после чего тот вскоре умер. Кто поступает против воли богов, не живет долго.

В своих странствиях Дионис однажды наткнулся на критскую царевну Ариадну, пребывавшую в полном одиночестве на острове Наксос, будучи брошенной афинским царевичем Тесеем, которому она спасла жизнь¹⁴. Дионис почувствовал к ней сострадание. Он влюбился в Ариадну и увез ее. Когда она умерла, он взял ее диадему и поместил среди звезд.

Он не забыл и мать, которую никогда не видел. Ему так сильно хотелось ее увидеть, что, наконец, он решил спуститься в подземный мир и поискать ее там. Найдя Семелу, он стал оспаривать право демона Смерти удерживать ее в Аиде вдаль от него. И Танат уступил. Дионис вывел свою мать из Аида, но не для того, чтобы она продолжала жить на земле. Он поселил ее на Олимпе, причем боги согласились принять ее в своем кругу как равную, хотя и смертную, но породившую бога и поэтому достойную жить среди богов.

Бог вина был добрым, благодетельствовал людям. Но он мог быть жестоким и вынуждать их совершать поистине страшные поступки. Менадами или Вакханками назывались его спутницы, доводимые вином до иступления. С дикими криками они носились по лесам и горам, размахивая жезлами, украшенными на конце сосновыми шишечками. Они пребывали в состоянии неопишуемого, свирепого экстаза, и ничто не могло их остановить. Они раздирали на части встреченных ими диких зверей и с радостью поедали куски окровавленного мяса. При этом они безумными голосами неустанно распевали песни о прелестях своей дикой жизни.

О, как радостно на горах
Петь, и плясать, и кружиться,

В танце безумном несясь!
О, как чудно, припав к земле,
Бросившись быстрым скачком,
За дикой козой погнаться!
Как же сладостно пить ее кровь
И мясо на части рвать!

Боги Олимпа любили красоту, торжественность и порядок при жертвоприношениях, производимых в их храмах. У полубезумных менад храмов не было. Почтить божество они убегали в глухие места, в самые дикие горы, в самые глухие чащобы, как будто возрождая обычаи древних времен, когда люди еще не додумались до постройки жилищ для своих богов. Они устремлялись из пропыленных, перенаселенных городов назад к первозданной чистоте холмов и лесных чащ с их нетоптанными тропинками.

Там Дионис предоставлял им пищу: травы, коренья, молоко дикой козы. Их постелями служили травы медовых лугов; они могли спать под густыми деревьями, под соснами, почву под кронами которых год за годом усыпали иголки. Они обретали ощущение умиротворенности, небесной свежести; купаться они ходили к чистым, прозрачным источникам. В этом служении божеству под открытым небом было столько доброго, милого и очищающего; оно вносило экстатическую радость в дикую красоту мира. И с этой радостью соседствовали ужасные кровавые пиршества!

Культ Диониса базировался именно на этих двух очень далеких друг от друга идеях – идее свободы и экстатической радости и идеи дикой брутальности. Своим почитателям Дионис мог предложить и то и другое. На протяжении всего своего земного пути он становился для человека как благословением, так и причиной его гибели. Из всех ужасных событий, лежащих на его совести, самое ужасное произошло в Фивах, родном городе его матери.

В Фивы Дионис пришел, чтобы установить там свой культ. Как обычно, его сопровождала свита женщин, одетых в шкуры молодых оленей, пляшущих, распевающих гимны в его честь и размахивающих увитыми плющом жезлами. Казалось, они были вне себя от переполняющей их радости.

Вершись, Вакханалия,
Дерзко вершись!
Славу Дионису пой
Под громко звучащий бубен!
С радостью славь его,
Того, кто сам радость нам дарит.
Священные звуки кимвалов несутся
Вверх по холмам.
Вперед, Вакханалия,
Скорая на ногу,
Вперед, все вперед!

Фиванский царь Пенфей был сыном сестры Семелы. Однако ему и в голову не приходило, что предводитель этой компании возбужденных и по меньшей мере странно ведущих себя женщин – его собственный двоюродный брат. Он не знал, что, когда Семела умерла, Зевс спас ее младенца. Буйные пляски, громкие песни да и вообще не вполне нормальное поведение незваных гостей представлялись ему предосудительными, и их следовало немедленно прекратить. Пенфей тотчас же приказал страже схватить и бросить в темницу всех пришельцев и в первую очередь их предводителя, «этого фокусничающего лидийского мошенника с физиономией, налитой кровью от выпитого вина». Однако, когда Пенфей отдавал страже этот приказ, он неожиданно услышал за своей спиной строгие слова

предупреждения: «Тот, кого ты хочешь отвергнуть, – новый бог. Он сын Семелы, спасенный Зевсом. Здесь, на земле, он вместе с великой Деметрой – самые главные боги». Этот голос принадлежал старому и слепому пророку Тересию, которого почитали в Фивах как святого и который, как никто другой, прозревал волю богов. Но когда Пенфей обернулся, чтобы ответить ему, он увидел, что тот наряжен как вакханка: венок из плюща на седых волосах, старые дряхлые плечи покрыты оленьей шкурой, кривая палка с набалдашником из сосновой шишки в трясущейся руке. Насмешливо расхохотавшись, Пенфей с презрением приказал ему убираться с глаз долой. Этим поступком он навлек на себя гнев судьбы: он не расслышал, как с ним говорили боги.

Затем его воины привели к нему Диониса. Они рассказали, что тот не пытался ни бежать, ни сопротивляться, но, наоборот, делал все, чтобы им было легче его задержать и доставить в темницу, пока они не устыдились и не напомнили ему, что действуют не по своей воле, а по царскому приказу. Они также сообщили, что все девицы, которых они посадили под замок, бежали в горы. Пути на них не держались, а двери раскрывались сами. «Этот человек, – заявили они, – уже совершил в Фивах немало чудес...»

Но в этот момент Пенфея не занимало ничто, кроме его гнева и презрения. Он грубо поговорил с Дионисом, который со своей стороны, казалось, старался добраться до настоящего «я» Пенфея и открыть ему глаза на то, что в данный момент он стоит лицом к лицу с богом. Дионис объяснил ему, что он не сможет удерживать его в тюрьме, потому что «его освободит бог».

– Бог? – с усмешкой переспросил Пенфей.

– Да, – отвечал Дионис. – Он здесь, и он зрит мои страдания.

– Но мои глаза его не видят, – парировал Пенфей.

– Он там, где нахожусь я, – продолжал Дионис. – Ты его видеть не можешь, потому что ты нечист.

Разгневанный Пенфей приказал связать Диониса и снова бросить его в тюрьму, и тот ушел, бросив на прощание:

– Обиды, которые ты причиняешь мне, на самом деле ты причиняешь богам.

Тюремные стены, естественно, не могли удержать Диониса. Он ушел из тюрьмы и, придя к Пенфею, пытался убедить его уступить обстоятельствам, о божественном характере которых свидетельствовали явленные им чудеса, и принять культ нового, великого бога. Поскольку же Пенфей продолжал лишь наносить ему оскорбления и угрожать, Дионис предоставил его своей судьбе. Это было самое ужасное, что только могло произойти с Пенфеем.

Пенфей отправился схватить последовательниц Диониса среди холмов, куда они бежали, освободившись из тюрьмы. К ним присоединилось множество фиванских женщин; среди них были также и мать Пенфея, и ее сестры. И здесь Дионис явил себя с самой страшной стороны: всех, кто там ни был, он превратил в сумасшедших. Женщины приняли Пенфея за дикого зверя, горного льва, и бросились на него, чтобы убить. И первой среди них была его мать. Когда они напали на него, Пенфей наконец понял, что он пытался бороться с богом и должен заплатить за это жизнью. Женщины отрывали от его тела кусок за куском, и лишь тогда бог вернул им разум, и его мать поняла, какое преступление совершила. Глядя на то, как она страдает, вакханки, наконец отрезвев, прекратили и плясать, и петь, и дико размахивать своими жезлами, и одна из них обратилась к другой со следующими словами:

В различных обличьях приходят бессмертные к людям,
И много чудных дел богами в мире свершено,
И то, что смертный ожидал увидеть,
Свершалось порой совсем иным путем.
Бессмертный находил для нас такие тропы,
Которые увидеть мы сами б не смогли.

* * *

Точки зрения на Диониса, положенные в основу этих очень различных сказаний о его деяниях, на первый взгляд противоречивы. Согласно одной из них, он – бог, воплощающий радость.

Локоны бога повязкой золотой перетянуты.
О, Вакх краснощекий,
Покровитель менад,
Радости факел вздымающих.

Согласно другой точке зрения, он – бог бессердечный, дикий, brutальный. Тогда он -

Тот, кто с насмешкой во взоре
Травит добычу свою и
Гонит в ловушку, пока не загонит до смерти
С толпою вакханок.

Истина же состоит в том, что обе точки зрения очень просто и вполне резонно объясняются тем фактом, что он – бог вина, а вино, как известно, производит как позитивные, так и негативные эффекты. Оно веселит и согревает сердца людей, но оно же делает их пьяными. Древние греки были народом, который видел факты очень четко. Они не могли закрывать глаза на отвратительную сторону винопийства, приводящую к деградации человеческой личности, и видеть только его другую сторону, которой, пожалуй, можно и восторгаться. Итак, Дионис был богом Вина, то есть располагал властью, которая подчас могла вынуждать людей совершать страшные, омерзительные поступки. Никто не сможет их защитить, да никто и не будет особенно жалеть Пенфея за понесенное им наказание. Но, говорили греки друг другу, подобные вещи случаются только тогда, когда люди не знают меры в питье. Но эта истина не ослепляла их настолько, чтобы не видеть другую истину: вино – родник радости, оно облегчает людские сердца, дает ощущение беззаботной легкости, приносит удовлетворение и веселость.

Льется напиток Диониса,
И от сердца каждого смертного
Заботы его отступают.
Тогда отправляемся мы
В дальние страны,
Которых не видел никто.
Там бедный становится Крезом,
Богатый же – великодушным.
Ведь только Вакховы стрелы
Способны весь мир покорить.

Причина того, что Дионис так по-разному проявляет себя при разных обстоятельствах, коренится именно в двойной природе вина и соответственно бога вина. Он может облагодетельствовать человека, но может его и погубить.

Как благодетель человека, он не только бог, который может его развеселить. Ведь его кубок

И жизнь дает, и исцеляет каждую болезнь.

Кубок прибавляет храбрости, по меньшей мере на данный момент. Он поднимает его почитателей над собой; он заставляет чувствовать, что они могут совершить то, чего, по собственным представлениям, сделать не способны. Все это ощущение счастливой раскованности и уверенности в себе, конечно, проходило, когда они трезвели или, напротив, становились пьяными, но пока оно длилось, им казалось, что ими овладела сила более могучая, чем они сами. Таким образом, в связи с образом Диониса у людей возникали чувства, которых не испытывали, представляя других богов. Он существовал не только вне их – скорее пребывая в них самих. Он мог преобразовать их в сущности, подобные себе самому. Преходящее чувство ликования от осознания собственной силы, которое может дать вино, было только знаком, показывающим людям, что внутри их есть нечто большее того, что было им уже известно. «Они могли сами становиться божествами».

Мыслить в таком роде означало очень далеко отойти от старого представления о служении богу, как о процессе выпивания вина в количестве, достаточном для того, чтобы развеселиться или почувствовать себя свободным от забот или же просто напиться пьяным. Ведь существовали поклонники Диониса, никогда вина не пившие. Неизвестно, когда же произошел великий переворот, поднявший бога, дающего людям на какой-то момент свободу путем опьянения, до уровня бога, дающего людям свободу, внушая им вдохновение. Тем не менее один очень важный результат этого переворота на все будущие века сделал Диониса самым значительным из богов Греции.

Элевсинские мистерии, которые всегда были посвящены в основном Деметре, имели действительно очень большое значение. В течение столетий они помогали людям, как отмечал Цицерон, «жить с радостью и умирать с надеждой». Но их влияние не сохранилось надолго, весьма вероятно потому, что никому не позволялось открыто проповедовать их идеологические основы или писать о них. В конце концов о них остались довольно темные воспоминания. С Дионисом дела обстояли совсем иначе. Все, что происходило на торжественных празднествах в его честь, было открыто для всего мира и продолжает оказывать влияние и в наши дни. Ни один из проходивших в Греции праздников не мог с ним сравниться. Он проводился весной, когда начинает давать побеги виноградная лоза, и длился пять дней. Это были дни, исполненные совершенного мира и радости. Все бытовые заботы исключались. Ни одного человека нельзя было посадить в тюрьму; заключенных даже выпускали для того, чтобы они могли принять участие в общем ликовании. Место, где почитатели Диониса собирались оказать должное своему богу, вовсе не было какой-нибудь дикой пустыней, ужасающей страшными или кровавыми деяниями, которые когда-либо там происходили. Это даже не был храмовый двор, где приносились бы положенные жертвы и жрецы совершали бы надлежащие церемонии. Этим местом был театр, а церемонией – театральная постановка. Наилучшие стихи в Греции, которые включают в число лучших в мире, были написаны для Диониса. Поэты, писавшие пьесы, занятые в них актеры и певцы – все рассматривались как служители бога. Постановки пьес считались священнодействием; зрители наряду с авторами пьес и исполнителями тоже были участниками акта почитания бога. Предполагалось, что на спектакле присутствует сам Дионис; его жрец восседал на почетном месте.

Отсюда со всей очевидностью вытекает, что идея бога – носителя вдохновения, который мог передавать людям свой душевный настрой, лад, в результате чего они оказывались в состоянии сочинять и представлять великолепные пьесы, приобрела гораздо большую важность, чем все прежние представления о нем. В театре Диониса ставились первые трагические пьесы, которые относятся к числу лучших в мире и не превзойдены никем, за исключением Шекспира. В этом театре ставились и комедии, но они значительно уступали трагедиям, и тому есть причина.

Этот удивительный бог, веселый повеса, жестокий преследователь и вдохновитель на великие дела, был также и страдальцем. Как и Деметра, он был охвачен страданием, но не за кого-то другого, как она, а за себя самого. Ведь он – виноградная лоза, которую подрезают, как никакое другое растение, способное приносить плоды; при этом удаляется каждая ветка

и остается один только голый ствол. Зимой лоза кажется омертвевшим куском дерева, старым искривленным обрубком, видимо даже не способным дать новые побеги. Как и Персефона, с наступлением холодов Дионис каждый год умирал. Но в отличие от нее его смерть была ужасной: он был разорван на части, по одной версии, титанами, по другой – по приказу Геры. Каждый раз возвращался к жизни, умирал и снова воскресал. В его театре, собственно, и праздновалось его радостное воскрешение, но память о страшных деяниях, совершенных по отношению к нему или, наоборот, под его влиянием, слишком тесно связана с его образом, чтобы быть забытой. Он был больше чем просто страдающий бог. Других таких не было.

В его культе была и еще одна сторона. Его история была гарантией того, что смерть не может длиться вечно. Последователи полагали, что, как показывают его смерть и воскрешение, покинув мертвое тело, душа живет вечно. Утверждение этой веры было частью и Элевсинских мистерий. Первоначально оно было связано с именем Персефоны, которая также каждую весну восставала из смерти. Но в качестве владычицы мрачного подземного царства она даже в светлом верхнем мире сохраняла чуждый этому миру жутковатый налет. Действительно, как это она, всегда и всюду распространявшая воспоминание о смерти уже одним своим появлением, может быть символом воскрешения, победы над смертью? Дионис же, напротив, никогда не мыслился силой из царства мертвых. О Персефоне, как владычице этого царства, известно немало сказаний; о Дионисе же известно только одно, в котором он выводит из Аида свою мать. В своем воскрешении он – воплощение жизни, которая оказывается сильнее, чем смерть. Он, а не Персефона, оказался центральной фигурой веры в бессмертие.

Около 80 г. н. э. великий греческий писатель Плутарх, находясь вдалеке от дома, получил известие, что умерла его дочь – ребенок, как он отмечает, очень мягкий и нежный. В своем письме жене он пишет: «Насчет того, что, как ты слышала, дорогая супруга, душа, отделенная от тела, перестает существовать и не чувствует ничего, мне известно, что ты не веришь этим заверениям из-за священных и правдивых обетов, которые даются во время мистерий Вакха и которые ведомы нам, как лицам, принадлежащим к этому религиозному сообществу. Мы твердо считаем несомненной истиной, что наша душа нетленна и бессмертна. Мы должны думать [о мертвых], что они переходят в более хорошее место и в более счастливые условия. Давай вести себя соответственно, подстраивая наши жизни под внешние обстоятельства, но внутри нас все должно быть чище, мудрее, нетленнее».

Глава 3 Как были созданы мир и люди

За исключением сказания о наказании Прометей, изложенного Эсхилом в V в. до н. э., материал для этой главы взят мною в основном из Гесиода, жившего по меньшей мере на триста лет раньше. Он – главный авторитет в области мифов о начале всего сущего. Его подход характеризуют недоработанность сказания о Кроне и наивность истории Пандоры.

В начале был Хаос, эта черно-бездонная пропасть...
Как море он яростен,
Но и пустынен, и мрачен, и дик.

Эти слова, принадлежащие Мильтону, очень точно выражают соображения древних греков относительно того, что же существовало в начале всех вещей. В далеком темном прошлом, бесчисленное множество веков тому назад, задолго до появления богов существовала только некая бесформенная и неупорядоченная масса Хаоса, над которой нависала еще не разделившаяся тьма. Наконец, но каким образом, никто так и не пытался выяснить, это бесформенное еще небытие породило двух детей. Их звали Ночь и Эреб. Это имя означает неимоверной глубины бездну, в которой обитает смерть. Во всей вселенной не существовало ничего другого; все было черным, пустым, безмолвным и бесконечным.

А потом произошло чудо из чудес. Каким-то таинственным образом из этой ужасной, лишенной какого-либо содержания пустоты вдруг появилась самая прекрасная вещь на свете. Автор множества пьес, великий комический поэт Аристофан живописует ее появление в следующих часто цитируемых строках.

...ночь с черными крылами
В глубоко-черную Эреба грудь
Яйцо вложила. И прошли столетья,
И из той груди Любовь родилась,
Сияя, долгожданная, с крылами золотыми.

Итак, Любовь родилась от союза Ночной тьмы и Смерти, и после ее рождения порядок и красота начали постепенно изгонять неупорядоченность из мира. Любовь создала Свет и его спутника, сияющий День.

Затем была создана Земля, но каким образом и при каких обстоятельствах, никто тоже выяснить не пытался. Просто она была создана, и все. Правда, с появлением Любви и Света ее появление выглядело вполне оправданным. Поэт Гесиод, первый грек, пытавшийся объяснить дальнейшее формирование мироздания, описывал этот процесс следующим образом:

Земля преблагодатнейшая родилась,
Широкогрудая и на себе несущая
Все вещи прочие. И сразу родила она
С звездами Небо, по мощи себе равное,
Чтобы прикрыть себя со всех сторон
И дать жилище всем богам благословенным.

Во всей этой картине мироздания еще не делалось различий между астральными категориями и их персонификациями. Земля мыслилась как твердь и – хотя смутно – как некое живое существо. Небо мыслилось как расположенный над Землей голубой небосвод, хотя в некоторых случаях оно действовало так, как поступало бы человеческое существо. Для людей, рассказывавших эти истории, вся вселенная была живым организмом с тем же типом жизни, какой они наблюдали у себя. Они были индивидуумами и поэтому наделяли личностными свойствами все, что обладало очевидными признаками жизни, все, что двигалось и изменялось: землю в зимний и летний сезоны; небо с перемещающимися на нем звездами; беспокойное море и т. д. Правда, это была довольно нечеткая персонификация: подразумевалось нечто неопределенное и вместе с тем огромное, что своим движением вызывало изменения и поэтому было живым.

Но когда эти ранние «космографы» заговаривали о приходе Любви и Света, они тем самым готовили почву для появления человечества, и персонифицировать главные объекты

мироздания они начали более строго и точно. Силам природы они придали определенные формы. Они думали о них как о предтечах человечества и наделяли их личностными свойствами в гораздо большей степени, чем землю или небеса. По их мнению, силы природы во всех отношениях вели себя как человеческие существа, например, ходили и вкушали пищу, чего, очевидно, не могли совершать Земля и Небо. Они, так или иначе, стояли в стороне от других стихийных сил. Они были, конечно, живыми, но это свойство проявлялось в них особенным образом.

Первыми существами, которых вполне можно было назвать живыми, были дети Матери-Земли и Отца-Неба (Геи и Урана). Они были чудовищами. Как мы представляем себе, что земля была когда-то заселена немыслимыми гигантскими созданиями, так считали и древние греки. Однако они мыслили их не в виде, скажем, гигантских ящеров или мамонтов; они представлялись в чем-то человекоподобными, но все-таки не людьми. Они обладали разрушительной силой, сравнимой с мощностью землетрясений, ураганов и вулканов. В сказаниях они не выступают в виде реальных живых существ. Скорее, принадлежат миру, в котором жизни, как таковой, еще не существовало: происходили лишь гигантские перемещения непреодолимых сил, вздымающих горы и осушающих моря. Греки, очевидно, воспринимали эти силы именно так, поскольку в своих сказаниях подразумевают в них существование жизни, но в форме, не похожей ни на одну из жизненных форм, известных человеку.

Трое из этих существ, гигантских и чудовищно сильных, имели по сто рук и по пятьдесят голов. Трое других получили имя киклопов (циклопов), то есть «круглоглазых», потому что у каждого из них был только один огромный глаз, круглый, как колесо, и размещавшийся в середине лба. Киклопы тоже были гигантского роста и, возвышаясь над поверхностью земли как огромные горы, отличались невероятной разрушительной силой. Последними у Геи и Урана на свет появились титаны. Их было много, и они совсем не уступали своим старшим братьям ни ростом, ни мощностью, но они не воплощали собой чисто разрушительные силы. Некоторые из них даже оказывали людям beneficia. После того как были сотворены люди, один из них даже спас человечество от гибели.

Эти ужасные создания вполне естественно мыслить как детей Матери-Земли, исторгнутых ею из своих мрачных недр, когда мир был еще молод. Но крайне удивительно, что они считались также детьми Неба. Однако греки представляли себе ситуацию именно таковой и, кстати, представили Урана довольно скверным отцом. Он возненавидел создания со ста руками и пятьюдесятью головами, хотя они и были его собственными сыновьями, и по мере того, как они появлялись на свет, заключал их в одном ему известном месте в глубинах Земли. Киклопов и титанов он на время оставил в покое; но Гея, разъяренная подобным обращением с ее детьми, обратилась за помощью к другим своим детям. Достаточно смелым оказался только один из них – титан Крон. Он выждал удобный момент и жестоко искалечил отца. Из его крови родились гиганты – четвертое поколение чудовищ. Из этой же крови родились Эринии (Фурии). Их задачей было преследовать и наказывать грешников. Их называли «те, кто ходят во мраке». На них, с их извивающимися змеями вместо волос и глазами, источающими кровавые слезы, было страшно смотреть. Все прочие чудовища в конце концов были изгнаны с земли – но только не Эринии. Пока в мире существовал грех, изгонять их было нельзя.

С этого времени на бесчисленное множество веков хозяином мира стал Крон (римляне называли его Сатурн) вместе со своей женой-сестрой Реей (Оне по-латыни). В конце концов против него восстал один из его сыновей, будущий повелитель неба и земли. Греки звали его Зевс, а римляне – Юпитер. На восстание у него были причины, поскольку Крону стало известно, что один из его сыновей со временем свергнет его с трона, и Крон задумал обмануть судьбу, проглатывая своих детей по мере того, как они рождались. Но когда Рея родила Зевса, своего шестого ребенка, ей удалось тайно перенести его на Крит. Супругу же она подсунула большой завернутый в пеленки камень, который Крон принял за ребенка и проглотил. Когда Зевс подрос, он с помощью своей бабки Геи заставил своего отца

извергнуть и этот камень, и пять своих старших братьев и сестер. Камень был установлен в Дельфах; века спустя великий путешественник Павсаний сообщил, что видел этот камень около 180 г. н. э.: «Это – камень не очень больших размеров, который дельфийские жрецы каждый день умащивают маслом».

В дальнейшем последовала ужасная война между Кроном, которому помогали его братья-титаны, против Зевса и его пяти братьев и сестер. Эта война чуть было не погубила всю вселенную.

Ужасный рев прошел над бурным морем —
Ведь вся Земля издала этот мощный рев;
И вторило ему в раскатах Небо.
И с основанья сдвинулся Олимп
Под натиском богов из поколения Зевса,
И дрожь Земли до Тартара проникла.

Титаны были побеждены, отчасти потому, что Зевс освободил из тюрьмы сторуких чудовищ, которые стали сражаться на его стороне с помощью своего неодолимого оружия: грома, молнии, землетрясений, а также потому, что мудрейший титан Прометей, один из сыновей титана Иапета, стал на сторону Зевса.

Зевс подверг побежденных противников страшному наказанию. Они были

Прикованы цепями под Землею,
И так далеко от ее поверхности,
Как высоко над нею Небо поднято —
Так глубоко таится мрачный Тартар.
Ведь девять дней и столько же ночей
Тяжелая из бронзы наковальня
Летела бы с небес на Землю
И на десятый день лишь достигла бы ее.
И столько же она летела б вниз,
Чтоб Тартара достичь.

Атланта, брата Прометея, постигла еще более жестокая судьба. Он вынужден

Выносить на гордой вые не только тяжесть
От сознания гибели союзников-титанов,
Но и всю тяжесть голубого небосвода.
На раменах его – огромный столп,
Что разделяет небеса и землю, —
Груз, им едва переносимый.

Держа на плечах этот груз, он обречен вечно стоять в том окутанном мраком и темными тучами месте, где сходятся Ночь и День, приветствуя друг друга. В находящихся здесь чертогах они никогда не бывают вместе. Один из них, уходя, всегда направляется на землю, а другой, в чертогах, дожидается часа, когда он сам сможет пуститься в путешествие. Действительно, один несет с собой свет дня для обитателей земли, а другой удерживает при себе Морфея (Сон), его брата Таната (Смерть).

Но даже после того, как титаны были побеждены и сокрушены, Зевс не мог ощущать себя полным победителем. Гея породила свое последнее и самое ужасное детище, более страшное, чем все те, которые появлялись у нее раньше. Его звали Тифон. Это было

Чудовище, что, сто голов имея,

Восстало сразу против всех богов.
Смерть дышит из его ужасных глоток,
Глаза пылают бешенства огнем.

Но теперь громами и молниями распоряжался исключительно Зевс. Этим оружием не мог воспользоваться больше никто. Он поразил Тифона

Перуном, что никогда не спит.
Раздался грохот, и дыхание огня
Прожгло Тифону внутренность насквозь.
Остался от чудовища лишь пепел.
Теперь не устрасит уж никого
Тот, кто еще совсем недавно
Близ Этны реки заставлял вскипать
И опалял поля Сицилии цветущей.
Теперь он никому вреда не причинит
Своими огнедышащими глотками.

Несколько позднее была предпринята еще одна попытка свергнуть Зевса – восстали гиганты. Но к этому времени боги уже обладали достаточно большой мощностью; к тому же к ним на помощь пришел сын Зевса, могучий Геракл. Гиганты были побеждены и сброшены в Тартар, и победа светлых сил Неба над темными силами Земли была полной. С этого времени Зевс, а также его братья и сестры стали неоспоримыми владыками вселенной.

Тем не менее людей на земле по-прежнему не было, хотя мир, уже очищенный от чудовищ, был готов принять человечество в свои пределы. В этом мире люди могли жить в относительном комфорте и безопасности, не страшась неожиданной встречи с титаном или гигантом. Земля считалась круглой лепешкой, разделенной на две части Морем – Понтом, как называли его греки (для нас это Средиземное море), и морем, которое мы называем Черным. Первоначально греки называли его Понтом Аксинским, то есть «негостеприимным морем», а впоследствии, поближе с ним познакомившись, стали именовать его Понт Эвксинский, что означает «гостеприимное море». Иногда предполагается, что они стали применять это название, надеясь таким образом заручиться его расположением. Землю обтекает огромная река, Океан, не знающая ни ветра, ни штормов. На дальнем берегу Океана живут странные, окруженные покровом тайны народы, путь в страны которых редко кто находил. Известно, что там жили киммерийцы, но в какую сторону от Океана: к востоку, западу, северу, югу, никто не знал. Их страна была всегда окутана туманами и закрыта от солнца тучами. Туда никогда не проникал свет дня, не заглядывало лучистое солнце – ни когда поднималось по небосводу на рассвете, ни тогда, когда по вечерам опускалось к земле. Бесконечная ночь распростирала свои крылья над меланхоличными людьми, населяющими эти земли.

Однако все прочие народы, обитающие на другом берегу Океана, вполне довольны жизнью. На самом дальнем Севере, далеко позади дворца Борея, северного ветра, расположена благословенная страна, где живут гипербореи. Ее смогли посетить только немногие великие герои. Пути к месту обитания гипербореев нельзя найти ни на корабле, ни пешком. Однако известно, что неподалеку от них живут Музы. У гипербореев можно повсюду увидеть танцующих дев, услышать чистые звуки лиры и задорные нотки флейт. Они украшают себя золотыми лавровыми венками и весело пируют. Этот счастливый народ не знает ни болезней, ни ведущей к смерти старости. Далеко на юге расположена страна эфиопов, о которых мы знаем только то, что боги очень благоволят им и часто бывают на их пирах.

На берегу Океана расположена и страна блаженных. В этой стране не бывало ни

снегопадов, ни суровых зим, ни проливных дождей. Лишь со стороны Океана дул нежный и мягкий Зефир, западный ветер, освежая человеческие души. Сюда, покидая землю, попадали лишь те, кто сохранил себя чистым от всяческого зла.

Теперь их жребий – доля беззаботная.
Теперь не нужно им идти за плугом
Иль в море выходить
На поиск пропитанья своего.
И будучи богами из страны,
Теперь они вовек не знают слез.
И здесь, на Островах блаженных,
Благословенный дует ветерок,
И золото цветов пылает на деревьях
И на волнах морских.

Итак, теперь все было подготовлено для появления на земле человечества. Были предусмотрены даже особые места для размещения праведных и грешных душ после смерти. И пора создавать людей настала. По поводу того, как это случилось, существуют разные версии. Согласно одной из них, эта задача была поручена богами Прометею, который сражался на стороне Зевса в его войне с другими титанами, и его брату Эпиметею. Прометей, имя которого означает «промыслитель», то есть «смотрящий вперед», обладал огромной мудростью, гораздо большей, чем мудрость богов, а Эпиметей, то есть «смотрящий назад», был большим туподумом, который, принимая решения, следовал первому импульсу, а потом изменял уже принятое решение. Так он поступил и в этом случае. Прежде чем создавать людей, он отдал животным все лучшие дары: силу, быстроту ног, хитрость, шерсть или мех, перья, крылья, панцири, и людям не осталось ничего хорошего: ни средств защиты от нападения, ни качеств, которые позволили бы им конкурировать с животными. Он пожалел о содеянном, но, как всегда, слишком поздно, и запросил помощи у брата. Прометей же, оценив ситуацию, все-таки придумал способ обеспечить человечеству превосходство. Прежде всего он заставил их передвигаться не как животные на четырех ногах, а как боги – на двух. А затем он отправился на небеса, к солнцу, где зажег факел и сбросил его на землю¹⁵. Огонь мог защитить человека лучше, чем любое иное средство – будь то мех или перья, сила рук или быстрота ног.

И теперь хоть и слабый, недолго живущий,
Человек, получивши огонь,
Приобрел много сил, много новых умений.

В соответствии с другой версией людей создали сами боги. Сначала они создали золотую расу людей. Эти люди, хотя и были смертными, жили подобно богам, не ведая печалей, не зная боли и тяжелого труда. Земля сама давала им в избытке свои плоды. Было у них и множество домашних животных. Их любили боги; когда они умирали, то превращались в духов, благодетелей и покровителей человечества.

В этом сказании о сотворении человечества боги как будто бы склонны экспериментировать с различными металлами, причем начинают они с самого благородного металла, затем переходят к менее благородному и т. д. Действительно, испытав золото, боги решили испробовать серебро. Вторая, серебряная раса, намного уступала первой. Рассудка у людей этой расы было настолько мало, что они не могли удерживаться от того, чтобы походя не увечить, не ранить друг друга. Они тоже сошли со сцены, но в отличие от золотой расы их души не продолжали жить после смерти. Следующая раса была создана из меди. Это были ужасные люди, обладающие чудовищной силой и настолько склонные к войне и насилию, что полностью погубили себя своими собственными руками. Это оказалось к лучшему,

поскольку вслед за ними на земле появилась раса богоподобных героев, которые вели блистательные войны и совершали грандиозные подвиги, о которых люди говорили и пели в течение многих веков. В конце концов все они попали на Острова блаженных, где будут пребывать вечно.

Последняя раса – это ныне живущие на земле люди, железная раса. Они живут в суровые, злые времена, и в их природу заложено слишком много зла. Поэтому они всегда будут знать и печаль, и тяжелый труд. Со сменой поколений они становятся все хуже и хуже: сыновья всегда мельче отцов. Придет день, когда они станут настолько дурными, что будут обожествлять мощь; место гнева у них займет сила, и они перестанут почитать богов. В конце концов, когда уже ни один человек не будет испытывать негодования при виде несправедливости или не ощутит чувства стыда, увидев недостойное, Зевс уничтожит и их. Но все же и тогда кое-что может быть сделано, если только простые люди поднимутся на борьбу и свергнут угнетающих их правителей.

* * *

Как бы ни отличались друг от друга два приведенных выше сказания: о пяти веках и о Прометее и Эпиметее, в них совпадает одно обстоятельство. А именно в течение длительного времени, видимо всего «золотого века», на земле существовали только мужчины и совсем не было женщин. Их Зевс создал позже, разгневавшись на Прометея за его чрезмерную заботу о мужчинах. Прометей не только похитил огонь для мужчин; он устроил так, что они получали лучшую часть мяса жертвенных животных, а боги – худшую. Однажды он зарезал огромного быка и завернул самые съедобные куски мяса в шкуру, положив поверх нее внутренности. Рядом он аккуратно сложил еще одну кучу из всех имевшихся костей и прикрыл блестящим жиром, после чего предложил Зевсу выбрать любую из них. Зевс выбрал кучу с белым жиром. Увидев же старательно выложенные кости, он, естественно, очень рассердился. Но выбор был сделан, и отказываться он не имел права. Поэтому с тех пор на алтари богов выкладывают только жир и кости, а мясо оставляют для людей.

Пандора подняла крышку, и из сосуда вылетели все беды и горести человечества.

Но не таков был отец богов и людей, чтобы терпеть подобное обхождение. Он поклялся отомстить за обиду прежде всего человечеству, а затем его другу. Он приготовил для мужчин большое зло. Это зло пришло в мир в облике приятной, более того, красивой и в то же время застенчивой женщины. Все боги дарили ей подарки: серебристые одежды, расшитое покрывало, гирлянды из прекрасных цветов и золотую корону. Она вся светилась красотой. Поскольку она была щедро одарена, ее стали называть Пандора, что означает «Всею одаренная». После того как эта ходячая катастрофа была сотворена, Зевс представил ее богам, и все: и боги, и люди – не могли надивиться, глядя на нее. От нее, первой женщины, и ведут свое происхождение все остальные женщины – это воплощение зла для мужчин; ведь совершать зло требует сама их природа.

В другом сказании о Пандоре утверждается, что причина всех несчастий, происходящих с мужчинами, кроется вовсе не в дурных наклонностях Пандоры, а просто-напросто в ее любопытстве. Боги подарили ей шкатулку, в которую каждый из них спрятал какую-нибудь беду или неприятность, и запретили Пандоре когда-нибудь ее открывать. А затем они отослали Пандору к Эпиметею, обрадовавшемуся встрече с ней, хотя Прометей и предупреждал его, что принимать от Зевса ничего нельзя. Только потом, когда это опаснейшее существо, женщина, стала его женой, он понял, насколько хорош был совет

его брата. Дело в том, что Пандора, как и все женщины, была невероятно любопытна. Она *должна была* знать, что находится в шкатулке. Однажды она подняла крышку, и все бесчисленные беды, несчастья и горести человечества вылетели наружу. В ужасе Пандора захлопнула крышку, но было уже поздно. В шкатулке содержалась только одна приятная людям вещь – надежда, одна – среди множества бед, и там это единственное утешение человечества в его бедствиях и пребывает до сих пор. Так смертные узнали, что от Зевса нельзя ждать ничего хорошего, да и пытаться обмануть его не следует. Мудрый и сострадающий человечеству Прометей постиг эту истину тоже.

После того как Зевс наказал мужчин, введя в их мир женщину, он перенес свое внимание на самого главного грешника. Новый правитель мира был многим обязан Прометею за помощь в войне с титанами и победу над ними, но об этом он постарался забыть. Зевс призвал своих слуг Власть и Силу и приказал им схватить Прометея и перенести на Кавказ, где они должны

...святотатца этого
К скалистым здешним кругам крепко-накрепко
Железными цепями приковать навек.

Затем они сообщают Прометею, что

Не будет часа, чтобы мукой новою
Ты не томился. Нет тебе спасителя.
Вот человеколюбья твоего плоды.
Что ж, поделом, ты бог, но гнева божьего
Ты не боялся, а безмерно смертных чтил.
И потому на камне этом горестном
Коленей не сгибая, не смыкая глаз,
Даль оглашая воплями напрасными,
Висеть ты будешь вечно.

Смысл этих попыток был не только в том, чтобы наказать Прометея, но и вынудить его раскрыть секрет, весьма важный для хозяина Олимпа. Зевс знал, что Судьба, устанавливающая порядок смены вещей, определила, что однажды у него должен родиться сын, который свергнет его с трона и прогонит богов из их небесных чертогов. Но только Прометею было известно, кто станет матерью этого сына. И когда Прометей лежал прикованным к скале, Зевс послал к нему своего вестника, Гермеса, с приказом раскрыть этот секрет. Прометей же дает ему гневную отповедь:

В ушах твоя навязла речь, как моря шум.
Не смей и думать, что решенья Зевсова
По-женски устрапшусь я и, как женщина
Заламывая руки, ненавистного
Просить начну тирана...

Гермес предупреждает Прометея, что, если тот будет упорствовать, он навлечет на себя еще более тяжкие страдания.

...и крылатый Зевсов пес,
Орел, от крови красный, будет с жадностью
Лоскутья тела твоего, за кусом кус,
Терзать и рвать и клювом в печень черную
Впиваться каждодневно, злой, незванный гость.

Ничто – ни угрозы, ни муки не могли сломить Прометея. Его тело было оковано, но дух – свободен. Он отказывался подчиняться жестокости и тирании. Он знал, что добросовестно послужил Зевсу и совершенно правильно поступил, пожалев смертных в их бессилии.

Страданиям он подвергается совершенно несправедливо, и он никогда и ни за что не сдастся жестокой власти. Гермесу он заявляет, что

Ни хитрости, ни пытки нет, которыми
Меня склонить удастся к откровенности,
Пока с меня он мерзких не сорвет цепей.
Пусть он мечет огненные молнии,
Пусть белокрылым снегом сыплет,
На землю рушит, все перевернет вверх дном —
Ничем он не добьется, чтобы выдал я,
Кто тот, кто у него отнимет власть.

Посланцу богов только остается бросить Прометею:

Великим, вижу, болен ты безумием —

и оставить его страдать. Нам известно, что через много поколений Прометей будет освобожден, но почему и при каких обстоятельствах – об этом нигде не упоминается. Существует довольно темная история о том, что кентавр Хирон, будучи бессмертным, согласился умереть за Прометея и ему было позволено это сделать. Когда Гермес понуждал его уступить Зевсу, он говорил именно об этом, но в таких выражениях, что, как можно было подумать, речь шла о некоей добровольной жертве.

Конца страданиям этим до сих пор не жди,
Покуда некий бог великих мук твоих
Преемником не станет, в недра Тартара
И в мрак Аида черный пожелав уйти.

Но Хирон сделал именно это, и Зевс как будто бы принял его как адекватную замену Прометею. Но мы также знаем, что Геракл застрелил орла и снял с Прометея оковы и что Зевс был согласен на такие поступки Геракла. Но почему Зевс изменил свое решение и раскрыл ли Прометей свой секрет после освобождения, нам неизвестно. Однако совершенно определенно можно утверждать одно: каким бы образом Зевс и Прометей ни примирились, Прометей не был уступившей стороной. Его имя прогремело через столетия – от времен Древней Греции до наших дней – как имя великого бунтаря против несправедливости и гнета власти.

* * *

Есть еще одно сказание о создании человечества. Согласно рассказу о пяти веках его истории, современный человек происходит от людей железного века. В рассказе же о Прометее остается неясным, принадлежат ли люди, которых он спас от гибели, к железной или бронзовой расе. Ведь огонь – вещь, совершенно необходимая как для тех, так и для других. Согласно третьей версии, современное человечество произошло от людей каменной расы. Эта версия начинается с описания потопа. На всей земле люди настолько испортились, что Зевс решает их окончательно истребить. Он принимает решение

Наслатъ наводнение и бури на всю необъятную землю,

Покончив навечно со злым человечеством.

С этой целью он зовет на помощь своего брата Посейдона, и оба затопляют землю потоками воды, льющей с неба, и разливом рек, выступивших из берегов.

И черная земля водой была покрыта.

Вода затопила вершины самых высоких гор. Водой полностью не был покрыт только Парнас, и люди могли спастись лишь на кусочке сухой земли на вершине его самого высокого пика. После того как дождь шел непрерывно девять дней и девять ночей, волны прибили к этой вершине деревянный ковчег, по виду напоминающий громадный сундук, внутри которого находилось двое людей: мужчина и женщина. Их звали Девкалион и Пирра. Он был сыном Прометея, а она – племянницей, дочерью Эпиметея и Пандоры. Будучи самым умным человеком во всем мире, Прометей, конечно, сумел защитить членов своей семьи. Он знал о предстоящем потопе и поэтому приказал своему сыну построить ковчег, запасти в нем провизии и войти в него. К счастью, Зевс не был разгневан происшедшим, поскольку спасаясь чета была богобоязненными людьми, ревностными почитателями богов. Когда ковчег прибило к берегу и Девкалион с Пиррой вышли на сушу, они нигде не увидели никаких признаков жизни – только необъятные водные просторы. Зевс пожалел их и остановил потоп. Медленно, как воды прилива, море и реки уходили в свои прежние берега, и земля постепенно высыхала. Пирра и Девкалион, единственные живые существа на всей земле, спустились с Парнаса. Они обнаружили храм, весь в жидкой грязи и водорослях, но разрушенный не полностью, и в нем они вознесли молитвы, благодаря богов за спасение и прося помочь им в их ужасающем одиночестве. И тут они услышали голос, сказавший:

– Покройте головы, бросайте кости вашей матери себе за спину!

Это повеление привело их в ужас.

– Но мы же не можем совершить такое кощунство, – промолвила Пирра.

Девкалион вынужден был согласиться с ее правотой, но при этом он не мог не искать разгадки этих загадочных слов.

– Но ведь земля – наша всеобщая мать, – наконец догадался он. – Ее кости – это камни. Их мы можем бросать себе за спину, не совершая ничего дурного.

Они так и поступили, и брошенные ими камни, упав на землю, превращались в людей. Они были названы людьми каменной эпохи. Как и следовало ожидать, да как, впрочем, и стало, это было суровое, выносливое племя, способное очистить землю от следов опустошения, причиненного потопом.

Глава 4 Древнейшие герои

Прометей и Ио

Этот рассказ основан на материале, заимствованном у двух поэтов: грека Эсхила и римлянина Овидия, отделенных друг от друга временным интервалом в четыреста пятьдесят лет. В еще большей степени они различаются мерой их дарования и темпераментом. Их произведения представляют собой наилучшие источники по выбранному мною сюжету. Написанное суровым и прямым языком Эсхила очень просто отличить от того, что написано легким и игривым пером Овидия. Характерным для Овидия является его замечание о ложных клятвах влюбленных, как, впрочем, и маленькое сказание о Сиринге.

В те дни, когда Прометей подарил людям огонь и был за это прикован к кавказской скале, его посетило некое очень странное создание. Видимо, все-таки плохо отдавая себе отчет в происходящем, оно неуклюже карабкалось по скалам и утесам. По первому впечатлению это была телка, хотя она и разговаривала человеческим языком, называя себя «волнорогой девушкой». Казалось, она совсем сошла с ума от горя. Вид прикованного к скале Прометея заставил ее остановиться.

Чей край, что за племя, кто предо мной
На камне, в оковах томясь, висит
Игралищем бурь?
За какую вину гибнешь, ответь,
Скажи мне, куда
Меня, злополучную, занесло?
Горе, о, горе!

Вдоволь скиталица наскиталась.
Ведать не ведаю, где конец
Этой муке великой.
Слышишь ли ты волнорогой девушки речь?

Прометей, конечно, узнал ее и окликнул по имени. Ему была известна ее история.

Как не услышать дочери Инаховой,
Слепнем гонимой, той, что сердце Зевса жжет
Любовью и в скитаньях нескончаемых
По воле Геры гневной коротает век?

Услышанное Ио, казалось, на какое-то время привело ее в чувство, и безумие оставило ее. Она продолжала стоять, потрясенная. Услышать свое имя и имя своего отца от этого бедняги, да еще в этом жутком безлюдном месте! Помедлив, она спросила:

Кто тебе имя отца моего открыл?
Кто ты, ответь мне, сжался...

И прикованный ответил:

Я – Прометей, который людям дал огонь.

Она тоже знала его историю.

На благо ты явился человечеству.
За что же, бедный Прометей, страдаешь так?

Они поговорили друг с другом. Прометей поведал ей, как с ним обошелся Зевс, а она в свою очередь рассказала, почему Ио, когда-то счастливая царевна, превращена в телку. «По воле Зевса», – говорила она, -

...облик мой, как и душа моя,
Преобразился – видишь ли рога? – слепень
Меня ужалил, и прыжками буйными
Я побежала...

Непосредственной причиной бедствий Ио была Гера, ревнивая жена Зевса, но главным их виновником являлся он сам. Влюбившись в нее, он стал посылать смущающие ее девичий покой сны.

Из ночи в ночь в мои покои девичьи
Сны приходили, и виденья вкрадчиво
Шептали мне: «О, девушка счастливая,
Зачем хранишь ты девственность? Высокого
Сподобишься ты брака. Воспылал к тебе
Сам Зевс своим желаньем и Киприды сладкий труд
Делить с тобою хочет. Ложа Зевса,
Дитя, не отвергай ты, а на сочный луг
Лернейский выйди, к стойлам,
Чтоб пламя страсти в Зевсовых очах унять».
Таковыми снами я томилась, горькая,
Все ночи напролет...

Но страх Зевса перед ревностью Геры оказался гораздо сильнее его любви к Ио. Когда он пытался укрыть Ио и себя самого, окутав землю таким плотным и темным облаком, чтобы внезапная ночь тотчас изгнала светлый день, он поступал с мудростью, которую едва ли пристало проявлять отцу богов и людей. Гера прекрасно знала, что для этого странного события есть вполне определенные причины, и постоянно подозревала своего супруга. Не найдя его на небесах, она тотчас же спустилась на землю и приказала туче растаять. Но и Зевс действовал быстро. Когда Гера его заметила, он уже стоял рядом с прелестной белой телкой. Конечно, это была Ио. И он клялся, что никогда не видал ее раньше – до тех пор, когда она, видимо только что появившаяся на свет, выпрыгнула словно откуда-то из-под земли. И это, замечает Овидий, показывает, что на ложные клятвы, которые дают влюбленные, боги не гnevаются. Вместе с тем они показывают, что большой пользы такие клятвы не приносят, поскольку Гера не поверила ни единому слову супруга. Она только заметила, что телка очень мила, и поинтересовалась, не преподнесет ли Зевс эту телку ей в подарок. Как бы ему это ни было неприятно, Зевс понял, что отказать Гере в подарке означало бы выдать себя с головой. Чем он мог извинить себя? Ну, подумаешь, какая-то маленькая коровка... Он с неохотой отдал Ио Гере, а уж та-то очень хорошо знала, как уберечь ее от мужа.

Она поручила ее заботам Аргуса, что великолепно отвечало ее целям, поскольку у Аргуса было сто глаз. Перед таким стражем, у которого одни глаза засыпали, а другие бодрствовали, Зевс был бессилен. Он видел бедствия Ио, превращенную в животное и изгнанную из дома, но помочь ей не осмеливался. Правда, в конце концов он отправился к Гермесу, вестнику богов, и приказал ему найти способ убить Аргуса. Не было бога умнее Гермеса. Как только он перенесся с неба на землю, он тотчас же снял с себя все, что могло выдать в нем бога, и пришел к Аргусу под видом деревенского парня, весело наигрывающего на тростниковой дудочке. Аргус обрадовался музыке и велел Гермесу подойти поближе.

«Пожалуй, ты можешь и посидеть рядом на этом камне, – прибавил он, – здесь тень, как раз то, что нужно пастуху». Казалось, ситуация для Гермеса складывалась как нельзя лучше, но он ничего не предпринимал. Он играл, а потом говорил, произнося фразы настолько скучно и монотонно, насколько мог. Некоторые из сотни глаз Аргуса задремали, но прочие оставались бодрствовать. Наконец, одна из историй Гермеса сыграла предназначенную ей роль. Это было сказание о Пане, влюбившемся в нимфу Сирингу, которая, спасаясь, бежала от него и тогда, когда он уже совсем настиг ее, была превращена ее сестрами-нимфами в пучок тростника. Как рассказывал Гермес, в этот момент Пан как раз закричал: «Ты все равно будешь моей!» – и смастерил

...свирель пастушью
Из камышей, скрепив их воском.

Эта маленькая история, как и многие подобные ей, любопытна, но для Аргуса она оказалась настолько скучна, что все его глаза отправились спать. Гермес, естественно, тотчас же убил его. Гера же сохранила глаза Аргуса и поместила их на хвосте павлина, своей любимой птицы.

Теперь Ио как будто бы стала свободной, но Гера не могла оставить ее в покое. Она напустила на нее слепня, который своими укусами сводил ее с ума. Прометею Ио рассказывала:

...меня из края в край
Слепень безумья гонит. Это божий бич!

Прометей пытался сделать ей приятное, но он мог предсказать ей только отдаленное будущее. В самом же ближайшем будущем ей предстояли новые странствия, причем в очень опасных странах. Он мог предсказать ей, что море, вдоль которого она, обезумев, промчалась, будет называться Ионическим, а Босфор, что означает «коровий брод», будет служить напоминанием о том, как она перебиралась через него, но ее самое главное утешение будет состоять в том, что в конце концов она доберется до Нила, где Зевс снова вернет ей человеческий облик. Она родит ему сына и наречет его Эпафом, а потом будет жить в счастье и почете. А семья Эпафа через много поколений

...даст того отважного
Стрелка из лука, что меня от мук избавит.

Действительно, одним из потомков Эпафа будет Геракл, величайший из героев, храбрее которого едва ли были сами боги и которому Прометей будет обязан своим освобождением.

Европа

Этот рассказ, очень напоминающий классическую новеллу Возрождения по своей фантастичности, изящной отделке и живописности, полностью заимствован из поэмы александрийского поэта Мосха, творившего в III в. до н. э. Он представляет собой наилучший из когда-либо известных вариантов мифа.

Ио была не единственной девушкой, оставившей след в географии только потому, что в нее влюбился Зевс. Существовала еще одна, известная, кстати, гораздо шире, – Европа, дочь царя финикийского города Сидон. Но если Ио пришлось дорого заплатить за свою известность, то Европе в этом отношении чрезвычайно повезло. За исключением нескольких минут страха, который она испытала, увидев себя плывущей над морскими глубинами на спине быка, страдать ей вообще не пришлось. Миф ничего не говорит о том, чем занималась

в это время Гера, но она, очевидно, утратила бдительность, и ее супруг мог делать все, что ему заблагорассудится.

Одним весенним утром Зевс, лениво разглядывавший с небес землю, увидел очаровавшую его сцену. В это утро Европа проснулась рано, как и Ио, потревоженная сном. Но это был сон не о боге, полюбившем Европу, а о двух континентах, которые в облике женщин спорили о том, кому из них она должна принадлежать. Азия утверждала, что именно она дала жизнь царевне и поэтому имеет на нее все права, а другая, еще безымянная, заявляла, что Зевс отдаст девушку ей.

Пробудившись от этого удивительного сна, посетившего ее на рассвете, когда смертных чаще всего посещают истинно вещие сны, Европа решила больше не пытаться засыпать, а созвать своих высокородивших подружек-сверстниц и пригласить их погулять вместе с ней по цветущим лугам, раскинувшимся у моря. Это было их любимое место для отдыха, где они или танцевали, или омывали свои прелестные тела в устье реки, или собирали цветы.

Похищение Европы

На этот раз все были с корзинками, зная, что сейчас пришло то время, когда цветы красивее всего. У Европы корзинка была золотой, с изящными гравюрами, которые, по странному совпадению, изображали историю Ио, ее странствия в обличье коровы, гибель Аргуса, а также фигуру Зевса, легким движением своей божественной руки касающегося Ио и превращающего ее снова в женщину. Это была не корзинка, а чудо, и сделана она была не кем иным, как самим Гефестом, этим олимпийцем-тружеником.

Но цветы, которые царевна складывала в корзинку, ничуть не уступали ей красотой. Это были и чудесно пахнущие нарциссы, гиацинты, фиалки, и желтые крокусы, и самые великолепные из всех малиновые дикие розы. Девушки с восторгом собирали их, рассыпавшись по всему лугу. Каждая из них была прекраснейшей из прекрасных, но даже и среди них Европа сияла своей красотой, затмевая других подобно тому, как богиня любви затмевает своих сестер Граций. Афродита же обдумывала как раз то, что должно было случиться в следующие минуты. Пока Зевс любовался с неба этой милой сценой, она, единственная, кто мог одолеть Зевса, разумеется с помощью своего сына, шаловливого и своенравного Амура, выпустила ему в сердце одну из своих стрел, и в тот же самый момент он воспламенился безумной любовью к Европе. Хотя Гера в это время была далеко, он решил принять меры предосторожности и явиться к Европе в облике быка. Конечно, это был не такой бык, которого можно увидеть стоящим в хлеву или пасущимся на поле. Нет, он был прекраснее всех быков, когда-либо живших на свете: светло-орехового цвета, с серебряным полумесяцем на лбу и рогами, изогнутыми, как молодой месяц. Он выглядел таким добродушным, таким милым, что девушки, увидев, как он подходит к ним, совсем не испугались, а собрались вокруг него, чтобы его погладить и вдохнуть исходящий от него небесный аромат, который казался им чудеснее, чем запахи цветущего луга. Первой к нему подошла Европа, и когда она нежно коснулась его, он замычал, и настолько музыкально, что ни одна флейта не смогла бы издать такой мелодичный звук.

Потом он улегся у ее ног и, казалось, подставил ей свою широкую спину. Она тотчас же кликнула подружек, приглашая их подойти и влезть быку на спину.

Подумала, он на спине нас покатает,
Так мил и кроток он и так красив!
Да разве ж это бык? Он так похож на человека,
Что разве только что не говорит!

С улыбкой она уселась на спину быка, но подружки, как ни торопились, не успели последовать ее примеру. А бык поднялся на ноги и со всей скоростью, на которую был только способен, устремился к берегу, а потом бросился в волны и поплыл по ним. Когда он плыл, волны, казалось, расстилались перед ним; из глубин, сопровождая его, появилась свита; диковинные морские божества, nereиды, скачущие на дельфинах, тритоны, трубящие в рога, и, наконец, сам повелитель морей, брат Зевса Посейдон.

Европа, ошеломленная и напуганная видом всех этих удивительных созданий и катящихся мимо нее волн, одной рукой вцепилась за большой рог быка, а другой придерживала платье, стараясь его не замочить. А ветры

Вздули высокие волны,
Как вздувают парус корабельный.
Но мягко и нежно те волны качали ее.

«Это наверняка не бык, – думала Европа, – скорее всего, это какой-то бог». И она взмолилась, прося его пожалеть ее и не оставлять в каком-нибудь жутком месте в одиночестве. Бык ответил ей и объяснил, что она правильно догадалась, кто он на самом

деле. Ей нечего бояться, успокаивал он ее. Он – Зевс, величайший из богов, и все, что он делает, происходит только из любви к ней. Он отвезет ее на Крит, его любимый остров, где его мать прятала его от Крона младенцем и где она, Европа, родит ему

Сынов знаменитых, под скиптры которых
Соберутся народы со всей необъятной земли.

Конечно, все случилось так, как обещал Зевс. Вскоре перед ними показался Крит, и Оры, богини времен года и охранительницы ворот Олимпа, привели ее на свадебный пир. Ее сыновья стали знамениты, и не только в этом, реально существующем, но и в загробном мире, где двое из них, Минос и Радамант, в награду за справедливость их суда на земле были сделаны судьями в царстве мертвых. Но самым известным на земле все-таки стало ее имя.

Киклоп Полифем

Первая часть этого сказания восходит к Одиссее; вторая известна только в изложении Феокрита, александрийского поэта III в. до н. э.; третья же часть могла быть написана только таким блестящим сатириком, как Лукиан, творивший во II в. н. э. Таким образом, заключительная часть мифа оформилась по меньшей мере через тысячу лет после того, как его впервые начали рассказывать. Можно полагать, что мощь и литературное мастерство Гомера, изящная фантазия Феокрита и изощренный юмор Лукиана в большой мере иллюстрируют направление развития греческой литературы.

Все чудовищные формы жизни, созданные в самом начале мира: сторукие монстры, гиганты и т. п. – были изгнаны с земли сразу же после их поражения. Единственным исключением были киклопы. Им было разрешено вернуться из тартара, и в конце концов они даже стали любимцами Зевса. Они проявили себя искусными мастерами и ковали Зевсу его перуны. Первоначально их было только трое, но со временем их число увеличилось. Зевс поселил их в благодатной стране, где поле и виноградники, которые никем не засеивались и не обрабатывались, давали обильные урожаи. Киклопы также владели большими стадами овец и коз и жили не зная забот. Однако их свирепость и склонность буйствовать со временем не уменьшились; они не знали ни закона, ни суда, и каждый из них вел себя как кому заблагорассудится. Чужеземцам, попавшим в их страну, очевидно, не поздоровилось бы.

Прошли века после того, как Прометей был наказан за помощь людям, и теперь их отдаленные потомки создали цивилизацию и умели строить корабли, способные совершать дальние плавания. На берег этой опасной страны высадился один греческий царь. Имя его было Одиссей (у римлян Улисс), и плыл он на родину после разрушения Трои. Надо сказать, что даже в самых жестоких схватках с троянцами он никогда не бывал так близко от смерти, как в стране киклопов.

Недалеко от того места, где причалил его корабль, Одиссей заметил большую пещеру с выходом в сторону моря. В ней, видимо, кто-то жил – перед пещерой стояла крепкая ограда. Одиссей решил осмотреть ее, взяв с собой двенадцать человек из команды. Мореходы испытывали нужду в провианте, и он захватил с собой мех с крепким выдержанным вином, чтобы предложить его хозяину пещеры в обмен на гостеприимство. Ворота в ограде закрыты не были, и моряки вошли в пещеру. Там они никого не увидели; но чувствовалось, что ее хозяин не беден. К стенам пещеры примыкали загоны для ягнят и козлят, переполненные живностью. Там же стояли и полки с кругами сыра и бадьи с молоком. Это был великий соблазн для изголодавшихся в море путешественников, которые в ожидании хозяина и поели и попили. Наконец появился и он сам – чудовищный и огромный, как утес, киклоп. Гоня перед собой свое стадо, он вошел в пещеру и завалил вход в нее гигантским камнем. Затем, оглядевшись, он заметил пришельцев и закричал отвратительно звучащим голосом:

– Кто вы, посмевающие войти в жилище Полифема? Торговцы или воруги-пираты?

И вид, и голос хозяина пещеры нагнали на мореходов страху, но тут вперед вышел Одиссей, твердым голосом ответивший:

– Мы – потерпевшие кораблекрушение воины из-под Трои; мы – твои гости и находимся под защитой Зевса, покровителя просящих о крове.

На это Полифем с хохотом ответил, что до Зевса ему дела нет. Он выше любого бога и вообще не боится богов. После этих слов он протянул свои громадные ручищи и каждой из них схватил по человеку и разбил их головы о каменный пол. Затем он медленно сожрал их до последней косточки и, довольный, растянулся поперек пещеры и заснул. Нападения он не боялся. Ведь никто из людей не смог бы откатить громадный камень от входа, и если бы обезумевшие от ужаса люди и смогли бы набраться храбрости и сил, чтобы убить его, они были бы заточены в пещере на веки вечные.

Всю эту страшную долгую ночь Одиссей размышлял над тем, что произошло и что еще произойдет с каждым из них, если он не отыщет пути к спасению. Тем временем уже наступил рассвет и стадо, собравшееся перед выходом из пещеры, разбудило киклопа, и Одиссея еще не посетила ни одна светлая мысль. Ему пришлось быть свидетелем гибели еще двух своих товарищей, которыми Полифем позавтракал. Потом он выгнал стадо, снова привалил к выходу камень, проделав это с такой же легкостью, с какой обычный человек открывает и закрывает крышку колчана. Запертый в пещере, Одиссей продолжал размышлять о бегстве. Четверо из его спутников уже погибли страшной смертью. Неужели всем им суждено пройти этот ужасный путь? Наконец в его голове сложился план. Рядом с загонами для молодняка лежало огромное бревно, длинное и толстое, как мачта корабля с двадцатью гребцами. Одиссей отрубил от него подходящий для его целей кусок, а затем он и его спутники заострили его и закалили острие на огне. Они закончили работу и успели спрятать сделанный ими кол как раз к тому моменту, когда вернулся Полифем, тотчас же устроивший себе такой же чудовищный ужин, что и вчера. Когда он закончил его, Одиссей, наполнив чашу вином, которое он принес с собой в пещеру, предложил его киклопу. Тот с восторгом опустошил чашу и потребовал налить ему еще, и Одиссей угощал его до тех пор, пока того не одолел пьяный сон. После этого Одиссей и его товарищи вытащили спрятанный ими кол и нагревали его конец, пока он не затлел. Вышние силы вдохнули в них сумасшедшую смелость, и они вонзили раскаленное острие прямо в глаз киклопа. Вскочив с ужасным воем, тот вырвал острие из глаза и начал метаться по пещере в поисках своих обидчиков, но увидеть их он, естественно, уже не мог, и они легко ускользали от него.

Наконец он отвалил камень, уселся у выхода и протянул поперек него свои руки, надеясь таким образом схватить их, когда они начнут выбегать. Но у Одиссея был план и на этот случай. Каждому из своих людей он приказал подобрать трех крепких баранов с густой шерстью и связать их вместе крепкими и гибкими полосками древесной коры. Оставалось только дожидаться прихода дня, когда стада выгоняют на пастбища. Наконец пришел долгожданный рассвет. Всех столпившихся у выхода овец и баранов Полифем оглаживал сверху, чтобы убедиться, что никто не уселся на него верхом. Но он не догадывался оглаживать их и снизу, а ведь именно там, под средним бараном каждой тройки подвесили себя спутники Одиссея, вцепившись пальцами рук и ног в густую шерсть. Оказавшись за пределами пещеры, они отпускали шерсть и один за другим спешили к кораблю, мгновенно спустив его на воду и заняв свои места у весел. Но гнев Одиссея был слишком велик для того, чтобы он мог покинуть страну киклопов не произнеся ни слова. И он громко прокричал ослепленному великану, сидевшему у выхода из пещеры:

– Что, киклоп, как видно, сил на то, чтобы сожрать всех маленьких людей, у тебя не хватило? А ведь тебя правильно наказали за все, что ты сделал своим гостям!

Эти слова поразили Полифема в самое сердце. Он вскочил, оторвал от скалы гигантский камень и метнул его в корабль Одиссея. Камень чуть было не проломил нос корабля, и обратной волной его потянуло к берегу, так что команде пришлось из всех сил налечь на весла, чтобы вывести его в открытое море. Когда корабль отошел от берега

достаточно далеко, Одиссей насмешливо закричал:

– Киклоп, это я, Одиссей, разрушитель городов, выколол тебе глаз, и расскажи об этом всякому, кто спросит.

К этому времени корабль отплыл далеко от берега и киклоп не мог причинить ему никакого вреда. Лишившийся глаза киклоп остался на берегу.

Это – единственная история, рассказываемая о Полифеме на протяжении многих лет. Прошли века, и он оставался тем же самым: ужасным чудовищем, уродливым великаном, к тому же еще и безглазым. Со временем он изменился – настолько, насколько могут измениться в лучшую сторону уродливость и злобность. Возможно, некоторые аэды (сказители) стали рассматривать эту беспомощную, страдающую фигуру, которой Полифема сделал Одиссей, как достойную жалости. Так или иначе, еще одна рассказываемая о нем история рисует его в более выгодном свете. Теперь он уже никого не ужасает, теперь он – просто самое доверчивое, самое смешное чудовище, отдающее себе отчет в том, насколько оно безобразно, неотесано, отталкивающе и еще более несчастное из-за того, что безумно влюблено в очаровательную и смешливую морскую нимфу Галатею. На этот раз Полифем живет в Сицилии, и ему каким-то непонятным способом удается вернуть себе глаз, быть может благодаря чуду, совершенному его отцом Посейдоном, великим богом морей. Жизнелюбивый киклоп знает, что Галатея никогда не будет принадлежать ему и его дело безнадежно. И тем не менее, когда боль ожесточила его сердце против Галатеи и он стал спрашивать себя: «Не лучше ли довольствоваться тем, что у тебя есть, а не гоняться за той, которая тебя избегает?» – кокетка стала втихомолку подкрадываться к нему, и тогда на его стадо начинает сыпаться град яблок, а в ушах у него – звучать ее голос, называющий его лентяем в делах любви. Но прежде чем он успевает вскочить на ноги и устремиться за ней, она уже далеко и насмехается над его неуклюжими попытками ее поймать. Все, что он может сделать в этой ситуации, – это опять сидеть на берегу несчастным и беспомощным, но на этот раз не пытаясь в ярости уничтожить людей, а лишь распевая грустные любовные песенки, чтобы смягчить сердце нимфы. В гораздо более позднем сказании Галатея оказывается к Полифему добрее, но не потому, что эта совершенная, утонченная белокожая девушка, как называл ее Полифем в своих песнопениях, влюбилась в безобразное одноглазое существо (в этом сказании он – снова зрячий), а потому, что, трезво рассудив, пришла к выводу, что он – любимый сын Посейдона и пренебрегать им никак не следует. Этот свой взгляд на вещи она изложила своей сестре-нимфе Дорида, которая сама надеялась привлечь внимание киклопа и которая и начала разговор, презрительно заметив: «Ну и возлюбленный у тебя – сицилийский пастух! Об этом уж кто только не говорит».

Г а л а т е я. Пожалуйста, только без гримас. Он – сын Посейдона. Вот так!

Д о р и д а. Да хоть Зевса! Я знаю одно: он – отвратительное и невоспитанное животное.

Г а л а т е я. Я тебе, Дорида, вот что скажу: в нем есть что-то мужское. Конечно, у него всего один глаз, но он видит им так, словно у него их два.

Д о р и д а. Похоже, ты в него влюблена.

Г а л а т е я. Я, и вдруг влюблена в Полифема! Да я, впрочем, могу догадываться, почему ты так говоришь. Ты прекрасно знаешь, что он тебя никогда не замечал. Только меня!

Д о р и д а. Одноглазый пастух считает тебя красавицей. Уж есть чем гордиться. Тебе хоть не придется готовить для него. Думаю, он сам приготовит из любого встречного отличное блюдо.

Но Полифем так никогда и не завоевал Галатею. Она влюбилась в молодого и красивого царевича Акида (Ациса), которого Полифем убил в припадке ревности. Однако Ацис был превращен в речного бога, так что этот миф заканчивается вполне благополучно. Но нам неизвестно, любил ли Полифем когда-нибудь другую девушку, кроме Галатеи, или любила ли когда-нибудь Полифема другая девушка.

«Цветочные» мифы. Нарцисс, Гиацинт, Адонис

Первое сказание о появлении на земле нарциссов известно только из одного раннего гомеровского гимна, относящегося к VIII -VII вв. до н. э., а второе заимствовано мною у Овидия. Между творчеством двух поэтов существуют громадные различия. Поэты разделены не только временным интервалом в шестьсот – семьсот лет они разделены фундаментальными характеристиками греческой и римской литературы. Гомеровский гимн излагает события беспристрастно просто, без какого-либо налета аффектации. Гомер думает о своем герое, Овидий же всегда размышляет об аудитории. Но свой сюжет он разрабатывает хорошо. Маленький эпизод с душой Нарцисса, пытающегося разглядеть свое отражение в Реке смерти, – это очень тонкий штрих, полностью характеризующий его как римского поэта и маловероятный у поэтов греческих. Лучшее описание празднеств в честь Гиацинта дается Еврипидом; его история в целом описана Аполлодором и Овидием. Если в моем переложении мифа имеется некоторая излишняя пылкость, это можно приписать исключительно влиянию Овидия. Аполлодор избыточной живостью никогда не страдал. Миф об Адонисе я излагаю по сочинениям Феокрита и Биона, поэтов, живших в III в. н. э. Их стиль типичен для александрийских поэтов: он чувствителен и мягок, но всегда выдержан с исключительным вкусом.

Греция всегда славилась своими прелестными дикорастущими цветами. Конечно, они прекрасны везде, но в Греции все-таки не так уж много медовых лугов и плодородных полей, где цветы могли бы чувствовать себя как дома. Это страна усыпанных камнями дорог и скалистых гор, но как раз по обочинам дорог и по склонам и растут волшебные дикие цветы, что

Восторг вызывают буйным цветением красок своих.

Суровые горные склоны сплошь покрыты цветочным ковром; цветы распускаются в каждой трещине, каждой расщелине. Привлекает внимание резкий контраст между их радостной, светлой красотой и суровым величием гор с зубренными вершинами. Диким цветам можно и не уделять большого внимания – но только не в Греции.

И в те далекие дни на них обращали столь же мало внимания, как и ныне. В давно ушедшие времена, когда мифы Древней Греции только оформлялись, греки считали весенний расцвет природы чудом, относились к нему с восторгом. Эти люди, отделенные от нас тысячелетиями и почти полностью нам неизвестные, ощущали то же, что чувствуем и мы перед лицом этого чуда цветения, когда каждый цветочек так изыскан, нежен и тонок и все они образуют радужный ковер, раскинувшийся по холмам. Первые греческие аэды рассказывали о них историю за историей: о том, как они прекрасны.

Наиболее естественно было бы связать их происхождение с богами. Ведь все вещи на земле были таинственным образом связаны с божественными силами, но самые красивые из них – в первую очередь. Нередко особенно прелестный цветок считался непосредственным творением бога, исполненным с известными ему целями. Это было верно и для нарцисса, который не походил на наши современные нарциссы, а был окрашен в яркий пурпурный и серебристый цвета. Его призвал к жизни Зевс, чтобы помочь своему брату, владыке мрачного земного царства, похитить девушку, в которую тот был влюблен, – дочь Деметры Персефону. Однажды она собирала с подружками цветы в долине Эины на поросшем мягкой травой лугу: розы и крокусы, фиалки, ирисы и гиацинты. И вдруг она заметила совсем новый для нее цветок – гораздо прекраснее, чем какие-либо цветы, которые она встречала до сих пор. Это был цветок из цветков, было чудо, явленное всем: и бессмертным богам, и смертным жителям земли. От его корней росло около сотни побегов, с венчиками цветов, издававших чудесный аромат. Смотря на него, радовались и сама земля, и раскинувшееся

над ней небо, и соленая морская волна.

Из всех подружек только одна Персефона заметила его. Остальные в это время находились на другом конце луга. Она тихими шагами подобралась к цветку, побаиваясь оставаться надолго в одиночестве, но испытывая непреодолимое желание положить его к себе в корзинку. Она чувствовала себя в точности так, как предполагал Зевс. Дивясь цветку, она все-таки протянула руку, чтобы сорвать эту прелесть, но не успела и дотронуться до него, как в земле раскрылась огромная расселина, а из нее выскочили черные, как уголь, кони, впряженные в колесницу, на которой стояла фигура бога, величественная, излучающая благородство, прекрасная и одновременно ужасающая. Он схватил Персефону и крепко прижал к себе. В следующий момент она поняла, что ее с одетой в весенний наряд земли уносит в царство мертвых его владыка.

Это не единственный рассказ о нарциссах. Существует еще один – настолько же волшебный, но совсем иной по сюжету. Героем этого сказания является красавец юноша по имени Нарцисс. Он был настолько прекрасен, что все увидевшие его девушки хотели принадлежать ему, но он не хотел близости ни с одной из них. Он мог совершенно спокойно пройти мимо самой прелестной девы, сколько бы попыток привлечь его внимание она ни делала. Разбитые девичьи сердца ничего не значили для него. Его не тронула даже печальная судьба самой красивой из нимф, Эхо. Та была любимицей Артемиды, богини охоты, покровительницы диких зверей и лесов. Однако ее невзлюбила еще более могучая богиня, Гера, которая в это время, как обычно, собиралась выяснить, что замышляет Зевс. Она подозревала, что ее супруг влюбился в одну из нимф Артемиды, и как раз направлялась посмотреть их всех сразу, чтобы определить соперницу. И тут ее неожиданно отвлек веселый смех Эхо. Пока Гера прислушивалась к нему, остальные нимфы молча разошлись, и Гера так и не смогла установить, на кого же из них обратил свое непостоянное внимание ее супруг, со свойственной ей несправедливостью она тотчас же обратила свой гнев на Эхо. Той было суждено стать еще одной несчастной девушкой, которую наказывала Гера. Богиня сделала так, что та могла только повторять последние из обращенных к ней слов. «Ты будешь повторять только последние слова, – приказала Гера, – и никогда не начинать разговор первой».

Это было очень тяжело, но тяжелей всего ей стало тогда, когда она, как и многие другие девушки, полюбила Нарцисса. Она могла следовать за ним, но не могла с ним заговорить. А как же еще она могла привлечь внимание юноши, который ни разу не взглянул ни на одну девушку? Но однажды, как ей показалось, пришел ее день. В этот день Нарциссу довелось крикнуть своим спутникам:

– Есть кто-нибудь здесь? И Эхо в восторге крикнула:

– Здесь, здесь...

Она пряталась за деревьями; Нарцисс не мог ее видеть, и ему пришлось в свою очередь крикнуть:

– Приди ко мне!

Эти-то слова Эхо и собиралась сказать Нарциссу. Конечно, она с радостью ответила:

– Приди ко мне, – и вышла из чащи с протянутыми к нему руками.

Но Нарцисс с отвращением отвернулся.

– Этого не нужно, – резко бросил он, – да я прежде умру, чем ты получишь власть надо мной!

Она же могла только скромно, с умоляющими нотками в голосе повторить:

– Ты получишь власть надо мной!

Но Нарцисс уже ушел. Она же спрятала свое горе, свой стыд в одинокой пещере и никогда уже не могла радоваться жизни. Она и теперь еще скрывается в таких местах и, как говорят, настолько исстрадалась от любовного томления, что от нее остался только голос.

А Нарцисс продолжал идти своим путем, презирая любовь, издеваясь над ней. Наконец одна из тех, кем он пренебрег, взмолилась богам, ее молитва дошла, и боги ответили на нее

так: «Пусть тот, кто не в состоянии любить других, возлюбит самого себя!» Выполнить этот приговор должна была великая богиня Немезида, имя которой означает «справедливый гнев». Однажды, наклонившись над источником с чистой, незамутненной водой, чтобы напиться, и увидев в нем свое отражение, он влюбился в самого себя. «Теперь я знаю, – выкрикнул он, – почему так страдали другие, – ведь я сгораю от любви к себе самому. И как же мне дотянуться до того совершенства, что я вижу? Я ведь не могу оставить его, и одна только смерть освободит меня!» Так и случилось. Постоянно сидя около источника и неотрывно вглядываясь в свое собственное отражение, он начал гаснуть. Эхо была рядом с ним, но помочь ему она ничем не могла. Лишь когда он, умирая, воззвал к своему отражению: «Прощай, прощай!» – она смогла повторить эти слова как последнее приветствие своему любимому.

Иные утверждают, что его душа, пересекая реку, окружающую царство мертвых, перегнулась через борт ладьи, чтобы в последний раз уловить свое изображение в воде.

Нимфы, которыми он так пренебрегал, были добры к нему. Они искали его тело, чтобы устроить погребение, но не нашли. Там, где оно лежит, вырос новый чудесный цветок, названный именем этого юноши – нарцисс.

Еще одним цветком, появившимся на земле в результате гибели другого прекрасного юноши, стал гиацинт. Как и нарцисс, он не был похож на современные нам цветы с тем же названием: по форме он напоминал лилию и был темно – пурпурного или, как утверждают некоторые, ярко-малинового цвета. Смерть юноши была трагической, и каждый год о ней вспоминали.

На торжествах в честь Гиацинта,
Что проходят в спокойной ночи,
Соревнуясь с богом Аполлоном,
Пал он мертвым. Диск метали они,
Но бог свой бросок
Не рассчитал

и, попав в лоб Гиацинту¹⁶, нанес ему смертельную рану. Гиацинт был любимым товарищем Аполлона в спортивных играх. Когда они пытались выяснить, кто из них может метнуть диск дальше, между ними не было духа соперничества; они просто играли в спортивную игру. Бог, естественно, пришел в ужас, увидев, как потоком льется кровь Гиацинта, а смертельно бледный юноша уже лежал на земле. Аполлон сам смертельно побледнел, поднимая Гиацинта на руки и пытаясь остановить кровь. Пока он держал его, голова юноши откинулась назад, как откидывается цветок, когда ломается стебель. Он был мертв, и Аполлон, встав на колени перед его телом, оплакал его, погибшего таким молодым и таким красивым. Он убил Гиацинта, хотя и нечаянно, и теперь молил: «О, если бы я мог отдать за тебя жизнь или умереть вместе с тобой!» Но пока Аполлон проливал слезы, окрашенная кровью трава снова стала зеленой и в ней расцвел чудесный цветок, который сделает имя юноши известным навсегда. Аполлон сделал на лепестках цветка особую надпись. По утверждению одних – это первая буква имени юноши; по мнению других – две буквы, означающие греческое слово «увы». В любом случае это память о великой печали бога.

Существует также сказание, согласно которому непосредственной причиной гибели Гиацинта был западный ветер, Зефир, а вовсе не Аполлон. Зефир также любил этого прекраснейшего юношу и, разгоревшись ревностью и гневом при виде того, что предпочтение оказано богу, дунул на диск и направил его на Гиацинта.

* * *

Эти чарующие слух сказания о прекрасных юношах, которые, умирая на заре жизни,

превращались в весенние цветы, вероятно, имели довольно мрачные основания. Они намекают на те мрачные дела, которые совершались в отдаленном прошлом в Греции. Задолго до того, как в Греции начали зарождаться сказания, тем более складываться дошедшие до нас поэмы, и, быть может, даже раньше, жизненные обстоятельства могли складываться так, что если окружающие деревню поля переставали давать урожай или же хлеба не всходили, то один из жителей деревни должен был быть убит, а его (ее) кровью – опрысканы поля. Никто при этом и не думал о лучезарных богах Олимпа, которые должны были бы с гневом отвергнуть эту отвратительную жертву. У человечества в те времена существовало лишь смутное представление о том, что как его жизнь в крайней степени зависит от времени посева и жатвы, так и между людьми и производительными силами земли должна существовать глубокая взаимосвязь и что кровь людей, порожденная урожаем, при необходимости, в свою очередь, может породить его. Что же будет более естественным, чем, совершив убийство прекраснейшего юноши, думать, что, когда на земле произрастут нарциссы или гиацинты, эти цветы – не что иное, как он сам, правда, в иной ипостаси, и все же по-прежнему живой. И они передавали друг другу, что это событие свершилось, свершилось это необычайное чудо, и жестокая смерть начинала казаться менее жестокой. Проходили века, и люди уже перестали верить, что земле, чтобы родить, требовалась человеческая кровь; и все, что в истории человечества представлялось жестоким, следовало позабыть и в конечном итоге отбросить. Никто не собирался вспоминать, что когда-то на земле творились ужасные вещи. Гиацинт, повторяли они, не был убит своими соплеменниками, чтобы дать им жизнь своей смертью; нет, он умер из-за печального недоразумения.

* * *

Из всех этих сказаний со смертями и воскрешениями в виде цветка самым известным было сказание об Адонисе. Каждый год греческие девушки оплакивали Адониса и каждый год проливали слезы радости, когда его цветок, кроваво-красный анемон (ветреница) расцветал снова. Его любила сама богиня любви; Афродите, умеющей пронзать своими стрелами сердца и богов, и людей, самой было суждено страдать от той же пронизывающей сердце боли.

Она увидела его впервые сразу после рождения, тотчас же полюбила и решила, что он будет принадлежать ей. Она отнесла его к Персефоне с просьбой заботиться о нем, но, когда он подрос, Персефона сама влюбилась в него и не захотела возвращать его Афродите – даже тогда, когда богиня сама спустилась за ним в подземный мир. Ни одна из богинь уступать не желала, и в конце концов рассудить их пришлось самому Зевсу. Он решил, что Адонис должен проводить по половине года с каждой: осень и зиму с царицей подземного мира, а весну и лето – с богиней любви и красоты.

Все свое время, которое он проводил с Афродитой, она была занята только одним: доставлять ему удовольствие. Адонис очень любил охоту, и Афродита нередко оставляла свою запряженную лебедями колесницу, в которой ей так нравилось плыть по небесным просторам, чтобы следовать за ним по лесным тропинкам в костюме охотницы. Но в один злосчастный день Афродиты с ним не оказалось, а в этот день Адонис как раз преследовал огромного кабана. С помощью своих охотничьих собак он наконец загнал зверя и метнул в него копье, но только ранил кабана и не успел отпрыгнуть, когда обезумевший от боли зверь бросился на него и пронзил своими громадными клыками. Афродита, паря высоко над землей в своей колеснице, услышала стоны возлюбленного и спустилась к нему. Жизнь отлетала от Адониса. Темная кровь струилась по его белоснежной коже; взор тяжелел, и сами глаза становились все более и более мутными. Она целовала его, но Адонис не знал, что это – последние поцелуи, которые она дарит ему. Как ни были страшны раны Адониса, рана в сердце Афродиты была страшнее и глубже. Она в последний раз заговорила с ним, хотя и знала, что он уже ее не слышит.

Тебя уже нет, о, мой трижды желанный,
И желанье мое разлетается в прах...
С тобою исчез красоты моей пояс.
Но сама я, богиня, обязана жить,
Даже не смея пойти за тобою в Аид.
Так поцелуй меня долго еще и еще раз,
И я всю твою душу устами вопью,
Любовь твою выпивши раз навсегда.

Горы гремели, и им отвечали дубы:
«О, горе! О, горе! Уж нет Адониса. Он мертв».
И неумолчное эхо звучало: «Уж нет Адониса...»
И вместе со всеми его оплакали Музы.

Но во тьме подземного царства уже не мог ни услышать ее горестных слов, ни увидеть малиновый цветок, выросший там, где капли его крови оросили землю.

Часть II Истории любви и приключений

Глава 1 Купидон и Психея

Этот миф изложен только Апулеем, римским писателем, жившим во II в. н. э. Поэтому в нем используются римские имена богов. Это прелестная сказка, написанная в манере Овидия. Писатель, похоже, просто развлекается этой историей, забавляясь обстоятельствами, в которые сам совершенно не верит.

У некоего царя было три дочери, и все красавицы, но самая младшая из них, Психея, настолько превосходила красотой сестер, что рядом с ними она казалась богиней, сопровождаемой двумя смертными. Слава о ее красоте распространилась по всей земле, и мужчины со всех краев съезжались подивиться на нее с восторгом и восхищением и засвидетельствовать ей подобающее почтение – как будто она и в самом деле была одной из бессмертных. Некоторые даже поговаривали, что сама Венера едва ли может с ней сравниться. Пока они во все возрастающем числе толпами были заняты служением своему новому кумиру, никто уже и не вспоминал о Венере. Ее храмы оказались в небрежении, на их алтарях лежал холодный пепел; ее любимые города приходили в запустение и постепенно разрушались. Все почести, еще так недавно воздававшиеся ей, теперь доставались смертной девушке. Как легко представить, богиня не могла терпеть подобное к себе отношение. Как и всегда, она обратилась за помощью к сыну, прелестному крылатому юноше, которого одни

называют Купидон, а другие – просто Любовь и против стрел которого нет защиты ни на земле, ни на небе. Она поведала ему о своих обидах, и он, как обычно, согласился выполнить ее просьбу. «Воспользуйся своей чудодейственной силой, – говорила Венера, – и заставь эту дерзкую девчонку без памяти влюбиться в самого низкого, самого презренного человека на свете». И Купидон, несомненно, так бы и поступил, если бы Венера предварительно не показала ему Психею, совершенно не подумав в своей ярости, какое впечатление ее красота может произвести даже на самого бога любви. Едва взглянув на Психею, Купидон почувствовал себя так, как будто в сердце ему вонзилась одна из его собственных стрел. Он ничего не сказал матери (а он действительно не мог выговорить ни слова), и Венера оставила его в счастливой уверенности, что скоро услышит вести о несчастьях Психеи.

Однако случилось то, чего она совсем не ожидала. Психея вовсе не влюбилась в какого-нибудь из злосчастных смертных. Она вообще ни в кого не влюбилась. Более того, никто не влюбился и в нее. Мужчины удовлетворялись тем, чтобы лицезреть ее, подивиться ее красоте, воздать ей божеские почести, а потом оставить ее и жениться на какой-нибудь другой девушке. Обе ее сестры, так уступавшие ей, сделали блестящие партии, выйдя замуж за царей. Психея же, воплощение самой красоты, оставалась в одиночестве. Ею восхищались все мужчины, но ни один не полюбил. Казалось, что она не нужна ни одному мужчине в мире.

Это, конечно, не могло не тревожить ее родителей. Наконец ее отец отправился к оракулу Аполлона с вопросом о том, как найти Психее хорошего мужа. Бог ответил ему, но ужасен был этот ответ. Дело в том, что Купидон рассказал ему всю историю и попросил о помощи. И оракул объявил отцу Психеи, что ее, одетую в глубочайший траур, следует отвести на вершину одной горы и оставить там в одиночестве, и тогда за ней прилетит предназначенный ей супруг, ужасный крылатый змей, силой превосходящий богов, и сделает ее своей женой.

Можно представить себе отчаяние отца Психеи, принесшего домой эти ужасающие новости. Девушку одели, как одевают готовящихся к смерти, и с плачем отвели на гору, словно провожая в могилу. Но сама Психея не теряла мужества. «Вы должны были раньше оплакивать меня, – говорила она своим родным, – поскольку моя краса вызвала зависть небес. А теперь идите, зная, что я рада тому концу, который мне предстоит». Родные удалились в глубокой печали, предоставив милому одинокому созданию встречать свою судьбу с глазу на глаз, а потом закрылись в своем дворце, чтобы горевать о ней все оставшиеся дни.

Психея сидела на высокой вершине, в темноте, ожидая встречи с предстоящим ей ужасом. И вот, пока она плакала и дрожала, через тишину ночи до нее долетело легкое дуновение. Это было мягкое дыхание Зефира, самого нежного, самого сладостного из ветров. Она почувствовала, что он поднимает ее в воздух. Она перелетела со скалы вниз и очутилась на поросшем шелковистой травой лугу, мягком, как постель, и благоухающем цветочными ароматами. Здесь было так тихо, так покойно, все печали оставили ее, и она мирно заснула. Она проснулась и увидела, что лежит неподалеку от реки с чистой прозрачной водой. На берегу стоял дворец, такой величественный и красивый, словно он был специально выстроен для одного из богов. У него были золотые колонны и серебряные стены; полы во дворце были выложены драгоценными камнями. Из дворца не доносилось ни звука; местность казалась совершенно пустынной, и Психея, потрясенная всем этим великолепием, рискнула подойти поближе. Едва она успела переступить порог, как в ее ушах зазвучали какие-то странные голоса. Откуда они исходят, Психея определить не могла, но слова, которые они произносили, она воспринимала очень четко. Голоса говорили Психее, что дворец принадлежит ей. Она может, ничего не боясь, войти внутрь, совершить омовение и освежиться. А потом ей будет приготовлен пиршественный стол. «Мы твои слуги, – сообщили ей голоса, – готовы выполнить все, что ты только пожелаешь». Баня оказалась восхитительной, а кушанья – самые изысканные и вкусные, какие ей когда-либо доводилось пробовать. Когда она завершила трапезу, вокруг нее разлилась тихая музыка; казалось, что

огромный хор распевает под звуки арфы, но она могла только слышать, но не видеть хористов. Весь день, если не говорить о невидимых музыкантах, Психея оставалась в одиночестве. Однако каким-то непостижимым образом она чувствовала, что с наступлением ночи к ней явится ее супруг. Так и случилось. Когда она ощутила его рядом с собой, услышала голос, шепнувший ей в ушко нежные слова, все страхи сразу оставили ее. Даже не видя его, она поняла, что это – не чудовище или какая-то иная форма ужаса, а возлюбленный, супруг, которого она желала и ждала. Однако такое неполное, одностороннее общение не совсем устраивало ее; тем не менее она чувствовала себя счастливой и время летело незаметно. Но однажды ночью ее дорогой, хотя и незримый супруг заговорил с ней серьезно – предупреждая, что их счастьем угрожает опасность, которую принесут родные сестры.

– Они придут к горе, на которой оставили тебя, чтобы оплакать, но ты не должна видаться с ними, иначе ты очень огорчишь меня и навлечешь несчастья на себя.

Она пообещала ему, что сделает все, как он велит, но весь следующий день проплакала, раздумывая о своих сестрах и самой себе и чувствуя себя неспособной сделать им неприятное. Когда снова появился ее супруг, она по-прежнему была в слезах, и все его ласки не могли их осушить. Он очень неохотно пообещал выполнить ее желание.

– Поступай, как знаешь, – заявил он, – но ты ищешь своей собственной гибели.

Потом он торжественно предупредил ее, чтобы, несмотря ни на какие убеждения, она не пыталась увидеть его воочию. Иначе будет разлучена с ним навеки. Психея клялась, что никогда не сделает этого. Чем жить без него, ей лучше сто раз умереть.

– Но позволь мне маленькую радость, – все-таки попросила она, – я хочу повидаться с сестрами.

Тот с печалью дал свое согласие.

На следующее утро сестры появились перед дворцом, перенесенные сюда с горы Зефиром. Психея уже ожидала их, радостная и возбужденная. Все трое долго не могли заговорить друг с другом; свою радость, настолько она была велика, они могли выражать только слезами и объятиями. Но когда старшие сестры наконец попали во дворец и увидели таящиеся там богатства, когда уселись за пиршественный стол и услышали волшебную музыку, в их сердца вошла черная зависть и им страшно захотелось узнать, кто же на самом деле владелец всех этих сокровищ и супруг их младшей сестры. Но Психея сдерживалась; она только объяснила им, что ее супруг – человек молодой и сейчас он отправился на охоту. Затем, наполнив их ладони золотом и драгоценностями, она попросила Зефира перенести сестер назад, на гору. Они с охотой отправились в обратный путь, но их сердца были наполнены ревностью. Все их собственное богатство и состояние казалось им мелочью по сравнению с состоянием Психеи, и бушующая в них злоба пополам с завистью в конце концов заставила их разработать план, коварный, направленный на то, как погубить Психею.

В ту же ночь супруг Психеи предупредил ее об опасности еще раз. Когда же он попросил не позволять сестрам приходить снова, она не стала его слушать. Ведь сама она никогда не увидит его, напомнила Психея. Быть может, ей будет запрещено видеть и других, даже столь дорогих ее сердцу сестер? Супруг уступил, как и прежде, и вскоре обе злодейки появились снова и принялись осуществлять свой тщательно разработанный план.

По сбивчивым и противоречивым ответам Психеи на их вопросы о том, как выглядит супруг, они быстро убедились, что она никогда не видела его в лицо и даже не представляет, кто он. Об этом они, конечно, ей не сказали, но начали упрекать за то, что она скрывает свое ужасное положение от них, своих любящих сестер. Они узнали и теперь знают наверняка, заявили они, что ее супруг – вовсе не человек, а ужасный змей, каким он должен быть согласно предсказанию оракула Аполлона. Сейчас он милостив с нею, но в какую-нибудь из ночей он непременно набросится на нее и сожрет.

Психея ужаснулась, теперь бедное сердечко наполнила уже не любовь – в нее действительно вошел ужас. Она дивилась, почему же никогда прежде он не разрешал взглянуть на себя. Тому должны быть какие-то страшные причины. А что она, собственно,

знает о нем? Если он не был настолько отвратителен, чтобы на него нельзя было смотреть без омерзения, то не слишком ли жестоко ей не видеть его? В крайнем смятении, запинаясь, Психея дала сестрам понять, что она не отрицает их правоту, поскольку напрямую она общается с мужем только в темноте. «Раз он бежит света дня, – вздыхала она, – значит, здесь что-то не так». И попросила сестер дать ей совет.

Они же приготовили этот ответ заранее. В эту ночь она должна приготовить острый нож и поставить рядом со своим ложем лампу. Когда супруг заснет, она должна покинуть ложе, зажечь лампу и взять в руки нож. Затем, ожесточив сердце, должна быстро вонзить нож в тело того чудовища, которое несомненно увидит в свете лампы. «Мы будем поблизости, – пообещали сестры, – и когда он будет мертв, уведем тебя с собой».

Затем они оставили ее, терзаемую сомнениями, колеблющуюся, что же ей предпринять. Ведь она любила его, он стал ей дорогим супругом. Нет же – он ужасный змей, и она начинала его проклинать. Она убьет его. Нет, не убьет. Она хотела знать наверняка, хотела определенности и одновременно гнала ее прочь. Весь день мысли ее боролись друг с другом. Когда же настал вечер, она сдалась, решившись только на одно – увидеть его.

Психея любуется спящим Купидоном

Когда же наконец он заснул, она, собрав всю свою храбрость, зажгла лампу. Затем на цыпочках подкралась к его ложу, подняла лампу высоко над собой и осмелилась взглянуть

на того, кто должен был возлежать на этом ложе. О, ее сердце наполнили облегчение и восторг. Она увидела не чудовище, а самое прекрасное из всех когда-либо существовавших в мире созданий, в присутствии которого даже лампа, кажется, светила ярче. В первом порыве раскаяния, устыдившись собственной глупости и недоверия к супругу, Психея упала на колени и вонзила бы нож в свою собственную грудь, если бы он не выпал из ее дрожащей руки. Но те же самые руки, которые только что ее спасли, теперь выдали ее. Когда Психея склонилась над ним, зачарованная его красотой, не в состоянии отвести от него глаз, часть масла из лампы пролилась на его плечо. Он мгновенно проснулся, увидел свет, понял ее вероломство и, не произнеся ни слова, бросился прочь.

Психея выбежала вслед за ним в ночь. Она не могла разглядеть его, но услышала обращенные к ней слова. Он объяснил ей, кто он, и с глубокой печалью распрощался. «Любовь не может гнездиться там, где нет доверия», – закончил он и улетел. «Сам бог любви, – пронеслось у нее в голове, – а я, несчастная из несчастных, не смогла ему довериться. Бросит ли он меня навсегда?... Так или иначе, – начала она себя убеждать, – я сумею доказать ему, как я его люблю». И она пустилась в очень долгое путешествие. Она не знала, в какую сторону, куда ей нужно идти; она знала только одно: она никогда не прекратит его искать.

Он же отправился во дворец своей матери, чтобы залечить ожог. Но когда Венера, выслушав его рассказ, поняла, что избранницей сына стала именно Психея, она в гневе оставила его наедине со своей болью и отправилась разыскивать молодую особу, ревность к которой разгоралась все больше и больше. Венера решила показать Психее, что значит навлечь на себя неудовольствие богини.

В своих странствиях злополучная Психея пыталась привлечь на свою сторону богов. Она непрерывно возносила им горячие молитвы, но никто не хотел превращать Венеру в своего врага. Наконец она поняла, что никакой надежды не осталось – ни на небесах, ни на земле, и приняла до отчаянности смелое решение. Она пойдет прямо к Венере и, скромно предложив свои услуги в качестве служанки, попытается смягчить гнев. «Кто знает, – размышляла она, – не прячется ли он в доме своей маменьки?» И отправилась на поиски богини, которая сама везде разыскивала ее.

Когда она предстала перед Венерой, богиня громко расхохоталась и с презрением спросила ее, не ищет ли она нового супруга, поскольку прежний едва ли захочет иметь с ней дело. Ведь он чуть не умер от ожога, от боли, которую она причинила ему. «В жизни, – продолжала богиня, – ты настолько неотесанная и дурно воспитанная девица, что никогда не сумеешь найти себе возлюбленного, разве только ты не заслужишь это право усердным и тяжелым трудом. Я же со своей стороны проявлю добрую волю и поучу тебя, как вести себя в подобных делах». Сказав это, она высыпала на стол множество мельчайших зернышек мака, пшеницы, проса и других злаков и смешала их в одну кучу. «К ночи ты мне их переберешь, – приказала она. – И сделай работу хорошо ради собственного же блага». С этими словами она удалилась.

Оставшись одна, Психея присела и устала на кучу. Она была в полном замешательстве из-за нелепости приказа. Да и стоило ли приступать к совершенно невыполнимой работе? Но в этот непростой для нее момент ее, которая не вызывала сострадания ни у смертных, ни у бессмертных, пожалели крошечные муравьи, маленькие быстроногие создания. Психея слышала, как они кричали друг другу: «Пожалеем эту девушку, поможем ей!» В мгновение ока сбегались полчища муравьев и тотчас же принялись отделять одни зерна от других, пока куча не оказалась разделенной на кучки по сортам зерен. Вот что увидела, вернувшись, Венера, и увиденное ее совсем не обрадовало. «Твоя работа еще не завершилась», – заявила она, а потом дала Психее корку хлеба и приказала ночевать на голой земле, а сама отправилась почивать на мягкой надушенной кушетке. Если ей удастся удержать девушку на этой изнурительной работе да еще и довести ее голодом до полусмерти, то эта ненавистная красота, конечно, скоро с нее сойдет. А до этого времени она, Венера, посмотрит, чтобы ее сын был под замком в том покое, где он

пребывает, все еще страдая от ожога. Сложившимся положением вещей Венера была вполне удовлетворена.

На следующее утро она изобрела для Психеи новую работу, и на этот раз – опасную. «Там внизу, – объяснила она, – берег реки, а вон там, в самых непролазных кустах, пасутся бараны, но не с обычным, а с золотым руном. Иди и принеси мне их шерсти». Когда измученная девушка подошла к тихо струящемуся потоку, ее охватило сильное желание броситься в него и тем самым покончить со всеми своими бедами. Но, нагнувшись над водой, она услышала прямо из-под своих ног тихий голос и, приглядевшись, поняла, что с ней разговаривает зеленый камыш. Ей не нужно бросаться в реку, говорил голос. Дела обстоят не так уж плохо. Бараны действительно очень свирепы, но если Психея дождетя, когда они ближе к вечеру выйдут из кустов, чтобы отдохнуть близ реки, она может смело пойти в чащу и найти сколько угодно ключев руна, повисших на острых иглах шиповника.

Такие слова произнес добрый и ласковый камыш, и Психея, следуя его наставлениям, смогла принести своей жестокой хозяйке большой пук золотого руна. Венера взяла его в руки с недоброй усмешкой. «Тебе кто-то помог, – бросила она. – Самой бы тебе этого никогда не сделать. Ладно, я дам тебе возможность доказать, что у тебя в самом деле большое сердце и редкая предусмотрительность, которую ты то и дело проявляешь. Видишь, вон там, на холме, черный водопад? Это исток жуткой реки, всем ненавистного Стикса. Наполни-ка ее водой этот сосуд». Придя к водопаду, Психея поняла, что это – самая тяжелая задача. Скалы по обеим сторонам водопада были такими крутыми и скользкими, а вода падала с такой ужасающей силой, что добраться до него можно было разве что на крыльях. На этот раз всем читающим этот рассказ (как, наверно, в глубине души и самой Психее) должно стать ясно, что хотя каждое из ее предыдущих заданий и казалось почти невыполнимым, но все-таки выполнялось, так и это каким-то непостижимым образом тоже будет выполнено. На этот раз ее спасителем оказался орел, который завис в воздухе рядом с ней, паря на своих громадных крыльях, подхватил клювом ее сосуд и вернул его назад полным черной воды.

Но Венера продолжала держаться принятой ей линии; конечно, здесь ее нельзя не упрекнуть в обычной глупости. Действительно, все, что она ни делала, привело ее только к одному – впредь она была вынуждена поступать по-прежнему. На этот раз она вручила Психее шкатулку, с которой та должна была отправиться в царство мертвых и попросить у Прозерпины немного ее румян. Она должна была рассказать Прозерпине, что Венере они нужны потому, что, ухаживая за сыном, она очень подурнела. Как всегда послушная, Психея отправилась отыскивать дорогу в Аид. Хорошим советчиком для нее оказалась богиня, мимо которой она намеревалась пройти. Она дала Психее подробные указания насчет того, как попасть во дворец Прозерпины. Сначала нужно было проникнуть через расщелину в земле, затем – спуститься до Стикса, где перевозчику Харону надо было заплатить грош за перевоз через эту реку. Потом дорога сама должна была привести Психею во дворец. Ворота охранял страшный трехглавый пес Кербер, но, когда Психея бросила ему пирожок, он, успокоившись, пропустил ее.

Естественно, все произошло именно так, как предсказала богиня. Прозерпина не отказала Венере в услуге, и обрадованная Психея, неся шкатулку, возвратилась к Венере гораздо быстрее, чем ходила в Аид.

И тут из-за своего любопытства и, более того, тщеславия она навлекла на себя еще одну беду. Ей захотелось посмотреть, что за румяна находятся в шкатулке, и, быть может, попользоваться ими. Она, как и Венера, хорошо знала, что едва ли похорошела после всех своих мытарств, и в то же время ее не покидала мысль, что она может неожиданно встретить Купидона. Если бы только ей удалось сделаться красивей! Не в силах сдержать искушение, она открыла шкатулку, но, к ее глубокому разочарованию, не увидела там ничего. Шкатулка казалась пустой. И вдруг она почувствовала сильную усталость и погрузилась в глубокий сон.

В этот страшный момент на сцену выступил сам Купидон. Он уже излечился от ожога и

устремился на поиски Психеи. Ведь удержать под замком Любовь довольно трудно. Венера, конечно, заперла дверь, но ведь в помещении были и окна. Купидону оставалось только взлететь и начать искать свою супругу. Она лежала на земле неподалеку от дворца, и он обнаружил ее тотчас же. В мгновение ока Купидон стер волшебный сон с ее глаз и поместил его назад в шкатулку. Затем он разбудил ее, ласково пощекотав наконечником стрелы, пожурил за любопытство и приказал снести шкатулку своей матери, одновременно заверив, что в дальнейшем у них все пойдет на лад.

Пока обрадованная Психея спешила выполнить это поручение, бог вознесся на Олимп. Он хотел быть уверенным, что в дальнейшем Венера не доставит ему никаких хлопот, и направился прямо к самому Юпитеру. Отец богов и людей сразу же согласился на все, о чем просил Купидон. «Хоть ты и причинил мне в прошлом большой вред, – заявил он, – серьезно подпортил мое доброе имя и задел мое достоинство, заставляя меня превращаться то в быка, то в лебедя, отказать тебе я не могу».

А потом он созвал богов и объявил всем, включая Венеру, что Купидон и Психея сочетаются браком, и предложил даровать бессмертие невесте. Меркурий ввел Психею во дворец богов, и сам Юпитер подал ей амброзию, сделавшую ее бессмертной. Это, естественно, в корне меняло положение вещей. Венера не могла возражать против невестки-богини; этот брак она уже не могла рассматривать как мезальянс. Кроме того, она несомненно не могла не понимать, что Психея, живущая на небесах с мужем и детьми, о которых она должна заботиться, едва ли будет часто бывать на земле, чтобы кружить головы мужчинам и сильно интересоваться преклонением смертных перед ней как перед богиней.

Итак, все завершилось благополучно. Любовь и Душа (так с греческого переводится имя Психея) искали и после ряда печальных происшествий нашли друг друга, и их союз никогда не может быть разрушен.

Глава 2 Восемь коротких мифов о влюбленных

Пирам и Фисба

Этот миф можно найти только у Овидия. Как писателя миф характеризует его наилучшим образом: он хорошо написан, содержит несколько риторических монологов и, как бы между прочим, короткое эссе о любви.

Когда-то в давние времена темно-красные ягоды шелковицы имели совсем иной цвет. Они были белыми как снег. Свой цвет они изменили по удивительной и печальной причине. Этой причиной была смерть двух юных влюбленных.

Пирам, самый красивый юноша, и Фисба, самая прелестная девушка на всем Востоке, жили в Вавилоне, городе царицы Семирамиды. Их дома были построены так близко друг от друга, что даже одна стена была у них общей. Подрастая вместе, Пирам и Фисба полюбили друг друга. Они собирались пожениться, но их родители воспротивились этому. Но ведь любить не запретишь! Чем больше стараться приглушить это пламя, тем ярче оно будет

гореть. И любовь всегда проложит себе путь. Едва ли можно было разделить этих двоих, сердца которых пылали таким жарким пламенем.

В стене, разделяющей их дома, была небольшая трещина. Раньше ее никто не замечал, но разве существует что-нибудь такое, чего не могло бы не заметить любящее сердце. Молодые люди, конечно, обнаружили щель и через нее шептали друг другу нежные слова: Пирам – по одну сторону стены, Фисба – по другую. Ненавистная стена, раньше разделявшая их, теперь стала средством их взаимного общения. «Кроме тебя, нам некого ласкать и целовать, – говорили влюбленные, – но зато ты позволяешь нам говорить друг с другом. Благодаря тебе наши любовные слова достигают любящих ушей. И мы благодарны тебе за это». Так они вознаграждали стену, и когда приходила ночь и им приходилось расставаться, каждый запечатлевал на ее поверхности поцелуи, которые, к сожалению, не могли дойти до губ, ожидавших их с другой стороны стены.

Каждое утро, когда рассвет изгонял с неба звезды и солнечные лучи осушали росу на траве, Пирам и Фисба прокрадывались к щели и, встав перед нею, произносили слова страстной любви и жаловались на свою горькую судьбу, но всегда делали это шепотом. В конце концов настал день, когда терпеть разлуку они уже больше не могли. Они уговорились, что в этот же вечер они попытаются ускользнуть из дому и пробраться через весь город за городские стены, где они наконец смогут безбоязненно увидеться друг с другом. Они уговорились встретиться в условленном месте, у гробницы царя Нина, под высокой шелковицей, покрытой снежно-белыми ягодами, близ которой журчал холодный источник. План восхитил их обоих, и им казалось, что этот день уже не кончится никогда.

Наконец солнце стало садиться. Уже в темноте Фисба выбралась из дому и тайком пробралась к гробнице Нина. Пирама еще не было; она стала ждать его – ее любовь придавала ей смелости. И тут совершенно неожиданно для себя она увидела в лунном свете львицу. Свирепый зверь только что загрыз свою очередную жертву; челюсти львицы были еще обгарены ее кровью. Она шла к источнику утолить жажду. Львица была довольно далеко от Фисбы, и та еще могла спастись бегством, но, убегая, она уронила свою накидку. А львица, возвращаясь в свое логово, схватила ее и порвала на части, а потом скрылась в чаще. И вот что увидел Пирам, появившись на месте встречи несколько минут спустя. Перед ним валялись окровавленные куски накидки, а на песке четко отпечатались следы львицы. Его выводы были однозначными. Он и не сомневался, что понял все. Фисбы уже не было в живых. Он позволил своей любви, нежной девушке, одной прийти в это полное опасностей место и не пришел первым, чтобы защитить ее. «Это я, я убил ее», – повторял он. Он поднял с затоптанного песка лохмотья, оставшиеся от накидки Фисбы, и, осыпая их поцелуями, понес к шелковице. «А теперь, – произнес он, – ты выпьешь и мою кровь». С этими словами он вытащил меч и вонзил его себе в бок. Его кровь хлынула на ягоды, окрасив их в темно-красный цвет.

Фисба, хотя и напуганная львицей, еще больше боялась потерять своего любимого. Осмелев, она пробралась к дереву, под которым они с Пирамом уговорились встретиться, под шелковицей, покрытой снежно-белыми ягодами. Но найти его она не смогла. Дерево стояло на месте, но на его ветках ничего ослепительно белого она не обнаружила. Когда Фисба разглядывала дерево, что-то на земле зашевелилось. Содрогнувшись, она сделала несколько шагов назад и в тот же момент поняла, кто же лежит на земле. Это был Пирам, омываемый собственной кровью и умирающий. Она устремилась к нему и обхватила его шею руками. Она целовала его в холодеющие губы и просила хоть раз взглянуть на нее, поговорить с ней. «Это же я, твоя Фисба, твоя любовь», – выкрикивала она. При звуках ее голоса он приподнял тяжелеющие веки и взглянул на нее. А потом смерть закрыла их навсегда.

Фисба увидела меч, выпавший из его руки, а рядом с ним свою окровавленную и порванную накидку и поняла все. «Тебя убила твоя собственная рука, – произнесла она, – и твоя любовь ко мне. Но я тоже могу быть храброй. Только смерть могла разделить нас, но теперь она этого не сможет». С этими словами Фисба вонзила себе в сердце меч, еще

влажный от крови Пирама.

В конце концов боги сжалились над влюбленной парой, да и их родители тоже. Вечным же напоминанием о трагической судьбе влюбленных служат темно-красные ягоды шелковицы. Пепел же влюбленных, которых не могла разделить даже смерть, захоронен в одной урне.

Орфей и Эвридика

Об участии Орфея в походе аргонавтов рассказывает только Аполлоний Родосский, греческий поэт, творивший в III в. до н. э. Остальную часть мифа лучше всех передают два римских поэта, Вергилий и Овидий (приблизительно в одном стиле). Поэтому здесь и употребляются латинские имена. Замечу, что все сказание в целом мог бы изложить каждый из трех названных поэтов.

Самыми первыми музыкантами были сами боги. Афина, правда, не отличилась в этом искусстве, но зато изобрела флейту, хотя и не играла на ней. Гермес смастерил лиру и подарил ее Аполлону, и тот сумел извлекать из нее настолько мелодичные звуки, что, когда он впервые заиграл на Олимпе, боги забыли обо всем. Для себя Гермес сделал пастушью свирель и наигрывал на ней очаровательные песенки. Пан же изобрел тростниковую дудочку, певшую сладко, как весенний соловей. У Муз не было особо любимого ими инструмента, но их голоса уже сами по себе несомненно были совершенны.

Следующими по таланту и мастерству исполнения можно считать нескольких смертных, достигших в своем искусстве такого совершенства, что в этом отношении они почти сравнились с богами. Из них самым выдающимся являлся несомненно Орфей. Он был сыном одной из Муз и фракийского царя. Его мать передала ему свой музыкальный дар, а взлелеяла его сама Фракия, ведь фракийцы были самым музыкальным народом в Греции. Орфей не имел равных себе ни в своей стране, ни где-нибудь еще, за исключением одних только богов. Когда он играл и пел, его возможностям предела не было. Противостоять ему не мог никто и ничто.

В чащах лесных на фракийских горах
Орфей двигал деревья, двигал и скалы
Своею волшебною лирой. Даже звери по зову ее
Сами шли из лесу.

За ним могло следовать все: и живые существа, и неодушевленные вещи. Он передвигал утесы на склонах гор и изменял течение рек.

О жизни Орфея до его несчастной женитьбы мало что известно, хотя из-за нее он стал известен гораздо больше, чем благодаря своему музыкальному дарованию. Тем не менее известно, что он принял участие в одной прославившей себя на всю Грецию экспедиции, в которой, быть может, принес гораздо больше пользы, чем остальные ее участники. Имеется в виду его путешествие с Ясоном на *Арго*. Когда плывшие на *Арго* герои уставали или грести становилось особенно трудно, Орфей ударял по струнам своей лиры, и гребцы обретали новые силы, и их весла двигались в такт наигрываемой им мелодии. Если же возникала угроза ссоры, его лира начинала звучать так нежно, так мирно и дружелюбно, что самые горячие головы охлаждались и забывали про свой гнев. Он спас героев и от Сирен. Когда аргонавты услышали плывущее над морскими просторами чарующее пение, оставлявшее у них только одно желание – слышать его больше и больше, они повернули свой корабль к берегу острова Сирен. Орфей же подхватил свою лиру и заиграл такую чистую, такую трогательную сердца мелодию, что в ушах героев она просто заглушила звуки фатальных для них песнопений Сирен. Аргонавты вернули корабль на прежний курс, и ветры отогнали его от опасного острова. Если бы на нем не было Орфея, то греческие герои

наверняка сложили бы свои кости на острове Сирен.

Нам неизвестно, когда он впервые встретил и при каких обстоятельствах предложил руку и сердце Эвридике, девушке, которую он полюбил. Тем не менее не возникает сомнений, что ни одна девушка, которой он делал бы такое предложение, не могла бы устоять перед чарами его музыки. Они поженились, но их супружеские радости были недолгими. Вскоре после свадьбы, когда Эвридика гуляла со своими подругами на лугу, ее укусила гадюка, и она умерла. Горе Орфея было неописуемым. Вынести разлуки он не мог и решил спуститься в царство мертвых, чтобы вернуть Эвридику. Себе же он сказал:

Своею лирой
Смогу зачаровать я дочь Деметры
И вместе с ней и самого Аида.
Растроганным их сердце
Вижу я моей игрою,
И выведу я супругу молодую
Из Аида.

Орфей осмелился сделать ради своей любви то, на что еще не осмеливался ни один другой мужчина. Он спустился в Аид, и когда коснулся струн своей лиры, то все, кто находился там, в безмолвии замерли. Кербер забыл, что он должен охранять адские врата, остановилось колесо Иксиона, присел отдохнуть на своем камне Сизиф, и впервые увлажнились слезами лица ужасных Фурий. Сам владыка Аида вместе с супругой подошли поближе к Орфею, чтобы лучше слышать его игру. Орфей же, обращаясь к ним, пел:

О, вы, божества, чья вовек под землею обитель,
Здесь окажемся все, сотворенные смертными! Если
Можно, отбросив речей извороты лукавых, сказать вам
Правду, дозвоьте. Сюда я сошел не с тем, чтобы мрачный
Тартар увидеть, не с тем, чтобы чудовищу, внуку Медузы,
Шею тройную связать, с головами, где вьются гадюки,
Ради супруги пришел. Стопою придавлена, в жилы
Яд ей змея пустила и похитила юные годы.
Горе хотел я стерпеть. Старался, но побежден был
Богом любви: хорошо он известен в пределах наземных, —
Столь и здесь – не скажу; уповаю, однако, что столь же.
Если не лжива молва о былом похищенье – вас тоже
Соединила любовь! Сей ужаса полной юдолью
Хаоса бездной молю и безмолвьем пустынного царства:
Вновь Эвридике моей заплетите короткую участь!
Все мы у вас должники: помедлив недолгое время,
Раньше ли, позже ли – все в приют поспешаем единый,
Все мы стремимся сюда, здесь дом наш последний; вы двое
Рода людского отсель управляете царством обширным.
Так и она: ей положенные годы созреют,
Будет под властью у вас – возвращенья прошу лишь на время,
Если же милость судеб в жене мне откажет, отсюда
Пусть я и сам не уйду; порадуйтесь смерти обоих.

Никто, услышав голос и лиру Орфея, не смог бы ему ни в чем отказать. И

...ни царица-супруга,
Ни властелин преисподней мольбы не исполнить не могут.

Царственные супруги приказали привести Эвридику и отдали ее супругу, под одним условием: когда она последует за ним, он не должен оборачиваться до тех пор, пока они не достигнут верхнего мира. Через ворота Аида супруги вышли на дорогу, которая повела из адской тьмы к свету, поднимаясь все выше и выше. Орфей знал, что Эвридика – где-то позади него, но ему все время хотелось бросить на нее хоть мимолетный взгляд, чтобы убедиться, что она здесь. И вот они уже почти завершили свой путь – тьма стала рассеиваться, и Орфей с огромной радостью сделал первый шаг в мир света и тотчас же обернулся, чтобы взглянуть на супругу. Но слишком рано – он увидел ее еще в туманной дымке и простер руки, чтобы удержать ее, но в тот же миг Эвридика исчезла, скользнув назад, во тьму преисподней. Он услышал только едва различимое «Прощай!».

Полный отчаяния, Орфей бросился за ней, мчась по уже пройденному им пути все дальше и дальше, все ниже и ниже, но в Аид его уже не пропустили. Боги не разрешили ему, живому, второй раз войти в пределы царства мертвых. Ему пришлось вернуться на землю одному, в глубоком горе. После этого Орфей стал избегать общества людей. Он бродил по диким, безлюдным местам Фракии, не имея при себе ничего, кроме лиры. Он не переставал перебирать ее струны; и ему с радостью внимали скалы, реки и деревья, его единственные слушатели. Но однажды ему встретилась компания менад. Они были в таком же безумном состоянии, как и те, которые так жестоко расправились с Пенфеем. Они разорвали несчастного Орфея на части и бросили его изувеченную голову в быстрые воды Гебра. Ее вынесло из устья реки, и она была найдена на берегу Лесбоса. Она совсем не пострадала от морской воды; ее окружили Музы и похоронили в святилище на острове. Части его тела они собрали и тоже похоронили в могиле у подножия Олимпа. И над этой могилой соловьи поют гораздо слаще, чем где-либо еще.

Кеик и Алкиона

Лучше всего этот миф изложен у Овидия. Преувеличения в описании шторма типичны для римского автора. Детальное же описание жилища бога сна свидетельствует о возможностях Овидия как бытописателя. Имена богов, естественно, римские.

Фессалийский царь Кеик был сыном светоносца Люцифера – звезды, возвещающей приход дня, и его лицо повторяло прекрасный лик его отца. Его жена Алкиона также была высокого происхождения; она была дочерью повелителя ветров Эола. Супруги преданно любили друг друга и никогда добровольно не разлучались. Но однажды Кеик был вынужден покинуть супругу и отправиться в далекое морское путешествие. У него приключились неприятности, и он собирался попросить совета у оракула, этого прибежища попавших в беду людей. Когда Алкиона узнала о его планах, она крайне обеспокоилась, даже испугалась. Рыдая, она говорила ему, что о бедствиях, происходящих на море, о мощи ветров она знает, как никто другой. Ведь во дворце своего отца она наблюдала за ними с детства, видела штормы, которые они вызывают, черные тучи, которые они гонят по небу, и ужасные желто-красные молнии. «И столько же раз, – рассказывала она, – я видела на берегу обломки кораблей, выброшенные волнами. О, не ездь никуда! А если я не могу тебя убедить, то хоть возьми меня с собой. Я же вынесу все, что только может с нами случиться».

Кеик был глубоко тронут ее словами. Он знал, что она любит его не меньше, чем он ее, но ему не хотелось отказываться от своих намерений. Он, кроме того, был уверен, что должен получить совет оракула, и поэтому и слышать не хотел о том, что она будет делить с ним все связанные с путешествием опасности. Алкионе пришлось уступить и отпустить его одного. Когда она прощалась с ним, на сердце у нее было так тяжело, словно она предвидела все, что им предстоит. Она простояла на берегу, пока его корабль не скрылся из глаз.

В эту же ночь на море разразился ужасный шторм. Все ветры, встретившись вместе, устроили между собой сумасшедшую схватку и поднимали волны высотой с гору. Дождь

лил такой стеной, что казалось, будто все небо изливается в море, а море собирается добраться своими волнами до неба. Все, кто плыл на этом утлом и уже потрепанном волнами суденышке, были охвачены ужасом. Все, кроме одного, который думал только об Алкионе и радовался, что она – в безопасности. И ее имя было у него на устах, когда корабль утонул и над ним сомкнулись волны.

А Алкиона считала дни. Она, стараясь занять себя, соткала мужу ко дню его предполагаемого приезда новые одежды. Себе она тоже соткала одежды, чтобы выглядеть такой, какой Кеик в первый раз увидел ее. Много раз в день она молилась за него богам, больше всего Юноне. Богиня была тронута этими молитвами, которые тем более возносились за мертвого человека, как за живого. Она позвала к себе вестницу богов Ириду и приказала ей отправиться в жилище бога сна Сомна и просить его послать Алкионе сон, из которого она узнает правду о Кеике.

Обитель Сомна была расположена неподалеку от мрачной страны киммерийцев, в глубокой долине, куда никогда не заглядывает солнце, и все окутано мглой вечных сумерек. Там не кричат петухи, не лают сторожевые псы, не шуршат под ветерком ветки, мирную тишину не нарушает ни один разговор. Единственные звуки здесь – это тихое журчание манящих ко сну струй Леты, реки забвения. Перед входом в жилище Сомна цветут маки и множество усыпляющих трав. А внутри его на мягком-премягком ложе, покрытом черными простынями, возлежит сам Сомн. Именно туда и направилась Ирида, одетая в свой многоцветный плащ, соскользнув по радуге на землю, и затемненное жилище Сомна сразу озарилось радужным сиянием, распространившимся от ее одеяния. Но даже и при свете ей было очень трудно заставить бога поднять свои тяжелые веки и понять, что от него требуется. Как только Ирида удостоверилась, что он действительно пробудился и ее поручение выполнено, она поспешила прочь, боясь, что в этом жилище и она может навеки заснуть.

Старый Сомн разбудил своего сына Морфея, умевшего принимать вид любого из человеческих существ, и передал ему приказание Юноны. На бесшумных крыльях Морфей устремился на землю и предстал перед ложем Алкионы, приняв облик утонувшего Кеика. Нагим, со стекающей по его телу водой он склонился над Алкионой.

– О, моя бедная жена! – произнес он. – Взгляни, я – твой супруг. Узнаешь ли ты меня или меня так страшно изменила смерть? Меня уже нет в живых, Алкиона. Когда волны уже совсем захлестывали меня, на моих устах было твое имя. Никаких надежд у меня нет. Подари только мне свои слезы, не оставь меня неоплаканным.

Алкиона застонала во сне, простерла руки к своему мнимому супругу и воскликнула:

– Подожди! Я пойду с тобой!

От своего крика Алкиона пробудилась. Окончательно проснувшись, она пришла к убеждению, что ее супруг погиб и она видела не сон, а его самого. «Да, я видела его, вот на этом самом месте, – говорила она себе. – Несчастный, как жалко он выглядел. Он умер, и я тоже скоро умру. Могу ли я оставаться дома, когда тело моего мужа носит по волнам? Я не оставлю тебя, супруг мой; я не хочу больше жить!»

С первыми лучами солнца Алкиона отправилась на берег, на мыс, на котором стояла, провожая мужа в плавание. Пока она стояла и смотрела в море, где-то в синей дали показался какой-то странный предмет; волны гнали его все ближе и ближе к берегу, и она поняла, что это – мертвое тело. Исполненная жалости и страха, она не отводила от него глаз, а оно медленно приближалось к берегу. И вот оно уже почти у мыса, почти рядом с ней. Она узнала его: это был Кеик, ее супруг. С криком «О, муж, любимый!» она помчалась к нему и бросилась в воду. И тут случилось чудо: она не утонула в морских волнах, а поплыла по ним. У нее появились крылья; ее тело покрылось перьями – она превратилась в птицу. Боги были добры к супружеской чете. В птицу был превращен и Кеик. Когда Алкиона доплыла до места, где должно было плавать его тело, то не обнаружила его. Кеик же с радостью приветствовал ее в своем новом обличье. Их любовь осталась неизменной. Их всегда можно видеть вместе плывущими или резвящимися среди волн.

В конце каждого года бывает семь дней, когда на море царит полный штиль, оно – тихое и спокойное, над волнами – ни ветерка. Волны – словно зачарованные. Это те дни, когда Алкиона высиживает птенцов в своем плавающем по волнам гнезде. После того как выведутся птенцы, эти чары пропадают. Но дни с идеально тихой погодой приходят регулярно каждую зиму; их так и называют по имени супруги: алкионовыми, или, что чаще, просто «днями зимородка».

В эти дни зимородки качаются на зачарованных морских волнах¹⁷.

Пигмалион и Галатейя

Этот миф известен только по творчеству Овидия и поэтому богиню любви в нем, естественно, зовут Венерой. Он представляет собой великолепный пример свойственной Овидию манеры «изысканно приодеть» известные мифы.

Одаренный молодой скульптор Пигмалион, живший на Кипре, был ярким женоненавистником.

Оскорбясь на пороки, которых природа
Женской душе в изобилие дала, холостой, одинокий
Жил он, и ложе его лишено было долго подруги.

Пигмалион решил не жениться никогда. Ему достаточно его искусства, говорил он себе. Тем не менее статуя, которую он изваял и которой отдал весь свой гений, была статуей женщины. Вероятно, он или не мог чувствами отрешиться от того, чего не одобрял умом и даже отрицал образом своей жизни, или же намеревался создать образ идеальной женщины, продемонстрировав таким способом мужчинам те недостатки, которыми природа наделила реальных женщин.

Как бы там ни было, он работал над статуей очень долго, весь отдаваясь любимому делу, и в конце концов создал совершеннейшее произведение искусства. Тем не менее он продолжал свою работу, и день ото дня под его искусными пальцами статуя становилась все прекраснее. Ни одна когда-либо жившая на земле смертная женщина, тем более ни одна статуя не могли с нею сравниться. Когда далее совершенствовать ее уже стало невозможным, со скульптором произошло нечто удивительное: он влюбился в собственное творение. Объяснением здесь может послужить то обстоятельство, что эта статуя совсем не выглядела статуей: никто не мог бы подумать, что перед ним – слоновая кость или мрамор; нет, каждый чувствовал перед собой теплое человеческое тело, лишь на мгновение застывшее в неподвижности. Таково было искусство этого преисполненного профессиональной гордости молодого человека. Это была вершина его творчества, когда искусство заставляет забыть о самом себе.

Пигмалион и Галатя

С этого времени прекрасный пол, которым Пигмалион так пренебрегал, начал мстить за себя. Ни один юноша, влюбленный в реальную земную девушку, не страдал, как он. Он целовал эти манящие губы, но они не могли ему отвечать; он заключал ее в объятия, но она оставалась холодной и неподвижной. Иногда он пытался поступать с ней так же, как дети поступают со своими игрушками. Он одевал ее в богатые одежды, проверяя, как на ней смотрятся наряды скромных или, наоборот, ярких расцветок, и представляя себе, какое удовольствие она от них получает. Он приносил ей дары, которые приносят живым девушкам: маленьких птичек, веселые цветы и сверкающие слезы янтаря, которые роняли сестры Фазтона, а потом ему начинало казаться, что она его благодарит. На ночь он переносил ее в постель и закутывал со всех сторон, чтобы ей было тепло и мягко – так поступают со своими куклами маленькие дети. Но он не был ребенком и не мог играть в такие игры вечно. В конце концов Пигмалион сдался. Да, он полюбил безжизненную статую и был крайне несчастлив от этого.

Эта удивительная страсть не могла долго оставаться скрытой от богини любви. Венера заинтересовалась этим доселе неведомым ей феноменом – новой разновидностью возлюбленного, и решила помочь Пигмалиону, который был истинно и страстно влюблен и в то же время предавался чудачествам.

Торжества в день Венеры, естественно, устраивались на Кипре, острове, на котором она впервые появилась, рожденная из морской пены. В жертву ей приносились снежно-белые телки с позолоченными рогами; небесный аромат благовоний, поднимающийся от алтарей

Венеры, распространялся по всему острову; толпы паломников заполняли ее храмы, и среди этих паломников можно было встретить не одного несчастного влюбленного, пришедшего с дарами и молящегося о том, чтобы та, в которую он влюблен, оказалась милостива к нему. Среди этих несчастных влюбленных был, конечно, Пигмалион. Он осмелился просить богиню всего лишь о том, чтобы она помогла ему сыскать девушку, похожую на его статую, но Венера хорошо знала его истинное желание, и в знак того, что его молитва принята благосклонно, пламя на алтаре, перед которым он стоял, трижды разгоралось и затухало.

Весьма озадаченный этим предзнаменованием, Пигмалион отправился к своему дому, к своей любви, статуе, которую он создал и которой отдал свое сердце. Она по-прежнему возвышалась на своем пьедестале, потрясающе прекрасная! Он погладил ее, а потом отошел на несколько шагов назад. Был ли это самообман или она действительно была теплой, когда он касался ее? Он поцеловал ее в губы. Это был долгий и томительный поцелуй, и вдруг он почувствовал, что ее губы становятся мягче. Он дотронулся до ее рук, ее плеч; они уже не были больше такими твердыми. Они напоминали воск, растапливаемый солнцем. Он взял ее за запястье; там пульсировала кровь. «Это сделала Венера», – подумалось ему. И с несказанной радостью и признательностью богине он заключил в объятия свою любимую и смотрел, как она улыбается, глядя прямо ему в глаза, и медленно покрывается нежным румянцем.

Венера сама почтила их свадьбу своим присутствием. А о последующих событиях мы не знаем ничего, кроме того, что Пигмалион назвал девушку Галатеей, а их сын, Пафос, дал имя любимому городу Венеры.

Бавкида и Филемон

Единственный источник этого мифа – поэма Овидия. Поэма очень хорошо отражает любовь Овидия к деталям и искусный способ их использования, с помощью которого он делает волшебную сказку более реалистичной. Имена богов – римские.

Среди фригийских холмов когда-то росли два дерева, на которые и местные жители, и те, кто обитал вдали от этих мест, указывали как на чудо. Это неудивительно, потому что одним из них был дуб, а другим – липа, но оба они росли из одного ствола. История о том, почему это произошло, представляет собой доказательство безмерной силы богов, а также показывает, какими способами они вознаграждают смиренных и богобоязненных.

Иногда, когда Юпитеру надоело вкушать амброзию и попивать нектар на Олимпе и он даже несколько уставал слушать лиру Аполлона и созерцать греческие танцы, он спускался на землю, переодетый простым смертным, и отправлялся на поиски приключений. Его излюбленным спутником в таких прогулках был Меркурий, наиболее предприимчивый из всех богов, самый хитроумный и самый сообразительный. На этот раз Юпитер решил проверить, насколько гостеприимны жители Фригии. Конечно, соблюдение законов гостеприимства представляло для него особую важность, поскольку все странники, искавшие крова на чужой стороне, находились под его особым покровительством.

Оба бога соответственно приняли вид бедных странников и пошли по фригийской земле, стучась на своем пути в каждую убогую хижину или богатый дом и прося о пище и крове. Но никто не впускал их; каждый раз им грубо отказывали и захлопывали перед ними дверь. Они сделали более сотни попыток, но везде находили один и тот же прием. Наконец они зашли в маленькую лачугу, на вид гораздо беднее всех тех, которые они видели до сих пор, и с крышей из тростника. Однако, когда они постучали в этот раз, дверь перед ними широко распахнулась и любезный голос попросил их войти. Чтобы войти в низкую дверь, они должны были наклониться, но внутри они оказались в уютной и очень чистой комнатке, где добродушный старик хозяин и его жена приветствовали их самым дружеским образом и тотчас же засуетились, пытаясь разместить гостей получше.

Придвинув к огню широкую скамью, хозяин предложил им растянуться и хорошенько

отдохнуть на ней, а хозяйка набросила на нее мягкое покрывало. Она объяснила гостям, что ее зовут Бавкида, а ее мужа – Филемон. Они живут в этой лачуге в течение всей своей супружеской жизни и всегда чувствовали себя счастливыми. «Мы – бедняки, – говорила она, – но бедность не так уж и страшна, если у тебя есть желание справиться с ней, да и смирение – тоже неплохая вещь». Разговаривая с гостями, она все время что-то для них делала. Бавкида вздула угли, лежавшие под слоем золы в темном очаге, и запылал веселый огонь, повесила над огнем небольшой котелок с водой, и к тому моменту, когда она закипела, как раз вернулся ее муж, принесший из огорода кочан капусты. Он немедленно был отправлен в котелок вместе с куском окорока, висевшим на одной из потолочных балок. Пока ужин варился, хозяйка своими трясущимися руками ставила стол. Он хромал на одну ножку, и она подложила под нее черепок от глиняного блюда. На стол она поставила оливки, редиску и несколько яиц, которые запекла в золе. Ужин к этому времени уже сварился, и хозяин приставил к столу два расшатанных ложа и пригласил своих гостей прилечь и приступать к трапезе.

Между тем он принес им по буковому кубку и чашу для смешивания вина, в которой действительно плескалось какое-то вино, сильно разбавленное водой и по вкусу напоминающее уксус. Филемон, однако, был совершенно горд и счастлив оттого, что мог подать на стол подобную роскошь, и сразу же наполнял кубки гостей, как только они пустели. Старики были настолько упоены успехом своего гостеприимства, что одну странность, случившуюся за столом, упустили из виду. Чаша для смешивания вина все время оставалась полной. Не важно, сколько кубков вина уже было налито из нее, уровень вина оставался тем же – чаша была полна до краев. Когда же они заметили и оценили это чудо, они тотчас же в ужасе переглянулись и, опустив глаза, принялись молча молиться. Потом, запинаясь и дрожа от страха, они смиренно попросили гостей простить их за то, что угостили таким скромным ужином. «У нас еще есть гусь, – заявил хозяин, – которого мы должны были бы предложить вашим милостям. Подождите, и он будет тотчас же готов». Однако поймать гуся было выше их сил. Они пытались это сделать, пока совсем не выбились из сил, а Юпитер и Меркурий наблюдали за ними с немалым удовольствием.

А когда Филемону и Бавкиде пришлось прекратить охоту за гусем, боги почувствовали, что теперь пришел их черед действовать. Они пребывали в очень благодушном настроении. «Вы принимали у себя богов, – заявили они хозяевам, – и теперь должны быть вознаграждены! Эта злосчастная местность, где так пренебрегают мольбами странников, будет жестоко наказана. Наказание понесут все, но только не вы». Они вывели стариков из их лачуги и предложили им осмотреться вокруг. Вся местность была затоплена – вместо нее старики увидели огромное озеро. Их соседи нехорошо относились к Филемону и Бавкиде, но те все равно проливали о них слезы. Но вдруг их слезы сами собой высохли, когда они узрели еще одно чудо. На их глазах жалкая приземистая лачуга, которая столько лет была их жильем, превратилась в величественный храм со множеством колонн и золотой крышей, выстроенный из самого белого мрамора.

– Добрые люди, – продолжал Юпитер, – просите, чего только вам захочется, и ваше желание будет исполнено.

Старики быстро поговорили шепотом, и Филемон произнес:

– Дозвольте нам быть вашими жрецами, охраняющими ваш храм. Да... и потом, раз уж мы с женой столько времени прожили вместе, пусть ни один из нас никогда не испытает чувства одиночества. Сделайте так, чтобы мы умерли вместе.

Боги согласились, вполне довольные своими хозяевами. Те долгое время служили жрецами в этом великолепном новом храме, и нам ничего не известно о том, сожалели ли они в глубинах своего сердца об их уютной крошечной хижине. Однажды, стоя перед храмом, они припоминали свою прошлую жизнь, которая была очень счастливой. Оба были уже в очень преклонных годах. И, все еще обмениваясь воспоминаниями, они вдруг увидели, что каждый из них начинает пускать побеги, подобно дереву. Вокруг их тел уже нарастала кора. У них хватило времени только для того, чтобы воскликнуть: «Прощай, дорогой

супруг!» Когда эти слова соскользнули с их губ, они уже превратились в деревья, но все равно продолжали быть вместе. Липа и дуб росли от одного корня.

Дивиться чуду приходили люди из самых дальних краев, и на ветвях дуба и липы всегда висели венки в честь этой богобоязненной и добродетельной четы.

Эндимион

Этот миф я излагаю по поэме Феокрита, жившего в III в. н. э. Он повествует его в чисто греческой манере – просто и сдержанно.

Жизненный путь этого столь известного юноши довольно короток. Одни поэты утверждают, что он был царем, другие – охотником, но большинство сходятся на том, что он был простым пастухом. Тем не менее все называют его юношей неопишуемой красоты, что во многом и определило его редкостную судьбу.

Когда юный пастух
Эндимион стада свои сторожил,
Селена-Луна страстно
Влюбилась в него
И, с неба сойдя,
На поляну на Латмосе 18,
Целуя его, возлегла рядом с ним.
Благословенна судьба пастуха!
Он в вечной блаженной дремоте,
Пигмалион и Галатей Спит, не шелохнувшись, не просыпаясь,
Этот красавец Эндимион...

Он никогда не просыпался и так никогда и не увидел наклоняющееся над ним серебристое тело богини. Во всех рассказываемых о нем вариантах мифа он, наделенный бессмертием, будет спать вечно, не приходя в сознание. Сказочно прекрасный, он возлежит на склоне горы, неподвижный и отрешенный, как смерть, но живой и теплый, и каждую ночь Селена спускается к нему и покрывает его поцелуями. Утверждают, что в сон Эндимиона погрузила она сама, чтобы ей всегда было легко найти его и ласкать, сколько ей будет угодно¹⁹. Правда, некоторые полагают, что ее страсть приносит ей только боль, сопровождаемую тысячами вздохов.

Дафна

Этот миф пересказан только одним Овидием. Так излагать мог только римлянин. Поэт-грек никогда бы не задумался об элегантности наряда и прическе лесной нимфы.

Дафна была еще одной из череды независимых и отвергающих любовь и замужество юных охотниц, образы которых так часто встречаются в мифах. Как утверждают, она была первой любовью Аполлона. Неудивительно, что она спасалась от него бегством. Ведь не одна неудачливая девушка, ставшая возлюбленной одного из богов, должна была или тайком убить свое дитя, или сама готовиться к смерти. В лучшем случае ей грозило изгнание, но многие женщины думали, что оно хуже смерти. Океаниды, посетившие Прометея, прикованного к кавказской скале, рассказывая ему некоторые свои мысли о возможности сочетаться с богами, всего лишь отдавали дань простейшему здравому смыслу.

О, никогда, никогда
Пусть не увидят Мойры на ложе меня
Зевсовой страсти

Или женой другого сына небес.
Нисколько мне не страшно с равным в брак вступить,
Но не взглянул бы на меня
С неумолимой страстью бог высокий!

Безнадежна здесь надежда, без входа и выхода.
Я не знаю, как жить тогда...

Дафна полностью согласилась бы с их словами. Вместе с тем она не хотела и возлюбленных из смертных. Ее отец, речной бог Пеней, уже давно устал слышать об ее отказах всем красивым и во всех отношениях достойным женихам. Он мягко укорял ее и жаловался:

– Что же, у меня никогда не будет внука?

Она обнимала его за шею и начинала упрашивать:

– О, отец, милый, дозвожь мне жить как Диана. Добродушный Пеней сдавался, и она тотчас же убегала в лесные чащи, радуясь своей благословенной свободе.

Но однажды Дафну увидел Аполлон, и для нее все кончилось. Она в это время охотилась, на ней была короткая, до колен, одежда, ее руки были обнажены, ее волосы – в беспорядке. И все-таки она была удивительно хороша. Аполлон же подумал: «А как бы она выглядела, если ее как следует одеть и причесать?» Эта мысль заставила с еще большей силой пылать тот огонь, который уже пожирал его сердце, и он устремился за ней. Дафна убегала, а ведь она была замечательной бегуньей. Даже Аполлон не мог сразу ее догнать, впрочем, он сделал это довольно быстро. На бегу он не раз взывал к ней, пытаясь ее остановить: он умолял, убеждал ее, давал ей всяческие обещания.

– Не бойся, – кричал он, – остановись и постарайся понять, кто я такой. Ведь я – не мужлан, не какой-нибудь пастух. Я – хозяин Дельф, и я тебя люблю.

Но Дафна продолжала убегать, испуганная еще больше, чем прежде. Если ее действительно преследует сам Аполлон, надеяться ей было не на что, но она решила сопротивляться до конца. Выхода не было, она уже чувствовала дыхание у себя за спиной, но тут деревья неожиданно расступились перед ней, и она увидела реку своего отца.

– Отец, помоги мне! Помоги мне! – в отчаянии прокричала она.

При этих словах она вдруг перестала полностью себя ощущать; ее ноги, еще только что так быстро бежавшие по земле, теперь, казалось, приросли к ней. Ее тело начала покрывать древесная кора, на ней уже стали появляться листья. Она превратилась в дерево, в лавр.

С гневом и отчаянием смотрел Аполлон на это превращение.

– О, красивейшая из девушек, я потерял тебя, – с горечью прошептал он. – Но зато ты станешь моим любимым деревом. Твоими ветвями мои любимцы будут украшать головы, и ты будешь незримо участвовать во всех моих триумфах. Ведь где будут звучать торжественные песнопения и аэды будут рассказывать легенды, Аполлон и его лавры будут неразлучны.

И прекрасное дерево со сверкающими листьями, казалось, кивнуло в знак согласия.

Алфей и Аретуса

Полностью это сказание имеется только у Овидия. В свою обработку мифа ничего особенно интересного он не вносит. Помещенные в конце стихи принадлежат александрийскому поэту Мосху.

На Ортигии, острове, образующем часть Сиракуз, самого большого города Сицилии, есть священный источник Аретуса (Аретуза). Когда-то Аретуса не была ни источником, ни водяной нимфой, а красивой молодой охотницей в свите Артемиды. Как и сама Артемида, она не желала иметь ничего общего с мужчинами, предпочитая охоту и привольную жизнь в

лесных чащах.

Однажды, разгоряченная и уставшая после охоты, она вышла к прозрачной, как хрусталь, речке с серебристыми ивами по берегам. Лучшее место для купания нельзя было и представить. Аретуса разделась и скользнула в воду. Некоторое время она лениво плавала, и никто ее не беспокоил. Но вдруг ей показалось, что в кустах за ее спиной что-то зашевелилось. Испуганная, она выскочила на берег и тотчас же услышала голос: «Зачем так спешить, красавица?» Не оглядываясь, она, подгоняемая страхом, помчалась прочь от реки в самую чащу леса. Ее кто-то преследовал, причем более быстроногий, чем она сама. Незнакомец на бегу окликнул ее, назвав себя речным богом Алфеем, и объяснил, что преследует ее только потому, что влюбился. Но Аретусе ничего не было от него нужно. Ею владела только одна мысль – убежать. Алфей долго преследовал Аретусу, но исход этого состязания сомнений не вызывал – он мог бежать гораздо дольше, чем она. Наконец, совершенно обессиленная, Аретуса воззвала к своей богине – и не напрасно. Артемида превратила ее в водяной источник и приказала земле расступиться так, что между Сицилией и Грецией возник туннель. Аретуса нырнула в него и вынырнула на Ортигии. То место, где теперь бурлит источник, носящий ее имя, посвящено Артемиде.

Но, как говорят, даже здесь она не избавилась от Алфея. Бог, снова превратившись в реку, последовал за ней по туннелю, и с тех пор их воды смешиваются в одном бассейне. Утверждают, что со дна бассейна часто всплывают цветы из Греции, а если в Греции в реку Алфей бросить деревянный кубок, то он появится в источнике Аретусы в Сицилии.

Далеко в глубину мчит Алфей свои воды,
Невесте своей Аретусе дары он спешит принести.
Здесь есть и цветы, и живописные листья деревьев.
И сделать это ему позволил крошка Амур.
Плут, шалун и проказник,
Своею божественной силой реке разрешил он нырнуть.

Глава 3 Аргонавтика

Так называется длинная поэма, очень популярная в классические времена и написанная Аполлоном Родосским, поэтом, творившим в III в. до н. э. Им рассказана вся история похода за исключением эпизода, касающегося ключевой беседы между Ясоном и Пелием, которую я излагаю по Пиндару. Она – предмет одной из его прославленных од, написанных в первой половине V в. до н. э. Аполлоний завершает свою поэму возвращением героев-аргонавтов в Грецию. Я добавила к поэме рассказ о пребывании Ясона и Медеи в Греции, заимствовав его у Еврипида, поэта-трагика, жившего в V в. до н. э. и положившего его в основу одной из своих лучших пьес.

Три этих писателя очень отличаются друг от друга. Никакой прозаический пересказ не может дать читателю представления о творчестве Пиндара, за исключением, быть может, представления о его уникальной способности к четкому и очень подробному описанию событий. Читателям, знакомым с Энеидой, Аполлодор может чем-то напомнить

Вергилия. Различие между Медеей Еврипида, с одной стороны, и героиней Аполлодора и Дидоной Вергилия, с другой, может в большей мере служить критерием величия греческой трагедии.

Первым в Европе героем, совершившим великое путешествие, был вождь похода за золотым руном. Предполагается, что он жил на одно поколение раньше, чем самый прославленный греческий путешественник, герой *Одиссеи*. Конечно, это было путешествие по воде. Реки, озера и моря были единственными путями сообщения; по сухопутью дорог не существовало. Впрочем, все путешествия были связаны с опасностями – и не только на воде, но и на суше. По ночам корабли не плавали, и в любом месте, куда на ночь заходили корабли, могли обитать чудовища или волшебники, которые были в состоянии причинить мореходам гораздо больший вред, чем шторм и кораблекрушение. Для того чтобы плавать по морям, требовалась большая смелость, в особенности за пределами Греции.

Ни одно сказание не подтверждает это с большей достоверностью, чем история о том, что пережили герои, отправившиеся на корабле под названием *Арго* на поиски золотого руна. Естественно, можно сомневаться в том, что когда-нибудь действительно было предпринято путешествие, участникам которого пришлось столкнуться со столь разнообразными опасностями. С другой стороны, не следует забывать, что все они были знаменитыми героями, многие – величайшими героями Греции, и их масштабы вполне отвечали масштабам пережитых ими приключений.

Миф о золотом руне начинается с упоминания о греческом царе Афаманте, который, устав от своей жены, развелся с ней и женился на другой, царевне Ино. Нефела же, его первая жена, очень боялась за судьбу двух своих детей, в особенности за жизнь мальчика, Фрикса. Она предполагала, что вторая жена Афаманта будет пытаться лишить мальчика жизни, чтобы царство мог наследовать ее собственный сын, и оказалась совершенно права в своих предположениях. Надо сказать, что Ино происходила из знаменитой семьи. Ее отцом был Кадм, прославленный царь Фив; ее мать и три сестры были женщинами безупречного поведения. Но сама Ино решила убить маленького Фрикса и разработала для этого хорошо продуманный план. Она каким-то образом завладела всеми запасами семенного зерна и засушила семена до того, как мужчины приступили к севу, так что никакого урожая, естественно, собрать не удалось. Когда царь послал гонца запросить оракула о том, что же делать в этой бедственной ситуации, Ино убедила или, вероятно, подкупила этого гонца, чтобы он сообщил царю, что, по словам оракула, урожая не будет до тех пор, пока Фрикса не принесут в жертву.

Население города, которому угрожала голодная смерть, вынудило царя уступить и отправить мальчика на смерть. Грекам поздних поколений сама идея такого жертвоприношения казалась столь же ужасной, как и нам с вами, и поэтому если оно должно было сыграть какую-то роль в сказании, почти всегда заменяли его чем-нибудь менее шокирующим. В варианте мифа, дошедшем до нас, мальчика, уже подведенного к алтарю для заклания, вместе с сестрой подхватывает чудесный баран с шерстью (руном) из чистого золота и несет их по воздуху. Этого барана послал Гермес в ответ на мольбы их матери Нефелы.

Когда они летели над проливом, разделяющим Европу и Азию, девочка, которую звали Гелла, соскользнула со спины барана и упала в воду. Она утонула, а пролив был назван по ее имени Геллеспонтом, то есть Морем Геллы. Мальчик же счастливо прибыл в страну колхов, Колхиду, расположенную на берегу моря Негостеприимного, нынешнего Черного (оно еще не стало Гостеприимным). Колхи были жестоким, свирепым народом. Тем не менее по отношению к Фриксу они проявили доброту; их царь Ээт даже позволил ему жениться на одной из своих дочерей. Фрикс принес в жертву Зевсу барана, спасшего ему жизнь; это может показаться странным, но он поступил именно так и подарил драгоценное золотое руно царю Ээту.

У Фрикса был дядя, по праву бывший одним из греческих царей, но его царство у него

отобрал его племянник по имени Пелий. Маленький сын этого царя, Ясон, бывший законным наследником этого царства, был тайком отправлен в безопасное место, а когда подрос, смело отправился требовать свое царство у двоюродного брата.

Оракул предсказал захватившему престол Пелию, что он погибнет от руки соплеменников, что он должен опасаться того, кто придет к нему в одной сандалиии. И такой человек в должное время появился в городе. Он был бос на одну ногу, хотя одет был очень хорошо – одежда плотно прилегала к его рукам и ногам, а на плечи для защиты от непогоды была наброшена шкура леопарда. Он не подстригал свои светлые локоны; они рассыпались гривой по его плечам. Он, не таясь, вошел в город и без признаков какой-либо боязни пришел на рыночную площадь как раз в то время, когда она была запружена народом.

Его никто не знал, но некоторые дивились ему и спрашивали друг у друга: «Может, это сам Аполлон? Или повелитель Афродиты? Но и не один из храбрых сынов Посейдона, потому что все они погибли». В это время через толпу, торопясь, как раз проходил Пелий, который, увидев человека в одной сандалиии, очень испугался. Стараясь не выдавать своего страха, он обратился к чужеземцу со следующими словами:

– Из какой ты страны? Но только обойдись без отвратительной, грязной лжи. Говори мне только правду.

Тот же сдержанно ответил:

– Я вернулся на родину, чтобы восстановить честь моего дома. В стране, которую Зевс вручил моему отцу, ты царствуешь не по праву. Я – твой двоюродный брат, и меня зовут Ясон. Ты и я должны разделить свои полномочия, не прибегая ни к мечам, ни к копьям. Оставь себе все богатства, которые ты захватил, козы и овечьи стада, крупный рогатый скот, но монарший скипетр и трон предоставь мне – так, чтобы между нами не вышло кровавой ссоры.

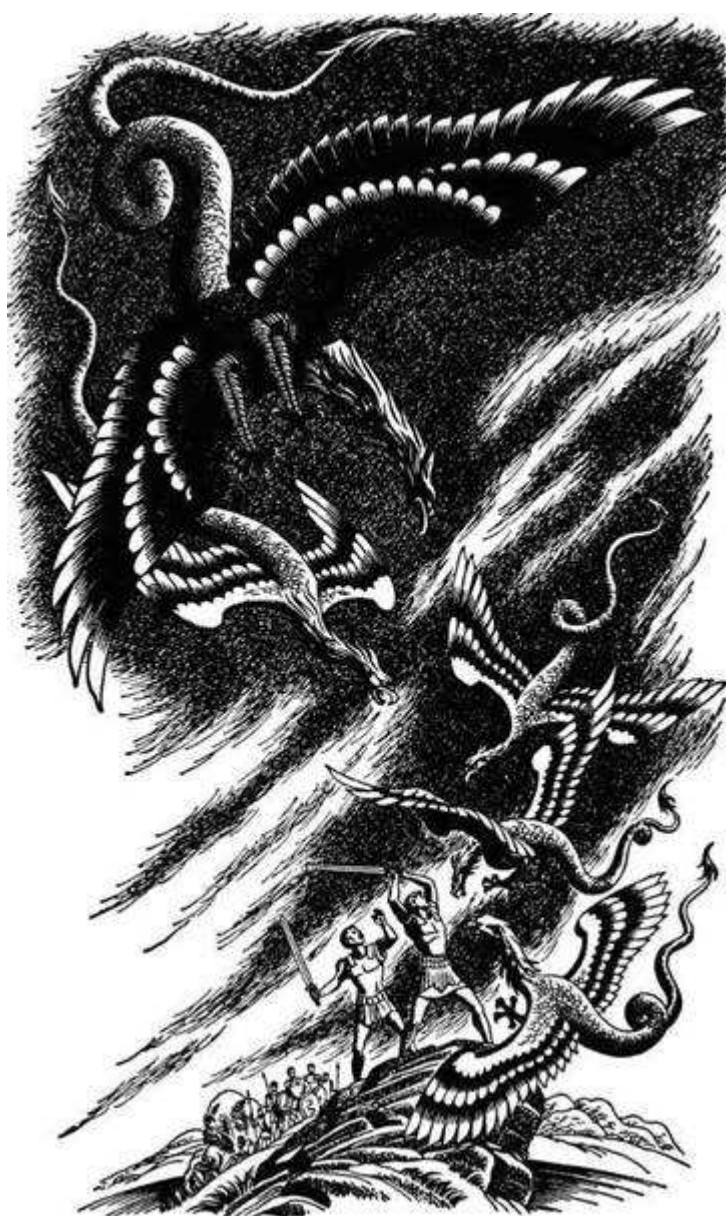
Пелий дал Ясону такой ответ:

– Пусть будет по-твоему. Но сначала нужно сделать следующее. Нам необходимо доставить в город золотое руно и тем самым вернуть сюда душу Фрикса. Так пророчествует оракул. Но я уже стар, а цветок твоей юности только входит в пору цветения. Поезжай за руном, а я, взяв в свидетели Зевса, клянусь вернуть тебе царство и законную власть.

В душе же Пелий не верил, что тот, кто предпримет такую попытку, сможет вернуться живым.

Мысль о походе за золотым руном привела Ясона в полный восторг. Он выразил согласие и велел повсюду объявить о предстоящей экспедиции. На его призыв с радостью откликнулись молодые герои со всей Греции. Они тотчас же начали съезжаться к Ясону. Среди них были величайший из всех героев Геракл, знаменитый певец и музыкант Орфей, Кастор со своим братом Поллуксом, отец Ахилла Пелей и множество других. Ясону помогала Гера. Именно она внушала каждому из героев страстное желание презреть жизнь, которое дало бы им возможность встретить те опасности, что сулило им плавание за руном, и, быть может, ценою жизни добиться чести испить кубок бессмертной славы. Они поплыли на корабле *Арго*. Перед отплытием Ясон поднял золотую чашу и, совершив возлияние над морскими волнами, воззвал к Зевсу, метателю молний, моля его помочь им в начатом предприятии.

Их ожидали огромные опасности, и за возможность испить кубок славы многим из них пришлось заплатить жизнью. Их первой стоянкой был остров Лемнос, на котором жили одни только женщины. Дело в том, что за некоторое время до прибытия аргонавтов женщины Лемноса восстали против мужчин и перебили их всех, за исключением одного, престарелого царя острова. Возглавившая женщин дочь царя Гипсипила пощадила его, отправив в море в пустом сундуке, в котором он счастливо доплыл до суши. Тем не менее эти, казалось бы, свирепые создания с радостью приветствовали аргонавтов и, когда те отплывали, щедро снабдили их едой, напитками и одеждой.

Гарпии и аргонавты

Вскоре после отплытия с Лемноса аргонавтов покинул Геракл. Его оруженосец, мальчик по имени Гилас, был затянут под воду водяной нимфой, восхищавшейся его отроческой красотой, когда он зачерпывал кувшином воду из источника, и захотевшей поцеловать его. Она обхватила Гиласа руками за шею и увлекла его в водяные глубины. Больше его никто и никогда не видел. Геракл, сходя с ума, искал мальчика повсюду, зовя его по имени и незаметно для себя углубляясь все дальше и дальше в лесную чащу. Он забыл и о золотом руне, и о своих товарищах, и об *Арго*. Геракл так и не вернулся, и в конце концов корабль отплыл без него.

Их следующим приключением была встреча с гарпиями, ужасными крылатыми чудовищами с огромными загнутыми клювами и когтями, которые к тому же всегда оставляли за собой жуткий, непереносимый запах. В том месте, куда причалили для ночевки аргонавты, жил одинокий несчастный старик по имени Финей, которого Аполлон наделил даром пророчества. Он безошибочно предсказывал будущее, чем вызвал недовольствие Зевса, который всегда окутывал покровом тайны те поступки, которые намеревался совершить, поступая, по мнению тех, кто знал Геру, очень разумно. Это и навлекло на старика страшное наказание. Как только он собирался сесть за трапезу, к нему тотчас слетались гарпии, эти «зевсовы псы», осквернявшие его пищу и оставлявшие ее пахнущей настолько дурно, что никто не мог и приблизиться к ней, а не то что есть. Когда аргонавты увидели бедного старика, он напоминал скелет. Он еле перебирался на своих высохших

ногах, дрожал от слабости, и его кости, казалось, удерживала только висевшая на них кожа. Финей радостно приветствовал героев и просил их помочь ему. Благодаря своему дару пророчества он знал, что защитить его от гарпий могут только два человека, которые как раз находились среди аргонавтов. Это были сыновья Борея, северного ветра. Аргонавты с состраданием выслушали его, и сыновья Борея с большой охотой согласились ему помочь.

Финею начали готовить трапезу, и сыновья Борея встали рядом с ним с обнаженными мечами. Но едва тот успел поднести ко рту маленький кусочек пищи, как к нему слетелись гарпии и в мгновение ока сожрали всю его еду, а улетая, оставили после себя нестерпимый запах. Но быстрые, как их отец, сыновья северного ветра последовали за ними, настигли и начали рубить их мечами. Они, несомненно, изрубили бы их в куски, если бы с неба не соскользнула Ирида, вестница богов и сама богиня радуги, и не остановила их. Они не должны убивать «зевсовых псов», сказала она, но, поклявшись водами Стикса, клятвой, которую не нарушит ни один бог, пообещала при этом, что гарпии уже никогда больше не потревожат Финей. Оба возвратились к товарищам и очень обрадовали старика, который тотчас же устроил аргонавтам пир на всю ночь.

Финей дал героям мудрый совет по поводу поджидающих их опасностей, а именно по поводу Симплегад, которые постоянно то сталкивались друг с другом, то снова расходились – так, что море вокруг них буквально кипело. Прежде чем пытаться проскочить между ними, сказал Финей, нужно попробовать запустить между ними голубку. Если той удастся пролететь, то, быть может, они смогут проплыть между ужасными скалами. Но если голубка погибнет, то они должны будут повернуть назад и навсегда оставить надежду добыть золотое руно.

На следующее утро аргонавты отплыли, разумеется прихватив с собой голубку, и вскоре увидели Симплегады. Проскочить между ними казалось невозможным, но аргонавты все-таки выпустили птицу и стали наблюдать, что с ней произойдет. Ей таки удалось пролететь между скалами; столкнувшись, они защемили и вырвали кончики перьев ее хвоста. Аргонавты тотчас же устремились к скалам со всей возможной скоростью. Скалы разделились и начали отходить друг от друга. Гребцы изо всех сил налегли на весла и сумели проплыть, не задетые скалами. Правда, когда скалы столкнулись снова, они все-таки защемили часть кормовых украшений корабля. Таким образом, аргонавты едва спаслись от гибели. Скалы же, как только *Арго* буквально пролетел между ними, остановились, будто приросли друг к другу, и с тех пор уже никогда не представляли опасности для мореходов.

Неподалеку от Симплегад была расположена страна воинственных женщин, амазонок, родоначальницей которых, как ни странно, была очень миролюбивая Гармония. Их отцом, правда, был Арес, страшный бог войны, и амазонки унаследовали качества отца, а отнюдь не матери. Герои охотно остановились бы, вышли на берег и сразились с ними, причем это была бы кровопролитная битва, поскольку амазонки были серьезным противником. Но аргонавтам благоприятствовал ветер, и останавливаться они не стали. На своем пути они мельком видели вершины кавказских гор, Прометея, прикованного к скале высоко над ними, и слышали взмахи гигантских крыльев Зевсова орла, спешащего на свое кровавое пиршество. Они нигде больше не останавливались и в тот же вечер на закате достигли Колхиды, страны, где их ждало золотое руно.

Они провели ночь, ожидая самых непредсказуемых опасностей, и зная, что им не поможет ничто, кроме них самих, в дальнейшей судьбе. Гера, обеспокоенная опасным положением, в которое попали аргонавты, отправилась к Афродите просить ее о помощи. Богиня любви была удивлена ее посещением, поскольку с Герой они находились в довольно неприязненных отношениях. Однако, услышав, что хозяйка Олимпа просит ей помочь, она тотчас же обещала сделать все, что в ее силах. Вместе они порешили, что Амур, сын Афродиты, заставит дочь колхидского царя влюбиться в предводителя аргонавтов Ясона. Для Ясона это был бы великолепный план. Эта девушка, которую звали Медея, владела секретами черной магии и, применив их, вполне могла бы спасти аргонавтов. После беседы с Герой Афродита посетила Амура и пообещала, что, если он выполнит ее просьбу, она

подарит ему замечательную игрушку – золотой мячик, украшенный узорами из синей эмали. Тот пришел в восторг от обещания матери, схватил свой лук и колчан и помчался с Олимпа в далекую Колхиду.

Тем временем герои отправились в город, чтобы начать с колхидским царем переговоры о золотом руно. Об опасностях они на этот раз не беспокоились, потому что Гера покрыла их плотным облаком, так что до дворца они дошли никем не замеченные. Когда они дошли до входа во дворец, облако рассеялось, и стража, неожиданно для себя увидев группу блистательных молодых воинов, вежливо препроводила их во дворец и известила царя об их прибытии.

Тот тотчас же вышел к аргонавтам и приветствовал их. Его же слуги поспешили подготовить все необходимое для приема гостей, развели огонь, нагрели воды для омовения и приготовили пищу. Пока они занимались всеми этими приготовлениями, к ним незаметно присоединилась Медея, которой было интересно взглянуть на чужеземцев. Когда ее взор упал на Ясона, Амур моментально натянул свой лук и пустил стрелу прямо в сердце девушки. Эта стрела разожгла пламя, и душа Медеи наполнилась сладкой болью, а сама она то бледнела, то пунцовела. Смущенная, она тихо направилась в свои покои.

Лишь после того, как герои совершили омовение и подкрепили себя мясом и напитками, царь Ээт начал расспрашивать их: кто они и с какой целью прибыли в Колхиду? Задавать вопросы гостю до того, как он удовлетворил свои потребности, считалось очень невежливым. Ясон отвечал, что все, кто пришел с ним, высокого происхождения, дети или внуки богов, и что они прибыли из Греции в надежде, что царь отдаст им золотое руно в обмен на какую-нибудь услугу, которую может от них потребовать. Они могут, например, победить его врагов или вообще сделать все, что он пожелает.

Великий гнев овладел сердцем царя Ээта, когда он услышал эти слова. Он не любил чужеземцев в еще большей степени, чем греки. Ему тотчас же захотелось изгнать их из страны, и он сказал себе: «Если бы они не преломили со мной хлеб, я бы погубил их». Он молча размышлял о том, что он должен предпринять, и в голову ему пришел план.

Он заявил Ясону, что в сердце у него нет зла против храбрых воинов, и если они действительно проявят себя храбрецами, то получат руно.

– А испытанием вашей смелости будет только поручение, которое когда-то я выполнял сам.

И Ээт предложил Ясону запрячь двух принадлежащих ему быков с медными носами, которые к тому же извергали из пасти огонь, и вспахать на них поле. А потом поле нужно было засеять, бросая в борозды не зерно, а зубы дракона, из которых сразу же вырастут вооруженные воины. Этот урожай надо будет скосить, как только они соберутся напасть на Ясона.

– Когда-то я проделал все это сам, – добавил он, – и я не отдам руно человеку менее храброму, чем я.

На какое-то время Ясон потерял дар речи. Выдержать такое испытание было невозможно, оно казалось выше человеческих сил. Наконец он ответил:

– Я выполню эти условия, какими бы чудовищными они ни были, даже если мне суждено умереть.

С этими словами он встал и повел своих товарищей на корабль, но мысли Медеи уже следовали за ним. Всю долгую ночь после его ухода из дворца ей представлялось, что он стоит у нее перед глазами, могучий и красивый, и разговаривает с ней. Ее сердце терзалось от страха за него – ведь она догадывалась о том, что задумал ее отец.

Вернувшись на корабль, герои собрались на совет, и многие предлагали Ясону уступить им честь выполнения задачи, поставленной Ээтом, но Ясон не отдал эту честь никому. Пока аргонавты совещались, на корабль неожиданно пришел один из внуков царя, которому Ясон когда-то спас жизнь и который поведал героям о том, что Медея – великая волшебница. «Нет таких вещей, – говорил он, – которых она не могла бы сделать. Она даже может останавливать звезды и луну на небе. Если ее убедить помочь аргонавтам, то она

поможет Ясону одолеть быков и рожденных из зубов дракона воинов». Этот план как будто бы давал некоторые надежды, и герои посоветовали Ясону вернуться во дворец и попытаться привлечь Медею на свою сторону. Они не знали, что бог любви уже сделал это за него.

А Медея в одиночестве сидела в своих покоях, плача и говоря себе, что навеки посрамлена, потому что ее сердце уже в такой мере отдано чужеземцу, что она готова поддаться своей безумной страсти и пойти против воли отца. «Гораздо лучше умереть», – наконец сказала она себе. Она уже взяла в руки шкатулку со смертоносными снадобьями, но, немного помедлив, подумала о жизненных радостях и обо всех тех прекрасных вещах, которые существуют в мире, и солнечный свет вдруг показался ей милее, чем когда-либо до сих пор. Она отставила шкатулку в сторону и немедленно решила использовать свою волшебную силу, чтобы помочь человеку, которого, как ей стало уже понятно, она полюбила.

У нее было колдовское снадобье, которое делало того, кто натирал им свое тело, неуязвимым в течение дня, и ранить его было нельзя никаким видом оружия. Растение, из которого оно было сделано, впервые выросло там, где землю оросила кровь Прометея. Спрятав его у себя на груди, она отправилась к своему племяннику, царевичу, которому однажды помог Ясон. Она встретила его, когда он сам искал ее, чтобы просить о том, что она сама уже решила сделать. Она тотчас же ответила согласием на все его просьбы и послала его на корабль, чтобы просить Ясона немедленно встретиться с ней в условном месте. Услышав эту весть, Ясон немедленно направился туда, а Гера распространила вокруг его лица чудесное сияние, так что все видевшие его не могли ему не удивляться. Когда они с Медеей встретились, той показалось, что ее сердечко оставило ее и перешло к нему; глаза ее застлал какой-то туман, даже чтобы двигаться, сил у нее не осталось. Оба безмолвно стояли лицом друг к другу, как стоят могучие сосны при полном безветрии. А потом, колеблемые ветром, сосны начинают разговаривать друг с другом; так и Ясон с Медеей, вдохновляемые дыханием любви, были просто обречены на то, чтобы рассказать друг другу о себе.

Он нарушил молчание первым, прося ее быть снисходительной, милостивой к нему. Ведь он не может питать ничего более скромной надежды, говорил Ясон, поскольку ее любезность по отношению к нему может быть вызвана исключительно соображениями вежливости. Медея же не знала, как разговаривать с ним, хотя ей и очень хотелось высказать сразу все, что она к нему чувствовала. Она молча вытащила из-под одежд коробочку с волшебным снадобьем и протянула ему. Если бы Ясон попросил, она отдала бы ему и душу. Оба они стояли, в замешательстве устремив взоры в землю, а потом снова взглядывая друг на друга и улыбаясь своим тайным мечтам.

Наконец Медея заговорила и рассказала, как пользоваться ее снадобьем и что, если окропить им оружие, его в течение дня тоже нельзя будет уничтожить. Если на него нападет слишком много воинов, выросших из зубов дракона, он должен бросить посреди них камень, после чего они начнут сражаться между собой и взаимно истребят друг друга. «А теперь мне пора во дворец, – закончила она. – Но когда ты снова окажешься дома, вспомни о Медее, а я запомню тебя навечно». Ясон страстно ответил ей: «Никогда, ни днем, ни ночью, я не забуду тебя. Если же ты захочешь отправиться в Грецию, знай, что за то, что сделала для нас, тебя там будут обожествлять, и разлучить нас сможет только смерть».

Они расстались. Она направилась во дворец оплакивать свою измену по отношению к отцу, а он – на корабль, чтобы послать двоих своих спутников к Ээту за зубами дракона. Он попробовал намазаться средством, принесенным Медеей, и тотчас же ощутил в себе прилив таких мощных, неодолимых сил, что все герои пришли в восторг. И все же, когда они утром пришли на поле, где их ожидали колхи во главе с царем, а быки, дыша огнем, выскочили из своего загона, аргонавтов охватил ужас. Но Ясон стоял против натиска ужасных зверей как могучий утес стоит в море против ударов воли. Он заставил упасть на колени сперва одного, а потом и другого быка, надел на них ярмо, и все наблюдавшие за ним не могли не удивиться его мощи. Потом он погнал их по полю, сильно налегая на плуг и не забывая бросать в борозды зубы дракона. К тому моменту, когда он кончил пахать, созрел уже и урожай:

размахивающие оружием воины, готовящиеся напасть на него. Ясон вспомнил слова Медеи и кинул в их толпу гигантский камень, после чего те бросились друг на друга и вскоре пали под ударами мечей и копий своих же братьев. Борозды наполнились потоками крови. Таким образом, Ясон выдержал предложенное ему испытание, что крайне огорчило и разгневало Ээта.

Царь вернулся во дворец. Он решил предательски убить героев и поклялся себе, что они никогда не увидят золотого руна. Но им продолжала помогать Гера. Медее, измученной своими страданиями, своей любовью, она внушила страстное желание бежать с Ясоном в Грецию. В эту ночь Медея тайком выскользнула из дому и, пробираясь в полной темноте, поспешила к кораблю, где аргонавты радовались своей удаче, естественно ничего не подозревая о дурных замыслах Ээта. Медея упала перед ними на колени и стала просить взять ее с собой. Они должны овладеть руном немедленно, объясняла она, и как можно скорее бежать из Колхиды, иначе все они будут убиты. Руно охраняет страшный дракон, но она, Медея, усыпит его, так что повредить им он не сможет. В ее голосе слышалась мучительная боль, и Ясон старался, как только мог, утешить ее; он поднял ее с колен, обнял и пообещал, что в Греции она станет его законной женой. Потом, приняв Медею на борт, аргонавты направились в указанную ею священную рощу, на одном из деревьев которой висело золотое руно. Охраняющий его дракон был ужасен, но Медея бесстрашно приблизилась к нему и запела зачаровавшую его песнь, и он уснул. Ясон быстро снял руно с дерева, и аргонавты поспешили к кораблю, достигнув его на рассвете. Самые сильные уселись за весла и начали грести изо всех сил. Корабль летел по реке к морю.

Все это тотчас же стало известно Ээту, и он послал преследовать Медею своего сына Апсирта, а тот привел с собой такое огромное войско колхов, что ни победить их в открытом бою, ни бежать герои просто не смогли бы. Медея спасла их и на этот раз, правда, ценой ужасного злодеяния: она убила брата. По одной из версий, она известила Апсирта, что намеревается вернуться домой, а руно находится у нее и она передаст руно ему, если они встретятся сегодня же ночью в условленном месте. Апсирт явился туда, не испытывая никаких подозрений, Ясон же ударил его мечом, и темная кровь Апсирта окрасила серебристые одежды его сестры. После гибели вождя войско колхов рассеялось в беспорядке, и путь к морю оказался для героев свободен.

По другой версии, Апсирт отплыл вместе с Медеей на *Арго* (правда, причины, по которым он это сделал, не называются), а преследовал аргонавтов сам Ээт. Когда корабль Ээта их догнал, Медея будто бы сама убила брата и, разрубив его тело на части, по очереди бросала их в море. Царь, естественно, останавливался, чтобы подбирать их, и *Арго* был спасен.

На этом приключения аргонавтов почти завершились. Им, правда, предстояло еще одно страшное испытание: они должны были проскочить между отвесной скалой, в пещере которой обитала Скилла²⁰, и водоворотом Харибды²¹, где море ревело и бурлило так, что гигантские волны вздымались до неба. Но Гера позаботилась о том, чтобы волны были укрощены морскими нимфами, и корабль аргонавтов мимо Харибды прошел спокойно.

Следующим этапом пути героев стал Крит, где они уже собирались высадиться, если бы их вовремя не остановила Медея. Она предупредила, что на Крите живет Талое, последний человек «бронзового» поколения, целиком состоящий из бронзы, за исключением лодыжки, где он был уязвим. Как раз в тот момент, когда Медея рассказывала о нем, Талое появился на берегу и стал угрожать сокрушить корабль обломками скал, если он приблизится к берегу. Аргонавты перестали грести, а Медея, встав на колени, обратилась к Псам Аида, умоляя их явиться и уничтожить Талоса²². Силы ада услышали ее мольбы. Когда Талое подхватил огромный камень, чтобы метнуть его в *Арго*, он повредил себе лодыжку; из него вытекла вся кровь, он свалился на землю и умер.

После этого герои смогли высадиться на берег и запастись свежей водой и съестными припасами для дальнейшего путешествия.

Прибыв в Грецию, герои разошлись по родным городам, а Ясон и Медея взяли золотое

руно и направились к Пелию. Им пришлось услышать, что в городе произошли ужасные события: Пелий вынудил отца Ясона покончить с собой, а его мать сошла с ума от горя. Ясон, решив отомстить за это злодеяние, обратился за помощью к Медее, которая теперь всегда была с ним. Медея задумала погубить Пелия хитростью. Она рассказала его дочерям, что владеет секретом возвращения молодости, и чтобы подтвердить свои слова, она разрубила перед ними на части старого барана и бросила в котел с кипятком. Затем она произнесла заклинания, и из котла тотчас же выскочил ягненок и, заблеяв, ускакал прочь. Теперь дочери Пелия были убеждены, что Медея действительно владеет этим секретом. Она же, напоив Пелия сильнодействующим снотворным зельем, предложила им разрубить отца на части. Но как бы им ни хотелось снова увидеть отца молодым, они с большим трудом решились принять предложение Медеи. Но наконец страшное дело было все-таки сделано, куски тела Пелия оказались в котле, и незадачливые дочки со страхом стали дожидаться, когда Медея придет и произнесет магические слова, которые вернут их отца к жизни. Медеи уже и след простыл; ее не было ни во дворце, ни в городе, и несчастные поняли, что убили отца своими руками. Ясон был отомщен.

По одной из версий мифа, Медея воскресила отца Ясона, вернула ему молодость и даже передала Ясону секрет вечной молодости. Все, что она ни совершала: и хорошее и плохое, она делала исключительно для него одного, и в конце концов Ясон вознаградил ее одним – он предал ее.

После гибели Пелия Ясон с Медеей должны были бежать в Коринф. За время их совместной жизни Медея родила двоих сыновей; и все, казалось бы, шло у них хорошо, даже для Медеи в ее изгнании, одиноком, как и должно быть изгнание. Однако ее великая любовь к мужу заставляла ее забывать и о потерянной семье, и об утраченном отечестве. И тут Ясон, этот блистательный герой, проявил таившуюся в нем низость: он посватался к дочери царя Коринфа. Это была великолепная партия, и Ясон думал об удовлетворении своих амбиций, своего честолюбия, но никак не о любви, не о чувстве благодарности. Потрясенная предательством, охваченная болью, Медея бросила несколько неосторожных слов, которые заставили коринфского царя опасаться, что Медея причинит какой-нибудь вред его дочери (а он не был слишком подозрительным человеком, чтобы думать об этом раньше), и он послал ей приказ немедленно покинуть его страну вместе с сыновьями. Это было таким же страшным наказанием, как и смертный приговор: женщину, оказавшуюся в изгнании, да еще с маленькими беспомощными детьми, не стал бы ни защищать, ни поддерживать никто.

И вот, когда она, присев, начала размышлять о том, что ей предпринять, о своих бедах, о своей вине, иногда желая смерти, которая закончила бы ее жизнь, которую она уже не могла выносить; иногда со слезами вспоминая своего отца и отечество; иногда с ужасом, содрогаясь при мысли об убийстве брата, кровь которого, как и кровь Пелия, ничто не могло с нее смыть, и осознавая, прежде всего, силу своей всепоглощающей, пламенной страсти, приведшей ее к нынешнему жалкому состоянию, к мукам и позору, – перед ней неожиданно предстал Ясон. Она безмолвно смотрела на него. Да, он стоял рядом с ней, но он был, в сущности, очень далеко от нее, с ее поруганной любовью, с ее разрушенной жизнью. В душе своей Ясон не чувствовал ничего такого, что побудило бы его щадить Медею или же быть хотя бы немногословным. Он холодно объявил ей, что всегда знал, насколько она была непредсказуемой, неуправляемой в своих словах и поступках. Если бы не эти ее глупые, злобные слова о его невесте, она могла бы преспокойно оставаться в Коринфе. Тем не менее он, Ясон, сделал для нее все, что мог. Ведь это благодаря ему она всего лишь изгнана, а не лишена жизни. Ему было очень трудно убедить царя пощадить ее, но усилий он не жалел. А сейчас он пришел к ней только потому, что не в его правилах оставлять друзей в беде. Более того, он позаботится, чтобы у нее было достаточно золота да и всего необходимого для дальнего путешествия.

При этих словах чаша терпения Медеи переполнилась, и она заговорила:

...сердце я

Хоть облегчить могу и болью
Тебя донять... О, слушай... как начну?
Вот первое из первых...
Я тебя Спасла – и сколько эллинов с собою
На корабле везли тогда мы, все
Свидетели тому, – спасла, когда ты
Был послан укротить быков, огонь
Метавших из ноздрей, и поле смерти
Засеять. Это я дракона, телом
Покрывшего в морщинистых извивах
Руно золотое, умертвила, я,
Бессонного и зоркого, и солнца
Сияние глазам твоим вернула.
Сама же, отца покинув, дом забыв,
В Фессалию с тобой ушла, – горячка
Была сильней рассудка. Пелий, царь,
Убит был тоже мною, нет ужасней
Той смерти, что нашел он, – от детей!
И все тебя я выручала, – этим
От нас ты не побрезговал, а в награду
Мне изменил.

Куда же нам идти прикажешь? Итак, или
К отцу домой? Тебе в угоду дом
Я предала. К несчастным Пелиадам?
У них отца убив, конечно, буду
Я принята радушно. О друзьях
Подумаю я старых – ненавистна
Я стала им, а те, кому вредить
Пришлось мне – не для себя, – в угоду
Тебе ж, Ясон, теперь мои враги.
О, горе мне!

Ответ Ясона сводился к тому, что он был спасен не ею, а Афродитой, побудившей ее в него влюбиться, и что она обязана ему тем, что он привез ее в Грецию, в страну культуры. Кроме того, благодаря ему, Ясону, по всей стране стало известно, как она помогла аргонавтам, за что люди так восхваляли ее. Если бы у нее оставалась хоть капелька здравого смысла, она бы только порадовалась его браку, поскольку он будет выгодным и для нее самой, и для ее детей. В своем изгнании повинна только она сама.

Чего-чего другого, но здравого смысла, рассудительности Медее хватало. Она не хотела тратить на Ясона лишних слов – она просто отказалась от его золота. Она не возьмет у него ничего, не примет от него никакой помощи. Ясон уходил от нее в ярости, заявив:

Богов беру в свидетели, что пользы
Я всячески и детской и твоей
Искал, жена, но доброты не ценит
Надменная моя, – и ей же хуже.

С этого момента Медея знала, что должна быть отомщена, тем более что способ мести она уже нашла.

За дело же, Медея, все искусство
Ты призови на помощь – каждый шаг
Обдумать ты должна до мелочей!
Иди на самое ужасное! Ты, сердце,
Теперь покажешь силу.

Она уже решила лишить жизни невесту Ясона, но как ей поступить потом? Подумать о страшной картине, которая развертывалась перед ее глазами, Медее не хотелось. «Сперва – она», – говорила она себе.

Она достала самые красивые одежды, которые у нее только были, а потом натерла их смертоносным ядом, сложила их в ларец и приказала своим сыновьям отнести его невесте Ясона. Они должны были также попросить у нее тотчас же надеть наряд в знак того, что она его приемлет как дар. Царевна милостиво встретила сыновей Медеи и согласилась выполнить их просьбу. Но как только она надела подарок, ее охватили языки пламени, она упала и сгорела заживо.

Узнав об этом, Медея решила совершить еще одно, гораздо более страшное злодеяние. Ни защиты, ни помощи ее дети, очевидно, ни от кого ожидать не могли. «Я не дам им жить среди чужеземцев, чтобы те издевались над ними», – решила она.

Я сейчас
Прикончу их и уберусь отсюда,
Иначе сделает другая и моей
Враждебнее рука, но то же; жребий
Им умереть теперь. Пускай же мать
Сама его и выполнит. Ты, сердце,
Вооружись!

Когда же к Медее ворвался разъяренный гибелью невесты Ясон, намереваясь убить ее, оба мальчика были уже мертвы, а сама Медея, поднявшись на крышу своего жилища, садилась в колесницу, влекомую драконами. Они понесли ее по воздуху и скоро скрылись. А за все то, что произошло, Ясон проклинал Медею и никогда – самого себя.

Глава 4 Четыре великих приключения

Фаэтон

Это – одно из лучших произведений Овидия, написанное очень четким и прозрачным языком. Подробности сюжета служат не обычной декорацией, а усилению эффекта.

Дворец бога солнца Гелиоса, естественно, был средоточием света и блеска этого великого светила. Он блистал золотом, отливал слоновой костью и сверкал драгоценностями. И все и в самом дворце, и перед дворцом блистало и переливалось в солнечном свете. Здесь всегда царил полдень, и никогда не было сумерек. Сюда никогда не заглядывали мрак и ночь. Мало кто из смертных мог бы долго выдерживать весь этот блеск, да и мало кто из них находил дорогу к этому дворцу.

Тем не менее однажды у входа во дворец появился юноша, смертный по линии матери. На пути ему не раз приходилось останавливаться и давать отдых уставшим глазам, но задача, с которой он пришел ко дворцу Гелиоса, была столь важной, что он, памятуя о ней, заставлял себя идти вперед через все ослепительно сверкающие двери, пока не попал в тронный зал, где, окруженный нестерпимым сиянием, восседал сам Гелиос. Здесь юноша должен был остановиться – выдерживать больше он уже не мог.

Ничто не может ускользнуть от взора бога солнца. Оглядев юношу, бог милостиво улыбнулся ему.

– Что привело тебя сюда? – поинтересовался он.

– Я пришел, – отвечал тот без тени дрожи в голосе, – узнать: ты мне в самом деле отец или нет? Моя мать говорит, что это – так, но когда я говорю мальчишкам, что я – твой сын, они только смеются надо мной. Они не верят мне. Я пожаловался матери, и она сказала, что самое лучшее – это самому прийти к тебе и спросить.

Улыбнувшись, Гелиос снял с головы свою ослепительно сверкавшую корону, чтобы юноша мог смотреть на него не перенапрягаясь.

– Подойди ближе, Фаэтон. Ты мой сын. Климена сказала тебе правду. Думаю, что в моем слове ты уж не усомнишься. Но я все же дам тебе доказательство. Проси у меня чего только ты хочешь, и ты это получишь. В свидетели моего обещания беру Стикс, реку, которой клянутся боги.

Несомненно, Фаэтон не раз следил за тем, как солнце совершает свой путь по небосводу. А потом с чувством наполовину трепетного страха, наполовину восхищения старался представить себе, каково это стоять на солнечной колеснице, управлять конями, скачущими на головокружительной высоте, и дарить миру свет. И теперь при этих словах отца его безумная мечта могла стать явью. Он тотчас же произнес:

– Я хотел бы хоть раз занять свое место на колеснице. Это – единственное, чего я по-настоящему хочу. Разрешите мне это только на день, на один только день.

Гелиос понял, что свое обещание он дал очень опрометчиво. Зачем он дал эту фатальную клятву и обещание выполнить все, что может взбрести в горячую голову этого мальчишки?

– Милый сын, – произнес он, – я не могу тебе отказать. Ведь я поклялся Стиксом. Если ты настаиваешь, я, конечно, сдержу свою клятву. Но мне не хотелось бы думать, что ты будешь стоять на своем. Послушай меня, и я объясню тебе, чего ты, в сущности, хочешь. Ты – сын не только Климены, но и мой. Ты – смертный, а ни один смертный не в состоянии управлять моей колесницей. Да и ни один бог не может это делать. Даже Зевс. Давай посмотрим на дорогу, по которой она движется по небу. Она поднимается из моря настолько круто, что кони, как ни свежи они по утрам, с трудом поднимаются по ней вверх. В полдень она достигает такой высоты, что даже мне становится не по себе, когда я смотрю вниз. Но хуже всего спуск. Дорога там так стремительно идет вниз, что морские божества, готовящиеся меня встретить, дивятся, как мне удастся не свалиться с этой кручи. И управлять конями – значит все время бороться с их своевольным нравом. Когда они устремляются вниз, они бывают настолько разгорячены, что каждый момент норовят выйти из-под моего контроля. Так как же они отнесутся к тебе?

А может быть, ты вообразил, что там наверху всяческие чудеса, города, построенные для богов и битком набитые разными диковинками? Ничего подобного. Ты будешь проезжать мимо зверей, свирепых хищных зверей, и это будет все, что ты увидишь. Это – Лев, это – Скорпион, это Рак, и все они будут стремиться напасть на тебя или хотя бы

причинить тебе вред. Послушай же меня и осмотрись вокруг. Посмотри на все сокровища мира, выбери из них то, что милее твоему сердцу, и оно будет твоим. Если же тебе нужно доказательство того, что ты действительно мой сын, то самое лучшее доказательство этого – мои отцовские страхи за тебя.

Но все эти мудрые слова не значили для Фэтона ровным счетом ничего. Ведь перед ним открывалась такая блестящая возможность. Он уже видел себя гордо стоящим на чудесной отцовской колеснице, а его руки управляли конями, с которыми не справился бы сам Зевс. Опасностям, которые так подробно описал его отец, значения Фэтон не придавал. Он не испытывал ни страха, ни сомнений в собственных силах. Наконец Гелиос прекратил попытки разубедить сына. Это было совершенно бесполезно. К тому же Гелиосу пришло время выезжать. Восточные ворота дворца уже окрасились пурпуром – это Эос открыла светящиеся розовым светом окна своих покоев. Звезды покидали небо – даже медлительная Утренняя звезда постепенно угасала.

Спешность, правда, была не нужна, поскольку все уже было готово. Оры, богини времен года и охранительницы врат Олимпа, уже были готовы распахнуть их настежь. Кони были уже взнузданы и запряжены в колесницу. Преисполненный радости и гордости, Фэтон взошел на нее, и кони помчались. Он сделал свой выбор. Что бы теперь ни произошло, он уже ничего не мог изменить. В этой бешеной скачке по воздуху он увидел, ощутил совсем не то, чего первоначально ожидал. Кони неслись так быстро, что сразу догнали и оставили далеко позади стремительный восточный ветер. Сперва их ноги сами собой мчались через облака, повисшие низко над Океаном, как через густой морской туман, а потом кони, взбираясь на небесные высоты, стали подниматься все выше и выше.

Несколько упоительных мгновений Фэтон почувствовал себя властелином неба. Но неожиданно все изменилось. Колесницу начало ужасно раскачивать из стороны в сторону, она летела все быстрее и быстрее, он уже не мог контролировать ее бег. Не он, а сами кони решали, куда им мчаться. Слишком малый вес колесницы и слабость рук возникшего подсказали им, что ими правит не их хозяин. Теперь они сами стали себе хозяева, и никто другой уже не мог командовать ими. Они съехали с обычной дороги и неслись куда им заблагорассудится: вниз, вверх, направо, налево. Они чуть не погубили самих себя и колесницу, едва не врезавшись в Скорпиона, а затем, резко приняв вправо, едва не столкнулись с Раком. На этот раз бедняга Фэтон со страху почти упал в обморок и отпустил вожжи.

Для коней это послужило сигналом к еще более сумасшедшей, еще более безудержной скачке. Они запрыгнули на самый верх небосвода, а потом одним прыжком бросились вниз, и весь мир воспламенился. Первыми загорелись высочайшие вершины – Ида и Геликон, где обитают Музы, Парнас и пронзающий небо Олимп. По их склонам пламя домчалось до долин и лесов, пока вся земля не была охвачена пламенем. Источники обращались в пар, реки мелели. Утверждают, что именно тогда бог Нила бежал, прикрывая голову, которая прикрыта и по сей день.

Фэтон же, стоя в колеснице, едва удерживался на ногах. Его окутывал дым, его терзала жара, идущая словно от раскаленной печи. Ему хотелось только одного: чтобы кончились эти мучения, прекратился этот ужас. Он обрадовался бы смерти. Сама Гея, мать-Земля, издала громкий крик, достигший обители богов. Взглянув вниз, боги поняли, что, если они хотят спасти мир, нужно действовать очень быстро. Вооружившись перуном, Зевс метнул его в незадачливого, кающегося возникшего. Перун убил Фэтона, разбил колесницу и вынудил обезумевших коней броситься в море. Объятое пламенем тело Фэтона слетело с колесницы и упало в море. Его приняла в свои воды таинственная река Эридан, которой никогда не видели глаза ни одного смертного, и загасила пламя. Наяды, сожалевшие о Фэтоне, таком смелом и таком молодом, чтобы умереть, похоронили его и вырезали на могильном камне стихи.

Здесь погребен Фэтон, колесницы отцовской возница;

Путь ее не сдержал, но, дерзнув на великое, пал он.

Его сестры Гелиды, дочери Гелиоса, пришли на его могилу, чтобы оплакать его. Там, на берегу Эридана, они были обращены в тополя.

Вот уже слезы текут, источась на молоденьких ветках
Стынет под солнцем янтарь...

Пегас и Беллерофонт

Два эпизода этого мифа заимствованы у ранних поэтов. Гесиод в VIII или IX вв. до н. э. упоминает о Химере, а о любви Антеи к Беллерофонту и его прискорбной кончине рассказано в Илиаде. Завершение истории Беллерофонта впервые и наилучшим образом изложено Пиндаром в первой половине V в. до н. э.

В городе Эфира, который позднее стали называть Коринфом, в незапамятные времена правил царь Главк. Он приходился сыном Сизифу, который в Аиде должен был вечно вкатывать в гору громадный камень за то, что выдал некий секрет Зевса. Главк тоже навлек на себя немилость небес. Он был большим любителем коней и, чтобы сделать их более свирепыми в битве, кормил человеческим мясом. Такие чудовищные поступки всегда вызывали гнев богов, и они обрекли его на ту же смерть, к которой он приговаривал других. Он был сброшен с колесницы, а его кони разорвали его на части и пожрали.

В Коринфе смелого и красивого юношу по имени Беллерофонт считали сыном Главка. Правда, ходили слухи, что его настоящим отцом был сам повелитель морей Посейдон, и богатые духовные и физические дарования Беллерофонта заставляли им верить. Более того, его мать Эвриному учила сама Афина, пока по своей мудрости, своим познаниям она не сделалась равной богам. Однако по некоторым соображениям выходило, что Беллерофонт скорее смертный, чем бессмертный. Таким, как он, бывают суждены великие свершения, их не устрашают никакие опасности. Тем не менее деяние, наиболее прославившее его, не требовало ни большой смелости, ни даже значительных усилий. Оно только доказало, что, если то,

Что клянется делать человек,
Превыше сил его, и подвиг совершить
Своею мощью не дерзает он,
Надежда здесь – лишь только на богов.
Лишь силы вышние дадут ему возможность
Сдержат те клятвы.

Больше всего на свете Беллерофонт хотел получить в свое распоряжение коня Пегаса, явившегося из перерубленной Персеем шеи Горгоны в момент ее гибели. Это был

Крылатый конь, неутомимый в беге,
Несущийся по воздуху, как вихрь.

Его появление подчас сопровождали чудеса. Там, где он однажды ударил копытом, из земли забил источник Гиппокрена, столь любимый поэтами. Это случилось неподалеку от Геликона, горы – обители Муз. Кто же посмеет поймать и укротить такое существо? От этого несбыточного желания Беллерофонт очень страдал.

Живший в Коринфе мудрец и прорицатель Полиид, которому Беллерофонт поведал о своей мечте, посоветовал ему отправиться в Храм Афины и там заснуть. Ведь боги часто

являются людям во сне. Беллерофонт последовал этому совету, и когда он лежал в дремоте у алтаря, ему привиделось, что перед ним стоит богиня и держит в руке какой-то предмет из золота. Афина обратилась к нему: «Ты спишь? Вставай! Вот что позволит тебе укротить коня». Беллерофонт тотчас же вскочил на ноги. Никакой богини в храме не было, но зато перед ним лежала золотая уздечка, каких он еще никогда в жизни не видел. Обнадеженный, с уздечкой в руках, Беллерофонт помчался за городские стены искать Пегаса. Он нашел его пьющим воду из Пирены, знаменитого источника близ Коринфа, и тихо к нему подошел. Конь спокойно смотрел на него, не проявляя признаков ни испуга, ни удивления, и так же спокойно позволил взнуздать себя. Да, значит, Афина была действительно милостива к нему. Беллерофонт стал хозяином этого великолепного создания.

Надев свои доспехи, он скакал на Пегасе, проверяя все его аллюры, – конь при этом казался таким же довольным, как и всадник. Теперь Беллерофонт стал повелителем воздушной стихии и мог летать куда только захочет. Все завидовали ему. Как покажет время, Пегас не только доставлял радость своему хозяину, но и мог помочь ему в трудную минуту, а тому еще предстояли очень тяжелые испытания.

По каким-то причинам (мы не знаем в точности по каким, за исключением того, что они были случайными) Беллерофонт убил своего брата²³, и ему пришлось отправиться к царю Аргуса Прету, чтобы тот очистил его от греха убийства. Здесь-то и начались испытания Беллерофонта, а с ними – и его подвиги. В него влюбилась Антея, жена Прета, а когда он не захотел иметь с ней ничего общего, жестоко обиделась на него и рассказала мужу, что их гость ее оскорбил, и потребовала его смерти. Как ни был разъярен Прет при этом известии, он все-таки не рискнул убить Беллерофонта. Ведь тот как-никак вкушал пищу за его столом, и поэтому Прет не мог прибегнуть к насилию. Однако он замыслил план, который наверняка должен был привести к такому же результату. Он предложил юноше доставить послание царю Ликии, и Беллерофонт охотно принял это предложение. На Пегасе он мог без труда совершать самые длительные путешествия. Ликийский царь принял его с радостной учтивостью и в течение девяти дней развлекал его празднествами и прочими увеселениями, а лишь затем попросил у него послание Прета. В нем же он прочел, что Прет желает, чтобы юноша был убит.

Беллерофонт на Пегасе убивает Химеру

Царь не пошел на это, видимо, из тех же соображений, что и Прет: хорошо была известна враждебность Зевса к тем, кто нарушал единение хозяина и гостя. Однако к тому, чтобы послать чужеземца вместе с его крылатым конем на опасное для жизни предприятие, препятствий не предвиделось.

И царь Ликии предложил Беллерофонту уничтожить Химеру, пребывая в полной уверенности, что тот никогда не вернется назад. Считалось, что Химеру одолеть нельзя. Она была единственным в своем роде чудовищем: львом спереди, змеей сзади и козой посередине.

Ужасная тварь, и сильна, и огромна,
И из пасти неумолимый огонь извергает.

Но Персею, летящему на Пегасе, совсем не нужно близко приближаться к огнедышащему чудовищу. Он взмыл над ним на своем крылатом коне и поразил его стрелами из своего лука, не подвергая свою жизнь никакой опасности.

Когда Беллерофонт вернулся к Прету, тот начал придумывать другие способы избавиться от него. Так, например, он послал Беллерофонта сражаться с солимами, очень воинственным народом, а когда тот их победил – на войну с амазонками, в которой он тоже

одержал победу. В конце концов Прет был покорен его храбростью и везением; они даже подружились, и царь выдал за него свою дочь.

Длительное время он жил спокойно и счастливо, но потом вызвал гнев богов. Его честолюбивые амбиции и удачи в битвах заставили его носить в голове «мысли, слишком великие для человека», то есть совершить проступок, каравшийся богами в первую очередь. Он возмечтал взлететь на Пегасе на Олимп и занять там подобающее место среди бессмертных. Но его конь оказался мудрее всадника. Он не пытался взлететь на Олимп, он просто сбросил Беллерофонта вниз²⁴. После этого Беллерофонт, ненавидимый богами, до самой смерти долго скитался в одиночестве, каясь, ненавидя сам себя и избегая людских путей.

Пегас же нашел себе пристанище в небесных конюшнях Олимпа, где стояли кони Зевса. Он был самым замечательным из них всех, что, как свидетельствуют поэты, подтверждается тем фактом, что, когда Зевсу нужны были его перуны, громы и молнии, их доставлял ему Пегас.

От и Эфиальт

История этих братьев упоминается в Одиссее и Энеиде, но только Аполлодор рассказывает ее полностью. Он писал, вероятно, в I или II в. н. э. Аполлодор довольно скучный писатель, но в этом своем рассказе он менее скучен, чем обычно.

Эти братья были по происхождению гигантами, но они не выглядели так, как выглядели страшилища давно минувших времен. Они были хорошо сложены, благородны и красивы на вид. Гомер утверждает, что

Щедрая, станом всех выше их земля одарила,
Всех красотой затмевали они, одному Ориону
В ней уступая; и оба, едва девяти лет достигнув,
В девять локтей толщины, вышиною же в тридевять были.

Вергилий в основном сообщает об их безумных амбициях. Вместе с тем он говорит, что это были

Близнецы гигантского роста, что пытались взобраться на небо
И Юпитера сбросить с его небесного трона.

По словам одних, они были сыновьями Ифимедии; другие же полагали, что Канаки. Так или иначе, кто бы ни была их мать, отцом близнецов был безусловно Посейдон, хотя обычно их называли Алоадами по имени Алоя, супруга их матери.

Еще очень молодыми они замыслили показать всему миру, что превосходят богов. Так, они однажды захватили Ареса, заковали его в бронзовые цепи и посадили под замок. Олимпийцам не очень хотелось освободить Ареса силой. Поэтому они послали на помощь ему хитроумного Гермеса, который тайно пробрался к нему ночью, чтобы освободить его из темницы. После этого много возомнившие о себе юноши дерзнули на большее. Они начали угрожать, что взгромоздят гору Пелион на гору Оссу, чтобы достигнуть небесных высот – точно так же, как гиганты прежних, давно ушедших времен взгромождали Оссу на Пелион. Терпение бессмертных истощилось, и Зевс уже приготовил перун, чтобы им поразить братьев. Но в этот момент к нему обратился Посейдон и попросил Зевса пощадить их, обещая, что они откажутся от своих безумных претензий. Зевс согласился, и Посейдон сдержал свое слово. Близнецы прекратили свой бунт против неба, и Посейдон был очень доволен собой, но у братьев возникли новые планы, которые заинтересовали их гораздо больше прежних.

От предположил, что чудесным приключением для них обоих было бы похищение Геры, а Эфиальт влюбился в Артемиду или же, по крайней мере, вообразил, что влюбился. На самом же деле братья испытывали любовь и преданность только друг к другу. В связи с их последним планом они бросили жребий, кто будет первым похищать приглянувшуюся ему богиню, и судьба улыбнулась Эфиальту. Они начали искать Артемиду повсюду: и среди холмов, и в лесах – и наконец заприметили ее на морском берегу. Артемиду шла прямо к морю и, дойдя до кромки воды, бросилась в него. Она знала их намерения и хорошо представляла, как сумеет их наказать. Братья бросились к морю вслед за ней. Все сыновья Посейдона обладали способностью ходить по воде как по суше, и они устремились за Артемидой по морю совершенно безбоязненно. Артемиду же привела их к лесистому острову Наксос, и там, когда они почти уже поймали ее, неожиданно исчезла. Вместо нее они увидели прыгающую между деревьев молочно-белую лань. Заметив ее, они тотчас же забыли о богине и принялись преследовать прелестное животное. В чаще они потеряли ее и разделились, чтобы с тем большей вероятностью ее выследить. В следующий раз каждый из близнецов увидел ее (одновременно с другим) стоящей с приподнятыми ушами на одинокой поляне, но ни один из них не заметил, что непосредственно за фигурой лани среди деревьев затаился его брат. Они метнули по дротику, и лань исчезла. Дротики же, пролетев через опустевшую поляну, нашли свою цель среди деревьев. Оба молодых охотника, громадные, как башни, рухнули на землю. Каждый убил единственного человека, которого любил на земле, и был убит им же. Такова была месть Артемиды.

Дедал

Этот миф излагают и Овидий, и Аполлодор, живший приблизительно через сто лет после Овидия. Он – очень скучный писатель, чего совсем нельзя сказать об Овидии. Но в данном случае я все-таки следовала Аполлодору. Рассказ же Овидия рисует его с самой худшей стороны, сентиментальным и склонным к аффектации.

Дедал был тем архитектором и строителем, который создал на Крите лабиринт для Минотавра и показал Ариадне, каким образом Тесей может из него выбраться. Когда царь Минос узнал, что афиняне сумели бежать из лабиринта, он понял, что сделать это они могли только при том условии, что им помогал Дедал. Он тотчас же отправил в лабиринт Дедала и его сына Икара. Это убедительное доказательство того, насколько хорошо был задуман лабиринт – даже сам его создатель не мог выбраться из него, не имея плана. Но великий изобретатель не унывал. Сыну же своему он заявил:

Пусть земли и воды преградою
Встали, зато небеса свободны, по ним понесемся!
Всем пусть владеет Минос, но воздухом он не владеет!

Приняв это решение, Дедал изготовил две пары крыльев для себя и для сына. Они прикрепили их, и перед полетом Дедал предупредил Икара лететь над морем не слишком высоко, но и не слишком низко. Если Икар поднимется слишком высоко, то солнце растопит клей и крылья распадутся. Но как часто бывает и в жизни, и в мифах, молодость пренебрегает советами зрелых людей. Поскольку отец и сын летели от Крита легко и без усилий, восторг от полета, этой новой, чудесной возможности, открывшегося для человека, совсем завладел сердцем мальчика. Он поднимался все выше и выше, не обращая внимания на предостережения отца. А потом крылья развалились, и Икар упал в море, и волны сомкнулись над его головой. Потрясенный же отец благополучно долетел до Сицилии, где был радушно принят тамошним царем.

Узнав о бегстве Дедала, Минос пришел в ярость, решил его отыскать и придумал для этого хитроумный план. А именно: он велел повсюду объявить, что тому, кто сможет

пропустить нитку через закрученную спиралью раковину, будет выдана крупная награда. Дедал же заявил сицилийскому царю, что эту задачу он берется решить. Для этого он просверлил маленькую дырочку с закрытой стороны раковины, привязал нитку к муравью и запустил его в дырочку, а потом закрыл ее. В конце концов муравей вылез с открытой стороны раковины, и нитка, естественно, прошла через все ее извилины. «Только Дедал мог до этого додуматься», – произнес Минос и приехал на Сицилию, чтобы схватить его там. Но царь отказался выдать Дедала, и в схватке Минос был убит.

Часть III

Великие герои, жившие до Троянской войны

Глава 1

Персей

Этот миф подобен европейской волшебной сказке. Гермес и Афина действуют в нем наподобие доброй крестной в «Золушке», а волшебная сумка и шапка-невидимка – просто неотъемлемая атрибутика волшебных сказок. Это, кстати, единственный миф, в котором волшебство играет определяющую роль. В Греции он пользовался большой любовью, и на него ссылаются многие поэты. Описание Данаи, запертой в деревянном ящике, – самый известный отрывок из творчества Симонида Кеосского, лирического поэта, жившего в VI в. до н. э. Полностью миф излагается Овидием и Аполлодором, причем Аполлодор рассказывает его лучше – проще и яснее. Овидий же слишком многословен: так, например, описание схватки Персея с морским чудовищем занимает у него добрую сотню страниц. Я следовала рассказу Аполлодора, хотя и ввела фрагменты из Симонида и короткие цитаты из других поэтов, в основном из Гесиода и Пиндара.

У аргосского царя Акрисия был только один ребенок – дочь по имени Даная. Она была прекрасней всех прочих девушек ее страны, но это не очень радовало царя – ведь у него не было сына. Он даже отправился в Дельфы, чтобы узнать у оракула, есть ли у него надежда хоть когда-нибудь стать отцом мальчика. На его вопросы жрица ответила отрицательно и добавила нечто еще более худшее: его дочь родит сына, который убьет его самого.

Единственным способом избежать судьбы для царя было бы немедленно убить Данаю и – для верности – в своем присутствии. Но на это Акрисий решиться не мог. Его отцовская привязанность к дочери, как показали последующие события, не была такой уж сильной, но зато был сильным его страх перед гневом богов. Тех, кто был повинен в пролитии крови родных, они наказывали страшно, и поэтому Акрисий не стал убивать дочь. Вместо этого он приказал изготовить из меди комнату с люком в крыше, так что в нее свободно проникали и свет и воздух. Но она была заперта на замок, и ее надежно охраняли.

Долго терпела Даная-красавица,
Ясного солнца не видя в своем заточенье.

В мрачной темнице она – как в могиле.
Одна-одинешенька! Но Зевс к ней явился
В виде дождя золотого.

И Данае пришлось проводить долгие часы и дни; ей было нечего делать, ей было нечего увидеть, кроме плывущих над ее головой облаков. Но однажды случилось чудо – в ее комнату пролился золотой дождь. Каким образом ей стало ясно, что в таком обличье к ней явился сам Зевс, неизвестно, но она тем не менее была уверена, что сын, которого она родила, от него.

Некоторое время ей удавалось держать его рождение в секрете от отца. Но со временем делать это становилось все труднее и труднее, и в конце концов Акрисий обнаружил Персея (так Даная назвала своего сына). «У тебя ребенок! – в ярости вскричал царь. – А кто его отец?» Но когда Даная с гордостью ответила: «Зевс!» – он ей не поверил. Он был уверен только в одном: ребенок – страшная угроза его собственной жизни. Он побоялся убить внука по той же причине, по которой воздержался от убийства дочери. Он страшился гнева Зевса и Эриний, которые особенно настойчиво преследовали тех, кто убивал родственников. Но если он не мог убить их, то мог создать для них условия, которые неминуемо повели бы к их смерти. Поэтому он приказал изготовить большой ящик, посадить туда и мать, и ребенка и бросить ящик в морские волны.

И вот Даная с маленьким сыном поплыла по морю в этой удивительной лодке. День постепенно угас, и она осталась наедине с волнами.

Когда же и злобные волны, и ветры
Ей страхом сильным наполняли сердце,
Она, роняя слезы, нежно обнимала малютку своего
И говорила: «Милый сын,
Я за двоих несу в себе печали,
А ты же можешь спать покойно, о, дитя,
На эту ночь, на этот ужас мрака,
На злые волны, что проходят
Лишь в дюйме от твоих кудрей,
Не обращай вниманья, милый крошка,
Уютно в одеяльце завернувшись.

Всю ночь, сидя в своем качающемся ящике, она прислушивалась к плеску волн. Ей казалось, что они плещут уже целую вечность. Настал рассвет, но это не могло ее порадовать – ведь она его не видела. Она не могла также увидеть поднимающиеся из моря острова, а их было множество. Она только почувствовала, что их ящик словно бы приподняло волной, быстро понесло, а затем волна отступила и оставила их на чем-то твердом и неподвижном. Их прибило к берегу, они были спасены от гибели в море, но по-прежнему находились в ящике, выбраться из которого без посторонней помощи не могли.

Судьба была к ним милостива. А быть может, это была милость Зевса, который, правда, до сих пор ничего не сделал ни для своей возлюбленной, ни для своего ребенка. Так или иначе, их обнаружил рыбак, добрый и хороший человек по имени Диктис. Наткнувшись на ящик, он открыл его и извлек из него и мать, и сына, его горестное содержимое, и отвел их к своей жене, такому же милому человеку, как и он сам. Детей у них не было, и они стали заботиться о Данае и Персее, как о своих собственных детях. Даная и Персей прожили у них много лет, и Даная была вполне согласна, что ее сын унаследует от Диктиса скромное ремесло рыбака.

Но их настигла беда. Полидект, правитель этого маленького острова, был братом Диктиса и вместе с тем жестоким и безжалостным человеком. Он долгое время, видимо, не обращал внимания ни на мать, ни на сына, но наконец Даная привлекла его внимание. Она

по-прежнему была ослепительно прекрасна, хотя Персей к этому времени стал уже взрослым, и Полидект влюбился в нее. Он хотел жить вместе с ней, но вовсе не с ее сыном, и поэтому тотчас же начал разрабатывать план, как ему избавиться от Персея.

На свете жили три страшных чудовища; их звали Горгоны²⁵. Они жили на одном из островов и были известны по всему миру своей смертоносной мощью. Полидект, очевидно, говорил о них с Персеем; возможно, он даже «обмолвился» в разговоре, что больше всего на свете хочет иметь голову одной из них²⁶. Такой разговор вполне соответствовал бы плану, задуманному им, чтобы погубить Персея. Однажды он заявил, что собирается жениться, и созвал на празднество друзей и знакомых, в том числе и Персея. Каждый гость, как полагалось, принес подарок предполагаемой невесте. Исключение составил только Персей. Дарить ему было нечего. Но ведь он был молод и горд и чувствовал себя крайне униженным. Он предстал перед всеми присутствующими во дворце и сделал именно то, чего ожидал от него царь, а именно заявил, что принесет подарок лучше, чем все остальные. Он пойдет, убьет Медузу и принесет в дар ее голову. Ничего не могло устроить царя больше. Ведь ни один человек в здравом уме не дал бы такого обещания. Что же представляли собой Горгоны?

Всего их три, Горгон, и каждая с крылами
И с выводками змей на голове,
Что в смертного такой вселяют ужас,
Что ни один из них не может
Взглянуть на них и выдохнуть назад
Дыханье смерти.

Дело в том, что каждый взглянувший на них мгновенно обращался в камень. Таким образом, гордыня помрачила разум Персея, и он хвастался понапрасну. Никто не мог бы убить Медузу без помощи вышних сил.

Но Персей был спасен от роковых последствий своего безумного хвастовства. За ним наблюдали два могущественных бога. Покинув зал царского дворца, он тотчас же вошел на корабль, даже не осмелившись сперва зайти к матери и рассказать ей о своих намерениях, и отплыл в Грецию, чтобы узнать там, где он может найти Горгон. Прибыв в Грецию, он отправился в Дельфы, но жрица могла только посоветовать ему отправиться на поиски страны, где люди употребляют в пищу не золотое зерно, этот дар Деметры, а желуди. Поэтому он поспешил в Додону, страну пророчествующих дубов, которые объявляли волю Зевса, и где жили селлы, которые выпекали хлеб из желудей. Однако они могли сообщить ему только то, что он находится под покровительством богов. А где живут Горгоны, они не знали.

Когда и как Гермес и Афина пришли ему на помощь, ни в одном мифе не говорится, но до того, как это произошло, он наверняка должен был испытывать отчаяние. Наконец в своих странствиях он встретил красивого и удивительного юношу. О его внешности мы, правда, знаем из множества поэм. Это был «юноша с первым пушком на щеках, в возрасте, когда юность – краше всего, с золотым жезлом с крылышками, в шапочке также с крыльями и крылатых сандалиях». Когда Персей взглянул на него, в его сердце вошла надежда: он понял, что это не кто иной, как Гермес, провожатый и податель благ смертным.

Гермес сообщил Персею, что прежде, чем нападать на Медузу, он должен надлежащим образом вооружиться, а тем, что ему требуется для этой схватки, владеют нимфы Севера. А чтобы отыскать этих нимф, они сперва должны направить свои стопы к Граям²⁷, которые одни только и знают туда путь. Они обитают в призрачной стране, где все окутано сумерками. Ни луч солнца, ни месяц не освещают эту страну. Вот в ней и жили эти трое, седые от рождения и высохшие, как скелеты. Но самым удивительным в них было то, что на троих у них приходился всего один глаз, которым они пользовались по очереди, вынимая его изо лба и передавая другой.

Все это Гермес рассказал Персею, а потом сообщил ему свой план. Он сам проводит Персея к Гряям. Попав к Гряям, тот должен спрятаться, пока не увидит, что одна из них вынимает глаз из лба для передачи другой. В этот момент, когда ни одна из них не может видеть, он должен броситься из засады, выхватить глаз и не отдавать его до тех пор, пока те не пообещают ему показать путь к нимфам.

Он же, продолжал Гермес, дает ему меч, чтобы поразить Медузу, который не погнется и не сломается при ударе о шею Горгоны, какой бы крепкой она ни оказалась. Это был, несомненно, чудесный подарок, но что толку от такого меча, если Медуза сможет превратить напавшего на него в камень еще до того, как он приблизится к ней на расстояние удара? Но Персею уже было готово помочь еще одно божество. Она сняла со своей груди гладко отполированный медный щит и подала ему. «Когда ты бросишься на Горгону, смотри только в него, – сказала она. – Ты будешь видеть ее, как в зеркале, и так избежишь ее смертоносного взгляда».

Персей с головой Медузы

Теперь Персей мог уже надеяться на успех. Путешествие в страну вечных сумерек было очень долгим – он пролетел через стремнины Океана на самый край стороны мрака, где обитали киммерийцы, но ведь его провожатым был сам Гермес, и заблудиться он не мог. Наконец они отыскали седых Грай, выглядевших в сумеречном свете подобно серым птицам, у них были фигуры журавлей. Но головы у них были человеческие, а под крыльями – руки и ноги. Персей в точности исполнил приказания Гермеса: он прятался, пока не увидел, что одна из старух вынимает глаз из лба. Затем, еще до того, как она успела передать глаз своей сестре, он быстрым движением выхватил его у нее из руки. Грай осознали потерю через два-три мгновения. Каждая еще думала, что глаз находится у другой. Тут Персей объявил Граям, что глаз забрал он и вернет его только тогда, когда они покажут ему путь к нимфам Севера. Те тотчас же изъявили согласие; чтобы получить глаз назад, они были готовы на все. Персей ввернул им глаз и тотчас же отправился в путь. В конце концов, он прибыл, хотя и не знал этого, в благословенную страну гипербореев, то есть людей, живущих севернее, чем сам Северный ветер, о котором сказано: «Ни на корабле, ни по суше никто не найдет пути к месту встреч гипербореев». Но Персея сопровождал Гермес, так что для него были открыты все дороги, и он разыскал этот счастливый народ, проводивший время в вечных пирах и увеселениях. Гиперборей очень радушно приняли Персея: пригласили его на свой праздник; и девушки, танцевавшие под звуки флейты и лиры, согласились достать для него те вещи, которые он разыскивал. Их было три: крылатые сандалии, волшебная сумка, принимавшая форму предмета, который в нее клали, и, что самое главное, шапка-невидимка. Получив их и владея щитом Афины и мечом Гермеса, Персей был полностью подготовлен для встречи с Горгонами. Гермес знал, где они обитают, и, оставив страну благословенных гипербореев, спутники полетели через Океан и море к острову ужасных сестер. Когда Персей нашел их, все они, к счастью, спали. В зеркально отполированном щите он мог разглядеть их очень четко. Этих чудовищ с огромными крыльями и телами, покрытыми золотой чешуей, и клубками змей вместо волос. Теперь рядом с ним были не только Гермес, но и Афина. Они показали ему, кто из спящих Горгон – Медуза, это было очень важно, поскольку предать смерти можно было только ее одну; две другие сестры были бессмертными. Персей, надев свои крылатые сандалии, взмыл над Горгонами в воздух, глядя, однако, только на свой щит. А потом он нанес удар по горлу Медузы, причем сама Афина направляла его руку. Одним ударом меча он перерубил шею и, по-прежнему не глядя на Медузу, быстро опустился. Поднял голову Горгоны и спрятал в сумку, которая тотчас же сомкнулась. Теперь бояться ему было уже нечего. Правда, две другие Горгоны проснулись и, увидев убитую сестру, попытались преследовать убийцу. Но Персей был в полной безопасности: ведь на нем была надета шапка-невидимка, и Горгоны просто не могли его увидеть.

Над бурным морем мчался сын Данай
В своих сандалиях крылатых
Быстрее мысли.
В серебряной же сумке
Он монстра нес —
Там голова чудовищной Медузы.
Гермес же, Майи сын и Зевса вестник,
Держался близ него.

На обратном пути он пролетал над страной эфиопов и решил там передохнуть. Здесь Гермес оставил его. Персей же, как и впоследствии Геракл, узнал, что в этой стране на съедение чудовищу собираются отдать прелестную девушку. Ее звали Андромеда, и она была дочерью глупой и тщеславной женщины,

Заносчивой царицы
Эфиопской, той, что дерзнула
Поставить собственную красоту
Превыше красоты всех нимф морских,
Чем вызвала их гнев.

Царица имела глупость хвастаться, что она красивее дочерей морского божества Неря. В те дни абсолютно надежным способом навлечь на себя немилость судьбы было показать в чем-либо свое превосходство над каким-нибудь божеством; тем не менее люди постоянно так поступали. Но в этом случае наказание со стороны обиженных богинь за проявленное Кассиопеей, матерью Андромеды, непочтение пало на голову отнюдь не матери, а дочери.

Надо сказать, что к этому времени чудовище пожрало уже не одну эфиопку, и, узнав от оракула, что страна будет освобождена от этого бедствия только в том случае, если в жертву будет принесена Андромеда, население заставило ее отца Кефея уступить. Когда Персей появился на берегу, он увидел девушку, которая была прикована к скале в ожидании чудовища. Он подождал рядом с ней, пока чудовище не вынырнет из пучин за своей добычей, и так же ловко отрубил ему голову, как и Горгоне. Безглавое тело упало в море; Персей же отвел Андромеду к ее родителям и попросил ее руки, которую те охотно ему отдали.

Вместе с молодой женой он поплыл на корабле на свой остров к матери, но в доме, в котором он столько прожил, не обнаружил никого. Жены Диктиса уже давно не было в живых, а Данаю и Диктис, бывший для Персея, в сущности, родным отцом, должны были бежать и прятаться от Полидекта, разъяренного отказом Данаи выйти за него замуж. Как рассказали Персею, они нашли убежище в одном из храмов. Он также узнал, что царь устраивает во дворце пиршество и все его сторонники собрались там. Персей тотчас же оценил представившуюся ему возможность. Он направился прямо во дворец и вошел в пиршественный зал. Стоя при входе, с блестящим щитом Афины на груди и серебряной сумкой, висящей на боку, он внимательно оглядел каждого присутствующего в зале человека. А потом, так, что никто и глазом не успел моргнуть, вытащил из сумки голову Медузы, и в мгновение ока и жестокий царь, и его друзья, и раболепствующие царедворцы превратились в каменные изваяния. Так они и стояли – статуями, каждый застыв в той позе, в которой он увидел Персея.

Когда жители острова узнали об освобождении от тирана, Персею уже было легче найти Данаю и Диктиса. Он сделал Диктиса царем, а сам вместе с матерью решил вернуться, захватив с собой Андромеду, в Грецию. Они хотели примириться с Акрисием, посмотреть, не смягчили ли годы, прошедшие с того времени, как он заключил их в ящик, его сердце настолько, что он был бы рад принять дочь и внука. Но когда они прибыли в Аргос, то узнали, что Акрисий бежал из города, и где он находится теперь, никто сказать не мог. Случилось так, что Персей услышал о том, что царь города Ларисса устраивает большие атлетические игры и поехал туда принять в них участие. Когда пришла его очередь метать диск, диск отклонился и упал среди зрителей. Среди них был и Акрисий, приехавший в гости к царю Лариссы, и диск попал в него. Акрисий скончался на месте.

Таким образом, оракул Аполлона снова оказался прав. Едва ли Персей особенно горевал по этому поводу; он ведь знал, что Акрисий сделал все возможное, чтобы лишить жизни его и Данаю. Со смертью Акрисия их беды пришли к концу. Персей и Андромеда жили долго и счастливо. Их сын Электрион стал дедом Геракла.

Голову Медузы Персей отдал Афине, поместившей ее на эгиде, щите Зевса, который она всегда носила за ним.

Глава 2 Тесей

Этот самый любимый афинянами герой привлекал внимание многих писателей. Его жизнь и подвиги подробно описывают Овидий, живший в «век Августа», а также Аполлодор, живший в I или II в. н. э., и Плутарх, творивший в конце I в. н. э. Он выступает как одно из главных действующих лиц в трех драмах Еврипида и одной – Софокла. Его часто упоминают и прозаики, и поэты. В целом я следовала изложению Аполлодора, но также добавила из Еврипида эпизоды с призывом Адраста, безумием Геракла и кончиной Ипполита; из Софокла – его доброе, мягкосердечное отношение к Эдипу, а из Плутарха – историю его смерти, о которой Аполлодор говорит очень коротко.

Тесей был великим афинским героем. Он участвовал в стольких приключениях, в стольких походах, что в Афинах даже появилась пословица: «Ничего не обходится без Тесея».

Он был сыном афинского царя Эгея. Однако свою раннюю юность он провел в доме матери, в городе, расположенном в Южной Греции. Эгей вернулся в Афины еще до рождения ребенка, но прежде он зарыл в землю свой меч и сандалии, прикрыв их большим камнем. Он сделал это с ведома жены и заповедал ей, что, когда его сын (если это будет сын) вырастет и станет достаточно сильным, чтобы откатить камень и достать вещи отца, она должна послать его в Афины, где тот назовет Эгея своим отцом. У Эгея родился сын, он рос быстрее и скоро стал много крепче, сильнее своих ровесников. Когда мать привела его к камню, он отвалил его без труда. Затем мать объяснила Тесею, что ему пришло время искать своего отца, и его дед предоставил ему для этой цели корабль. Но Тесей отказался следовать водным путем – он казался ему слишком безопасным и легким. Ему очень хотелось как можно скорее стать великим героем, а жизнь без опасностей едва ли позволила бы ему это сделать. Перед ним всегда стоял образ великого Геракла, самого знаменитого героя Греции, и он сам стремился стать таким же знаменитым. Это было даже естественно – ведь они приходились друг другу двоюродными братьями. Поэтому он отказался от корабля, который предлагали ему мать и дед, объяснив им, что поплыть на нем было бы постыдным бегством от опасностей, и отправился в Афины по сухопутью. Его путешествие было долгим и нелегким из-за разбойников, свирепствовавших на дорогах. Он истребил их всех, не оставив в живых ни единого, чтобы в будущем уже никто не нападал на мирных путешественников. Справедливость он устанавливал очень просто: то, что разбойник делал по отношению к другим, Тесей совершал по отношению к нему. Так, например, разбойника Скирона, который заставлял своих пленников на коленях мыть ему ноги, а потом сбрасывал в море, Тесей сам сбросил в пропасть. Сипис, который привязывал путников за ноги к согнутым до земли соснам, а потом отпускал деревья, погиб такой же страшной смертью. Прокруста, который привязывал свои жертвы к железной кровати, а потом «выравнивал» их рост по ее длине, вытягивая или обрубая им ноги, ждала та же участь. История, правда, не сообщает, какой же из способов расправы был использован в данном случае, но, так или иначе, разбойничья карьера Прокруста была закончена.

Легко представить, как славословила Греция юношу, очистившего землю от разбойников, этого проклятия путников. Когда он пришел в Афины уже признанным героем, он был приглашен на пир Эгеем, который, конечно, не знал, что Тесей – его сын. На самом деле он боялся популярности молодого героя, считая, что он может привлечь на свою сторону народ, чтобы самому стать царем, и пригласил Тесея с тайной целью отравить его. Этот план, собственно, принадлежал не ему, а Медее, ключевой фигуре в истории похода аргонавтов за золотым руном, которая, как волшебница, узнала, кто такой Тесей. Покинув Коринф в своей крылатой колеснице, она бежала в Афины, где приобрела большое влияние на Эгея и совсем не хотела его потерять из-за прибытия его сына. Но когда она протянула Тесею кубок с отравленным вином, тот, желая, чтобы отец немедленно узнал его, вытащил свой меч. Царь сразу же опознал оружие и выбил кубок из руки Медеи. Медея бежала из Афин и благополучно добралась до Колхиды.

После этого Эгей всенародно объявил, что Тесей – его сын и наследник. Скоро сыну и наследнику представилась возможность снискать любовь афинских граждан.

За несколько лет до прихода Тесея в Афины город посетило ужасное несчастье. Минос, могущественный правитель Крита, потерял своего единственного сына Андрогейя, когда тот приехал в гости к афинскому царю. Эгей сделал то, чего хозяин никогда не должен был совершать по отношению к гостю, а именно: он послал Андрогейя на опасное предприятие – убить чудовищного быка. Случилось противоположное – бык погубил юношу. Минос вторгся в страну, захватил Афины и заявил, что снесет их до основания, если только город не будет каждые девять лет посылать ему в виде дани по семь юношей и по семь девушек. Этих молодых людей ожидала ужасная судьба – по прибытии на Крит их отдавали на съедение Минотавру.

Тесей и Минотавр в Лабиринте

Минотавр был чудовищем: наполовину быком, наполовину человеком. Его породила жена Миноса Пасифая от быка необыкновенной красоты. Посейдон подарил быка Миносу, чтобы тот принес его ему в жертву, но Минос не захотел убивать быка и оставил его себе. В наказание Посейдон побудил Пасифаю без памяти влюбиться в этого быка.

Когда Минотавр появился на свет, Минос не лишил его жизни. Он приказал Дедалу, великому архитектору и изобретателю, состоявшему у него на службе, построить для содержания Минотавра такое помещение, выбраться из которого было бы невозможно. Дедал выстроил Лабиринт, ставший известным во всем мире. Попав в него, можно было бы бесконечно долго пробираться по его хитроумно поворачивающим коридорам, так и не находя выхода. Именно в Лабиринт каждый раз и приводили юных афинян и афинянок и оставляли там на съедение Минотавру. Убежать оттуда было невозможно. Куда бы они ни направились, они бежали прямо на Минотавра; если же они стояли на месте, тот в любой момент мог выйти из путаницы коридоров навстречу им. Такова была судьба, ожидавшая четырнадцать афинских юношей и девушек через несколько дней после прибытия Тесея в Афины. Пришло время в очередной раз выплачивать дань.

Тесей тотчас же предложил себя в качестве одной из жертв. Афиняне восхищались его благородством, но никто даже предположить не мог, каким образом он собирается

расправиться с Минотавром. Об этом он, правда, рассказал отцу и пообещал ему, что если он, Тесей, осуществит свое намерение, то сменит черный парус, с которым всегда возвращался корабль, отвозивший на Крит злосчастные жертвы, на белый, что позволило бы Эгею заранее узнать, что его сын уцелел.

Когда жертвы прибывали на Крит, перед отправлением в Лабиринт их проводили перед жителями столицы. На этот раз среди зрителей оказалась дочь Миноса Ариадна, с первого же взгляда влюбившаяся в Тесея. Она послала за Дедалом и приказала ему показать ей, как найти выход из Лабиринта, а потом велела привести Тесея и сказала ему, что она устроит ему побег с Крита, если тот заберет ее в Афины и женится на ней. Как и следовало ожидать, возражений с его стороны не последовало, и она передала ему полученный от Дедала клубок ниток, конец которого он должен был закрепить у двери Лабиринта, войдя в него, и разматывать по мере углубления в путаницу коридоров. Это Тесей и сделал, будучи совершенно уверен, что, куда бы он ни пошел, он всегда сможет вернуться назад, и смело направился внутрь Лабиринта в поисках Минотавра. Он нашел чудовище спящим, напал на него и, прижав к земле, забил кулаками до смерти – другого оружия у него не было.

Как дуб, на землю падающий,
Все под собою сокрушает,
Так и Тесей. Он выдавил жизни дыханье
Из Минотавра, и мертвым тот пал.
Долго дергалась еще голова у него,
Но рогами он уже никого не ударит.

Когда Тесей поднялся с земли после этой страшной схватки, он поднял клубок, лежавший по-прежнему там, где он его оставил. Держа его в руках, он легко нашел выход из Лабиринта. Прочие последовали за ним, и затем, прихватив с собой Ариадну, все отправились на корабль и отплыли в Афины.

По пути они высадились на острове Наксосе, но о том, что здесь произошло, разные источники рассказывают по-разному. По одной версии, Тесей просто покинул Ариадну. Она заснула, и он отплыл без нее, но Ариадну нашел Дионис и сумел ее утешить. По другой версии, Тесей выглядит в более благоприятном свете. Согласно ей, Ариадна очень страдала от морской болезни, и он оставил ее на берегу, чтобы она немного пришла в себя, а сам вернулся на корабль по своим делам. Возвратившись же на берег, он нашел ее мертвой и был глубоко опечален²⁸.

Но обе версии совпадают в том, что, подплывая к Афинам, он забыл заменить черный парус на белый. Видимо, его радость по поводу успеха или же его горе от утраты Ариадны вытеснили все прочие мысли. Этот черный парус с акрополя увидел его отец, царь Эгей, давно уже воспаленными глазами наблюдавший за морем. Он понял, что его сын погиб, и, не вынеся горя, бросился со скалы в море, которое с этих пор стало называться Эгейским.

Царем Афин стал Тесей, прославивший самым мудрым и справедливым их царем. Он заявил афинянам, что не будет им безграничным владыкой – он желает всенародного управления городом, при котором все были бы равны. Он отказался от абсолютной власти и дал афинянам самоуправление, построив зал совета, в котором граждане города могли собираться и принимать решение путем голосования. Для себя он сохранил только должность верховного главнокомандующего. При нем Афины стали самым счастливым и самым процветающим городом на земле, подлинным отечеством свободы, единственным местом на земле, где люди сами управляли своей жизнью. Именно поэтому по завершении великой войны Семерых против Фив, когда победители фиванцы отказались хоронить тела павших врагов, их родные обратились за помощью к Тесею и Афинам, полагая, что свободные граждане под руководством такого вождя, как Тесей, никогда не согласятся оставить тела беспомощных жертв не преданными земле. И они не ошиблись. Тесей повел войско на Фивы, покорил их и заставил фиванцев устроить похороны павшим, но, победив,

он не стал мстить фиванцам за причиненное ими зло. Он повел себя в высшей степени благородно. Так, он не позволил своему войску войти в город и разграбить его. Ведь он пришел не причинять зло Фивам, а всего лишь заставить фиванцев похоронить аргивян, и, выполнив свой долг, он отвел своих воинов назад в Афины.

Те же качества он проявляет и в других сказаниях. Он, в частности, предоставляет убежище престарелому Эдипу, которого не желает принять больше никто²⁹. Тесей проводит с Эдипом последние годы перед его смертью, поддерживает и утешает его. Он оказывает покровительство двум его беспомощным дочерям и посылает их домой после смерти отца. Когда Геракл в припадке безумия³⁰ убивает жену и детей, рядом с ним остается только Тесей. Прочие друзья Геракла удаляются, боясь быть оскверненными обществом человека, совершившего подобное злодеяние, и только Тесей протягивает ему руку помощи, ободряет его, убеждает его, что убить себя было бы актом трусости, и отводит его в Афины.

Тем не менее все государственные дела и все поистине рыцарские поступки Тесея, касающиеся защиты обиженных и беспомощных, не могли отвлечь его от любви к опасности ради самой опасности. Так, например, он отправился в страну амазонок, этих женщин-воительниц, по одной версии, с Гераклом, по другой – без него, и привез с собой одну из них, которую иногда называют Антипой, иногда – Ипполитой³¹. Известно, что сына, которого она родила Тесею, звали Ипполит и что после его рождения амазонки, чтобы спасти ее, вторглись в Аттику, то есть страну, центром которой являются Афины, и даже пробились в город. В конце концов они потерпели поражение, и при жизни Тесея уже ни один враг не переступал границы Аттики.

Но у него было и множество других приключений. Он был в числе героев, отправившихся на *Арго* в поход за золотым руном. Он принимал участие в знаменитой охоте за калидонским вепрем, когда царь Калидона призвал храбрейших героев Греции помочь ему уничтожить ужасного вепря, опустошавшего его страну. Во время охоты Тесей спас жизнь своему бесшабашному другу Пирифой, что он делал, впрочем, не один раз. Пирифой был таким же любителем приключений, как и сам Тесей, но не таким удачливым и поэтому постоянно оказывался в критических положениях. Тесей был очень предан ему и всегда выручал из беды. Дружба между ними завязалась, когда Пирифой совершил весьма рискованный поступок. Ему показалось интересным самому посмотреть, действительно ли Тесей такой великий герой, как о нем говорят; он отправился в Аттику и угнал у Тесея какое-то количество скота. Услышав же, что Тесей пустился за ним в погоню, он не стал убегать от преследования, а, наоборот, повернул назад, намереваясь, конечно, выяснить, кто из них – больший храбрец. Но когда они встретились лицом к лицу, Пирифой, как всегда импульсивный, в своем восхищении Тесеем позабыл обо всем на свете. Он протянул ему руку и произнес:

– Я подчинюсь любому наказанию, которое ты на меня наложишь. Так суди меня.

Тесей, восхищенный этим поступком, ответил:

– Я хочу от тебя одного – будь моим другом и товарищем по оружию.

И оба дали торжественный обет дружбы.

Когда Пирифой, который был царем фесалийского племени лапифов, решил жениться, Тесей, естественно, тоже был приглашен на свадьбу и оказался там более чем кстати. Свадебное пиршество оказалось неудачным, как никакое другое, когда-либо устроенное в Греции. На свадьбу пришли также и кентавры, странные существа с телом коня и головой и торсом человека, приходившиеся дальней родней лапифам. Они выпили лишнего и решили похитить присутствовавших на торжестве женщин. Тесей бросился на защиту невесты и поверг на землю пытавшегося унести ее кентавра. Разгорелась ужасная схватка. Лапифы победили и в конце концов вообще выгнали кентавров из страны, а Тесей до конца им помогал.

Но в последнем приключении Тесей не мог оказать помощи Пирифой. Как характерно для Пирифоя, после смерти своей первой жены, участницы упомянутого свадебного пира, в качестве второй он решил выбрать самую тщательно охраняемую женщину во всей

вселенной, а именно саму Персефону. Тесей, конечно, согласился помочь другу, но, видимо, придя в восторг от самой идеи чудовищно опасного похищения Персефоны, объявил, что сам он похитит Елену, красота которой впоследствии станет причиной Троянской войны. Тогда она была еще ребенком, но, когда она подрастет, Тесей рассчитывал жениться на ней. Хотя этот замысел был менее опасным, чем похищение Персефоны, он был все же достаточно дерзким, чтобы удовлетворить амбиции Тесея. Братья Елены Кастор и Поллукс были более чем ровней для любого смертного героя. Тесею удалось похитить девочку (каким образом, миф не рассказывает), но ее братья напали на город, где ее прятал Тесей, и увезли ее домой. К счастью для Тесея, на месте событий его не оказалось. В это время он как раз направился в подземный мир вместе с Пирифоем.

Подробности их путешествия и прибытия туда неизвестны – за исключением того, что повелитель Аида заранее прекрасно знал об их замыслах и решил позабавить себя, расстроив их не вполне обычным способом. Конечно, он не стал их умерщвлять – ведь они и так находились во владениях смерти; просто в знак дружеского расположения он предложил им сидеть, а не стоять в его присутствии. Они присели на скамью, на которую он им указал, а присев, встать уже не смогли. Это была Скамья забвения, и севший на нее забывал обо всем. Его мозг делался чистым и ничем не заполненным, как у ребенка, и он, кроме того, не мог двигаться. Пирифон остался там навсегда; Тесей же освободил его двоюродный брат Геракл. Когда Геракл спустился в подземный мир за Кербером, он оторвал Тесея от скамьи и вывел его на землю. Он попытался сделать то же самое и для Пирифоя, но это ему не удалось. Владыка подземного царства был великолепно осведомлен, что именно Пирифой предложил похитить Персефону, и не отпустил его.

Уже в зрелые годы Тесей женился на сестре Ариадны Федре, чем навлек ужасные несчастья на нее, на себя и на своего сына Ипполита, которого родила ему амазонка. Когда Ипполит был еще ребенком, Тесей отослал его на воспитание в тот самый город на юге Греции, где когда-то провел свое детство и отрочество. Из мальчика вырос настоящий мужчина, блистательный атлет и охотник, презирающий тех, кто предпочитал жить в роскоши и неге, а еще больше – тех, кто был достаточно мягкотел и глуп, чтобы отдавать себя любви. Он не воздавал почести Афродите, почитая только Артемиду, охотницу целомудренную и прекрасную. Так обстояли дела, когда Тесей вернулся в свой дом с Федрой. Между отцом и сыном тотчас же возникла сильная симпатия. Они были в восторге от общества друг друга. На Федру же ее пасынок просто не обращал внимания; он вообще не замечал женщин. Она же чувствовала и вела себя совершенно иначе. Она влюбилась в него, безумно и отчаянно, стыдясь этой любви и в то же время решительно не будучи в силах побороть ее. Такая опасная ситуация сложилась не без участия Афродиты, которая была разгневана на Ипполита и решила подвергнуть его предельно возможному наказанию.

В своем горе, в своем отчаянии Федра, не видящая к тому же ни от кого помощи, решила свести счеты с жизнью – и так, чтобы никто не знал причины ее самоубийства. Тесей в это время пребывал в отлучке, а ее старая нянька, полностью преданная Федре и совершенно не догадывающаяся о том, что та задумала, неожиданно узнала обо всем: о тайной страсти своей госпожи, ее отчаянии и ее намерении покончить с собой. И, руководствуясь единственной мыслью: спасти госпожу, она отправилась к Ипполиту.

– Она умирает от любви к тебе, – сообщила она ему. – Подари ей жизнь. И подари любовь за любовь.

С гневом отшатнулся Ипполит от няньки. Любовь всякой женщины была ему отвратительна, а эта преступная страсть не просто пугала, она приводила его в ужас. Он выскочил во дворик, а нянька, продолжая его умолять, последовала за ним. Во дворике сидела Федра, но Ипполит не заметил ее. Наконец он в ярости обратился к старухе.

– Жалкое создание, – прорычал он, – ты хочешь, чтобы я предал отца. Уже слыша твои слова, я чувствую, что весь обмазан грязью. О, женщины, низкие женщины, каждая из них низка. Я теперь никогда не войду в мой дом в отсутствие отца.

Он убежал, и нянька, обернувшись, неожиданно для себя увидела Федру. Та поднялась

с места, и что-то в выражении ее лица напугало старуху.

– Я еще помогу тебе, – пробормотала она.

– Поди прочь, – ответила ей Федра. – Я сама знаю, что мне делать.

С этими словами она вошла во дворец, а нянька, дрожа от страха, прокралась вслед за ней.

Через несколько минут раздались мужские голоса, приветствовавшие вернувшегося Тесея, который как раз входил во двор. Но здесь его встретили рыдающие женщины, сообщившие ему сквозь слезы, что Федра только что умерла, точнее, покончила жизнь самоубийством. Они только что обнаружили ее: в руке она сжимала письмо, предназначенное для супруга.

– О, самая дорогая, самая лучшая! – еле-еле проговорил Тесей. – Наверно, здесь – твои предсмертные, последние желания? Я вижу твою печать – ее приложила ты, ты, которая уже никогда больше мне не улыбнется!

Он вскрыл письмо и прочитал его. Затем прочел еще раз, а потом обернулся к слугам, заполнившим двор.

– Письмо говорит само за себя, – произнес он. – Да, слова говорят, ведь у них есть свой язык. Знайте же, что мой сын дотронулся своими преступными руками до моей жены. О, Посейдон, услышь, как я проклинаяю его, и помоги этому проклятию осуществиться.

Молчание было прервано звуком торопливых шагов. Во двор вошел Ипполит.

– Что случилось? – воскликнул он. – Как она умерла? Отец, скажи мне про это сам. Не таи от меня своего горя.

– Чтобы измерить любовь, – отвечивал ему Тесей, – нужны надежные мерки, мерки, которые позволят узнать, кому можно доверять, а кому нельзя. Все, кто здесь ни на есть, взгляните на моего сына. Вот письмо, написанное рукой той, кого уже нет на свете. Он пытался насильно обнимать ее. И ее письмо перевесит любые слова, которые он только сможет произнести. Ступай. Я изгоняю тебя из страны. Ступай на свою погибель. Ступай немедленно.

– Отец! – взмолился Ипполит. – Я не слишком хорошо умею говорить, да у меня и нет свидетелей моей невинности. Единственная, которая могла бы ее засвидетельствовать, ушла из жизни. Все, что я могу сделать, так это поклясться именем Зевса, что я никогда не дотрагивался до твоей жены, никогда не желал этого и не давал к этому никакого повода. Пусть я умру самым жалким, самым ничтожным человеком, если виновен.

– Она и мертвой доказала твою вину, – отвечал Тесей. – Иди. Ты, повторяю, изгнан из страны.

Ипполит отправился в путь, но это не был путь в изгнание. Это была дорога к смерти, которая поджидала его за углом. Когда он ехал на колеснице из дома, который оставлял навеки, по приморской дороге, исполнилось проклятие его отца. Из морских пучин всплыло чудовище, и кони Ипполита испугались, хотя он и сдерживал их твердой рукой, и понесли. Колесницу разбило, и Ипполит был смертельно ранен.

Судьба не пощадила и Тесея. Ему явилась сама Артемида, рассказавшая ему всю горькую правду.

Я свиток зол должна перед тобой
Развить, Тесей, без пользы – лишь печали
Прибавит он, я знаю, но пришла
Я для того, чтоб сын твой честно умер,
Оправданный. И я жены твоей
Любовное должна раскрыть безумье
И, может быть, борьбу.

Когда потрясенный ужасными событиями Тесей выслушивал богиню, во двор внесли Ипполита. Он еще дышал.

– Я невинен, – произнес он. – А, Артемида, это ты? Моя богиня... Твой верный охотник умирает.

– И никто другой не сможет занять твое место, о, самый дорогой из мужчин, – мягко произнесла она.

Ипполит, отвернув взор от лучезарной богини, перевел его на сломленного горем отца.

– Отец, милый отец, – сказал он, – это была не твоя вина.

– Если бы я только мог умереть вместо тебя, – вскрикнул тот.

Нежный голос богини прервал их горестный диалог.

– Обними же сына, Тесей, – промолвила она. – Это не ты убил его. Это – Афродита. И знай, что память о нем никогда не будет забыта. Она сохранится в сказаньях и песнопеньях.

Она покинула их, но и Ипполита тотчас не стало. Он уже шел по пути, ведущему в царство мертвых.

Смерть Тесея тоже была трагичной. Он приехал в гости к своему другу, царю Ликомеду, тому самому, при дворе которого через несколько лет найдет убежище Ахилл, переодетый в женское платье. По одной из версий, Тесей приехал к Ликомеду потому, что афиняне его изгнали. Но так или иначе, Тесей убил его друг и гостеприимец, и мы не знаем, почему это произошло.

Даже если афиняне изгнали Тесея, то очень скоро после его гибели они воздали ему почести, которых в Афинах не удостоивался ни один смертный. Они воздвигли ему грандиозную усыпальницу и постановили, что она навсегда станет прибежищем для рабов, да и вообще для всех обездоленных и беспомощных людей в память о том, кто всю свою жизнь был покровителем беззащитных.

Глава 3 Геркл

Более или менее полный рассказ о жизни Геракла имеется у Овидия, но он очень короток и, в отличие от его обычного метода, не изобилует подробностями. Он никогда не делает упора на подвиги героя; его больше интересует патетическая сторона темы. На первый взгляд представляется странным, что Овидий не освещает факт убийства Гераклом жены и детей, но эта история уже была рассказана мастером, поэтом V в. до н. э. Еврипидом, и уход Овидия от этого события, вероятно, объясняется тем, что он знал о творении Еврипида. У него было мало что добавить к мифам, на темы которых писали греческие трагики. Он также обходит стороной один из самых известных рассказов о Геракле – об избавлении от смерти Алкестиды, что стал темой еще одной трагедии Еврипида. Софокл, современник Еврипида, рассказывает об обстоятельствах смерти героя. Приключение младенца Геракла со змеями изложено Пиндаром (V в. до н. э.) и Феокритом (III в. до н. э.). В своем изложении я скорее следовала поэтам-трагикам и Феокриту, а не Пиндару, поэту, одному из самых трудных для перевода или даже для пересказа. В остальном я следовала Аполлодору, прозаику I или II в. н. э., который – помимо Овидия – полностью описывает жизнь Геракла. Я предпочла его трактовку темы трактовке Овидия ввиду более подробной разработки темы.

Геркл был величайшим героем Греции и человеком совсем иного склада, чем великий герой Афин Тесей. Им восхищалась вся Греция, за исключением, пожалуй, Афин. По своей

культуре афиняне отличались от прочих греков, и поэтому иным был и их герой. Конечно, Тесей, как и все герои, был храбрейшим из храбрых, но в отличие от прочих героев он был столь же храбр, сколько и сострадателен к людям; он обладал не только огромной физической силой, но и большим интеллектом. Вполне естественно, что они должны были выбрать такого героя, поскольку очень ценили мысль и идеи, как не один другой народ в Греции. В Тесее их идеал воплотился идеально. Но Геракл зато собрал в себе те качества, которые наиболее ценила остальная Греция. Эти качества греки почитали и ими восхищались. За исключением неколебимого мужества, они не относились к тем, которыми отличается Тесей.

Геракл был самым сильным человеком на земле и обладал той уверенностью в себе, которую дает осознание этой огромной силы. В какой-то мере он ощущал себя даже равным богам, и – не без оснований. Чтобы победить гигантов, тем понадобилась помощь Геракла. В окончательной победе олимпийцев над отвратительными сынами Земли его стрелы сыграли немалую роль. К богам он относился соответственно. Однажды, когда дельфийская жрица отказалась ответить на его вопрос, он схватил треножник, на котором она сидела, и заявил, что он его унесет и учредит свой собственный оракул. Аполлону, естественно, эта перспектива не понравилась, но Геракл был готов сразиться с ним, и в конфликт вынужденно вмешался сам Зевс. Однако ссора была легко урегулирована. Геракл был настроен очень мирно и даже добродушно. Ведь он не собирался ссориться с Аполлоном, он просто ожидал от оракула ответа. Если Аполлон его даст, конфликт, во всяком случае с его стороны, будет улажен. Аполлон же, присмотревшись к этой бесстрашной личности, восхитился смелостью героя и приказал своей жрице дать ему прорицание.

Всю свою жизнь Геракл обладал непоколебимой уверенностью, что, кто бы ни выступил против него, победителем окажется он, и факты подтверждают эту уверенность. С кем бы он ни боролся, исход борьбы всегда был предопределен. Его могли одолеть только сверхъестественные силы. Против него таковые использовала Гера – и с ужасающим эффектом, и в конце концов Геракл был убит, но с помощью магических средств. Никакие же обычные живые существа, обитающие в воздухе, в воде и на суше, никогда не могли его сокрушить.

Во всем, что он совершал, не только больших признаков ума, интеллекта не обнаруживается, а нередко отсутствуют сами ум, интеллект. Однажды, когда ему стало слишком жарко, Геракл прицелился из лука в Гелиоса и угрожал застрелить его. В другой раз, когда его ладью стали захлестывать волны, он пообещал им, что накажет их, если они не успокоятся. Его интеллект был не слишком сильным, зато сильными были эмоции. Он быстро закипал и терял над собой контроль, что и произошло, например, тогда, когда он покинул *Арго* и забыл и про своих товарищей, и про поиски золотого руна, терзаемый отчаянной болью в связи с потерей своего юного оруженосца. Наличие у человека с такой огромной физической силой столь глубокого чувства, конечно, не может не внушать уважения, но ведь оно принесло и немедленный вред. Он часто испытывал вспышки буйного гнева, которые всегда оказывались фатальными для невинных. Когда приступ заканчивался и Геракл приходил в себя, он начинал проявлять признаки самого обезоруживающего раскаяния и соглашаться с любым наказанием, которое предполагалось на него наложить. Без его согласия наказывать его не мог никто, но никто и не вытерпел так много наказаний. Большую часть своей жизни он искупал одно свое деяние за другим и никогда не восставал против почти невыполнимых требований, которые к нему предъявлялись. Иногда, когда другие были склонны простить его, он наказывал себя сам.

Поставить его управлять государством, как это делал Тесей в Афинах, было бы смехотворным; сначала ему нужно было бы научиться управлять собой. Он никогда не порождает какой-либо новой или великой идеи, как это, по преданию, делал Тесей. Его мышление было ограничено изобретением способа убить чудовище, которое угрожало убить его. Тем не менее он отличался подлинным величием души. Это величие проявлялось, конечно, не в том, что он обладал абсолютной храбростью, основанной на невероятной силе,

что, конечно, само собой разумеется, но в том, что искренне сожалел о совершенном им зле и был готов хоть что-нибудь сделать во его искупление. Если бы он обладал таким же величием ума, по меньшей мере достаточным, чтобы вести его по путям разума, он стал бы идеальным героем.

Он родился в Фивах, где его долгое время считали сыном Амфитриона, известного полководца. В его юные годы его звали Алкидом, то есть потомком Алкея, отца Амфитриона. На самом же деле он был сыном Зевса, однажды посетившего Алкмену, жену Амфитриона, в облике ее супруга, когда тот отправился в очередной поход. Алкмена родила двоих детей: Геракла от Зевса и Ификла от Амфитриона. Разницу в их происхождении можно было сразу усмотреть в том, как они держали себя перед лицом большой опасности, когда им было около года. Гера, как всегда, ужасно взревновала к сопернице и решила погубить Геракла.

Однажды вечером Алкмена выкупала и напоила молоком обоих малышей и положила их в колыбель, поцеловала и пожелала им спокойной ночи: «Спите, малыши, душа души моей. Счастливо засыпайте и счастливо просыпайтесь». Она покачала колыбель, и дети тотчас же заснули. Но в самую глухую ночь, когда в доме все спали, в детскую вползли две больших змеи. В комнате горел светильник, и когда змеи приподнялись над колыбелью, покачивая головами и подрагивая языками, детишки проснулись. Ификл заревел и попытался выбраться из постельки, а Геракл плотно уселся в ней и схватил этих смертельно опасных тварей за глотки. Змеи бились и мотались в его руках, оплетая его тело кольцами, но он крепко держал их. Мать, услышав крики Ификла, позвала Амфитриона и вбежала в детскую. Там она увидела смеющегося Геракла, в каждой руке которого было зажато по бездыханной змее. С торжеством она протянула их Амфитриону. Так все поняли, что этого ребенка ожидает славное будущее. Тиресий, слепой фиванский пророк, предрек Алкмене: «Клянусь тебе, что не одна греческая мать, расчесывая вечером шерсть, будет петь о твоём сыне и о тебе, которая выносила его. Он станет героем всего человечества».

Ему старались дать наилучшее и разностороннее образование, но учить его тому, чему учиться он не хотел, было довольно опасным занятием. Он, видимо, не любил музыку, которая являлась основной частью подготовки греческого мальчика, и к тому же недолюбливал своего музыкального учителя. Однажды в приступе злобы Геракл ударил его своей лютней. Это был первый раз, когда он нанес смертельный удар, не намереваясь этого делать. Он вовсе не собирался убивать бедного музыканта – он просто ударил его под действием порыва, совершенно не думая о своем поступке и едва ли осознавая свою силу. К прочим дисциплинам, в которых он упражнялся: фехтованию, борьбе и гонках на колесницах, он относился более терпимо, и его учителям в этих науках удалось уцелеть. К восемнадцати годам он превратился во вполне взрослого мужчину, и ему удалось в одиночку убить крупного льва, обитавшего в лесах Киферона, так называемого феспийского льва. С тех пор он носил его шкуру как плащ, а львиная голова служила ему своеобразным капюшоном.

Следующим подвигом Геракла была война и победа над минийцами, обложившими Фивы тяжелой данью. Благодарные фиванцы предложили ему в качестве награды руку их царевны Мегары. Геракл был очень привязан к молодой жене и их детям, однако их свадьба навлекла на него глубочайшее горе в его жизни и такие испытания и опасности, через которые не проходил ни один герой ни до ни после Геракла. Когда у него с Мегарой было уже трое сыновей, на Геракла напал один из его припадков безумия. Безумие наслала на него Гера, никогда не забывавшая причиненного ей зла. Он убил своих сыновей, да и Мегару, когда она пыталась защищать младшего. Потом разум вернулся к нему. Он обнаружил себя в запятнанном кровью зале; кругом были разбросаны мертвые тела его сыновей и жены. Он совершенно не понимал, что произошло и как они все убиты. Ведь всего несколько мгновений назад они вели спокойную беседу. Пока он в оцепенении стоял в зале, перепуганные люди, наблюдавшие за ним с некоторого расстояния, увидели, что припадок закончился, и к нему осмелился приблизиться Амфитрион. Правды от Геракла не скрывали.

Он должен знать, как находит на него этот ужас, и Амфитрион рассказал ему все. Выслушав его, Геракл произнес:

– Значит, я сам убил самых дорогих мне людей.

– Да, – с дрожью в голосе ответил Амфитрион. – Но ты ведь был вне себя.

Геракл не принял это предлагавшееся ему оправдание.

– Может, мне отдать свою собственную жизнь? – спросил он. – За их смерти я отомщу самому себе.

Но еще до того, как Геракл успел выскочить из дома, чтобы совершить самоубийство, отчаянная решимость покинула его и жизнь его была спасена. Это чудо (а это было не что иное) мгновенного перехода от безумия и насильственных действий к трезвому размышлению и объективной оценке действительности не было сотворено спустившимся с небес богом. Это чудо совершила человеческая дружба. Перед Гераклом предстал Тесей, простиравший к нему руки, чтобы схватить запятнанные кровью руки друга. Таким образом, он, согласно общегреческому обычаю, сам становился оскверненным и принимал на себя часть вины Геракла.

– Не отказывай мне, – произнес Тесей, – я хочу разделить с тобой все. Зло, которое я разделю с тобой, не будет злом для меня. И послушай меня. Мужчины великой души могут выносить удары судьбы и не сгибаться.

Геракл спросил:

– А ты знаешь, что я наделал?

– Знаю, – ответил Тесей. – Твое горе доходит до небес.

– Я хочу умереть, – продолжал Геракл.

– Ни один герой еще не произносил таких слов, – отвечал тот.

– А что же мне сделать, как не умереть! – воскликнул Геракл. – Продолжать жить? Заклейменный в глазах людей человек... Все будут говорить: «Смотрите. Вот тот, кто убил свою жену и детей!» И всюду мои палачи, эти злобные скорпионы³² языков.

– Пусть так, страдай и будь сильным, – отвечал Тесей. – Ты пойдешь со мной в Афины и разделишь там со мной кров и все, что у меня есть. А взамен ты принесешь мне и моему городу славу и честь оказать тебе помощь.

Воцарилось долгое молчание. Наконец Геракл заговорил, медленно и тяжело подбирая слова:

– Хорошо, пусть будет так. Я хочу быть сильным и сам дожидаться смерти.

Они отправились в Афины, но Геракл не задержался там долго. Мыслитель Тесей полагал, что человека нельзя считать убийцей, если он не ведал, что творил, а тех, кто помогает ему, нельзя считать оскверненными.

Афиняне согласились с его доводами и приняли к себе злополучного героя. Но сам Геракл не мог до конца осмыслить эту идею: он мог жить только чувствами. Ведь он перебил свою семью, и поэтому он осквернен и оскверняет других. Он заслуживает того, чтобы люди отворачивались от него с проклятиями. В Дельфах, куда он заходил посоветоваться с оракулом, жрица смотрела на вещи так же, как и он. Ему нужно очиститься, заявила она Гераклу, и это может сделать только страшное наказание. Жрица приказала ему отправиться к его двоюродному брату, царю Микен (по другим версиям, Тиринфа) Эврисфею, и подчиняться всем его требованиям. Геракл направился туда, исполненный покорности и готовый на все, лишь бы очиститься от скверны. Из дальнейшего повествования станет совершенно ясно, что жрица неплохо представляла себе, кто таков Эврисфей и что он несомненно выдумает для Геракла вполне достойное того наказание.

Эфрисфей ни в коем случае не был глупцом; напротив, он обладал весьма своеобразным умом, и когда самый сильный человек на земле покорно пришел к нему, чтобы стать его рабом, он изобрел для него целую последовательность наказаний, которая едва ли может быть превзойдена по степени их опасности и сложности. Следует, правда, отметить, что в этом ему оказывала помощь Гера. До самого конца жизни Геракла она так и не простила ему, что он – сын Зевса. Деяния, которые герой должен был совершить по заданию

Эврисфей, называются «подвигами Геракла». Всего их двенадцать³³, и каждый из них лежал за гранью возможного.

Первый из них состоял в том, что он был должен убить Немейского льва, животное, которое нельзя было ранить ни одним видом оружия. Эту проблему Геракл решил, просто задушив его. После этого он взвалил тяжелое тело на плечи и отнес его в Микены. После этого осторожный Эврисфей уже не впускал его в пределы города, отдавая ему приказы через слуг.

Второй подвиг заключался в том, чтобы отправиться в Лерну и убить там девятиглавую Гидру, змею, жившую в тамошних болотах. Сделать это было чрезвычайно трудно, поскольку одна из ее голов была бессмертной, а прочие по своей живучести почти не уступали ей: как только Гераклу удавалось отрубить одну из них, на ее месте вырастало две новых. Здесь ему помог его племянник Иолай, принесший ему горящую головню, которой Геракл, отрубая очередную голову Гидры, прижигал ее шею, так что новые головы уже не вырастали. Когда все головы Гидры были отрублены, бессмертную голову герой надежно спрятал под большим обломком скалы.

Третий подвиг состоял в том, чтобы живой доставить в Микены посвященную Артемиде лань с золотыми рожками, обитавшую в лесах Керинтеи. Геракл мог бы легко застрелить ее, но надо было взять живой.

Четвертый подвиг состоял в том, чтобы поймать гигантского вепря, жившего в берлоге на горе Эриманф. Геракл непрерывно гнал зверя с одного места на другое, пока тот окончательно не выбился из сил. Тогда герой загнал его в глубокий снег и поймал.

Пятый подвиг состоял в том, чтобы за один день расчистить конюшни царя Авгия. У Авгия были тысячи голов скота, а их конюшни (стойла) не чистились уже много лет. Геракл изменил русла двух речек и пустил их через конюшни таким образом, что их общий мощный поток вынес из конюшен весь навоз в мгновение ока.

Геракл с Кербером

Шестым подвигом было изгнание стимфалийских птиц, настоящего бедствия для тех, кто жил в окрестностях города Стимфала, из-за их бесчисленного количества. С помощью Афины Геракл согнал их с гнезд, а когда они поднялись в воздух, перестрелял.

Седьмой подвиг состоял в том, чтобы привезти с Крита прекрасного быка, которого Посейдон подарил Миносу. Геракл поймал его, доставил на корабль и привез Эврисфею.

Задача восьмого подвига заключалась в том, чтобы привезти принадлежащих фракийскому царю Диомеду кобылиц, которых царь кормил человеческим мясом. Геракл сначала убил Диомеду, а затем беспрепятственно отогнал кобылиц.

Девятым подвигом было назначено доставить пояс царицы амазонок Ипполиты. Царица встретила Геракла очень любезно, но Гера, как всегда, вела дело к беде. Она убедила амазонок, что герой намеревается похитить их царицу, и они толпой бросились к кораблю Геракла. Тот же, даже не подумав о том, как любезно его встречала Ипполита, да и вообще

ни о чем не подумав, тотчас же убил ее, посчитав ответственной за нападение. Затем он успешно отбил атаку и уплыл вместе с поясом.

Десятый подвиг заключался в том, чтобы пригнать в Микены коров Гериона, человекоподобного чудовища с тремя головами, тремя телами и шестью руками и ногами, обитавшего на одном из западных островов, Эрифии. На пути туда Геракл достиг самого края Средиземного моря и в память о своем путешествии поставил в тех краях две больших скалы, именуемые «геракловыми столпами» (теперь – Гибралтар и Сеута). Затем он убил Гериона, забрал быков и отогнал их в Микены.

Одиннадцатый подвиг оказался самым трудным из всех ранее совершенных Гераклом. Он должен был принести золотые яблоки Гесперид, но не знал, где их можно найти. Отцом же Гесперид был титан Атлас, державший на своих плечах небосвод, так что Геракл не видел для себя другого выхода, как отправиться к нему и просить достать для него эти яблоки. На время же отсутствия Атласа он предложил поддержать небосвод на своих собственных плечах. Атлас, тотчас же увидев здесь возможность навеки освободить себя от этой тягостной обязанности, охотно согласился. Вернувшись с яблоками, он не отдал их Гераклу, а предложил ему по-прежнему поддерживать на себе небосвод, а сам Атлас снесет яблоки Эврисфею. В этом случае Геракл мог рассчитывать только на собственные мозги – все свои силы он отдавал на то, чтобы удержать огромную тяжесть. Ему повезло, но скорее из-за глупости Атласа, чем за счет собственной сообразительности. Он для виду согласился на предложение Атласа, но попросил его на какое-то время принять небо на собственные плечи, чтобы он, Геракл, мог положить на свои подушку. Атлас так и поступил, а Геракл взял яблоки и неспешно удалился.

Двенадцатый подвиг был самым опасным. Геракл должен был спуститься в подземный мир, где он заодно освободил Тесея, оторвав его от Скамьи забвения. Его же основной задачей было вывести из Аида трехглавого адского пса Кербера. Сам Аид дал на это согласие, но при условии, что Геракл воспользуется для этого только своими руками. Но даже при этом ограничении герой справился со своей задачей. Геракл поднял пса на вытянутых руках, донес его до уровня земли, а потом доставил в Микены. Эврисфей оказался достаточно разумен, чтобы не оставлять Кербера у себя, и приказал отнести его назад. Это был последний подвиг Геракла.

Когда все подвиги были совершены и Геракл полностью искупил свою вину за убийство жены и детей, герой, казалось бы, заслужил мир и покой на всю свою оставшуюся жизнь. Но этого не произошло. Гераклу никогда не пришлось жить в тишине и спокойствии. Сверхъестественным, таким же тяжелым, как двенадцать подвигов, оказалась победа над Антеем, гигантом, то есть сыном Земли, и могучим борцом, заставлявшим странников бороться с ним на условии, что, победив чужеземца, он отнимет у него жизнь. Черепами своих жертв он даже вымостил крышу храма. Пока Антей касался земли, он был непобедим. Если же его бросали на землю, он вскакивал с нее с новыми силами. Геракл поднял его в воздух, и, не давая касаться земли, задушил.

О его приключениях рассказывают легенду за легендой. Ему пришлось бороться с речным богом Ахелоем, поскольку тот влюбился в девушку, на которой Гераклу пришлось в голову жениться. Как и все его современники, Ахелой был не очень расположен сражаться с Гераклом, и он попытался договориться с ним мирным путем. Но договариваться с Гераклом было невозможно. Он заявил: «Мои руки действуют лучше, чем язык. Пусть я одержу победу в схватке, а ты – на переговорах». Ахелой принял обличье быка и яростно напал на Геракла, но тот привык укрощать быков. Он победил бога и даже сломал ему рог. Молоденькая царевна Деянира, причина раздора, стала женой Геракла.

Геракл путешествовал по многим странам и совершил немало других великих деяний. Под Троей он спас девушку, оказавшуюся в той же беде, что и Андромеда. Будучи прикованной на морском берегу, она должна была дожидаться, когда ее растерзает морское чудовище, умиротворить которое было нельзя никаким другим способом. Она была дочерью троянского царя Лаомедонта, который не выплатил вознаграждения Посейдону и Аполлону,

когда они по велению Зевса выстроили для царя стены Трои. Геракл согласился спасти девушку, если ее отец отдаст ему коней, которых Зевс подарил его деду. Лаомедонт дал такое обещание, но, когда Геракл убил чудовище, отказался его выполнять. Геракл напал на город, убил царя и отдал девушку помогавшему ему другу Теламону с острова Саламин.

На своем пути к Атланту, намереваясь расспросить его о золотых яблоках, Геракл забрел на Кавказ, где освободил Прометея, убив орла, терзавшего его печень.

Наряду со всеми этими славными деяниями Гераклу приходилось совершать и другие, не очень славные. Так, небрежным толчком руки он убил мальчика, поливавшего ему руки перед трапезой. Конечно, это был несчастный случай, и отец мальчика простил его, но сам Геракл себя не простил и на некоторое время отправился в добровольное изгнание. Гораздо хуже было его преднамеренное убийство доброго друга, совершенное им, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное ему отцом юноши, царем Эвритом. За это злодеяние Зевс наказал его: он послал Геракла в Мидию, чтобы тот сам продал себя в рабство царице Омфале, по одной версии, на год, по другой – на три. Царица подшучивала и забавлялась над ним, заставляя его переодеваться в женское платье и заниматься женской работой: ткать или прясть. Геракл же, как всегда, подчинялся, но чувствовал себя униженным своим рабским положением и полным безразличием, проявляемым к ситуации Эвритом, и поэтому поклялся жестоко наказать того, как только перестанет быть рабом.

Все рассказываемые о Геракле истории весьма типичны для него, но наиболее полное и ясное представление о его натуре можно составить, пожалуй, по рассказу о посещении им одного своего друга, которого он навестил на пути за кровавыми конями Диомеда. Дом, в котором он предполагал заночевать, принадлежавший фессалийскому царю Адмету, оказался погружен в глубокий траур, о чем Геракл, конечно, не мог заранее ничего знать. Адмет только что потерял свою жену, причем при довольно странных обстоятельствах.

Причины ее смерти уходили в далекое прошлое, в то время, когда Аполлон, разгневанный на Зевса за убийство своего сына Асклепия, перебил Зевсовых кузнецов, киклопов. Зевс наказал его за это, отправив на год служить на земле рабом, а Адмет как раз и был тем хозяином, которого выбрал себе Аполлон или которого подобрал ему Зевс. Во время своей службы в доме Аполлон свел дружбу с домочадцами, в особенности с главой семьи и его женой Алкестидой, и когда ему представилась возможность доказать ее крепость, сделал это. Он узнал, что Мойры уже закончили все свои заботы о нити жизни Адмета и готовятся перерезать ее. Аполлону удалось получить от них поблажку. Если вместо Адмета согласится умереть кто-то другой, то он останется в живых. Эту новость он принес Адмету, и тот немедленно начал искать замену своей особе. Прежде всего, храня свои намерения в глубокой тайне, он обратился к отцу и матери. Они уже достигли преклонного возраста, любили его и были ему очень преданы. Один из них наверняка согласится занять его место в подземном царстве. Но к своему изумлению, он быстро понял, что это – не совсем так. Родители в один голос ответили сыну:

– Свет божий сладок и старикам. Мы не просим тебя умирать за нас и не хотим умирать за тебя.

И остались совершенно нетронуты его презрительным замечанием:

– Эх вы, – дрожа от паралича, на краю могилы и все-таки бояться умереть!

Однако Адмет не сдавался. Он пошел по друзьям, упрашивая их, одного за другим, умереть вместо него и оставить его в живых. Он, видно, полагал, что его жизнь имеет такую высокую ценность, что кто-нибудь все-таки спасет ее, даже пожертвовав собой. Но всюду его неизменно встречал отказ. Наконец, уже в полном отчаянии, он вернулся домой и неожиданно нашел себе замену там. Умереть за него соглашалась его супруга Алкестиды. Ему стало безумно жаль ее, а заодно и себя, теряющего такую прекрасную жену, и пока Алкестиды умирала, он, плача, стоял возле нее. Когда же она отошла в царство теней, Адмет был охвачен мучительной болью и объявил, что устроит ей самые пышные похороны.

В этот момент в дом как раз и прибыл Геракл, чтобы передохнуть и порадовать себя общением с другом на своем пути во Фракию к Диомеду. Обхождение с ним со стороны

Адмета гораздо более ярко, чем любая другая история, показывает, насколько в те времена были высоки стандарты гостеприимства и как многого ожидали от отношения хозяина к гостю.

Как только Адмета известили о приходе Геракла, он поспешил встретить его, ничем не выдавая свое горе, за исключением траурных одеяний. Его поведение было поведением человека, встречающего дорогого гостя. На вопрос Геракла о том, кто же скончался в доме, Адмет спокойно ответил, что сегодня должны хоронить одну женщину из числа домочадцев, но это – не его родственница. Геракл тотчас же заявил, что не будет беспокоить его в такое время своим присутствием, но Адмет наотрез отказался отпустить его куда-нибудь еще.

– Я не позволю тебе спать где-нибудь под чужой крышей, – объявил он.

Своим слугам он приказал отвести гостя в удаленный покой, где он, не услышав никаких горестных звуков, спокойно поужинает и заночует. О том, что, собственно, произошло в доме, слуги должны молчать.

Геракл поужинал в одиночестве; он понимал, что по моральным обстоятельствам Адмет будет присутствовать на похоронах, однако это не мешает ему хорошо повеселиться самому. Оставшиеся в доме слуги еле успевали удовлетворять его гигантский аппетит и, что более важно, пополнять поставленный перед ним кувшин с вином. Геракл чувствовал себя наверху блаженства; он изрядно выпил и вел себя очень шумно. Он изо всех сил ревел песни и вообще вел себя так, как вести себя в доме, где только что прошли похороны, просто неприлично. Когда же слуги пробовали выражать ему неодобрение своими печальными минами, он кричал на них, требуя не быть такими мрачными. Разве они не могут улыбаться ему время от времени, как приличные люди? Их постные физиономии лишают его аппетита.

Наконец один из слуг робко заметил, что сейчас не время для смеха и вина.

– Это почему же? – загремел Геракл. – Из-за посторонней женщины, которая умерла?

– Посторонней... – запнулся слуга.

– Да, так мне, во всяком случае, объяснил Адмет. И не вздумай утверждать, что он меня дурачит.

– Не в этом дело, – возразил слуга. – Просто он свято блюдет законы гостеприимства. Но пожалуйста, вот тебе еще вина. Наша беда – это только наша беда.

Слуга отвернулся, чтобы наполнить бокал Гераклу, но тот крепко схватил его, а из этой хватки не удавалось вырваться еще никому.

– Здесь что-то не то, – обратился он к перепуганному слуге. – Что случилось?

– Ты же сам видишь, что у нас траур, – отвечал тот.

– Но по кому? – вскричал герой. – Значит, мой хозяин все-таки дурачит меня? Кто умер?

– Алкестида, – прошептал слуга. – Наша царица. Последовало долгое молчание. Геракл швырнул свой кубок об пол.

– Мне надо было бы знать, – задумчиво произнес он. – Я же видел его плачущим. И глаза у него были красные. Но он же уверял, что это – посторонняя женщина. Он просто заставил меня войти в дом. О, добрый друг и настоящий хозяин. А я, я пьянствовал и веселился в этом доме печали. Ему же надо было мне все рассказать!

А потом, как обычно, он начал осыпать обвинениями самого себя. Когда его хозяин подавлен горем, он ведет себя как дурак, как пьяный дурак. И, как обычно, его мысли направились на поиски способа исправления ситуации. А что он может для этого сделать? Ведь нет ничего такого, чего он сделать не мог бы. Он был совершенно уверен в этом, но чем же он конкретно поможет своему другу? Потом в голове у него забрезжил свет. «Конечно, – сказал он себе. – Решение очень просто. Я должен вернуть Алкестиду из царства мертвых. Нет ничего проще. Я найду этого старого хитреца Таната. Он наверняка вьется где-нибудь рядом с ее усыпальницей, и я с ним поборюсь. Я его так сожму, что он живо отдаст ее мне. А если его нет рядом с усыпальницей, я пойду за ним в Аид. И я верну жену моему другу». Он заспешил вон, чрезвычайно довольный собой, радуясь предстоящему очень интересному

состоянию.

Когда Адмет вернулся в свой опустевший дом, там его приветствовал Геракл, рядом с которым стояла какая-то женщина.

– Взгляни на нее, Адмет, – произнес Геракл. – Она тебе никого не напоминает?

Тот воскликнул:

– Это призрак! Это же волшебство, какая-то насмешка богов!

Геракл твердо ответил:

– Это – твоя жена. Я сражался за нее с Танатом и заставил его отдать ее назад.

О Геракле не существует никакой другой истории, которая так ясно рисовала бы натуру и характер Геракла, какими их видели греки: его простоту и ошеломляющую глупость, неспособность не выпить в доме, в котором лежит покойник, его быстрое раскаяние и стремление любой ценой исправить положение и полная убежденность, что и с Танатом он может бороться на равных. Вот портрет Геракла. Он был бы гораздо более точен, если бы в нем Эврипид изобразил также, как в припадке ярости Геракл убивает одного из слуг, вызвавших его раздражение своим мрачным видом, но поэт, у которого мы заимствовали этот рассказ, опускает все, что не связано напрямую со смертью Алкестиды и ее возвращением к жизни. Еще одна-две смерти (ведь они так естественны там, куда попадает Геракл) только бы смазали картину, которую он хотел нарисовать.

Еще служа рабом у Омфалы, Геракл поклялся сразу, как освободится, наказать Эврита, поскольку сам он был наказан Зевсом за убийство царского сына. Он собрал войско, захватил город Эврита Тиринф и убил царя. Но Эврит был отомщен, хотя и косвенно, поскольку эта победа стала причиной смерти Геракла.

Еще до полного разрушения города Геракл отправил домой (где Деянира, его преданная жена, с нетерпением ждала его возвращения от Омфалы) группу пленниц, одна из них, особенно красивая, была Иола, дочь Эврита. Посланец, доставивший их Деянире, поведал ей, что Геракл безумно влюблен в царевну. Эта новость не огорчила Деяниру настолько сильно, как того можно было ожидать. Она знала, что у нее есть сильное любовное зелье, которое она уже много лет хранила у себя как раз против такой беды – женщины, которая в ее доме будет предпочтена ей самой. Сразу после свадьбы, когда Геракл вез ее к себе домой, они достигли на пути реки, перевозчиком через которую был кентавр Несс. Он принял Деяниру на спину и на середине потока грубо оскорбил ее. Та взвизгнула, и Геракл застрелил кентавра, когда он выбирался на противоположный берег. Уже при смерти кентавр посоветовал Деянире собрать его кровь, чтобы когда-нибудь попробовать приворожить ею Геракла, если он полюбит какую-нибудь женщину больше ее. Услышав об Иоле, Деянира решила, что сейчас для этого пришло самое подходящее время, и, натерев снадобьем великолепное одеяние, послала его Гераклу с гонцом.

Как только герой надел его, он почувствовал ту же мучительную, всепроникающую боль, какую испытала соперница Медеи, на которой собирался жениться Ясон. Геракла охватила жгучая боль – ему казалось, что он сгорает в огне. В первом же приступе мучений он бросился на гонца, схватил его, совершенно ни в чем не повинного, и швырнул в море. Он мог бы поубивать и других, но сам он, похоже, умереть не мог. Охватившие его мучения сильно ослабили его. Яд, который мгновенно убил молоденькую царевну, ничего не мог поделаться с Гераклом. Он мучился, но продолжал жить; его спутники доставили его домой. Незадолго до этого Деянира, услышав, какую беду принес ее дар, покончила жизнь самоубийством. В конце концов Геракл, совершил то же самое. Раз уж смерть не приходит к нему, он сам пойдет к ней навстречу. Он приказал своим спутникам сложить огромный костер на горе Эта и перенести его туда. Когда шествие достигло Эты, он понял, что сможет, наконец, умереть, и был счастлив этому. «Это конец, – повторял он. – Это конец». Когда же его положили на костер, он возлежал на нем, как пирующий возлежит перед пиршественным столом на своем погребальном ложе. Разжечь костер он попросил своего юного друга Филоктета, после чего подарил ему свой лук и стрелы, принесшие столько славы юноше в боях под Троей. А потом взметнулось пламя, и на земле Геракла больше уже никто не видел.

Он был взят на небеса, где примирился с Герой, женился на ее дочери Гебе и где

После стольких трудов покой он обрел
И наслаждается вечным блаженством
Среди бессмертных богов.

Но представить его наслаждающимся вечным покоем и миром и позволяющим бессмертным вести такой же образ жизни крайне нелегко.

Глава 4 Аталанта

Полная история Аталанты рассказана только двумя поздними авторами: Овидием и Аполлодором, хотя оформилась она гораздо ранее. Один из вариантов этой поэмы приписываемый Гесиоду, но скорее всего получивший распространение гораздо позже, вероятно, к началу VII в. до н. э., содержит описание состязания в беге и роль золотых яблок, а в Илиаде описана охота на калидонского вепря. В своем изложении я следовала Аполлодору, творившему в I или II в. н. э. Рассказ же Овидия удовлетворителен только местами. В нем дается прелестный образ Аталанты на фоне портретов участников охоты мужчин, который я включила в свое повествование. Однако он нередко прибегает к преувеличениям, доходя порой до смешного, в противоположность этому, например, Аполлодор при описании вепря не столь живописен, но зато не впадает в нелепые крайности.

Согласно одной из версий, имя Аталанта носили не одна, а две мифологические героини. Их отцами, соответственно, могли считаться Иас и Схеней, но не следует забывать, что в очень древних сказаниях незначительные персонажи подчас выступают под разными именами. Если бы на свете существовали две Аталанты, то получалось бы, что обе хотели бы плыть на *Арго*, обе принимали бы участие в Калидонской охоте, обе вышли бы замуж за мужчин, победивших их в состязании по бегу, и обе в конце концов были бы превращены в львиц. Поскольку истории обеих Аталант почти полностью совпадают, проще предположить, что на свете существовала только одна Аталанта. Действительно, даже имея дело с мифами, совершенно невероятно считать, что одновременно жили две девушки, которые любили приключения подобно самым неустрашимым героям и были в состоянии побеждать мужчин, принадлежа к одному из двух героических родов, в стрельбе из лука, беге и борьбе.

Когда Аталанта появилась на свет, ее отец, каким бы именем он ни назывался, был жестоко разочарован тем, что у него родилась дочь, а не сын. Он решил, что ее и растить не стоит, и приказал оставить крошку в диких горах погибать от голода и холода. Однако, как это часто бывает в сказаниях, животные оказываются милосерднее, чем люди. О ней стала заботиться медведица, которая кормила ее и согревала, и ребенок вырос в подвижную и смелую маленькую девочку. Потом ее подобрал добрый охотник и взял к себе. В конце

концов во всех перипетиях их охотничьей жизни она стала им более чем ровней. Однажды, когда Аталанта бродила по лесу в одиночестве, ее заприметили два кентавра и стали преследовать. Они были куда сильнее и быстрее в беге, чем любой из смертных, так что убежать от них она не стала – это было бы глупо. Она остановилась, достала лук и выстрелила. За первой последовала и вторая стрела, и оба кентавра рухнули на землю смертельно раненными.

А потом пришли вести об охоте на калидонского вепря. Это было страшное чудовище, которое было наслано Артемидой на землю Калидона в наказание царю Ойнею, который забыл почтить ее, принося в жертву богам первые плоды на празднике сбора урожая. Чудовище опустошало страну, убивало скот, да и людей, пытавшихся вступить с ним в схватку. В конце концов Ойней призвал на помощь храбрейших мужей Греции, и на его призыв откликнулись молодые герои, многие из которых впоследствии примут участие в плавании на *Арго*. К ним, естественно, присоединилась и Аталанта, эта «гордость аркадских лесов». Вот как она выглядела, когда примкнула к мужскому сообществу: «На ее шее висел сверкающий круглый щит; волосы были причесаны просто и собраны сзади в пучок. На левом плече у нее висел колчан, а в руке она держала лук. Таков был ее внешний вид. Что же до ее лица, то оно было слишком девичьим, чтобы принять ее за юношу, и слишком юношеским, чтобы считать ее девушкой». Одному же из участников охоты она казалась милее и желаннее всех девушек, которых он когда-либо видел. Сын Ойнея Мелеагр влюбился в нее с первого взгляда. Но можно с уверенностью утверждать, что Аталанта относилась к нему лишь как к доброму товарищу, а вовсе не как к возможному возлюбленному. Мужчины ей вообще не нравились, если только они не были партнерами по охоте, и выходить замуж она не собиралась.

Кое-кто из героев был недоволен ее участием в охоте и считал ниже своего достоинства охотиться вместе с женщиной, но Мелеагр настаивал и недовольным пришлось согласиться. И хорошо, что уступили, поскольку, когда они окружили зверя, тот бросился на них так быстро, что убил двоих охотников прежде, чем остальные сумели прийти к ним на помощь, а третий – что было еще трагичней – был пронзен неудачно брошенным дротиком. В этой суматохе, когда умирали люди, а вокруг летали стрелы и дротики, Аталанта, сохраняя выдержку, нанесла вепрю тяжелую рану. Ее стрела поразила вепря первой. После этого на раненое чудовище устремился Мелеагр и нанес ему удар в сердце. Таким образом, убил зверя Мелеагр, но лавры победителя достались Аталанте, и Мелеагр настаивал на том, что шкуру вепря следует отдать ей.

Аталанта и золотые яблоки

Как ни удивительно, но это решение стало причиной его собственной смерти. Дело в том, что, когда ему исполнилось всего неделя от роду, к его матери Алфее явились Мойры и бросили в горевший в очаге огонь полено. Потом, как всегда, они принялись прясть и, крутя прялку и одновременно вращая колесо судьбы, запели:

Тебе, о дитя, принесли мы подарок:
Жить ты будешь, доколе
Это полено не превратится в золу.

Алфея тотчас же выхватила загоревшееся полено из огня, затушила и спрятала его к себе в сундук. Братья Алфеи были среди участников охоты на вепря. Они почувствовали себя оскорбленными и ужасно разозлились оттого, что шкура зверя отдана девушке. Можно

полагать, что такие же ощущения испытывали и другие охотники, но братья Алфеи приходились Мелеагру дядьями, и им не хотелось особенно с ним церемониться. Поэтому они заявили, что Аталанта шкуры не получит, а у Мелеагра не больше прав распоряжаться шкурой, чем у кого-либо другого, и Мелеагр убил обоих, застав их врасплох.

Весть об этом дошла до Алфеи. Итак, ее любимые братья были убиты ее сыном потому, что он стал последним дураком из-за какой-то вертихвостки, которой захотелось поохотиться вместе с мужчинами. Приступ ярости охватил ее. Она метнулась к сундуку за поленом и бросила его в огонь. Как только оно вспыхнуло, Мелеагр упал на землю в предсмертной агонии, а когда оно догорело, его душа отлетела от тела. Рассказывают, что Алфея, придя в ужас от того, что наделала, повесилась. Так Калидонская охота завершилась трагедией.

Для Аталанты же она стала лишь началом ее приключений. По одной версии, она отправилась с аргонавтами, по другой – Ясон все-таки убедил ее этого не делать. Она никогда не упоминается в рассказах об их подвигах, а ведь она была явно не из тех, кто стал бы держаться в тени, когда наступает время совершать подвиги. Поэтому весьма вероятно, что она с аргонавтами не поплыла. В следующий раз мы слышим о ней уже после того, как аргонавты вернулись из Колхиды, а Медея убила Пелия, дядю Ясона, предложив тому вернуть молодость. На погребальных играх в его честь Аталанта фигурирует среди их участников и одолевает в борьбе молодого героя Пелея, которому суждено стать отцом Ахилла.

Именно после этих игр она выясняет, кто были ее подлинные родители, и отправляется жить вместе с ними. Ее отец, видимо, примирился с тем, что у него появилась взрослая дочь, которая, пожалуй, ничем не уступила бы сыну. Кажется странным, но находились мужчины, желающие жениться на ней именно потому, что она была охотницей, умела стрелять и участвовала в соревнованиях по борьбе. Однако так оно и было, и у нее нашлось множество поклонников. Чтобы легко и безболезненно отделяться от них, Аталанта заявила, что выйдет замуж за того, кто победит ее в состязании и бегу, хорошо зная, что на земле нет такого мужчины. Для нее это было восхитительное времяпровождение. Всегда находились быстроногие юноши, готовые потягаться с нею силами, и всегда победительницей выходила она.

Но в конце концов на ее руку нашелся претендент, который превосходил своих соперников умом и сообразительностью. Он отдавал себе отчет, что бегаёт хуже ее, но у него был хитроумный план. Пользуясь благосклонностью Афродиты, всегда готовой наказать дерзостных молодых девушек, презирающих любовь, этот изобретательный юноша, которого звали или Меланион (Миланион), или Гиппомен, завладел тремя чудесными яблоками из чистого золота, прекрасными, как те, которые росли в саду Гесперид. Ни один увидевший их смертный не мог бы от них отказаться.

Когда Аталанта, ожидавшая сигнала к началу состязания и в сто раз более прекрасная без одежд, гневно озиралась вокруг, ее красоте дивились все, кто только мог ее видеть, но больше всех ей дивился тот, кто вызвал ее на это состязание. Тем не менее он сохранял ясность ума и крепко держал свои золотые яблоки. Они побежали, и Аталанта помчалась как стрела – волосы развевались над ее белыми плечами, от быстрого бега порозовело все ее прекрасное тело. Она уже обошла юношу, когда он бросил одно из золотых яблок прямо ей под ноги. Чтобы нагнуться и подобрать его, ей было нужно всего мгновение, но это мгновение позволило ему догнать Аталанту. Еще мгновение – и он бросил второе яблоко, но на этот раз чуточку в сторону. Чтобы достать его, ей пришлось свернуть вбок, и ему удалось ее обойти. Но она почти сразу же догнала его, и цель была уже близка. Но тут ее путь пересек третий золотой шарик, закатившийся далеко в траву. Она увидела его сияние через зелень травы и не смогла удержаться. Когда она подобрала и третье яблоко, Меланион, еле переводя дыхание, уже коснулся финишной отметки. Теперь Аталанта принадлежала ему. Тем дням, которые она в одиночестве проводила в лесу, и победам в состязаниях пришел конец.

По одной из версий, Меланион и Аталанта были превращены во льва и львицу, поскольку чем-то не угодили то ли Зевсу, то ли Афродите³⁴. Но еще до этого печального события Аталанта родила сына, который получил имя Парфенопей. Он был одним из семерых участников похода против Фив.

Часть IV Герои Троянской войны

Глава 1 Троянская война

События Троянской войны я, естественно, почти целиком излагаю по Гомеру. Однако Илиада начинается с того момента, когда на греческое войско, осаждающее Трою, Аполлон насылает моровую язву. Гомер ничего не рассказывает о жертвоприношении Ифигении и лишь кратко упоминает о суде Париса. Рассказ об Ифигении заимствован мною из трагедии Агамемнон, написанной поэтом-трагиком Эсхилом, жившим в V в. до н. э., а о суде Париса – из трагедии Троянки его младшего современника Эврипида. Некоторые подробности, например эпизод с Эноной, взяты мною из прозаика Аполлодора, писавшего в I или II в. н. э. Обычно Аполлодор пишет весьма сухо и неинтересно, но при описании событий, приведших к Троянской войне, он, видимо, был настолько вдохновлен соприкосновением со столь значительным объектом, что здесь он оказывается гораздо менее скучен, чем в остальных частях своей книги.

Более чем за тысячу лет до Рождества Христова в восточной части Средиземноморья существовал большой город, очень богатый и очень могучий. Второго такого на земле не было. Город назывался Троей, и до сих пор нет города, о котором в людской памяти сохранилось бы столько славных воспоминаний. Причиной этого послужила война, события которой описаны в одной из величайших среди известных миру поэм *Илиаде*, а причина войны восходит к спору между тремя ревнующими друг к другу богинями.

Пролог. Суд Париса

Злобная богиня раздора Эрида, естественно, не пользовалась на Олимпе особой популярностью, и, когда боги устраивали очередной пир, они были склонны ее вообще не приглашать. Глубоко этим задетая Эрида замыслила когда-нибудь зло подшутить над богами и действительно очень преуспела в своих замыслах. На свадьбе царя Пелея и морской нимфы Фетиды, на которую из всех богов и богинь не была приглашена только она одна, Эрида бросила в пиршественный зал золотое яблоко с надписью: *Прекраснейшей*. Конечно, получить его хотела каждая богиня, и в конце концов круг возможных претенденток на него сузился до трех: Геры, Афины и Афродиты. Рассудить их они попросили Зевса, но он весьма мудро отказался это сделать. Он посоветовал им отправиться на гору Ида, близ Трои, где молодой царевич Парис, известный также как Александр³⁵, пас овечьи стада, принадлежавшие его отцу, чего он тогда еще не знал. По словам Зевса, Парис был

великолепным ценителем и знатоком женской красоты. Парису, хотя он и был царским сыном, пришлось смотреть за овцами, поскольку его отец, царь Приам, узнал что этот царевич однажды станет причиной гибели его державы, и он отослал его прочь. Со времени свадьбы Пелея и Фетиды он жил вместе с нимфой Эноной.

Суд Париса

Можно вообразить его удивление, когда перед ними предстали три прекрасные богини. Париса, правда, не очень просили оценить их блистательную красоту и решить, кто из них – самая прекрасная; ему, в сущности, предложили оценить те дары, которые они ему предлагали, и решить, какой из них представляется ему наиболее ценным. Тем не менее выбрать было нелегко. Ведь ему было предложено все, что может представлять ценность для мужчины. Гера обещала сделать его владыкой Европы и Азии; Афина – что он возглавит троянцев в победоносной войне против греков, после которой вся Греция будет лежать в развалинах, а Афродита – что ему будет принадлежать прекраснейшая женщина в мире.

Парис, как человек слабый и, как показали некоторые последующие события, не отличающийся мужественностью, выбрал дар Афродиты и отдал золотое яблоко ей. Таким был суд Париса, решение которого и стало подлинной причиной Троянской войны.

Троянская война

Самой красивой женщиной в мире была Елена, дочь Зевса и Леды – сестра Кастора и Полидевка. Слава о ее красоте распространилась по всей земле, и в Греции не оставалось ни одного царского сына, которому не хотелось бы жениться на ней. Когда все сватающиеся к ней женихи собрались во дворце ее отца, чтобы формально просить ее руки, их оказалось так много и принадлежали они к таким могущественным родам, что царь Тиндарей, супруг ее матери, побоялся сразу выбирать кого-то определенного, опасаясь, что остальные немедленно объединятся против него. Поэтому по совету Одиссея он сначала взял со всех женихов клятву, что они будут защищать супруга Елены, кто бы он ни был, если ему в результате брака с Еленой будет причинено какое-либо зло. Конечно, каждый из женихов считал для себя выгодным дать такую клятву, так как каждый из них надеялся, что избранником станет именно он, так что все женихи охотно связали себя клятвой, пообещав выступить против любого, кто, например, похитил бы или пожелал похитить Елену. Тогда Тиндарей назвал имя Менелая, брата царя Микен Агамемнона, и передал ему свой царский престол в Спарте.

Так обстояли дела, когда Парис присудил золотое яблоко Афродите. Богине же любви и красоты было очень хорошо известно, где можно отыскать самую прекрасную женщину земли. Она отправила молодого пастуха, в голове которого не осталось и мысли об Эноне, прямо в Спарту, где Менелай и Елена приняли его как желанного гостя. Между ним и хозяином завязались узы крепкой дружбы. Каждый из них обязался в случае нужды оказывать помощь другому и, естественно, не причинять вреда. Но Парис нарушил эту священную клятву. Случилось так, что, уезжая ненадолго из Спарты по какому-то поводу на Крит и полностью доверяя Парису, Менелай оставил его во дворце с Еленой. И произошло то, чего, собственно, и следовало ожидать.

... Парис появился
Гостем в доме Атридов
И, закон преступивши, жену
У хозяина выкрал.

Гостем проникший к другу в жилище, коварно
Руку ту Парис оскорбил, что так щедро кормила его,
Тайно похитив супругу Атрида.

Вернувшись домой и обнаружив, что Елена исчезла, Менелай призвал на помощь себе царей Греции, и все те, кто был связан клятвой, откликнулись на его зов. Они были зачарованы грандиозными масштабами предприятия – ведь им предстояло пересечь море и превратить могучую Трою в развалины, золу и пепел. Однако среди обещавших свое участие в войне отсутствовали два первоклассных вождя. Среди них не было Одиссея, царя острова Итака, и Ахилла, сына Пелея и морской нимфы Фетиды. Одиссею, одному из самых хитроумных и проникательных людей Греции, не хотелось покидать дом и семью, чтобы пуститься в романтические приключения в далеких странах из-за бегства неверной жены от мужа. Поэтому он решил прикинуться сумасшедшим, когда за ним прибыл посланник от греческого войска. Царь пахал поле и засеивал борозды солью вместо семян. Но посланник тоже был неглупым человеком. Он бросился во дворец, вынес оттуда маленького сына Одиссея и положил его прямо на пути упряжки. Отец мгновенно отодвинул плуг в сторону,

доказав тем самым, что находится в здравом уме. Хоть и без особой охоты, но ему пришлось присоединиться к остальному войску.

Ахилла же прятала его мать. Она знала, что, если ее сын отправится под Трою, то вернуться назад ему уже будет не суждено. Она отослала Ахилла ко двору Ликомеда, царя, предательски убившего Тесея, нарядила сына в женское платье и спрятала его среди женского окружения царя. Одиссей же был послан вождями греческого войска найти Ахилла. Переодевшись купцом, Одиссей отправился во дворец Ликомеда, где, по его данным, был спрятан сын Фетиды, привезя с собой прелестные украшения, на которые так падки женщины, а также прекрасное оружие. В то время как женщины сбежались любоваться безделушками, Ахилл перебирал мечи и кинжалы. По интересу к оружию Одиссей и опознал Ахилла, а дальше уже не составляло труда забыть о материнских словах и отправиться в греческий лагерь.

Греки собрали огромный флот в тысячу с лишним кораблей. Корабли собрались в Авлиде, гавани, известной сильными ветрами и опасными приливами, из которой к тому же нельзя было выплыть, если начинал дуть северный фракийский ветер. А он день за днем все продолжал дуть -

Дул, разрывая сердца всего войска,
Не щадя ни судов, ни канатов.
Время еле тянулось,
Само себя удвояя.

Греческое войско пришло в отчаяние. Наконец прорицатель Калхант объявил весть, которую сообщили ему боги. Фракийский ветер наслала Артемида. Греками убита ее любимая лань вместе с детенышем, и единственный способ заставить ветер утихнуть и отплыть в Трою – это умилостивить Артемиду, принеся ей в жертву Ифигению, старшую дочь верховного вождя греческого войска царя Агамемнона. Это была весть, ужаснувшая всех и совершенно невыносимая для ее отца.

Коли я должен убить
Дщерь мою, мать семейства,
То руки отца обагрятся
Потоками темными крови,
Крови девы, погибшей пред алтарем.

Тем не менее Агамемнону пришлось уступить. Дело в том, что зашаталась его репутация в глазах войска, и ему, кроме всего прочего, очень хотелось покорить Трою и удивить Грецию.

И он все же решился
Отдать ради общей победы дитя.

Агамемнон послал за дочерью в Микены, написав жене, что он выдает Ифигению замуж за Ахилла, которого считали самым лучшим и самым великим из вождей греческого войска. Но когда Ифигения приехала на свадьбу, оказалось, что ее поведут к алтарю, но только в качестве жертвы.

И все ее моления, крики:

«О, отец мой! О, отец!» —
Вся прожитая юной девой жизнь —
Ничто не растопило жестокие сердца
Суровых воинов а Авлиде.

Ифигения умерла перед алтарем, северный ветер утих, и греческий флот поплыл в Троию по спокойному морю, но цена, которую уплатили за это греки, когда-нибудь навлечет на них большое зло.

Когда флот достиг устья Симоиса, одной из рек, текущих по Троянской равнине, первым на берег со своего корабля спрыгнул Протесилай. Это был очень смелый поступок, потому что, согласно предсказанию оракула, греческий воин, первым ступивший на землю Трояды, был должен первым погибнуть в схватке с троянцами. Поэтому когда Протесилай пал от троянского копья, греки воздали ему поистине божеские почести. Боги тоже отличили его. Они послали за ним в подземное царство Гермеса, чтобы Протесилай еще раз повидался с Лаодамией – своей погруженной в глубокое горе женой. Однако во второй раз она уже не отпустила его одного. Когда ему пришлось время возвращаться в подземный мир, она лишила себя жизни.

Тысяча кораблей перевезла огромное греческое войско под стены Трои. Очень сильным было греческое войско, но и Троя была могучей державой. У троянского царя Приама и его супруги Гекубы было множество отважных сыновей, способных и возглавлять атаки, и защищать стены. Но всех их превосходил Гектор, благороднее и храбрее на земле не было ни одного человека, кроме великого воина Ахилла, одного из греческих вождей. Каждый из них знал, что погибнет еще до падения Трои. Ахиллу об этом сообщила его мать:

– Очень коротка твоя жизнь. Так что сейчас освободи себя от тревог и забот. Тебе недолго терпеть их, сын мой, ты – кратковременный гость в жизни земной, тебя будут так оплакивать.

Гектору о его предстоящей гибели не сообщило ни одно божество, но он в ней был тоже уверен.

– Я знаю и сердцем и душой, – говорил он своей жене Андромахе, – что придет день, когда падет священная Троя; погибнут и Приам, и народ приамов.

Оба героя сражались под знаком своей неизбежной гибели. В течение девяти лет победить не удавалось ни той, ни другой стороне. Ни одна из сторон не могла даже добиться сколько-нибудь решительного преимущества. А на десятый год войны вспыхнула ссора между двумя греческими вождями: Ахиллом и Агамемноном, и на некоторое время судьба улыбнулась троянцам. И снова причиной раздора стала женщина. Это была Хрисеида, дочь жреца храма Аполлона, которую греки увели в плен и отдали Агамемнону. Ее отец отправился в греческий лагерь, предлагая выкуп за ее освобождение, но Агамемнон не соглашался ее отпустить. Тогда жрец обратился к могучему богу, которому служил, и Фоб-Аполлон внял его мольбе. Встав на свою солнечную колесницу, он начал пускать в греческий лагерь смертоносные стрелы, и греческие воины заболели и умирали в таких количествах, что погребальные костры горели непрерывно.

В конце концов, Агамемнон созвал собрание вождей. Ему пришлось объяснить им, что они не могут одновременно бороться и с троянцами, и с моровой язвой, и поэтому они должны или каким-то образом умиловать Аполлона, или отплыть домой. Тогда поднялся пророк Калхант и заявил, что знает, чем разгневан бог, но сообщить что-либо более подробно он опасается, если только его безопасность не гарантирует Ахилл. «Обещаю, – отозвался Ахилл, – даже ты обвинишь самого Агамемнона». Каждый из присутствующих превосходно понимал, что означает эта сцена; все знали, как верховный вождь обошелся со жрецом Аполлона. Когда Калхант объявил, что для того чтобы умиловать Аполлона, нужно вернуть Хрисеиду отцу, все вожди поддержали его, и Агамемнон, хотя и очень разгневанный, был вынужден уступить. «Но если я теряю свою пленницу, присужденную мне как часть военной добычи, – ответил он Ахиллу, – я должен получить вместо нее другую».

Вскоре после того, как Хрисеида была отдана отцу, Агамемнон послал двух своих герольдов в шатер Ахилла, чтобы они забрали у него его военную добычу – девушку по имени Брисеида. Герольды отправились к Ахиллу очень неохотно и, придя, встали перед

героем в молчании. Но Ахилл, догадываясь, в чем состоит их поручение, спокойно заметил им, что не они обижают его. Пусть забирают девушку, не опасаясь за себя, но только сперва пусть услышат, как он клянется перед богами и смертными, что Агамемнон дорого заплатит за свое злодеяние.

В эту ночь к Ахиллу пришла его мать, среброногая морская нимфа Фетида. Она была так же разгневана, как и ее сын. Фетида посоветовала ему больше не иметь с греками ничего общего, после чего отправилась на Олимп и попросила Зевса дать на поле боя победу троянцам. Зевс не спешил согласиться на ее просьбу. Война к этому моменту уже достигла своего апогея. Даже боги сами восстали друг против друга. Афродита, естественно, была на стороне Париса, а Гера и Афина – против него. Бог войны Арес всегда принимал сторону Афродиты. Посейдон, владыка морей, симпатизировал грекам, морскому народу, издревле великим мореходам. Аполлон заботился о Гекторе и ради него выступал за троянцев, как и его сестра Артемида. Зевс в целом симпатизировал троянцам, но ему хотелось оставаться нейтральным, поскольку, когда он противостоял Гере в открытую, та начинала вести себя по отношению к нему слишком агрессивно. Тем не менее сопротивляться мольбам Фетиды он не мог. В это время у него возникли некоторые трения с Герой, которая, как обычно, догадывалась, что у него на уме. В конце концов он был вынужден пригрозить ей, чтобы она прекратила устраивать ему сцены. Гере пришлось умолкнуть, но она не прекращала размышлять, как ей помочь грекам и обвести Зевса вокруг пальца.

План Зевса был очень прост. Зная, что без Ахилла греки уступают троянцам на поле брани, он послал Агамемнону ложный сон, в котором грекам была обещана победа, если они снова нападут на троянцев. Пока Ахилл оставался в своем шатре, между греками и троянцами разгорелась страшная битва, самая ужасная из всех, которые происходили до сих пор. С троянской стены за ее ходом наблюдали царь Приам и умудренные в делах войны старейшины. К ним пришла Елена, бывшая причиной всех этих мучений и смертей, но, когда старейшины хорошо рассмотрели ее, они не смогли высказать в ее сторону ни малейшего упрека.

– Мужчины должны драться за таких, как она, – шептали они друг другу. – Ее лицо схоже с лицами бессмертных.

Она осталась вместе с ними и стала называть им имена того или иного греческого героя. Но вдруг, к их изумлению, битва затихла. Войско греков и войско троянцев разошлись по обеим сторонам поля, а в свободном промежутке, образовавшемся между ними, как оказалось, лицом друг к другу стояли Менелай и Парис. Очевидно, было принято разумное решение определить исход битвы поединком двух самых заинтересованных в победе бойцов.

Парис первым поднял оружие, Менелай поймал его быстрое копьё на свой щит, а затем метнул свое. Оно прорвало тунику Париса, но не ранило его самого. Тогда Менелай выхватил меч, единственное оставшееся у него оружие, но у него сломалась рукоять. Неустрашимый, хотя и безоружный, Менелай метнулся к Парису и, схватив того за гребень шлема, свалил с ног. Он дотащил бы его до греческого лагеря, если бы в схватку не вмешалась Афродита. Она разорвала застежку на шлеме Париса, так что тот остался в руках у Менелая. Париса же, участие которого в поединке ограничилось тем, что он метнул в Менелая копьё, она закутала облаком и перенесла в Трою.

А разъяренный Менелай вихрем носился вдоль троянской шеренги, тщетно разыскивая своего противника. Среди троянских воинов не было ни одного, кто не оказывал бы Менелая помощь, ибо все они относились к Парису с ненавистью. Однако он бесследно исчез, и ни один троянец не знал, каким образом и куда. Агамемнон тотчас же обратился с речью к троянцам и грекам, объявив Менелая победителем и потребовав, чтобы троянцы выдали Елену. Это было справедливое требование, и троянцы согласились бы на него, если бы в дело по совету Геры не вмешалась Афина. Для себя Гера уже давно решила, что война не должна завершиться иначе, как гибелью Трои. Афина, слетев с Олимпа на поле битвы, внушила воину по имени Пандар мысль нарушить перемирие и пустить стрелу в Менелая. Пандар так и сделал; он, правда, только слегка ранил Менелая, но греки, разъяренные его

предательским поступком, тотчас же напали на троянцев, и битва разгорелась с новой силой. «Ужас насильственный, Страх и несытая бешенством Распря», эти неукротимые и кровожадные спутники бога войны Ареса, вызывали у воинов обеих сторон стремление проливать кровь, сеять вокруг себя смерть. Там и тут начали раздаваться торжествующие клики победителей и предсмертные хрипы их жертв. По земле заструились потоки крови.

После отказа Ахилла принимать участие в сражениях основную роль со стороны греков стали играть два их величайших вождя: Аякс и Диомед. В этот день они покрыли себя славой, и лицом в землю перед ними полегло немало троянцев. Великий воин Эней, самый смелый и самый могучий после Гектора, чуть было не пал от руки Диомеда. Происхождения он был никак не ниже царского, его матерью была сама Афродита. Когда Диомед ранил Энея в схватке, она тотчас же слетела на землю, чтобы спасти сына. Она обвила его своими нежными руками, но Диомед, зная, что богиня не отличается особой смелостью и вообще не из тех, кто, подобно Афине, умеет отлично сражаться, смело напал на Афродиту и ранил ее в руку. Вскрикнув, она тотчас же выпустила Энея и, стона от боли, умчалась на Олимп, где Зевс, улыбнувшись при виде своей обычно смеющейся, а теперь плачущей дочери, посоветовал ей впредь держаться подальше от битв и вообще не забывать, что ее дело – любовь, а не война. Но хотя мать и оставила Энея на поле боя, он не погиб. Аполлон окутал его облаком и перенес в стены священного Пергама, святилища Трои, где Артемида быстро исцелила его раны.

Диомед снова вступил в битву и, продолжая вносить опустошения в ряды троянцев, столкнулся лицом к лицу с Гектором. И тут же, к своему отчаянию, он заметил также и Ареса. Кровожадный бог войны сражался на стороне троянцев. Увидев Ареса, Диомед содрогнулся и громким кличем призвал греков отступать, но обратившись лицом к троянцам. Все это очень рассердило Геру. Она направила своих коней на Олимп и спросила Зевса, может ли она прогнать Ареса, это наказание рода человеческого, с поля боя. Зевс, который любил Ареса не больше, чем Гера, хотя тот был его сыном, охотно дал ей свое согласие. Гера поспешила на землю и, встав рядом с Диомедом, внушила ему мысль, ничего не страшась, поразить этого ужасного бога. И тотчас же радость вошла в сердце героя. Он бросился на Ареса и метнул в него копье. Афина же направила его точно в цель, и оно вошло в тело Ареса. От боли бог войны вскрикнул, как могут вскрикнуть десять тысяч воинов, и при этом ужасном звуке трепет охватил оба войска: и троянцев и греков.

Арес же, который, в сущности, был изрядным хвастуном и совсем не мог выносить боли, которую он причинил бесчисленному множеству мужчин, помчался на Олимп к Зевсу, горько жалуясь на неистовство Афины. Но Зевс лишь мрачно посмотрел на него и заметил, что он так же невыносим, как и его мать, и приказал перестать хныкать. После того как Арес покинул поле боя, троянцы были вынуждены отступать. В этот критический момент один из братьев Гектора, знающий, как распознавать волю богов, уговорил Гектора, как можно скорее поспешить в город и передать царице Гекубе просьбу пожертвовать Афине наилучшие одежды из всех, которыми она только располагала, умоляя ее пощадить Трою. Гектор оценил мудрость совета и заторопился во дворец, где его мать выполнила все, о чем он просил. Она взяла расшитое золотом одеяние, сверкавшее, как звезды³⁶, и, положив его на колени богини, стала просить ее: «О, Афина! Пощади город и троянских жен и невинных младенцев!» Но Афина-Паллада не вняла ее молитве.

Возвращаясь на поле боя, Гектор решил еще раз, быть может последний, взглянуть на свою жену Андромаху, которую нежно любил, и их сына Астианакса. Он нашел Андромаху на городской стене, куда она в страхе пришла посмотреть на битву, узнав, что троянцы вынуждены отступать. Ее сопровождала одна из прислужниц, кормилица, державшая на руках Астианакса. Гектор улыбался, молча глядя на них. Андромаха же взяла его руку в свои и заплакала.

Муж удивительный, губит тебя твоя храбрость! Ни сына
Ты не жалеешь, младенца, ни бедной матери; скоро

Буду вдовой я, несчастная! Скоро тебя аргивяне,
Вместе напавши, убьют! А тобою покинутой, Гектор,
Лучше мне в землю сойти: никакой мне не будет отрады,
Если, постигнутый роком, меня ты оставишь: удел мой —
Горести! Нет у меня ни отца, ни матери нежной!
Старца отца моего истребил Ахиллес быстроногий.
Гектор, ты все мне теперь – и отец и любезная мать,
Ты и брат мой единственный, ты и супруг мой прекрасный!
Сжался же ты надо мною и с нами останься на башне,
Сына не сделай ты сирым, супруги не сделай вдовою...

Гектор же пытался мягко объяснить Андромахе, почему он не в силах выполнить ее просьбу.

Все и меня то, супруга, не меньше тревожит; но страшный
Стыд мне пред каждым троянцем и длинноодежной троянкой,
Если, как робкий, останусь я здесь, удаляясь от боя.

Но не столько меня сокрушает грядущее горе
Трои, Приама родителя, матери дряхлой, Гекубы,
Горе тех братьев возлюбленных, юношей многих и храбрых,
Кои полягут во прах под руками врагов разъяренных,
Сколько твое, о супруга!

Перед тем как попрощаться с супругой, Гектор захотел обнять любимого сына. Но Астианакс, «яркого медью испуган и гребнем косматовласатым», отшатнулся от него и с плачем припал к груди кормилицы. Гектор улыбнулся и снял с головы сверкающий шлем, а потом, взявши младенца на руки, покачав и расцеловав его, взмолился богам.

Зевс и бессмертные боги! О, сотворите, да будет
Сей мой возлюбленный сын, как и я, знаменит среди граждан;
Так же и силою крепок, и в Трое да царствует мощно,
Пусть о нем некогда скажут, из боя идущего вида:
Он и отца превосходит.

Гектор переложил сына на руки жене, и она взяла с улыбкой, но по-прежнему плача. Гектору стало очень жаль ее, и он попытался ее утешить.

Добрая! Сердце себе не круши неумеренной скорбью,
Против судьбы человек меня не пошлет к Аидесу;
Но судьбы, как я мню, не избег ни один земнородный
Муж...

Вернувшись на поле боя, Гектор снова жаждал побед, и судьба в этот день благоприятствовала ему. Зевс припомнил данное им Фетиде обещание отомстить за обиду Ахилла. Повелев всем бессмертным оставаться на Олимпе, он спустился на землю помочь троянцам, и грекам пришлось тяжело. Их великий вождь и защитник Ахилл не вступал в битву. Он по-прежнему один сидел в шатре, размышляя о нанесенной ему обиде. Великий же вождь троянцев еще никогда не проявлял себя столь блистательным, столь храбрым. Гектор казался неодолимым. «Конеборец», как его называли троянцы, гнал свою колесницу через греческие шеренги так, как будто одни и те же порывы воодушевляли и возничего и коней.

Шлемоблещущего Гектора можно было видеть везде, и под ударами его бронзового меча греческие воины падали один за другим. К вечеру, когда битва закончилась, троянцы отогнали греков почти до линии их кораблей.

В эту ночь Троя ликовала, а в греческом лагере царило уныние и даже отчаяние. Агамемнон на совете вождей высказался за прекращение военных действий и отплытие в Грецию. Нестор же, старейший и самый мудрый из греческих вождей, превосходивший мудростью даже хитроумного Одиссея, смело выступил против Агамемнона и заявил, что если тот не вызвал бы гнева Ахилла, то греки не потерпели такого сокрушительного поражения. «Надо попробовать найти способ умилостивить Ахилла, чтобы не возвращаться домой обесславленными», – предложил он. Все присутствующие на совете вожди одобрили эту мысль, и Агамемнон был вынужден признать, что вел себя как глупец. Он вернет Брисеиду Ахиллу, предложив ему также множество богатых даров, обещал Агамемнон и тотчас же попросил Одиссея сообщить о своем предложении Ахиллу.

Одиссей и еще два сопровождавших его вождя нашли героя в его шатре вместе с Патроклом, который Ахиллу был дороже всех людей на земле. Ахилл вежливо приветствовал гостей и приказал угостить их, но, узнав, зачем они пришли, услышав про дары, которые он получит, если уступит, и просьбы пожалеть жестоко теснимых соотечественников, он решительно отказал послам. Его нельзя купить даже за все богатства египетских Фив, добавил Ахилл. Он отплывает домой и советует остальным последовать его примеру.

Но когда Одиссей, вернувшись назад, передал этот совет вождям, совет принят не был. На следующее утро греки пошли в бой с отчаянным мужеством людей, загнанных в угол. Троянцы снова потеснили их, и битва кипела уже на самом берегу, там, куда были вытаснены греческие корабли. Но очень скоро им будет помощь со стороны Геры, упорно не желавшей расставаться со своими планами. Гера обнаружила Зевса сидящим на горе Ида и спокойно вззирающим на успехи троянцев и постаралась оценить, насколько же она досадила ему при их последней встрече. Богиня понимала, что она может найти к нему подход только одним способом. Она должна выглядеть такой соблазнительной, чтобы он не мог противиться ее желаниям. Когда он примет ее в свои объятия, она наведет на него сладостный сон, и он позабудет о троянцах. Так Гера и поступила. Она отправилась в свои покои и разыскала там все средства, все снадобья, которыми пользуются женщины, чтобы сделать себя безмерно красивыми. Помимо того, она одолжила у Афродиты ее пояс, несущий в себе все ее волшебные чары, и предстала в таком виде перед Зевсом. Когда он увидел ее, любовь переполнила его сердце настолько, что все его обещания Фетиде были забыты.

Победа тотчас же стала склоняться на сторону греков. Аякс, едва не раненный Гектором, поверг своего противника наземь, метнув в него огромный камень. Но Энею удалось помочь Гектору и вынести его с поля боя. После этого греки сумели отогнать троянцев далеко от своих кораблей и смогли бы взять Трою в этот же день, если бы к этому времени не проснулся Зевс. Очнувшись ото сна, он увидел бегущих в панике троянцев и поверженного Гектора. Все стало ему ясным, и он бросил свирепый взгляд на Геру. «Козни твои, о злоторная, вечно коварная Гера, Гектора мощного с боя свели и троян устрашили!» – бросил он. В гневе Зевс даже пообещал «избичевать [ее] ударами молний». Гера знала, что если бы дело действительно дошло бы до этого, то она оказалась бы совершенно беспомощна. Поэтому она сразу стала отрицать, что имеет какое-то отношение к поражению троянцев. Все это – дело рук не ее, а Посейдона, говорила она. Владыка морей Посейдон действительно помогал грекам, но делал это только по ее просьбе. Тем не менее Зевс был рад услышать про это извиняющее обстоятельство, позволяющее ему не выполнять свои угрозы. Он отправил Геру на Олимп и повелел Ириде, богине радуги и вестнице богов, передать Посейдону, что он должен немедленно покинуть поле боя. Тот с видимой неохотой подчинился, и победа снова стала склоняться на сторону троянцев.

Аполлон исцелил раненого Гектора и вселил в него новую, огромную силу. Оказавшись перед лицом и бога и героя, греки напоминали стадо перепуганных овец,

гонимых горным львом. Расстроенное греческое войско устремилось к кораблям, и стена, которую построили греки, рассыпалась, как рассыпается песчаная стенка, сделанная детьми на морском берегу. Троянцы подступили к кораблям настолько близко, что были в состоянии их поджечь. Греки же, понимая безнадежность своего положения, думали только об одном – как погибнуть достойно.

Патрокл, любимый друг Ахилла, с ужасом следил за происходящим. При всей его лояльности к Ахиллу он не мог больше оставаться вдалеке от битвы.

– Ты, конечно, можешь лелеять свой гнев, когда гибнут твои соотечественники! – воскликнул он, обращаясь к Ахиллу. – Я же не могу. Дай мне свои доспехи. Если троянцы посчитают, что я – это ты, они могут остановиться, а усталые греки – перевести дыхание. И ты и я сохранили силы. Вдвоем мы смогли бы отогнать троянцев. Но если ты хочешь сидеть в шатре и нянчить свои обиды, то хоть дай мне доспехи.

Пока он говорил, загорелся один из греческих кораблей.

– Да, таким способом они отрежут нашему войску путь к отступлению, – медленно проговорил Ахилл. – Хорошо. Бери доспехи, бери моих мирмидонян³⁷ и спеши защищать корабли. Я же идти в бой не могу. Я обесчещен. Сражаться я буду только за собственные корабли, если огонь доберется до них. Сражаться же за людей, которые опозорили меня, я не буду.

Патрокл надел великолепные доспехи, которые знали и которых так страшились троянцы, и повел на битву мирмидонян войско Ахилла. Увидев новый крупный отряд воинов, троянцы заколебались; они решили, что их возглавляет сам Ахилл. И действительно, Патрокл сражался так же храбро, как храбро мог бы биться его великий друг. Но в конце концов Патроклу пришлось лицом лицу встретиться с Гектором, и с этого момента он был обречен, как обречен вепрь, повстречавшийся с тигром. Гектор нанес Патроклу своим копьем смертельный удар, и его душа, распрощавшись с бранным телом, улетела в Аид. Гектор сорвал с него доспехи и, отбросив собственные в сторону, надел их. Ни мощь Ахилла и ни один воин греческого войска не могли в этот момент противостоять ему.

Перерыв битве положило наступление вечера. В это время Ахилл сидел перед своим шатром, дожидаясь возвращения друга. Но вместо Патрокла он неожиданно для себя увидел спешащего к нему быстроногого Антилоха, сына Нестора. «Плохие новости! – выкрикнул тот. – Патрокл убит, и Гектор сорвал с него доспехи». Сердце Ахилла охватила такая сильная боль, что окружающие испугались за его жизнь. Далеко в море, в одном из гротов, его мать тотчас же почувствовала эту боль и поднялась из морских пучин, чтобы утешить сына. На ее расспросы Ахилл отвечал:

...сердце мое не велит мне
Жить и в обществе жить человеческом, ежели Гектор,
Первый, моим копием пораженный, души не извергнет
И за грабеж над Патроплом любезнейшим мне не заплатит!

После этих слов Фетида с плачем напомнила сыну, что он сам обречен смерти и погибнет вскоре после гибели Гектора.

Но Ахилл уже принял решение: Гектор должен быть убит.

О да, умру я теперь же, когда не дано мне и друга
Спасти от убийцы!

Я выхожу, да – главы мне любезной губителя встречу,
Гектора.

Смерть же принять готов я, когда ни рассудит:
Здесь мне назначит ее всемогущий Кронион³⁸ и боги!

Фетида не пыталась удержать сына. «Только подожди до утра, – попросила она, – и ты не пойдешь в битву безоружным. Я принесу тебе вооружение, выкованное оружейником-богом, самим Гефестом».

Утром Фетида принесла Ахиллу великолепнейшее вооружение, вполне достойное того, кто его выковал. Такого еще не было ни у одного воина на земле. С трепетным восторгом рассматривали его мирмидоняне, и пламя радостной ярости загорелось в глазах Ахилла, когда он надел свой новый панцирь. Затем он вышел из шатра, в котором провел столь долгое время, и отправился на встречу с греческими вождями, выглядевшими не слишком веселыми: тяжело раненным Диомедом, Одиссеем, Агамемноном и некоторыми другими. Испытывая перед ними стыд, он объявил, что теперь видит, что совершил чрезвычайную глупость, – из-за потери самой обычной девчонки забыл обо всем остальном. Но это прошло: он снова готов идти на битву впереди других. Пусть немедленно готовятся к сражению. Вожди встретили его слова радостными криками. За всех ответил Одиссей, сказавший, что сперва войско должно подкрепить свои силы пищей и вином, поскольку постыющиеся – плохие воины. «Наши соплеменники лежат в поле непогребенными, – с легким презрением ответил ему Ахилл. – А пока мой любезнейший друг не будет отомщен, ни один кусок, ни глоток вина не полезут мне в глотку».

После того как прочие утолили свой голод и жажду, Ахилл повел греческое войско в наступление. Как это предвидели бессмертные боги, в этой битве должна была произойти последняя схватка двух великих вождей. И они знали, чем она завершится. Отец Зевс взял в руки свои золотые весы и положил на одну чашу смертный жребий Гектора, а на другую – Ахилла. Чаша со жребием Гектора пошла вниз. Это означало, что погибнуть должен он.

Тем не менее победа в битве долго не доставалась ни троянцам, ни грекам. Троянцы под водительством Гектора сражались так, как сражаются храбрецы под стенами родного города. Даже самая большая река Трояды, которую боги называют Ксанфом, а смертные – Скамандром, приняла участие в битве, угрожая утопить Ахилла, когда он вступил в ее воды. Но это было напрасной попыткой, потому что ничто не могло остановить Ахилла, всех истребляющего на своем пути в стремлении встретиться с Гектором. Теперь даже сами боги приняли участие в сражении, причем не менее горячее, чем смертные. Зевс же, сидящий на Олимпе, с удовольствием хохотал, видя, как Афина повергает наземь Ареса, Гера снимает с плеча Афины ее лук и то и дело хлопает себя по ушам тетивой, а Посейдон язвительными насмешками пытается вызвать на поединок Аполлона. Солнечный бог не принял вызова. Он знал, что сражаться на стороне Гектора теперь не имеет смысла.

И тут огромные Скейские ворота Трои широко распахнулись, поскольку троянцы наконец бросились в бегство и теснились перед стенами, стремясь поскорее укрыться под их защитой. Только один Гектор стоял у стены недвижно. Напрасно старый Приам, отец его, и мать Гекуба зывали к нему со стены, требуя, чтобы он тоже скрылся под защитой стен и тем спас себя. Гектор не хотел прятаться.

Мрачно вздохнув, наконец, говорил он душе возвышенной:
«Стыд мне, когда я, как робкий, в ворота стены и укроюсь!»

...Троянский народ погубил я своим безрассудством
О! Стыжуся троян и троянок длинноодежных!
Гражданин самый последний может сказать в Илионе³⁹:

«Гектор народ погубил, на свою понадеявшись силу!»
Так илионяне скажут. Стократ благороднее будет
Противостать и, Пелеева сына сына убив, возвратиться

Или в сражении с ним перед Троею славно погибнуть!
Но... и почто же? Если оставлю свой щит светлобляшный,
Шлем тяжелый сложу я и, копьё прислонивши к твердыне,
Сам я пойду и предстану Пелееву славному сыну?
Если ему обещаю Елену и вместе богатства
Все совершенно, какие Парис в кораблях глубодонных
С нею привез в Илион, – роковое раздора начало! —
Выдать Атридам и вместе притом разделить аргивянам
Все остальные богатства, какие лишь Троя вмещает?

...Нет, к Ахиллесу
Я не пойду как молитесь! Не сжалится он надо мною,
Он не уважит меня; нападет и меня без оружий
Нагло убьет он, как женщину, если доспех я оставлю.

Нам же к сражению лучше сойтись! И немедля увидим,
Славу кому между нас даровать олимпиец рассудит!»

И тут перед Гектором предстал Ахилл в своих новых медных доспехах, сияя ими. С ним незримо для других стояла Афина, а Гектор был один – ведь Аполлон предоставил его собственной судьбе. Когда Ахилл приблизился, Гектора охватил страх, и он пустился бежать. Три раза преследуемый и преследователь со всех ног обежали вокруг Трои. И тут к Гектору, когда он остановился, подошла Афина. Она предстала перед ним в облике его брата Деифоба, и с этим, как он полагал, помощником Гектор и встретился лицом к лицу с Ахиллом. Перед схваткой Гектор сделал Ахиллу следующее предложение:

– Если я убью тебя, я выдам твоё тело твоим друзьям, а ты совершишь то же самое для меня.

Ахилл же отвечал:

– Безумец, как не может быть договора между агнцами и волками, так его не может быть между тобой и мной.

С этими словами он метнул в Гектора копьё. Он промахнулся, но Афина тотчас же вернула копьё ему. Копьё же Гектора попало в цель – оно ударило прямо в середину Ахиллова щита. Но что толку! Ведь вооружение Ахилла было изготовлено Гефестом и пробить его было невозможно. Гектор быстро повернулся к Деифобу, но тот исчез. Гектор понял, в чём дело, – его обманула Афина, и спасения ему не было. «Горе! К смерти меня всемогущие боги призвали! – подумал он. – Но я не умру без борьбы. Я погибну, совершая великий подвиг, о котором ещё долго будут рассказывать потомки». Он вытащил свой меч, единственное оставшееся у него оружие, и устремился на противника. Но в руках у Ахилла было копьё, то, которое вернула ему Афина. Прежде чем Гектор мог подойти к нему достаточно близко, чтобы воспользоваться мечом, Ахилл, хорошо знавший, как устроен панцирь, снятый Гектором с Патрокла, нацелился в отверстие панциря, расположенное против гортани троянского героя. Удар был рассчитан верно. Гектор грянулся оземь. Он умирал. Испуская дух, он умоляюще прошептал: «Отдай мое тело матери и отцу...» Но суров и жесток был ответ Ахилла:

Тщетно ты, пес, обнимаешь мне ноги и молишь родными!
Сам я, коль слушал бы гнева, тебя растерзал бы на части,
Тело сырое твоё пожирал бы я, – то ты мне сделал!

И душа Гектора вылетела из его могучего тела и отправилась в Аид, оплакивая судьбу, силу и молодость павшего героя.

Ахилл вырвал из шеи Гектора окровавленное копье, этот «убийственный яшень». Примчавшиеся к месту поединка греки дивились Гектору и, «изумляясь, смотрели на его рост и образ чудесный». Но в голове у Ахилла были совсем иные мысли. Он проколол сухожилия на ногах Гектора и пропустил через них ремни, которые привязал к своей колеснице. Голова троянского героя лежала во прахе. Потом он хлестнул своих коней и несколько раз объехал вокруг Трои, волоча за собой труп несчастного Гектора, прославленного троянского героя.

Наконец, когда разгневанная душа Ахилла насытилась первым мщением, он предстал перед телом Патрокла и произнес:

Радуйся, храбрый Патрокл! И в Аидовом радуйся доме!
Все для тебя совершаю я, что совершить обрекался:
Гектор сюда привлечен и повергнется псам на терзанье...

А на Олимпе шли жаркие споры по поводу поступка Ахилла, хотя, в общем, «жалость объяла бессмертных», взиравших на глумление над телом Гектора. Оно вызвало неодобрение всех бессмертных за исключением Геры, Афины и Посейдона. Особенно сильное недовольство высказывал сам Зевс. Он послал к Приаму Ириду; Приам должен был, не страшась Ахилла, отправиться к нему в греческий лагерь и предложить богатый выкуп за тело Гектора. Ирида должна была передать царю, что

Рук на него не поднимет Пелид, ни других не допустит:
Он не безумен, ни нагл, ни обыкший к грехам нечестивец;
Он завсегда милосердно молящего милует мужа.

После посещения Приама Иридой его сыновья «вывезли муловый воз легкокатый, новый, красивый; и короб глубокий на нем привязали». В короб же Приам поместил сокровище, самое ценное, что было в Трое, и отправился через всю троянскую равнину в греческий лагерь. Его встретил Гермес, принявший облик юноши грека и предложивший проводить старца к шатру Ахилла. В его сопровождении царь миновал греческую охрану и прибыл к человеку, убившему его сына да еще глумившемуся над его телом. Приам преклонил перед Ахиллом колени и поцеловал ему руки; Ахилл же ощутил перед «боговидным старцем» благоговейный трепет, как, впрочем, и другие присутствующие в шатре воины.

Старец же речи такие вещал, умоляя героя:

...Храбрый! Почти ты богов! Над моим злополучием сжался,
Вспомнив Пелея отца: несравненно я жалче Пелея!
Я испытую, чего на земле не испытывал смертный:
Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!

Когда Ахилл слушал Приама, гнев в его сердце стал постепенно стихать. Он мягко поднял распростертого перед ним старца. «Сядь рядом со мной, – произнес он, – скроем в сердца и заставим безмолвствовать горести наши». После этого он приказал слугам омыть и умастить благовониями тело Гектора и накрыть его тонким покрывалом, так, чтобы Приам не увидел изуродованное тело сына и не впал бы снова в отчаяние. Ахилл опасался, что, если причитания Приама начнут вызывать у него раздражение, он может потерять контроль над собой. «Сколько дней продлятся похороны Гектора? – поинтересовался он. – На столько же дней я сумею удерживать греков от битвы». Затем Приам отвез тело сына в Трою; Гектора оплакивали в городе, как еще не оплакивали никого. Плакала даже Елена. «Прочие троянцы укоряли и даже бранили меня, – говорила она сквозь слезы, – а от тебя я не слыхала ни одного обидного слова. Ты радовал меня кротостью своей, утешал ласковыми словами. Ты

один был моим другом!»

Траур по Гектору длился девять дней. После этого его тело возложили на гигантский погребальный костер, и он запылал. Когда от тела Гектора остался только пепел, костер залили вином и, собрав прах героя в мягкий пурпур, положили его в золотой ковчег. Ковчег же был зарыт в глубокой могиле, поверх которой были навалены гигантские камни и насыпан холм.

Так погребали они конеборного Гектора тело.

И на этом Илиада заканчивается.

Глава 2 Падение Трои

Основная часть событий, связанных с падением Трои, излагается по Вергилию. Гибель Трои – это главное содержание второй книги Энеиды; это – одно из лучших, если не самое лучшее из сочинений Вергилия, отличающееся выразительностью, яркостью, живостью. Но начало и конец моего рассказа о Трое взяты не у Овидия. Рассказ о Филоктете и о смерти Аякса заимствованы мною у поэта-трагика Софокла, жившего в V в. до н. э. Самый конец рассказа, а именно описание печальных событий, случившихся с троянскими женоцнами после падения Трои, взят из трагедии Троянки, принадлежащей перу Еврипида, младшего современника Софокла. Ее дух удивительным образом контрастирует с воинственным настроением Энеиды. Дело в том, что для Вергилия, как и для всех римских поэтов, война являлась самым благородным, самым достойным видом человеческой деятельности. Но за четыреста лет до Вергилия греческий поэт смотрел на нее совсем иными глазами. Действительно, каков конец этой столь знаменитой войны? Таким видится нам вопрос Еврипида. И вот ответ: разрушенный город, убитый ребенок, кучка несчастных женоцнин.

Ахилл знал, что, как предрекала ему его мать, вскоре после гибели Гектора настанет и его черед. Но прежде чем навечно покинуть поле брани, Ахилл совершил еще один великий подвиг. На помощь Трое из Эфиопии с большим войском прибыл царевич Мемнон, сын богини Эос, и на некоторое время, хотя Гектор и погиб, грекам пришлось перейти к обороне, и они потеряли много храбрых воинов, в том числе быстроногого Антилоха, сына Нестора. В конце концов Ахилл убивает Мемнона в жестокой схватке. Это был последний поединок греческого героя. После этого он погиб против Скейских ворот. Он гнал троянцев до городской стены, когда Парис выпустил в него стрелу, а Аполлон направил ее так, что она попала в единственное уязвимое место на теле Ахилла – в его пятку. Вскоре после его рождения мать Ахилла, Фетида, намереваясь сделать его неуязвимым, стала купать его в водах реки Стикс. Но при этом совершенно упустила из виду, что вода не покрывает ту часть

ножки ребенка, за которую она его придерживала. Ахилл умер на поле боя, и Аякс вынес его тело из сутолоки битвы в то время, как Одиссей отражал яростные нападения троянцев. Утверждают, что после того, как тело Ахилла было сожжено на погребальном костре, его кости были положены в одну урну с прахом его друга Патрокла.

Доспехи Ахилла, те самые замечательные доспехи, которые Фетида принесла ему от Гефеста, стали причиной смерти Аякса. На собрании греческого войска было решено, что чести унаследовать их более других достойны Аякс и Одиссей. Последовало тайное голосование, и оружие получил Одиссей. В те дни такое решение имело очень большую значимость. Оно означало не только, что победителю оказана большая честь; оно означало и что проигравшего можно считать обесчещенным. Аякс счел себя опозоренным и в припадке ярости решил убить Агамемнона и Менелая. Он предполагал, и не без оснований, что они подстроили результаты голосования. Когда настала ночь, он направился к их палаткам, но здесь Афина поразила его безумием. Он принял стада овец и коз за греческое войско и набросился на несчастных животных с мечом, считая, что убивает то одного, то другого вождя. Наконец он притащил к себе в палатку огромного барана, который представлялся его воспаленному воображению Одиссеем, привязал его к центральному столбу и начал бичевать. А потом, когда припадок безумия прошел и разум снова вернулся к Аяксу, он понял, что тот позор, которым он оказался покрыт в споре за оружие, – ничто по сравнению с тем, который он навлек на себя своим собственным поступком. Его беспочвенная ярость, его глупость, его безумие станут очевидны каждому. Туши перебитых им животных были раскиданы по всему полю. «Бедная скотина, – пробормотал он. – Они же все без всякого смысла зарезаны мною! И вот я теперь один, ненавистный и смертным и богам. В таком положении только трус будет цепляться за жизнь. Человек же, который не в состоянии достойно жить, должен достойно умереть». Он вытащил меч и бросился на него. Греки не стали предавать его тело огню; они зарыли его в земле, считая, что самоубийца не может быть почтен погребальным костром и захоронением его праха в урне.

Смерть Аякса последовала вскоре после гибели Ахилла. Победа же над троянцами казалась столь же далекой. Греческий пророк сообщил, что у него нет никаких божественных откровений для греков, но у троянцев есть прорицатель, видящий будущее, и его зовут Гелен. Захватив Гелена в плен, греки смогут узнать от него, что их ожидает впереди. Одиссею удалось поймать Гелена, и тот рассказал грекам, что им не удастся взять Троию до тех пор, пока против троянцев не выступит воин, вооруженный луком и стрелами Геракла. Геракл, умирая, вручил их своему другу царевичу Филоктету, зажегшему его погребальный костер и позднее присоединившемуся к греческому войску, направлявшемуся под Трою. По пути греки остановились на некоем острове, чтобы совершить жертвоприношение. На острове Филоктета укусила змея, и рана от укуса оказалась очень мучительной. Исцелить ее было невозможно; нельзя было и везти разболевшегося Филоктета под Трою, а войско ждать не могло. Наконец, греки оставили его на Лемносе, тогда уже необитаемом, хотя незадолго до этого герои похода за золотым руном застали там множество женщин.

Оставлять на необитаемом острове беспомощного страдальца, конечно, было жестоко, но греки торопились под Трою, а с помощью своего лука и стрел он по меньшей мере никогда бы не оказался без пропитания. Греки хорошо понимали, какого труда им будет стоить убедить Филоктета, которого они так страшно обидели, отдать им драгоценное оружие. Поэтому они послали к Филоктету хитроумного Одиссея, чтобы тот обманом завладел луком и стрелами. По одним слухам, с ним отправился Диомед, а по другим – сын Ахилла Неоптолем, известный также под именем Пирра. Им удалось получить лук и стрелы хитростью, но, когда речь зашла о том, чтобы снова оставить беднягу в одиночестве, они не смогли этого сделать. Наконец они убедили Филоктета отправиться с ними. В греческом же лагере под Троей один мудрый врач излечил его, и когда он впервые после стольких долгих лет вступил в бой, то первым троянцем, которого он ранил своей стрелой, был Парис. Получив ранение, Парис просил отнести его к Эноне, нимфе, с которой он жил вместе на

горе Ида еще до того, как на его суд явились три богини. Когда-то она сообщила Парису, что знает чудодейственное средство, которое может исцелить любую болезнь. Его отнесли к Эноне, и он умолял ее спасти ему жизнь, но та отказалась. Действительно, Парис покинул ее и позабыл надолго – и об этом она забыть не могла. Энона молча смотрела, как он умирает, а потом быстро ушла и покончила жизнь самоубийством.

Но из-за гибели Париса Троя не пала. Он был для города не такой уж большой потерей. А в это время греки выяснили, что в Трое находится самое священное, самое почитаемое изображение Афины Паллады, именуемое Палладий, и, пока троянцы удерживают его у себя, город взять не удастся.

Два самых могучих греческих вождя, еще оставшихся в живых, Одиссей и Диомед, решили попытаться выкрасть его. Из святилища его похитил Диомед. Темной ночью он с помощью Одиссея перебрался через стену, нашел Палладий и затем отнес его в греческий лагерь. Сильно приободренные, греки решили больше не ждать, а придумать какой-нибудь способ положить конец бесконечной войне.

Теперь они четко понимали, что, если они так или иначе не проникнут в город и не застигнут троянцев врасплох, они никогда не покорят Трою. С начала осады Трои прошло почти десять лет, а Троя оставалась такой же мощной крепостью. Ее стены не были даже повреждены. Город никогда не подвергался реальным атакам. Сражения, как правило, происходили на значительном расстоянии от них. Греки должны были или разработать какой-то хитроумный план, который позволил бы им попасть в город, или признать свое поражение. Результатом новой оценки нового видения событий греками и стала их военная хитрость: изобретение деревянного коня. Как легко догадаться, это было творение изощренного ума Одиссея.

Одиссей приказал опытному плотнику изготовить гигантского деревянного коня, положо внутри и способного вместить значительное количество воинов. Потом он убедил – и не без труда – некоторых вождей спрятаться внутри деревянной фигуры. Сам он, разумеется, тоже забрался внутрь. Все они были охвачены страхом, за исключением Ахиллова сына Неоптолема. Действительно, всем им грозила немалая опасность. План Одиссея состоял в том, что все греческое войско должно снять лагерь, сесть на корабли и как будто бы отплыть в открытое море, а на самом деле – спрятаться за ближайшим островом, где троянцы не могли их разглядеть. Что бы ни случилось, греческому войску никакая беда не грозила; если бы план почему-либо сорвался, оно могло бы спокойно отплыть в Грецию. Но в этом случае воины, спрятавшиеся в деревянном коне, были заведомо обречены на смерть.

Легко понять, что Одиссей учитывал и такую возможность. Согласно его плану, в покинутом лагере оставался один-единственный грек. Одиссей сочинил для него вымышленную историю, чтобы побудить троянцев ввезти деревянного коня в город, даже не поинтересовавшись, что находится у него внутри. А потом, в самые темные часы ночи, греческие воины должны выйти из своей деревянной тюрьмы и открыть городские ворота для греческого войска, которое к этому времени должно вернуться назад и ждать перед стенами.

И вот пришла ночь, в которую план Одиссея начал осуществляться. Забрезжил рассвет последнего дня Трои. Часовые, стоящие на стенах города, с изумлением увидели две удивительные вещи – одна удивительнее другой. Во-первых, перед Скейскими воротами стояла чудовищных размеров фигура коня. Таких диковинок еще никто никогда, пожалуй, не видел. Картина выглядела очень странной, даже до некоторой степени пугающей, хотя сам конь не шевелился, не издавал никаких звуков. Во-вторых, сам греческий лагерь словно вымер; никаких следов вчерашнего оживления в нем видно не было. Корабли тоже исчезли. Можно было сделать только один вывод: греки признали свое поражение и уплыли. Вся Троя ликовала. Долгая война завершилась, и все страдания остались позади.

Деревянный конь

Троянцы выслали в оставленный греками лагерь любопытствовать. Вот на этом месте сживал охваченный гневом Ахилл; здесь стоял шатер Агамемнона; здесь располагался хитрейший из хитрейших Одиссей. Троянцы с восторгом обзревали все эти известные им и теперь опустевшие уголки лагеря – бояться им теперь было нечего. В конце концов они собрались перед воротами, где стоял гигантский деревянный конь, и столпились вокруг него, не зная, что с ним делать. В этот момент к ним и подошел тот грек, который был оставлен в лагере. Его звали Синон, и он оказался очень красноречивым рассказчиком. Его схватили и повели к Приаму. Он же плакал и бормотал, что теперь он уже совсем не хочет быть греком. История, которую он рассказал, была одним из шедевров Одиссея. По его словам, Афина Паллада была чрезвычайно разгневана похищением Палладия, и греки, страшась ее гнева, послали гонцов к оракулу, чтобы узнать, как они могут умилостивить ее. Оракул же ответил: «Когда вы отплывали в Трою, то успокоили противный ветер кровью и жизнью девы. Кровью же должно быть оплачено ваше возвращение. Искупите свою вину кровью грека». В качестве же несчастной жертвы, рассказал Синон Приаму, был выбран он сам.

Уже все было подготовлено для ужасного ритуала, который должен был свершиться

перед самым отплытием греков, но ночью ему удалось ускользнуть, и, спрятавшись в болоте, он следил за отплывающими кораблями.

Это была замечательная, впечатляющая история, и троянцы не задавали Синону никаких вопросов. Они жалели Синона и заверили его, что отныне он будет жить, как один из них, как равноправный гражданин. Вот как случилось, что благодаря фальшивым уловкам и показным слезам были побеждены те, кого не могли одолеть ни великий Диомед, ни свирепый Ахилл, ни десять лет войны, ни тысяча кораблей. Синон не позабыл и вторую часть своей истории. Деревянный конь, объяснил он, построен греками по обету как приношение Афине, а таким громадным он сделан для того, чтобы троянцы не могли завезти его в город. Греки же надеются, что троянцы уничтожат коня и тем навлекут на себя гнев Афины. Если же его перевезти в город, то это, наоборот, привлечет ее милости к троянцам и отвратит их от греков. История была настолько хорошо придумана, что и сама по себе могла произвести желаемый эффект. Но Посейдон, наиболее ожесточенный против троянцев бог, изобрел к ней еще и дополнение, которое делало ее успех полным. Когда конь был обнаружен, троянский жрец Лаокоон сразу начал настаивать на том, что его следует уничтожить. «Боюсь данайцев и дары приносящих», – заявил он. Дочь Приама Кассандра эхом повторила его предупреждение, но никто из троянцев не внял ее словам, и она возвратилась во дворец еще до появления Синона. Лаокоон и двое его сыновей с подозрением выслушали рассказанную им историю, но усомнились в ней только они. Когда Синон закончил свой рассказ, в море появились две огромные страшные змеи. Они плыли прямо к берегу. Достигнув его, змеи устремились к Лаокоону. Обвившись гигантскими кольцами вокруг него и его сыновей, они задушили несчастных, а потом исчезли под храмом Афины.

Дальше медлить с конем не имело смысла. В глазах потрясенных троянцев Лаокоон был наказан за то, что пытался не допустить перевозку коня в город, чего теперь уже никто наверняка не осмелился бы сделать.

...Восклицал народ,
Глядя с крепости троянской:
«Эй, в страданиях изнемогший!
Эй, народ! Кумир божественный
К Деве Зевсовой веди!»
Кто, будь старец иль юница,
За порог не выбегал!
Так при песнях ликования
Принят был коварный дар.

Троянцы протащили коня через ворота и подняли его наверх к храму Афины. А потом, радуясь своему везению, считая, что война закончилась и Афина теперь будет к ним расположена, они разошлись по домам, как будто у них за спиной не было десяти лет кровопролития.

Посреди ноги в брюхе коня отворилась дверка, и оттуда один за другим начали выходить греческие вожди. Крадучись они добрались до ворот, широко распахнули их, и в спящий город ворвалось греческое войско. То, что они в первую очередь намеревались сделать, следовало делать молча. По всему городу запылали дома. Жители Трои пробудились, не успев понять, что же случилось, и, пока они надевали доспехи, Троя уже горела. Потрясенные, они поодиночке выскакивали на улицу, где отряды греков уже поджидали их, убивая троянца прежде, чем он успевал присоединиться к своим. Это была не битва, это была бойня. Многие погибали, не успев даже обменяться ударами с противником. В более удаленных частях города троянцам удавалось собираться группами, и тогда уже урон несли греки. Они падали на землю под ударами отчаянных храбрецов, стремившихся перед тем, как быть убитыми, к одному – убить. Эти смельчаки знали, что единственный

способ сохранить жизнь – это не надеяться на ее сохранение. Этот боевой настрой часто превращал победителей в побежденных. Наиболее хитроумные троянцы срывали свои доспехи и надевали доспехи сраженных ими греков, так что многие и многие греческие воины, думая, что присоединяются к своим, слишком поздно обнаруживали, что окружены врагами, и расплачивались за свою ошибку жизнью.

Взбираясь на крыши домов, троянцы разбирали кровли и сбрасывали на греков бревна. Целая башня, возвышающаяся над крышей дворца Приама, была сорвана с основания и сброшена вниз. Защитники дворца с восторгом увидели, как, упав, она уничтожила целый греческий отряд, штурмовавший дворцовые двери. Но этот успех принес лишь короткую передышку. Перед дворцом появилась новая группа греческих воинов с громадным бревном. Попирая ногами обломки башни и изуродованные тела павших, они долбили им двери, как тараном. В конце концов двери были взломаны, и греки очутились во дворце прежде, чем троянцы смогли спуститься с его крыши. Во внутреннем дворе дворца находились женщины, дети и только один мужчина – старец Приам. В свое время Ахилл пощадил Приама, но его сын Неоптолем пронзил царя мечом прямо перед глазами его жены и дочерей.

Теперь развязка была уже близка. С самого начала спор был неравным. Слишком много троянцев пало, будучи захвачено врасплох. Потеснить греков не удавалось нигде. Оборона троянцев постепенно слабела. До наступления утра были убиты все троянские вожди, кроме одного. Бежать из горящей Трои сумел только сын Афродиты Эней. Он сражался с греками до тех пор, пока мог обнаружить хоть одного троянца, способного биться с греками рядом с ним, но, когда смерть стала подходить к нему все ближе и ближе, он подумал о доме, о беспомощных близких, которых он оставил там. Он уже ничем не мог помочь Трое, но, быть может, сумеет что-то сделать для них. И он поспешил к ним, к старцу отцу, к маленькому сыну, к жене, и в этот момент перед ним предстала его мать Афродита, подбадривая его и охраняя от бушующего пламени и от нападений греческих воинов. Но даже с помощью божества он не смог сохранить жену. Когда они покинули дом, она отделилась от них и была убита. Но двух других членов семьи он провел мимо врагов и вывел через городские ворота за городские стены. Отца он нес на плечах, а сына вел за руку. Только божество могло спасти их жизни, и Афродита была в эту ночь единственной из олимпийцев, помогавшей троянцам.

Афродита помогла и Елене. Она проводила ее из горящего города и привела к Менелая. Тот с радостью принял супругу, и впоследствии она отплыла с ним в Грецию.

Когда забрезжил рассвет, самый гордый город Азии уже превратился в груды дымящихся развалин. От жителей Трои осталась только кучка несчастных пленниц, мужья которых были убиты, а дети отобраны. Теперь они ожидали своих хозяев, которые повезут их в рабство в заморские страны.

Самыми знаменитыми среди пленниц были царица, старая Гекуба, и ее сноха, жена Гектора Андромаха. Для Гекубы все было кончено. Сидя на земле, она наблюдала, как готовятся к отплытию греческие корабли, как пылают развалины города. «Трои больше нет, – говорила она себе. – А что будет со мной? Да и кто я? Рабыня, которую полонят, как скот. Седая бездомная старуха».

О чем же еще злополучной рыдать,
Утратившей родину, мужа, детей?
Богатство, величие предков моих
Исчезло, развеяно, стало ничем.

Гекубе отвечали собравшиеся вокруг нее женщины:

У стен
Дети жалкою толпою
Плачут горько; в крик кричат:
«Мать! Ахейцы угоняют

Нас от глаз твоих на черных,
На смоленых кораблях...»

Но одна женщина все еще сохраняла своего ребенка. Андромаха держала на руках своего сына Астианакта, маленького мальчика, который еще совсем недавно так испугался украшенного перьями отцовского шлема. «Он еще такой маленький, – думала она. – Они оставят его со мной». Но из греческого лагеря к Андромахе направлялся гонец. Подойдя к ней, он попросил ее не возненавидеть его за те вести, которые он должен передать ей против своей воли. Ее сын... Андромаха перебила его:

Иль разным отдают нас господам?

На это гонец отвечает, что ее сына

...сбросить должно с крепости троянской.
Так и свершится. Прояви же разумность...
Не жмись к нему – снеси достойно горе, —
Бессильная, не думай, что сильна.
Ждать неоткуда помощи. Подумай,
Ни города, ни мужа...

Андромаха понимала, что он совершенно прав. Помощи ждать неоткуда. Она стала прощаться с ребенком.

Ты плачешь, сын?
Беду ль свою почувал?
Что обхватил меня, за платье держишь,
Как птенчик, что забился под крыло?
Не встанет Гектор, из земли не выйдет
С прославленным копьем тебя спасать.
Нет сродников, нет прежней мощи нашей...
Безжалостно с высокой башни сброшен
Вниз головой, плачевно дух испустишь...
Сокровище бесценное мое!
О, сладкий запах твой! Так понапрасну
Тебя в пеленках грудью я кормила,
Старалась так, что извелась в трудах...
Мать обними в последний раз, прижмись
К родной своей, обвей руками шею
И ротиком прильни ко мне...

Воины унесли Астианакта. Но еще до того, как он был сброшен со стены, на могиле Ахилла была предана смерти молоденькая дочь Гекубы Поликсена. Убийством сына Гектора была завершена вереница жертвоприношений на земле древней Трои. Пленницы, дожидавшиеся кораблей, прощались с милым их сердцу краем.

...город великий
Был и как не был; сгинула Троя.
Как под ветром дым,
Родина развеяна,
В бездну сброшена копьем,
Грабят жилища

Огонь, враги.

Все исчезает, даже имя, —
Всех своя погибель ждет.
Нет более Трои.

Горе!.. О, край мой!.. Но время спускаться
Нам к ахейским кораблям.

Глава 3 Странствия Одиссея

Единственным авторитетным источником в данном случае является Одиссея. Исключение составляет только эпизод, в котором Афина договаривается с Посейдоном об уничтожении греческого флота, который отсутствует в Одиссее и который заимствован мною из трагедии Еврипида Троянки. В отличие от Илиады Одиссея также представляет интерес и тем, что в ней подробно освещены детали жизни и быта древних греков, например такие, какие описаны в рассказах о Навсикае или о посещении Менелая Телемахом. Эти подробности с восхитительным мастерством вплетены в основную канву повествования, делая его для читателя почти реальным и не заставляя его ни прерывать чтение, ни отвлекаться от основной темы.

Когда греческий флот вышел в море после падения Трои, многие его капитаны столкнулись с бедствиями, такими же страшными, какие они навлекли на Троию. Самыми ревностными союзниками греков в войне были Афина и Посейдон, но по окончании войны положение резко изменилось. Они стали самыми яркими противниками греков. Захватив город, греки просто обезумели от охватившей их радости победы и совсем забыли о том, что за свою победу они обязаны возблагодарить богов. На обратном пути они были жестоко наказаны за это.

Одна из дочерей Приама, Кассандра, была пророчицей. В нее влюбился Аполлон, давший ей дар предсказывать будущее. Впоследствии он отвернулся от Кассандры, поскольку она сама отвергла его любовь, и, хотя Аполлон не мог забрать свой дар назад (дар божества не может быть затребован им назад), он полностью обесценил его, сделав так, что прорицаниям Кассандры никто не верил. Она неоднократно предсказывала троянцам, что с

ними должно произойти в будущем, но они ни разу не поверили ей. Так, например, она объявила, что в деревянном коне спрятаны греческие воины, и никто не придавал ее словам ни малейшего значения. Ее судьбой всегда было знать о предстоящей катастрофе и не иметь возможности предотвратить ее. Когда греки ворвались в Троию, Кассандра находилась в храме Афины, обнимая ее изваяние, то есть была под защитой богини. Греки обнаружили ее там и осмелились применить к ней насилие. Аякс (разумеется, не Аякс Большой – он уже давно был в царстве мертвых; это был Аякс Малый, вождь куда менее доблестный и знаменитый) оторвал ее от алтаря и потащил из святилища⁴⁰. Ни один из греков не протестовал против этого святотатства, а Афина чувствовала себя глубоко оскорбленной. Она обратилась к Посейдону и поведала о своей обиде. «Помоги мне отомстить, – просила она. – Когда греки поплывут домой, подними на них воды. Пусть их мертвые тела заполнят бухты и усеют берега и рифы!»

Посейдон согласился. Троя уже превратилась в кучку пепла, и Посейдон уже мог забыть о своем гневе на троянцев. В ужасной буре, которую он наслал на греческий флот, Агамемнон потерял почти все свои корабли; Менелая ветры унесли в Египет, а архигрешник святотатец Аякс Малый утонул в море. В разгар бури его корабль был разбит и пошел ко дну, но ему самому удалось добраться до берега. Аякс был бы спасен, не соверши он безумной глупости. Зацепившись за скалу, он прокричал в небо, что спасся вопреки воле богов. Такой дерзости боги никогда не прощают, и Посейдон снес эту скалу, ударив по ней своим трезубцем. Аякс упал в море, и волны довершили остальное.

Одиссей не расстался с жизнью, и если ему не пришлось так тяжело, как некоторым из греческих вождей, но страдать ему выпало дольше других. Прежде чем снова увидеть свой дом, ему довелось пострадать по свету десять лет. Когда он наконец попал домой, его младенец сын уже стал взрослым мужчиной. Ведь прошло уже двадцать лет с тех пор, как Одиссей отплыл под Троию.

На Итаке, его родном острове, ситуация для него обернулась самой худшей стороной. Все жители острова, за исключением его жены Пенелопы и сына Телемаха, считали, что его уже больше нет в живых. Они уже почти пришли в отчаяние. Люди считали, что Пенелопа – вдова, и поэтому может и, следовательно, должна выходить замуж. С островов, расположенных близ Итаки, и, конечно, с самой Итаки в дом Одиссея прибыло множество женихов⁴¹, сватавшихся к Пенелопе. Она не принимала всерьез ни одного из них, хотя надежда на возвращение ее супруга была очень слабой, но она все-таки никогда не умирала. Более того, питала к ним отвращение, как, впрочем, и Телемах, и вполне по праву. Женихи были грубыми, жадными, самонадеянными людьми, каждый день проводившими в большом зале его дворца, поедавшими запасы накопленного во дворце продовольствия, приказывавшими резать быков и овец Одиссея, пьющими его вино, сжигающими запасы его дров и распоряжающимися его слугами. Они объявили, что не уйдут из дворца до тех пор, пока Пенелопа не выйдет замуж за одного из них. К Телемаху же они относились с немалой долей пренебрежения, как будто он был обычным мальчиком и обращать на него внимание просто не стоило. Для матери и сына ситуация сложилась совершенно невыносимая, но они были беспомощны: их было только двое против большой компании, и одним из этих двоих была женщина.

Сначала Пенелопа надеялась попросту утомить женихов ожиданием. Она поведала им, что не может выйти замуж до тех пор, пока не соткет красивейший саван для отца Одиссея, престарелого Лаэрта, ко дню его кончины. Женихи должны были уважать столь благочестивую причину отсрочки и согласились ждать до тех пор, пока работа не будет завершена. Но она никогда не была бы закончена, поскольку каждую ночь Пенелопа распускала то, что успевала наткать за день. Но в конце концов ее хитрость была разоблачена. Одна из служанок рассказала о ней женихам, и те застали ее за распусканием савана. После этого они, конечно, стали более настойчивы и совершенно неуправляемы. Так обстояли дела в доме Одиссея, когда к завершению приближался десятый год его странствий.

Из-за того злодеяния, которое греки учинили над Кассандрой, Афина гневалась на все греческое войско, но еще во время войны она особо выделяла и благопритствовала Одиссею. Она восхищалась его острым умом, его хитроумием и находчивостью. Правда, после падения Трои она, наслав через Посейдона бурю на греческий флот, не сделала для него исключения, так что Одиссей сбился с курса и уже никогда не мог найти его снова. Ему пришлось странствовать год за годом, словно торопясь от одного опасного приключения к другому.

Однако гневаться десять лет подряд трудно даже бессмертным. Боги смиловались над Одиссеем, за исключением, правда, Посейдона, но больше всех его жалела Афина. К ней вернулось ее прежнее отношение к Одиссею, и она решила положить конец его страданиям и вернуть его домой. Приняв это решение, она однажды с радостью обнаружила, что на собрании богов на Олимпе Посейдон отсутствует. В это время он был в гостях у эфиопов, которые жили на юге, на дальнем берегу Океана, и, конечно, задержался бы у них на пиру. Афина не медля рассказала богам о бедственном положении Одиссея. Сейчас, говорила она, он, в сущности, пленник на острове нимфы Калипсо, которая любит его и отпускать не собирается. Во всех остальных отношениях – она сама доброта; все, чем она располагает, в его распоряжении. Но сам Одиссей глубоко несчастен – он тоскует по дому, жене, сыну. Он целыми днями сидит на берегу, обозревая горизонт в поисках паруса, который никогда не появляется. Ему мучительно хочется увидеть хотя бы дымок, вьющийся над его домом.

Олимпийцы были растроганы словами Афины. Они почувствовали, что Одиссей заслуживает лучшего жребия, и от имени всех богов, слышавших рассказ богини, Зевс заявил, что они должны прийти к согласию и найти для Одиссея способ вернуться на родину. Если олимпийцы выскажутся за это единогласно, Посейдон, конечно, не пойдет против всего Олимпа. Сам же он, продолжал Зевс, немедленно пошлет к Калипсо Гермеса и прикажет ей готовить Одиссея к возвращению домой. Афина, вполне удовлетворенная таким решением, покинула собрание богов и слетела на Итаку. У нее были свои планы.

Она уже успела очень привязаться к Телемаху, и не только потому, что он был любимым сыном Одиссея, – он был трезвомыслящим, благоразумным юношей, твердым и заслуживающим доверия. Она полагала, что ему будет полезно совершить путешествие, пока Одиссей добирается до дома, а не в бессильной ярости наблюдать за безобразиями женихов. Кроме того, если он совершит это путешествие в поисках вестей о своем отце, то он только выиграет во мнении людей. Они будут считать его богобоязненным юношей, каким он, собственно, и был, обладающим достойными восхищения сыновними чувствами. Соответственно своим намерениям Афина приняла облик морехода и отправилась во дворец Одиссея. Телемах заметил ее, стоя у порога, и загрустил, что гость тотчас же не встретил достойного приема. Тем не менее он поспешил приветствовать чужеземца, принял у него из рук копьё и усадил его в почетное кресло. Слуги тоже оказали пришельцу то гостеприимство, которое оказывают в уважаемом доме, и поставили перед ним пищу и вино, стараясь не отказывать гостю ни в чем. Потом гость и хозяин тепло побеседовали друг с другом. Афина начала разговор с того, что деликатно спросила, что означает это застолье, на которое она попала. Она, конечно, никого не желает обидеть, но воспитанного человека можно извинить за то, что он не одобряет поведение собравшихся здесь людей. После этого замечания Телемах рассказал гостю обо всем: о своих опасениях, что Одиссея, быть может, уже нет в живых; о том, как авантюристы из дальних и ближних стран заявляются свататься к его матери, которая не может явно отвергнуть их притязания, но не принимает и не примет всерьез ни одного из этих претендентов; о том, как женихи разоряют их, проедая припасы и опустошая дом. Афина вознегодовала. «Постыдная история, – заметила она. – Если только Одиссей доберется до дома, этих нахалов ждет быстрая и жестокая расплата». Потом Афина посоветовала Телемаху попытаться что-нибудь разузнать о судьбе отца. А люди, которые могут что-нибудь рассказать о ней, это – Нестор и Менелай. С этими словами она удалилась, оставив Телемаха преисполненным решимости; вся его бывшая нерешимость, все колебания оставили его. Он даже с некоторым изумлением воспринял происшедшие в нем изменения и

предположил, что его посетило божество. На следующий день он созвал народное собрание, рассказал о своих намерениях и попросил итакийцев снарядить ему добротный двадцативесельный корабль, но никакого другого ответа, кроме насмешек и издевательств, не получил. Пусть лучше сидит дома и там и получает новости, советовали ему женихи. Они-де присмотрят за тем, чтобы ни в какое путешествие он не отправлялся. А потом с издевательским смехом они толпой отправились во дворец Одиссея. Телемах же в отчаянии отправился побродить по берегу и вознес молитву Афине. Молитва была услышана, и Афина предстала перед ним. На этот раз она приняла облик Ментора, которому из всех итакийцев Одиссей доверял более всего; богиня утешила и успокоила Телемаха. Она пообещала ему, что для него будет приготовлен быстроходный корабль и что сама она поплывет вместе с ним. Телемах, конечно, мог думать, что с ним разговаривает сам Ментор, но ведь с его помощью он мог бросить вызов женихам, и он заспешил домой, чтобы приготовить все необходимое к путешествию. Он терпеливо дождался ночи, а потом, когда все в доме заснуло, отправился к кораблю, где его ожидал Ментор, то есть Афина, взошел на борт и вышел в море, направившись в песчаный Пилос, где правил престарелый царь Нестор.

Телемах и Ментор застали Нестора и его сыновей на берегу моря, совершающими жертвоприношения Посейдону. Нестор оказал им сердечный прием, но о цели их приезда он едва ли мог им много сообщить. Он, собственно, ничего не знал об Одиссее. От Трои они отплыли поодиночке, и с тех пор об Одиссее он не слышал ни слова. Человеком, который вероятнее всего мог слышать какие-либо новости об Одиссее, по его мнению, был Менелай, которому до его возвращения домой пришлось проплыть до Египта и побывать там. Если Телемах пожелает, он, Нестор, пошлет в Спарту на колеснице своего сына, который знает туда дорогу, которая займет гораздо меньшее время, чем путь по морю. Телемах принял его предложение с благодарностью и на следующее утро отправился к Менелаю с сыном Нестора.

В Спарте они остановились перед поистине царским дворцом, роскошнее которого Телемаху еще не приходилось видеть. Их ждал великолепный прием. Одна из служанок тотчас же отвела их в баню, где их вымыли в серебряных ваннах и умастили благовонным маслом. Потом их одели в тонкие туники, завернули в теплые пурпурные мантии и проводили в пиршественный зал. Здесь к ним тотчас подбежала служанка, принесшая в золотом кувшине воду, которую возлила им на пальцы над серебряной чашей. Перед ними был поставлен стол, изобиловавший множеством кушаний, и каждому был предложен золотой, наполненный вином кубок. Менелай отменно вежливо приветствовал гостей и пожелал, чтобы каждый из них полностью удовлетворил свой аппетит. Молодые люди чувствовали себя наверху блаженства, но все-таки чуточку смущенными всем этим великолепием. Телемах, опасаясь, что его кто-нибудь услышит, тихо прошептал своему новому другу:

– У Зевса на Олимпе зал для пиршеств, наверно, такой же. У меня просто дух захватывает!

Но через мгновение он уже забыл про свою робость, поскольку Менелай начал рассказ об Одиссее – о величии его души и затянувшихся бедствиях. Слушая его, Телемах не мог сдержать слез и, чтобы скрыть их, прикрыл лицо плащом. Но Менелай заметил этот жест и мгновенно догадался, кто сидит перед ним.

Как раз в этот момент Менелай был вынужден прервать свой рассказ, ибо мысли всех присутствующих не могли не отвлечься: в зал вошла Елена Прекрасная, спустившаяся из своих благоуханных покоев в сопровождении служанок, первая из которых несла ее кресло, вторая – мягкий коврик для ног, а третья – серебряную рабочую корзинку с шерстью цвета фиалок. Она сразу же узнала Телемаха из-за его сходства с отцом и назвала его по имени. Сын Нестора подтвердил верность ее догадки. Его друг – это сын Одиссея, и он прибыл сюда за помощью и советом. После этого заговорил сам Телемах, рассказавший о безобразных событиях у себя дома, прекратить которые может только возвращение его отца, и попросил

Менелая сообщить о нем хоть какие-нибудь сведения, будь они хорошие или плохие.

– Это – долгая история, – ответил Менелай, – но я кое-что узнал о нем очень странным способом. Дело было в Египте. Меня много дней носило по морю и наконец бурей пригнало к острову, который египтяне называют Фарос. У нас кончались съестные припасы, и я уже готов был впасть в отчаяние, когда надо мной сжалилась одна морская богиня. Она поведала мне, что ее отец, морской бог Протей, может сообщить мне, как покинуть злополучный остров и благополучно возвратиться домой, если я только отважусь вот на какой поступок. Я должен схватить Протея и удерживать до тех пор, пока не узнаю все, что мне нужно. Ее план оказался просто великолепен. Каждый день Протей выходил на берег в сопровождении нескольких тюленей и ложился отдохнуть на песке – всегда на одном и том же месте. Я вырыл на берегу три ямы, спрятал своих спутников и прикрыл каждого из них тюленьей шкурой, которыми снабдила нас богиня... Когда морской старец выплыл из моря и улегся неподалеку от нас, схватить его оказалось нетрудно – гораздо труднее было удержать. Дело в том, что он умел по желанию изменять свой облик, и нам пришлось удерживать то льва, то дракона, то еще какое-то животное, а в самом конце – даже развесистое дерево. Но мы держали его очень крепко, и в конце концов ему пришлось сдаться и рассказать мне все, что я хотел знать. О твоём отце он поведал, что тот пребывает на острове нимфы Калипсо, где изнывает от тоски по дому. За исключением этого я не знаю о нем ничего с того самого момента, когда десять лет назад мы отплыли от развалин Трои.

Когда Менелай закончил свою речь, слушатели долго молчали. Все размышляли о Троянской войне и событиях, которые она повлекла. Все плакали: Телемах по отцу; сын Нестора – по брату, быстроногому Антилоху, погибшему под стенами Трои; Менелай – по множеству храбрых соратников, убитых на троянской равнине, а Елена... Но кто мог сказать, о ком она проливала слезы? Быть может, живя в великолепном дворце мужа, она думала о Парисе?

Эту ночь юноши провели в Спарте. Елена приказала служанкам устроить им теплые и мягкие ложа в портике дворца и накрыть их толстыми пурпурными одеялами, набросив сверху шерстяные плащи. Служанка с факелом в руках проводила их до места отдохновения, и они со всеми удобствами проспали там до рассвета.

Тем временем Гермес отправился передавать повеление Зевса нимфе Калипсо. В первую очередь он привязал к ногам сандалии из чистейшего золота, которые могли переносить его, как дуновение ветра, по воздуху и над землей и над водой. С собой он взял также и свой волшебный жезл, с помощью которого мог отводить людские взгляды, и, бросившись в воздух, полетел над самым морем, почти касаясь гребней волн. Долетев наконец до прекрасного острова Калипсо, ставшего для Одиссея ненавистной тюрьмой, он застал нимфу в одиночестве; Одиссей, как обычно, сидел на песчаном берегу, всматриваясь в морскую даль и проливая соленые слезы. По поводу повеления Зевса Калипсо высказалась очень недружелюбно. Она спасла жизнь этого человека, когда его корабль потерпел крушение близ ее острова, и с тех пор приняла на себя заботу о нем. Конечно, подчиняться Зевсу обязан каждый, но это не слишком справедливо. Да и как она обеспечит возвращение Одиссея на родину? Ведь в ее распоряжении нет ни кораблей, ни команд. Но Гермес превосходно понимал, что это – не его забота. «Только постарайся не разгневать Зевса», – бросил он на прощанье и с чувством выполненного долга удалился.

Калипсо же с крайней неохотой принялась за необходимые приготовления. Она рассказала обо всем Одиссею, и тот сначала было подумал, что она обманула его с тем, чтобы погубить, например утопить в море, но в конце концов ей удалось убедить его в обратном, пообещав Одиссею, что поможет соорудить великолепный прочный плот и отошлет его, снабдив всем необходимым. Еще никогда ни один человек не брался за работу с такой бурной радостью и большим рвением, чем Одиссей принялся за постройку плота. Его основу составили двадцать больших деревьев; все они были очень сухими и отлично держались на воде. На плот Калипсо в изобилии погрузила запасы еды и питья, не забыв даже про мешок с теми лакомствами, которые особенно любил Одиссей. На пятое утро после

посещения острова Гермесом Одиссей вышел в море – задолго до того, как над спокойными водами задует свежий ветер.

В течение семнадцати дней его путешествия погода на море не менялась; Одиссей не отходил от руля и не подпускал сон к уставшим глазам. На восемнадцатый же день его плавания на горизонте показалась окутанная облаками горная вершина, и Одиссей уже начал верить, что наконец спасен.

Но как раз в это самое время Посейдон пролетал по небу, возвращаясь от эфиопов, и заметил Одиссея. Он тотчас же понял, что сотворили в его отсутствие бессмертные.

«Ну и что ж, – сказал он самому себе, – думаю, слишком долго и не очень весело придется ему путешествовать, едва ли доберется он до земли». С этими словами он кликнул к себе все ветры, повелел им дуть изо всех сил и закрыл и море и сушу грозowymi тучами. Эвр (Восточный ветер) вступил в схватку в Нотом (Южным ветром), а коварный Зефир (Западный) с Бореем (Северным), и громадные волны начали вздыматься до неба. Одиссей видел перед собой смерть. «О, как счастливы те, кто, покрыв себя славой, погибли под Троей, – подумал он. – Мне же суждено умирать так бесславно!» Действительно, казалось, ему уже не уйти от гибели. Плот бросало, как в осенние дни в поле высохший кустик чертополоха.

Но тут на помощь Одиссею пришла еще одна смилостивившаяся над ним богиня. Это была тонкостанная Ино, когда-то бывшая царицей Фив. Она пожалела героя и, поднявшись из моря в облике чайки, сообщила ему, что его единственный шанс выжить – это бросить плот и плыть к берегу самому. Она дала ему свое покрывало, которое должно было защищать его от беды, пока он будет находиться в море. А потом Ино скрылась под гигантской волной.

У Одиссея не было иного выбора, кроме как последовать ее совету. Посейдон насыпал на него одну страшную волну за другой. Буря отрывала от плота бревна подобно тому, как ураган разметывает кучу соломы, и наконец сбросила Одиссея в бушующие волны. Но, как оказалось, худшее уже осталось позади. Посейдон почувствовал себя удовлетворенным и, умиротворенный, отправился устраивать шторм где-нибудь в другом месте, а Афина, получив таким образом свободу рук, быстро успокоила волны. Но даже в спокойном море Одиссей был вынужден плыть два дня и две ночи подряд, прежде чем добрался до суши и сумел выйти на берег. Он вышел из бурунов совершенно обессиленным, умирающим от голода и обнаженным. Был вечер; нигде не было ни одной живой души, не было видно и признаков жилья. Но Одиссей был не только героем; он был очень здравомыслящим человеком. Он быстро нашел место, где густые кроны нескольких деревьев почти касались земли и никакая влага не могла через них проникнуть. Под деревьями лежали кучи высохшей листвы, достаточно большие, чтобы в них могли укрыться даже несколько человек. Одиссей выкопал себе в одной из них маленькую пещеру и навалил на себя листьев, которые послужили ему добротным толстым одеялом. А потом, наконец согрешившийся и успокоившийся, ощущая идущие от земли сладкие запахи, он мирно заснул.

Конечно, Одиссей не мог знать, в какую страну его занесло, но Афина все устроила наилучшим образом. Страну населяли феакйцы, или феаки, как их еще называли, добродушный и миролюбивый народ и прекрасные мореходы. Их царь, Алкиной, был добрым и рассудительным человеком, кстати отдававшим себе отчет, что его супруга Арета намного превосходит его мудростью, и всегда охотно позволявшим ей принимать за него сколько-нибудь важные решения. У них была незамужняя красавица дочь.

Навсикая, а именно так звали девушку, никогда и не помышляла, что на следующее утро она сыграет роль спасительницы героя. Проснувшись, она сразу начала думать только о том, как постирать семейные вещи. Конечно, она была царевной, но в те времена высокороденные тоже должны были приносить пользу, и принадлежащие семье одежды находились в ее ведении. Их стирка была для нее приятным занятием. Она приказала своим служанкам приготовить легкую, запряженную мулами повозку и погрузить в нее загрязнившиеся одежды. Мать снабдила ее ящиком, заполненным разнообразной снедью и

напитками, и дала ей также золотой сосуд с прозрачным оливковым маслом на тот случай, если она и ее служанки задумают искупаться. Повозкой села править сама Навсикая. Маленький караван направился прямо к тому месту, где Одиссей вышел на берег. Неподалеку от этого места в море впадала речка со многими заводьями с чистой, журчащей водой, в которых можно было превосходно искупаться. Девушкам Навсикаи оставалось только побросать одежды в воду и пританцовывать на них, пока из них не выйдет вся грязь. Заводы были тихие и тенистые, и стирка оказывалась очень приятным занятием. Затем служанки раскладывали одежды сушиться на морском берегу.

А потом у них было время и отдохнуть. Они купались и умащали друг друга благовонным маслом, завтракали и развлекались игрой в мяч, который они перебрасывали друг другу, по-прежнему кружась в танце. Но наконец садящееся за горизонт солнце сообщило им, что этот восхитительный день близок к концу. Девушки собрали одежды, запрягли мулов и уже собирались возвращаться домой, когда совершенно неожиданно для себя увидели дико выглядевшего и совершенно нагого мужчину, вышедшего к ним из зарослей. Одиссея разбудили звуки девичьих голосов. В страхе они помчались в разные стороны; не убежала только Навсикая. Она смело повернула к незнакомцу лицо, а он постарался говорить с ней настолько убедительно, насколько на это были способны его красноречивые уста.

– Я – проситель, припадающий к твоим коленам, о царица! – произнес он. – Не могу судить, принадлежишь ли ты к роду смертных или же ты – богиня. Нигде и никогда я не видывал подобной красоты. Я дивлюсь, глядя на тебя. Будь милосердна к просителю, мужу, потерпевшему кораблекрушение, оставшемуся без друзей и без надежды на помощь, не имеющего даже лохмотьев, чтобы прикрыть свою наготу.

Навсикая милостиво отвечала ему. Она сразу же сообщила, в какую страну он попал и что люди этой страны добры к терпящим бедствия скитальцам. Царь страны, ее отец, примет чужеземца со всем возможным гостеприимством. Затем Навсикая созвала своих перепуганных девушек и приказала дать Одиссею масла, чтобы он мог отчистить себя от тины и водорослей, и подобрать для него тунику и плащ. Подождав, пока Одиссей выкупается и оденется, все направились в сторону города. Но прежде, чем они добрались до царского дворца, скромная девушка посоветовала чужеземцу поотстать и позволить ей и ее служанкам войти в город одним.

– Ведь людские языки так злоречивы, – сказала она. – Если меня увидят рядом с красивым мужчиной вроде тебя, начнутся всякие малопрстойные намеки. Ты же легко сам найдешь жилище моего отца – по своему великолепию его дворец превосходит все прочие дома в городе. Смело входи и иди прямо к моей матери, которая будет прясть у очага. Что скажет мать, то и сделает отец.

Одиссей тотчас же согласился. Он был восхищен здравым смыслом царевны и в точности последовал ее указаниям. Войдя во дворец и миновав зал, направился прямо к очагу и простерся перед царицей, обхватив ее колени и умоляя о помощи. Царь тотчас же поднял его на ноги и позвал к трапезе, предложив ему без робости насытиться и пищей и вином. Кто бы гость ни был и из какой страны ни попал в царство феакийцев, он может быть уверен, что они его отвезут на родину на одном из своих быстроходных кораблей. Сейчас – время для ночного отдохновения, а завтра утром он поведаст им, как его зовут и каким был его путь в их страну. Все улеглись спать; Одиссей блаженствовал на мягком и теплом ложе, которого он не чувствовал под собой с того момента, как покинул остров Калипсо.

На следующее утро в присутствии всех старейшин царства феакийцев Одиссей рассказывал историю своих десятилетних странствий. Он начал со своего отплытия из-под Трои и бури, разметавшей греческий флот. Одиссея и его корабли носило по морю целых девять дней. На десятый они заметили землю лотофагов и пристали к ней. Но как они ни были измучены и как им ни хотелось подкрепить свои силы, были вынуждены немедленно оставить эту страну. Ее жители радушно встретили греков и предложили им отведать лотос,

цветок, который они употребляли в пищу. Беда же состояла в том, что каждый, кто вкушал этот цветок, навсегда забывал о своей родине. Ему хотелось одного: всегда жить в стране лотофагов – пусть даже память о родине, о семье навечно изгладится из их головы. Тех своих спутников, которые по неосторожности вкусили лотос, Одиссей приказал схватить, отвести на корабль и заковать в цепи. Их желание остаться после того, как они отведали медвяный лотос, было столь сильным, что они рыдали.

Следующим приключением греков была встреча с киклопом Полифемом⁴². От его рук погибло несколько их товарищей, и, что еще хуже, это столкновение настолько озлобило Посейдона, отца Полифема, что он поклялся, что Одиссей доберется до дома не иначе, как претерпев множество бедствий и потеряв всех своих спутников. И все эти десять лет гнев Посейдона преследовал Одиссея на всех морях.

С острова киклопов греки попали на остров Эолия, страну, где правил повелитель ветров царь Эол. Зевс сделал его хранителем ветров: Эол утихомиривал или, наоборот, выпускал ветры на волю по повелению царя богов. Эол оказал пришельцам гостеприимство и на прощанье даже подарил Одиссею кожаный мешок, в котором были заключены все штормовые ветры. Он был завязан настолько крепко, что наружу не могло проникнуть даже дыхание любого ветра, несущего опасность греческим кораблям. И все-таки даже в этой великолепной для морехода ситуации команда Одиссеева корабля привела весь флот на край гибели. Моряки решили, что мешок, по всей видимости, набит золотом; во всяком случае, им очень хотелось выяснить, что же туда положено. Они развязали мешок, ветры тотчас же вылетели из него и обрушили на флот ужасный ураган. В конце концов, когда опасность миновала, мореходы увидели впереди землю, но им было лучше еще долго носиться по бурному морю, чем высаживаться на этом берегу. Это была страна лестригонов, людей-гигантов и к тому же людоедов. Этот страшный народ разбил огромными камнями все корабли Одиссея, за исключением одного, в котором находился он сам. Когда началось нападение лестригонов, корабль еще не успел войти в гавань.

До сих пор это было самое опасное приключение, и на следующий остров, которого они достигли, греки высаживались уже с заранее трепещущими сердцами. Если бы они знали, что им предстоит, они бы никогда не сошли на эту землю. Они попали на остров Эйю, в царство Кирки, самой красивой и самой опасной в мире волшебницы. Каждого из приближавшихся к ней людей она превращала в животных. При человеке оставался его прежний разум: он помнил, что с ним произошло. Она пригласила в свой дворец тех греков, которых Одиссей отправил на разведку, а затем обратила их всех в свиней, заперла в свинарнике и бросила им желудей. И они ели эти желуды – ведь теперь они были свиньи. Но внутренне они продолжали оставаться людьми и знали о своем нынешнем истинно скотском состоянии, полностью подчиняясь власти Кирки.

Одиссей и Кирка

К счастью для Одиссея, один из разведчиков был достаточно осторожен, чтобы сразу входить во дворец. Увидев, что случилось с его спутниками, он в страхе со всех ног помчался на корабль. Когда Одиссей услышал эту дурную новость, он сразу оставил всякие мысли об осторожности. Он решил в одиночку (никто из команды не должен был идти вместе с ним) предпринять что-нибудь такое, что могло бы помочь его спутникам. На пути ему встретился Гермес и

... пленительный образ имел он
Юноши с девственным пухом на свежих ланитах, в
прекрасном
Младости цвете.

Гермес поведал, что ему известна трава, способная предохранить Одиссея от смертоносного искусства Кирки. Имея ее при себе, Одиссей может пробовать любые кушанья и напитки, которые ему предложит Кирка, совершенно без вреда для себя. Когда же он осушит кубок вина, поднесенный Киркой, он должен начать угрожать ей мечом, если только она не освободит его товарищей. Одиссей с благодарностью принял это растение от Гермеса и отправился в дальнейший путь. Но все произошло даже лучше, чем предсказывал Гермес. Когда Кирка предложила Одиссею выпить волшебное зелье, которое до сих пор всегда действовало безотказно, то крайне изумилась, заметив, что испытанное средство не оказывает должного действия. Она была настолько потрясена человеком, способным противостоять ее чарам, что немедленно влюбилась в него. Угадывая и выполняя все желания и в первую очередь сняв чары с его спутников, теперь она стала гостеприимной хозяйкой и устраивала для них в своем дворце роскошные пиры, так что они, веселые и довольные, провели у Кирки целый год.

Когда же они почувствовали, что с гостеприимной хозяйкой пора расставаться, Кирка оказала им существенную помощь своим волшебным искусством. Она выяснила, какой следующий шаг должны предпринять греки, чтобы благополучно попасть домой. Задача, которую она поставила перед ними, была трудной и опасной. Им нужно было переправиться через Океан и причалить к берегу Персефоны⁴³, где находился один из входов в мрачное царство Аида. Одиссей должен спуститься туда и разыскать дух прорицателя Тиресия, который и раскроет тайну, как вернуться домой. Существовал только один способ побудить духа предстать перед смертным. Для этого надо было зарезать черную овцу и заполнить ее кровью вырытую в земле ямку. Все духи, как известно, испытывают неодолимое желание напиться крови. Все они будут стремиться пробиться к заполненной кровью ямке, но Одиссей должен вытащить свой меч и удерживать их на расстоянии, пока не поговорит с Тиресием.

Для греков это была страшная новость, и многие из них рыдали, когда корабль Одиссея покинул остров Кирки и направился в сторону Эреба, где правил Аид со своей внушающей ужас супругой. Когда ямка была выкопана и заполнена овечьей кровью, к ней стали слетаться души мертвых, и Одиссею стало не по себе. Но он умел держать себя в руках, отгоняя тени своим острым мечом, пока к нему не приблизилась тень Тиресия. Одиссей подпустил прорицателя, дозволил ему напиться крови, а потом задал свой вопрос, на который тот немедленно ответил. Главная опасность, которая может им угрожать, объявил Тиресий, возникнет, если они причинят какой-либо вред быкам Гелиоса, когда попадут на его остров. Каждый, кто нанесет быкам вред, обречен. Это были самые прекрасные быки в мире, и Гелиос их очень любил и ценил. Но сам Одиссей в любом случае благополучно доберется до дома, и, хотя на Итаке его поджидают серьезные неприятности, в конце концов он окажется победителем.

После того как прорицатель завершил свое предсказание, к Одиссею приблизилась длинная вереница теней, пришедших насладиться кровью и побеседовать с Одиссеем. Среди них были великие герои, эти «древнерожденные мужи», и знаменитые красавицы прошлого. Здесь были и воины, павшие под стенами Трои. Пришли и Ахилл, и Аякс Большой, все еще разгневанный на Одиссея за то, что греческие вожди присудили вооружение Ахилла Одиссею, а не ему. Появились и многие другие, и все они жаждали поговорить с Одиссеем. В конце концов их стало слишком много. Ужас охватил сердце героя. Он поспешил на корабль и приказал команде поднимать парус.

От Кирки он узнал, что его корабль должен проплыть мимо острова Сирен. Эти полуженщины-полуптицы обладали чудесными голосами, заставлявшими мореходов забывать обо всем прочем, за что в конце концов они должны были расплачиваться своими жизнями. Вокруг распевающих на берегу Сирен были разбросаны кости тех, кого им удавалось заманить на остров. Одиссей рассказал о Сиренах своим спутникам, добавив, что существует единственный способ миновать этот остров благополучно. Для этого каждый мореход должен залепить себе уши воском. Сам же Одиссей решил послушать волшебное

пение Сирен и поэтому попросил команду привязать его к мачте так сильно, чтобы он не мог освободиться при всем желании. Мореходы выполнили его просьбу и подошли ближе к берегу. Никто из них, за исключением Одиссея, конечно, не мог слышать чарующие песни. Слова же песен были еще более привлекательными, чем мелодии, в особенности для грека. Каждому, кто придет к ним, они дадут знание, зрелую мудрость, укрепят дух. «Мы знаем все, что произойдет на земле». Так звучали их песни, и сердце Одиссея разрывалось от тоски и боли.

Но веревки крепко держали его, и этой опасности ему удалось избежать. Но тут же подстерегала следующая – надо было пройти проливом между Скиллой и Харибдой.

Через него уже проходили аргонавты, которые, приблизительно в это время возвращаясь в Италию, обошли его по совету прорицателя Гелена. Конечно, Одиссею с помощью Афины удалось пройти через него. Но это было страшное испытание для греков, и шести из них пришлось расстаться с жизнью. Однако долгая жизнь все равно не была им суждена, поскольку на следующей стоянке, у острова Гелиоса, моряки совершили непоправимую глупость. Проголодавшись, они зарезали священных быков. В это время Одиссей уходил в глубь острова вознести молитву богам, а вернувшись, пришел в отчаяние. Быки были зажарены и съедены. Возмездие со стороны Гелиоса не замедлило. Как только корабль покинул остров, его разбил удар молнии. Утонули все, кроме Одиссея. Он уцепился за киль и сумел выбраться из шторма. Его носило по морю много дней, а потом выбросило на берег острова Калипсо, где он был вынужден провести не один год. Наконец он отправился домой, но его плот разбил ураган, и, лишь миновав множество великих опасностей, беспомощный, обездоленный человек сумел добраться до страны феакийцев.

Долгая история Одиссея была завершена. Все молчали, потрясенные услышанным. Наконец заговорил сам царь. Все его беды миновали, заверил он Одиссея. Его отвезут домой в этот же день, и каждый из присутствующих сделает ему прощальный дар, чтобы Одиссей снова стал состоятельным человеком. Все выразили согласие. Был подготовлен корабль, в него были уложены дары, и Одиссей взошел на его борт, благодарно попрощавшись со своими любезными хозяевами. Он растянулся на палубе, и сладкий сон тотчас же смежил ему глаза. Проснувшись, он увидел себя на суше, на морском берегу. Корабельщики перенесли его туда спящим, сложили около него полученные им дары и удалились. Он встал и начал осматривать местность, но не мог узнать своей собственной страны. К нему приблизился подросток, возможно подпасок, но по своему изяществу и хорошим манерам он скорее напоминал царевича, взявшегося пасти скот. Таким он показался Одиссею, но на самом деле это была сама Афина. Она ответила на его сыпавшиеся градом вопросы и сообщила, что он находится на Итаке. Очень обрадованный этой новостью, Одиссей все же решил проявить осторожность. Он сочинил для Афины длинную историю о том, кто он и зачем сюда прибыл, причем в речах его не было ни слова правды. В конце концов богиня улыбнулась и похлопала его по плечу, а потом предстала перед ним в своем истинном облике – прекрасной и грозной. «Ты отъявленный плут и мошенник, вот ты кто, – смеялась она. – Каждый, кто задумает состязаться с тобой в лукавстве, должен быть очень мудрым и очень осторожным». Одиссей с восторгом приветствовал ее, но она приказала ему не забывать, сколь много еще предстоит сделать, и оба принялись разрабатывать план действий. Афина также рассказала Одиссею, как обстоят дела у него в доме, и пообещала помочь ему очистить дом от женихов. Сейчас же она превратит его в старика нищего, чтобы он везде мог оставаться неузнанным. Эту ночь он может провести у своего свинопаса Эвмея, человека преданного и достойного всяческого доверия. Спрятав сокровища Одиссея в ближайшей пещере, Афина и Одиссей разошлись: Афина – чтобы позвать Телемаха домой, а Одиссей, которого богиня превратила в оборванного, еле передвигающего ноги старика, – на поиски свинопаса. Эвмей тепло встретил несчастного странника, хорошо угостил и положил спать, накрыв его собственным плотным плащом.

Тем временем наученный Афиной Палладой Телемах попрощался с Еленой и

Менелая и взобрался на корабль, желая как можно скорее попасть домой. Он предполагал (и эту мысль опять-таки вложила ему в голову Афина), что, высадившись на берег, он не отправится сразу домой, а сначала зайдет к свинопасу, чтобы узнать, не случилось ли чего-нибудь новенького в его отсутствие. Когда юноша появился на пороге, Одиссей помогал готовить завтрак. Эвмей приветствовал его со слезами радости на глазах и попросил присесть и разделить трапезу. Но прежде, чем приступить к ней, Телемах послал Эвмея известить Пенелопу о своем возвращении. После этого отец и сын остались наедине. В этот момент Одиссей заметил за дверью Афины, сделавшую ему знак рукой. Он вышел к богине, и в мгновение ока она вернула Одиссею его прежний облик и повелела сказать Телемаху, кто он есть на самом деле. Молодой человек ничего не замечал, пока вместо старого нищего перед ним не предстал мужчина во цвете лет с величественной осанкой. Изумленный, он вскочил на ноги, полагая, что перед ним – бог. «Я – твой отец», – произнес Одиссей; они обнялись и заплакали. Но времени у них было в обрез, а спланировать надо было еще очень многое. Последовал беспокойный разговор. Одиссей был настроен на то, чтобы выгнать незваных гостей силой, но как им двоим справиться с целой оравой «нагло-буйных» женихов? Наконец было решено, что на следующее утро они пойдут во дворец и что Телемах спрячет все имеющееся в доме оружие, оставив только то, которое может понадобиться им двоим. Далее снова последовало быстрое вмешательство Афины, и, когда Эвмей вернулся назад, он снова увидел перед собой старого нищего.

На следующий день Телемах отправился во дворец первым, а двое других следовали за ним на некотором расстоянии. Они достигли города и вошли во дворец. Наконец после двадцатилетнего отсутствия Одиссей оказался под сводами родного дома. Когда он входил во двор, старый лежащий там пес поднял голову и наострил уши. Это был Аргос, которого Одиссей держал еще до отъезда под Трою. Но в тот момент, когда появился его хозяин, пес тотчас же узнал его и помахал хвостом, но даже подползти к Одиссею хоть чуть-чуть поближе сил у него уже не было. Одиссей, тоже узнавший его, смахнул слезу. Он даже не стал подходить к животному, чтобы не вызывать подозрений у свинопаса; и в тот же самый момент, когда Одиссей отвернулся в сторону, пес умер.

А в пиршественном зале дворца женихи, отпировав, предавались праздному безделью. Им захотелось позабавиться над жалким старым нищим, который только что вошел в зал, а Одиссей выслушивал все их издевательские насмешки с терпением и покорностью. Один из них, человек злобный, выйдя из себя, даже дал Одиссею тумака. Таким образом, он осмелился ударить странника, просящего о гостеприимстве. Пенелопа услышала об этой выходке и заявила, что сама побеседует с обиженным беднягой, но сначала ей захотелось спуститься в пиршественный зал. Она хотела повидать Телемаха и, кроме того, считала разумным показаться перед женихами. Пенелопа была такой же рассудительной, как и ее сын. Если Одиссея уже нет на свете, ей стоило бы выйти за самого богатого и самого щедрого из женихов. Она не должна обескураживать их слишком сильно. Кроме того, в голову ей пришла одна многообещающая мысль. Пенелопа спустилась из своих покоев в зал в сопровождении двух служанок. Лицо ее было прикрыто покрывалом, и выглядела она так прелестно, что женихи просто затрепетали от восторга. То один, то другой поднимались с места, чтобы сказать ей комплимент, но скромная хозяйка только отвечала, что из-за своих забот и печалей растеряла всю свою красоту. Пришла же сюда она с очень серьезной целью. Ее супруг, несомненно, уже никогда не вернется домой. Почему же они не пытаются поухаживать за ней, как принято оказывать внимание женщине из хорошего рода, обладающей к тому же значительным состоянием, чтобы добиться ее расположения? Почему не осыпают ее дарами? Ее предложение подействовало немедленно. Всех женихов сопровождали глашатаи, которым было приказано принести в зал и вручить Пенелопе множество дивных изысканных вещей: здесь были и одежды, и драгоценности, и золотые цепи. Ее служанки тотчас отнесли их наверх, в ее покои, и Пенелопа удалилась с чувством большого удовлетворения.

Потом Пенелопа послала за обиженным чужеземцем. Она ласково поговорила с ним, а

Одиссей рассказал ей историю о том, как повстречал ее мужа на пути в Трою. Этот рассказ заставил ее всплакнуть, и она пролиwała слезы от горя, пока старик не утешил ее. Одиссей пока не собирался открывать свою тайну, и его лицо все время хранило каменное выражение. Вспомнив о своих обязанностях хозяйки, Пенелопа призвала старую няньку, Евриклею, которая заботилась об Одиссее еще с его младенчества, и приказала ей омыть ноги гостя. Одиссея это встревожило, поскольку на одной ноге у него был шрам, полученный им еще в детстве на охоте от дикого кабана, и он опасался, что нянька опознает его по шраму. Она действительно узнала Одиссея и отпустила его ногу так резко, что лохань опрокинулась. Одиссей же, взяв ее за руку, тихонько прошептал: «Милая нянюшка, ты все знаешь. Но ни слова ни единой душе!» Та дала обещание, и Одиссей попрощался с ней. Ложе себе он нашел в передней, но долго не мог уснуть, раздумывая над тем, каким же образом сумеет одолеть стольких женихов. В конце концов ему пришло на ум, что в пещере киклопа он был в гораздо более тяжелой ситуации, а с помощью Афины он, как следует надеяться, выйдет победителем и здесь. С этими мыслями Одиссей заснул.

Утром женихи появились снова, еще более развязные и наглые, чем раньше. Без спешки, совершенно беззаботно они разлеглись на ложах и приготовились пировать, не подозревая, какой страшный пир уготован им богиней и многотерпеливым Одиссеем.

Их празднество было прервано мудрой женщиной Пенелопой. За ночь она придумала свой собственный план. Утром она отправилась в кладовую, где среди множества сокровищ находились также большой лук и набитый стрелами колчан. Они принадлежали Одиссею, и ни одна рука, кроме Одиссеевой, никогда не натягивала этот лук или пользовалась им. Взяв их в руки, она спустилась в зал.

– Послушайте меня! – обратилась Пенелопа к женихам. – Перед вами лук богоравного Одиссея. Того, кто натянет его и пошлет стрелу через двенадцать поставленных в одну линию колец, я возьму в мужья.

Телемах мгновенно сообразил, каким образом это обстоятельство может быть обращено на пользу отцу и ему, и постарался подыграть Пенелопе.

– Вперед, женихи! – вскричал он. – Не уклоняться и никаких извинений! Впрочем, постойте. Я попытаюсь натянуть лук и выстрелить и посмотрю, достоин ли я носить оружие своего отца.

С этими словами он разместил кольца строго по одной линии, а потом взял лук и изо всех сил попытался натянуть его. Быть может, он и сделал бы это, не подай Одиссей ему знак прекратить попытки. После Телемаха один за другим лук стали брать в руки женихи, но он оказался слишком тугим для них; самому сильному не удалось натянуть тетиву.

Поняв, что ни один из женихов не добьется успеха, Одиссей вышел во двор, где в этот момент свинопас о чем-то говорил со скотником, человеком столь же надежным, как и он сам. Одиссею была нужна их помощь, и он открылся им. В качестве доказательства он предъявил шрам на ноге, который они столько раз видели в минувшие годы. Они опознали шрам и разрыдались от радости. Но Одиссей тотчас же остановил их.

– Сейчас не время для слез, – заявил он. – Послушайте, чего я хочу от вас. Ты, Эвмей, найди какой-нибудь способ передать мне лук и стрелы, а потом присмотри за тем, чтобы горницы служанок были заперты и в зал никто не мог бы войти. А ты, кривоногих быков сторожитель Филойтий, закрой и запри ворота двора.

Затем Одиссей вернулся в пиршественный зал; свинопас и скотник следовали за ним. Когда они входили, последний жених неудачно завершил попытку натянуть лук. Одиссей попросил:

– Дайте мне лук, и я посмотрю, при мне ли мои прежние силы.

При этих его словах в толпе женихов поднялся злобный ропот. Чужеземец, да еще и нищий, не будет касаться лука, заголосили они. Но Телемах резко осадил их. Это ему, а не им решать, кто вложит в лук стрелу. И он приказал Эвмею передать оружие Одиссею.

Все внимательно следили за тем, как Одиссей берет лук в руки и рассматривает его. Потом, с необычайной легкостью, как опытный музыкант, натягивающий струну на своей

лире, он согнул лук и натянул тетиву. Затем Одиссей наложил стрелу на тетиву, натянул ее и, не сходя со своего места, пустил стрелу через все двенадцать колец. В следующее мгновение он одним прыжком очутился у двери, и рядом с ним встал Телемах.

– Наконец, наконец-то! – загремел Одиссей и выпустил еще одну стрелу. Она нашла свою цель – один из женихов в агонии свалился на пол. Остальные в ужасе вскочили на ноги. А где же оружие? Оружия видно не было. А Одиссей стрелял непрерывно. Стоило просвистеть стреле, и одним из женихов становилось меньше. Охранявший отца Телемах со своим длинным копьём удерживал толпу женихов, чтобы они не могли выскочить через дверь или напасть на Одиссея с тыла. Столпившись, они представляли собой отличную мишень, и, пока у Одиссея не иссякнут стрелы, он будет убивать их, не оставляя никаких шансов на спасение. Но даже тогда, когда стрелы у Одиссея закончились, женихам не стало легче, потому что в зале появилась Афина, пожелавшая принять участие в свершениях своего любимца. Она предотвращала всякую попытку напасть на Одиссея. А его сверкающее копьё не знало промаха; в зале то и дело раздавался ужасный звук раскалывающегося черепа, пол обгагрался кровью.

Наконец из всего этого буйного и бесстыдного сборища в живых осталось только двое: жертвователь, прислуживавший женихам, и песнопевец Аэд. Оба они молили о пощаде, но, жрец, хватавший Одиссея за колени, ее не получил. Герой срубил ему голову мечом, и тот ушел в царство мертвых, не закончив молитвы. Аэду же повезло. Одиссей не стал убивать человека, наученного божественно петь и играть на лире самими богами, и пощадил его.

Итак, битва – скорее бойня – завершилась. Старой няньке Евриклее и служанкам было приказано вымыть пол и привести зал в порядок. Они окружили Одиссея, рыдая и одновременно смеясь и поздравляя его с возвращением домой, пока не растрогали его настолько, что на глазах у него выступили слезы. Наконец служанки принялись за уборку, а Евриклея поднялась в покои хозяйки и подошла к ее постели.

– Вставай, дорогая, – произнесла она. – Домой вернулся Одиссей, а женихов уже нет в живых.

– Друг Евриклея, знать, боги твой ум помutilи, – возразила ей Пенелопа. – А я так сладко спала. Ступай и радуйся, что я не задала тебе трепку, как какой-нибудь служанке, которая дерзнула бы меня разбудить.

Евриклея же настаивала:

– Но Одиссей действительно здесь. Он даже показывал мне свой шрам. Это он сам, собственной персоной.

Пенелопа никак не могла ей поверить, но все-таки решила спуститься вниз, чтобы увидеть все воочию.

Мужчина высокого роста и поистине царской наружности сидел у очага, свет от которого полностью его освещал. Пенелопа уселась напротив него и стала молча его рассматривать. Она была поражена. В какой-то момент ей казалось, что она узнает его, но уже в следующий он представлялся ей совершенно незнакомым. Наконец к ней воззвал Телемах:

– Мать, ну не будь же такой жестокосердной! Какая другая женщина не двинется с места и не бросится к мужу после двадцатилетней разлуки?

– Сын мой, – отвечала Пенелопа. – У меня нет сил пошевелиться. Если это и вправду Одиссей, то у нас найдется два способа «открыться друг другу»⁴⁴.

При этих словах Одиссей улыбнулся и приказал Телемаху оставить их одних.

– Сейчас мы снова обретем друг друга, – объявил он. А потом пиршественный зал, который служанки уже привели в порядок, огласился кликами радости. Аэд извлекал сладкие звуки из своей лиры, вызывая у всех желание пуститься танцевать. Мужчины и разодетые женщины весело повели хоровод, и дом от топота ног их и гремел и дрожал. И все это – потому, что после многолетних скитаний Одиссей наконец вернулся домой, и все сердца были наполнены ликованием.

Глава 4 Подвиги Энея

Основным источником при изложении истории Энея является Энеида, величайшая из поэм римских авторов. Она была написана в те времена, когда Август⁴⁵ установил свою диктатуру в разваливающемся римском государстве, прекратив хаос, последовавший после убийства Цезаря. Твердой рукой он покончил с ужасами гражданских войн и установил так называемый Pax Augusta⁴⁶, длившийся около полувека. Вергилий и все его поколение с энтузиазмом приветствовали новый порядок. Энеида была написана с целью прославления Империи, создания образа великого национального героя и родоначальника «народа, призванного установить господство над миром». Именно патриотическими целями, вероятно, и объясняется переход от вполне человеческого облика Энея, каковым он представлен в первых книгах поэмы, к образу чудовищного сверхчеловека в ее последних главах. В своем стремлении вылепить фигуру национального римского героя, по сравнению с которым все прочие герои выглядели бы незначительными, второстепенными персонажами, Вергилий в конце концов заводит себя в область чистой фантастики, хотя тенденция к преувеличению всегда была характерной чертой римлян. Ниже, естественно, используются римские имена богов; если какое-либо имя известно и в греческом и в латинском варианте, также используется его латинский вариант. Так, например, вместо греческой формы Одиссей употребляется ее латинский вариант: Улисс.

От Трои до Италии

Сын Венеры Эней был одним из самых знаменитых героев, участвовавших в Троянской войне. В троянской войне он уступал только Гектору. После того как греки разрушили Трою, Энею с помощью его божественной матери удалось бежать из города вместе с отцом и маленьким сыном и отплыть на кораблях в поисках нового отечества.

После многолетних странствий и множества испытаний на суше и на море Эней попал в Италию, где он победил многочисленных врагов, пытавшихся не допустить его в страну, женился на дочери могучего царя и основал город. Он всегда считался подлинным основателем Рима, поскольку Ромул и Рем, его фактические основатели, родились в городе Альба Лонга, построенном его сыном.

Когда он отплывал из-под Трои, к нему присоединилось множество троянцев. Все они стремились найти новое место, где можно было бы поселиться, но где искать это «новое место», никто из них ясно не представлял. Они несколько раз пытались построить новый город, но каждый раз их изгоняли или неудачи, или недобрые предзнаменования. Наконец Энею приснился сон, в котором пенаты Трои сообщили ему, что поселиться ему и его спутникам суждено в стране, лежащей далеко к западу от Трои, Италии, называвшейся тогда Гесперией, что и означает «Страна Запада»⁴⁷. Тогда Эней и его спутники пребывали на острове Крите, и, хотя до обещанной им страны нужно было долго плыть по еще неизведанным морским путям, они были очень благодарны богам за надежду, что однажды у них все-таки появится свой собственный дом, и они тотчас же отправились в новый поход. Однако, прежде чем

тroyанцы добрались до столь желанной им гавани, прошло очень много времени и случилось много такого, что, зная они об этом заранее, могло несколько охладить их пыл.

Хотя аргонавты плыли в направлении на восток от Греции, а Эней со спутниками – на запад от Крита, тroyанцам, как и Ясону, пришлось встретиться с гарпиями. Однако греческие герои были посмелее или же лучше владели мечом. Действительно, когда вмешалась Ирида, они уже были готовы перебить зловредных тварей. Но тroyанцев гарпии прогнали и вынудили снова выйти в море.

При своей следующей высадке на берег они, к своему большому удивлению, повстречали вдову Гектора Андромаху. После падения Трои она была отдала Неоптолему (вторым именем которого было Пирр), сыну Ахилла, заколовшему старца Приама прямо у алтаря. Он вскоре оставил Андромаху, чтобы жениться на Гермione, дочери Елены. Но после этой свадьбы ему не суждено было прожить долго, и после его смерти ее взял замуж тroyанский прорицатель Гелен. Теперь они вдвоем правили страной и очень обрадовались, увидев Энея и его друзей. Они приняли их с величайшим гостеприимством, а на прощанье Гелен дал им несколько советов по поводу маршрута их дальнейшего путешествия. Они не должны высаживаться на ближайшем, восточном побережье Италии, поскольку оно заселено греками. Им же суждено поселиться на ее западном берегу, несколько к северу, но они ни в коем случае не должны выбирать кратчайших путей до этих мест и проплывать между Сицилией и Италией. Этот путь проходит через опаснейший пролив, который стерегут Скилла и Харибда, который аргонавты преодолели только потому, что им помогла Фетида, а Улисс потерял шестерых своих спутников. Не вполне ясно, как аргонавты на своем пути из Азии в Грецию попали к западному берегу Италии, как, впрочем, также неясно, зачем это понадобилось Улиссу, но, как бы там ни было, можно не сомневаться, что уж Геленто точно знал, где расположен этот пролив. А зная это, он дал Энею подробные указания, как миновать эту грозу мореходов – сделать крюк вокруг Сицилии и добраться до Италии в точке, лежащей много севернее водоворота, создаваемого Харибдой, и черной пещеры, в которую Скилла затягивала целые корабли.

Покинув своих гостеприимных хозяев и удачно обогнув восточную оконечность Италии, тroyанцы поплыли на юго-запад вокруг Сицилии, вполне доверяясь указаниям Гелена. Однако, несмотря на все предосторожности, которые описал Гелен, он, очевидно, упустил из виду, что в Сицилии, в ее южной части, теперь обитают киклопы. Поскольку Гелен не предупредил Энея о том, что высаживаться там не следует, тroyанцы добрались до острова еще до заката и не медля разбились на берегу лагерь. Вероятно, все они были бы переловлены и съедены, если бы ранним утром, когда киклопы еще не успели пробудиться, в лагерь не прибежал какой-то несчастный. Он бросился перед Энеем на колени. Он имел ужасающий вид: был бледен, как бывает бледен человек, уже наполовину мертвый от голода, его одежда держалась только на каких-то колючих шипах, а лицо закрывали длинные, падающие на него волосы. Оказалось, что он – один из спутников Одиссея, которого они позабыли в пещере Полифема. С этих пор он скитался по лесам, питаясь всем тем, что он мог только найти, в постоянном страхе, что на него натолкнется какой-либо из киклопов. По его словам, здесь их жило около ста, и все они были огромные и страшные, как Полифем. «Торопитесь! – настаивал он. – Вставайте и бегите как можно скорее. Быстрее рубите канаты, удерживающие ваши корабли у берега». Тroyанцы последовали его совету, усердно работая и стараясь не шуметь. Но лишь только они отошли от берега, как увидели, что к морю медленно пробирается слепой киклоп. Дойдя до воды, он начал промывать глазную впадину, в которой раньше у него помещался глаз и которая кровоточила до сих пор. Услышав плеск весел, он бросился на звук. Однако тroyанцы уже успели отойти от берега довольно далеко, прежде чем он попытался добраться до их кораблей. Море оказалось слишком глубоким даже для его огромного роста.

Этой опасности они счастливо избегли – но только для того, чтобы встретить другую, более страшную. Огибая Сицилию, они попали в такую бурю, какой не видели ни раньше, ни в дальнейшем. Волны поднимались так высоко, что их гребни достигали звезд, а провалы

между ними – такой глубины, что обнажалось морское дно. Очевидно, это было нечто большее, чем обычная буря. Эту бурю наслала сама Юнона.

Она ненавидела всех троянцев, ни на миг не забывая о суде Париса, и была самым ожесточенным врагом Трои во время войны; к Энею же она испытывала особую ненависть. Она знала, что Риму, который будет основан людьми троянской крови, хотя и через несколько поколений после Энея, Парки определили покорить Карфаген, город, покровительствуемый и любимый ею превыше всех других городов на земле. Неясно, действительно ли она считала, что в состоянии противодействовать воле Мойр⁴⁸, что не было по силам даже Юпитеру, однако старалась сделать все, что в ее силах, чтобы погубить Энея. Для этого она обратилась к повелителю ветров Эолу, который совсем недавно пытался помочь Улиссу, и попросила его потопить троянский флот, обещая ему за это в жены прекраснейшую нимфу. В результате их уговора и разразилась эта чудовищной силы буря. Эол, несомненно, довел бы дело до желаемого Юноной конца, если бы в него не вмешался Нептун. Будучи братом Юноны, он был прекрасно осведомлен о ее манере вести дела, и его совершенно не устраивала ее попытка распоряжаться ветрами. Вместе с тем в обращении с Юноной он был так же осторожен, как сам Юпитер. Ни словом не обмолвившись Юноне, он известил Эола, что очень им недоволен. После чего успокоил волны, что дало троянцам возможность спокойно пристать к берегу. Буря отнесла их к северному побережью Африки. Это означало, что они все время плыли на юг от Сицилии. Как оказалось, они высадились совсем недалеко от Карфагена. Юнона же тотчас придумала, каким образом она может обратить прибытие троянцев в Африку к их невыгоде и пользе карфагенян.

Карфаген был основан женщиной по имени Дидона, которая продолжала в нем править, став в нем царицей и превратив его в мощный процветающий город. Сама она была, во-первых, красавицей, во-вторых, вдовой. Эней же потерял свою жену в ту ночь, когда бежал из Трои. Юнона намеревалась повлиять на обстоятельства так, чтобы Дидона и Эней влюбились друг в друга, и таким образом заставить Энея забыть об Италии и остаться с Дидоной в Карфагене. Это был очень хороший план, но только в нем не были учтены намерения Венеры. Та подозревала, какие мысли таятся в голове у Юноны, и была исполнена решимости помешать их воплощению. Она не возражала против любви Дидоны к Энею – тогда в Карфагене ему не будет причинено никакого вреда. Но вместе с тем намеревалась позаботиться о том, чтобы его чувство к Дидоне не было чем-то большим, чем глубокая признательность за оказанные ею заботу и внимание, и никоим образом не должно препятствовать его желанию отплыть в Италию, когда для этого наступит благоприятный момент. Поставив перед собой эту задачу, она отправилась на Олимп побеседовать с Юпитером. Ее глаза наполнились слезами, когда она приблизилась к нему. Любезный сын Эней почти погибает. А ведь он, царь смертных и богов, клялся ей, что Эней будет родоначальником народа, который однажды станет править миром. Юпитер рассмеялся и снял поцелуями ее слезы, а потом заявил, что все, в чем он поклялся, обязательно сбудется. Потомками Энея будут римляне, которым Парки судили владеть Империей, безграничной в пространстве и бесконечной во времени.

Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока,
Дам им вечную власть.

Венера покинула отца совершенно удовлетворенной, но, чтобы закрепить достигнутые ею успехи, решила обратиться за помощью к своему сыну Купидону. Дидона, полагала она, безусловно, и без посторонней помощи произведет должное впечатление на Энея, но сумеет ли сам Эней повести себя так, чтобы царица влюбилась в него. Было известно, что она не страдает излишней влюбчивостью. Цари всех окружающих Карфаген стран предлагали ей руку и сердце, но все их попытки заканчивались неудачей. Поэтому Венера и обратилась к Купидону, тотчас же пообещавшему ей, что воспламенит сердце Дидоны пламенем любви к Энею, как только она его увидит. Устроить же встречу между ними было для Венеры парой

пустяков.

На следующее утро после высадки на берег Эней вместе со своим преданным другом Ахатом, оставив своих спутников на их разбитых волнами кораблях, отправился выяснять, в какую часть света их занесла судьба. Перед уходом он сказал им несколько слов ободрения.

О, друзья! Нам случилось с бедою и раньше встречаться!
Самое тяжкое все позади: и нашим мученьям
Бог положит предел; вы узнали Скиллы свирепость,
Между грохочущих скал проплыв; утесы киклопов
Ведомы вам; так отбросьте же страх и духом воспряньте!
Может быть, будет нам впредь об этом сладостно вспоминать.

Герои направились исследовать эту, пока еще неведомую им страну, и тут перед ними неожиданно предстала Венера в облике охотницы. Она объяснила им, где они находятся, и посоветовала направить свои стопы прямо в Карфаген, царица которого наверняка им поможет. Ободренные Венерой, они отправились по указанной ею дороге, защищаемые от посторонних взоров плотным облаком, которым их окутала богиня. Они благополучно добрались до города и незамеченными прошли по его шумным улицам. Перед большим храмом остановились, недоумевая, каким же образом им удастся попасть к царице. Дивясь этому великолепному храму, они неожиданно для себя увидели на его стенах сцены битв под Троей. Среди сражающихся был изображен и сам Эней. Они были поражены их портретному сходству, с каким были изображены их враги и друзья: вот сыновья Атрея, вот старец Приам, простирающий руки к Ахиллу, вот павший Гектор.

– Я снова обретаю смелость, – заметил, обращаясь к Ахату,
Эней.
Где, в какой стороне не слышали о наших страданиях?...
Слезы найдем мы и здесь, и здесь растрогает души
Смертных удел; не страшись: эта слава спасет нас, быть
может.

В этот момент в сопровождении большой и пышной свиты появилась Дидона, прелестная, как сама Диана. Окружавшее Энея облако мгновенно рассеялось, и он предстал перед ней красивый, как Аполлон. Когда он объявил ей, кто он и как его зовут, царица очень милостиво приветствовала странников и пригласила быть ее гостями. Она прекрасно понимала, как чувствуют себя эти заброшенные на чужбину люди, поскольку сама совсем еще недавно прибыла в чужую ей Африку с немногими приверженцами, спасаясь от преследований собиравшегося убить ее брата.

– Сама страдавшая, я научилась помогать несчастным, – успокоила она троянцев.

В этот же вечер она устроила для гостей великолепное пиршество. Эней поведал свою историю, рассказав сперва о падении Трои, а затем о своих странствиях. Он говорил с воодушевлением, очень красноречиво, и возможно, Дидона и сама бы влюбилась в него, заслушавшись повествованием о его героических подвигах, да еще и поданным в блистательной форме, если бы в зале не присутствовало божество, но там уже находился Купидон, и выбора у Дидоны не было.

Некоторое время она была совершенно счастлива. Эней, казалось, целиком и полностью отдавал себя ей, а она, в свою очередь, одаривала его всем, чем только могла. Она давала ему понять, что ее город, как и она сама, находится в его полном распоряжении. Ему, несчастному скитальцу, прибывшему на разбитом корабле, оказывались такие же почести, как и ей. Она приказала карфагенянам почитать Энея, как ее соправителя. Спутники Энея тоже не были обойдены ее милостями. Не было такого, чего бы она не могла для них сделать. В своих отношениях с Энеем она стремилась только отдавать; для себя она не хотела ничего,

кроме его любви. Эней же воспринимал дары ее великодушия как должное, с чувством большой удовлетворенности. Ни в чем себе не отказывая, он жил в одном дворце с прекраснейшей женщиной, могучей царицей, полюбившей его и старавшейся всячески ему угодить. Дидона устраивала для его забавы выезды на охоту и снова и снова упрашивала его рассказывать историю приключений.

Стоит ли удивляться, что мысль о необходимости плыть в какую-то далекую страну становилась для него все менее и менее привлекательной? Юнону же вполне устраивал такой поворот событий. Венера не волновалась на этот счет. Она понимала Юпитера гораздо лучше, чем его собственная жена, и была совершенно уверена в том, что рано или поздно Юпитер побудит Энея оставить это маленькое любовное приключение и отправиться в Италию. Она оказалась совершенно права. Вернувшись однажды к мыслям об Энее, Юпитер начал действовать вполне решительно. Он немедленно послал в Карфаген Меркурия, чтобы тот заставил Энея задуматься о скорейшем отплытии в Италию. Меркурий застал Энея на прогулке, пребывавшим в столь приятном для него состоянии вялого удовлетворенного самосозерцания. Он выглядел изящным щеголем: на боку у Энея висел украшенный яшмой великолепный меч, а на плечи был накинут восхитительный пурпурный плащ с вотканными в материю золотыми и серебряными нитями. И то и другое было, конечно, подарено ему Дидоной, плащ к тому же был соткан ее собственными руками. Внезапно над его ухом раздался суровый голос:

– Долго ли ты еще будешь прозябать среди всей этой суетной роскоши?

Эней резко обернулся и увидел Меркурия.

– Сам повелитель богов направил меня к тебе, – продолжал бог. – Он повелевает тебе отплывать на поиски царства, которое предназначено тебе судьбой. – С этими словами Меркурий исчез, как рассеивается в воздухе туман, оставив Энея в трепетном страхе, тотчас решившего следовать повелению Зевса, но вместе с тем до боли осознающего, насколько трудным будет расставание с Дидоной.

Эней призвал к себе всех прибывших с ним троянцев и приказал им готовить флот к отплытию, но делать это надлежало под покровом строгой секретности. Тем не менее Дидона узнала о его распоряжении и тотчас же послала за ним. Сначала она разговаривала с ним очень мягко, не в силах поверить, что Эней в самом деле хочет покинуть ее.

Не от меня ли бежишь? Заклинаю слезами моими,
Правой рукою твоей, что еще мне осталось, несчастной? —
Ложем нашей любви, недопетой брачною песней:
Если чем-нибудь я заслужила твою благодарность,
Если тебе я была хоть немного мила, —
Я умоляю тебя...

Эней ответил, что он никогда не забудет, как ласково она с ним обходилась. Но и она не должна забывать, что он ей не муж и волен оставить ее когда заблагорассудится. Отплывать ему приказал сам Юпитер, и он, Эней, обязан ему подчиниться.

– Прекрати свои жалобы, – упрашивал он Дидону. – Они приносят только огорчения.

Троянцы поступили весьма мудро, отплыв в ту же самую ночь. Одно слово царицы, и их отъезд стал бы просто невозможным. Эней стоял на палубе и вглядывался в стены Карфагена. Ему казалось, что они словно освещены пламенем большого пожара, и он гадал, что могло стать причиной его возникновения. Он так и не понял, что видел отсветы погребального костра Дидоны. Узнав, что Эней все-таки отплывает, она лишила себя жизни.

Эней спускается в Аид

Путешествие из Карфагена до западного побережья Италии оказалось намного легче по сравнению с тем, которое троянцы совершили в обратном направлении. Большой потерей

для всех стала гибель опытного кормчего Палинура, утонувшего, когда конец их мытарствам на море был уже близок.

Когда Эней гостил у прорицателя Гелена, тот посоветовал ему искать пещеру Сивиллы⁴⁹ кумнской, женщины глубокой мудрости, которая могла предсказать будущее и дать полезный совет троянцам, какими должны быть их дальнейшие шаги. Эней нашел Сивиллу, и она обещала сопровождать его в подземный мир, где он узнает правду от своего отца Анхиза, скончавшегося как раз перед насланной Юноной бурей. Вместе с тем она предупредила его, что это будет нелегкое предприятие.

...О, рожденный от крови всевышних,
Сын Анхиза, поверь, в Аверн спуститься нетрудно.
День и ночь распахнуты двери в обиталище Дита.
Вспять шаги обратить и к небесному свету пробиться —
Вот что труднее всего.

Если он решится, она пойдет вместе с ним. Но прежде всего ему нужно найти на одном из деревьев ветвь с золотыми листьями, которую он должен обломить и взять с собой. Только с этой ветвью в руках его допустят в Аид. Эней в сопровождении преданного Ахата тотчас же пустился на поиски. Найти ее было совершенно невозможно. Почти потеряв надежду, они наконец забрели в самую чащу, где заметили двух голубков — птиц, посвященных Венере. Друзья последовали за ними, пока не вышли к Авернскому озеру с темной и дурно пахнущей водой, неподалеку от которого, как говорила Сивилла Энею, находилась пещера, из которой можно попасть прямо в Аид. Голубки вспорхнули на дерево, через густую листву которого можно было разглядеть какое-то ярко-желтое сияние. Это и была ветвь с золотыми листьями. Обрадованный Эней отломил ее и отнес Сивилле, после чего они отправились в подземный мир.

Эней и Сивилла входят в лодку Харона

До Энея там побывали и другие герои, не обнаружив там для себя ничего особенно страшного. Правда, толпы мятущихся душ все-таки устроили Улисса, но Тесей, Геракл, Орфей и Полидевк больших препятствий на своем пути не встретили. Даже робкая Психея отважилась пойти в Аид в одиночку, чтобы добыть у Прозерпины волшебного снадобья для Венеры, и не увидела там никого страшнее трехглавого Кербера, которого смогла легко укротить с помощью медовой лепешки. Но на пути римского героя один ужас сменялся другим. Обряд, совершив который Сивилла рассчитывала начать их совместное путешествие, мог перепугать и самого смелого человека. В самый темный час на берегу озера перед пещерой она принесла в жертву Гекате, ужасной богине ночи, четырех черных бычков. Когда она положила жертвенные части их туш на пылающий на алтаре огонь, земля содрогнулась и закачалась у них под ногами и откуда-то издали сквозь тьму донесся лай собак. Крикнув Энею: «Теперь тебе понадобится все твоё мужество!» – она метнулась в пещеру, и тот неустранимо последовал за ней. Они скоро увидели себя на дороге, погруженной во тьму, что, однако, не помешало разглядеть им по обеим ее сторонам ужасающие фигуры.

Там, где начало пути, в преддверье сумрачном Орка⁵⁰
Скорбь ютится и с ней грызущие сердце Заботы,
Бледные здесь Болезни живут и унылая Старость,

Страх, Нищета, и Позор, и Голод, злобный советчик,
Муки и Тягостный Труд – ужасные виды обличья;
Смерть и брат ее Сон на другом обитают пороге,
Злобная Радость, Война, приносящая гибель, и здесь же
Дев Эвменид железный чертог и безумная Распря, —
Волосы-змеи у ней под кровавою вьются повязкой.
Вяз посредине стоит огромный и темный, раскинув
Старые ветви свои; сновидений лживое племя
Там находит приют, под каждым листком притаившись.
В том же преддверье толпой теснятся тени чудовищ;
Скиллы двувидные тут и кентавров стада обитают,
Тут Бриарей сторукий живет, и дракон из Лернейской
Топа шипит, и Химера огнем врагов устрашает,
Гарпии стаей вокруг великанов трехтелых летают...

Эней и Сивилла миновали их невредимыми и наконец достигли реки, через которую на лодке переправлялся какой-то старик. А на берегу они увидели зрелище, невольно вызывающее жалость и сочувствие: это были души, многочисленные, как листья, опадающие в лесу при первых зимних морозах. Все они простирали к перевозчику руки, умоляя его переправить их на другой берег. Но мрачный старик сам решал, кто из них может рассчитывать на место в его ладье: одних он пропускал, других отталкивал. Когда Эней выразил свое удивление происходящим, Сивилла объяснила ему, что они достигли места слияния двух великих рек преисподней: Кокита и Ахеронта. Первозчика, как и следовало ожидать, звали Харон, а те, кого он не подпускал к своей лодке, были душами тех людей, которые не были погребены надлежащим образом. Они были обречены на бесцельные, бессмысленные скитания в течение нескольких сотен лет без какой-либо надежды найти себе место успокоения.

Когда Эней и его спутница приблизились к лодке, Харон сперва не проявил желания впустить их в нее. Он приказал им остановиться и объявил, что перевозит не живых, а только мертвых. Однако, взглянув на золотую ветвь, уступил и переправил обоих. На другом берегу им попытался преградить дорогу Кербер, но они последовали примеру Психеи. Сивилла заманила его медовой лепешкой, и пес не причинил им зла. Продолжая свой путь, спутники пришли к тому мрачному месту, где сын Европы Минос выносил окончательный приговор предстоящим перед ним душам. Поспешив уйти подальше от этого неумолимого судьи, они вскоре оказались на Полях скорби, где обитали злосчастные любовники, которые, не справившись со своими бедствиями и страданиями, покончили жизнь самоубийством. В этом печальном, хотя и вызывающем невольное восхищение месте, среди миртовых рощ, Эней увидел Дидону. Он не мог поверить своим глазам. Та, заметив возлюбленного, заплакала.

– Это я был причиной твоей смерти? – задал он ей вопрос.

Она не взглянула на него и не удостоила ответом. Казалось, скорее можно было растрогать мраморную статую. Сам же Эней был настолько потрясен, что долго не переставал лить слезы после этой встречи.

Наконец они достигли развилки. Со стороны левой дороги доносились леденящие душу крики, стоны, резкие звуки ударов бичей и кандалный звон. Эней в ужасе остановился. Сивилла же велела ему ничего не страшиться и укрепить ветвь с золотыми листьями на стоящей на перекрестке стене. Там, налево, объяснила она, правит безжалостный Радамант, другой сын Европы, наказывающий грешников за их злодеяния. Правая же дорога ведет к Елисейским полям, где Эней встретит своего отца. Там, как они воочию убедились, не могли не вызывать восхищения ни поросшие шелковой травой зеленые луга и очаровательные рощи, ни великолепный свежий воздух и ласковое солнышко. Это была действительно обитель мира, спокойствия, блаженства. Здесь находились души великих и добросердечных людей: героев, поэтов, жрецов и всех тех, имена которых сохранились в человеческой

памяти потому, что они помогали ближнему. Среди них Эней вскоре встретил и Анхиза, приветствовавшего сына с большой радостью. И отец и сын прослезились – это была встреча между мертвым и живым, сыновняя любовь которого оказалась настолько сильна, что привела его даже в царство смерти.

Конечно, им было что сказать друг другу. Анхиз проводил Энея к Лете, реке забвения, воды из которой должны непременно испить души тех, кто призван снова жить в верхнем мире.

Пьют забвенью они в уносящем заботы потоке...

Потом он показал Энею души тех, кто в будущем станет их потомками – его самого и Энея. В это время они ожидали у реки своей очереди напиться и забыть все то, что они совершили, и отчего страдали в прошлой жизни. Это были великолепные люди – будущие римляне, властители мира. Анхиз называл их одного за другим и повествовал об их будущих деяниях, которые люди не смогут забыть никогда. Перед прощанием он дал сыну советы: каким образом ему и троянцам лучше всего устроить жизнь в Италии и как избегать предстоящих им бедствий или справляться с ними.

Наконец они попрощались, но сдержанно, зная, что их разлука лишь временна. После этого Эней с Сивиллой отправились в обратный путь, а после Эней вернулся к кораблям. На следующий день троянцы отплыли в поисках обещанной им новой родины.

Война в Италии

Троянцам предстояли суровые испытания. Причиной их бед снова стала Юнона. Она настроила наиболее сильные народы страны, латинов и рутулов, против намерения троянцев поселиться в Италии и сильно озлобила их. Престарелый Латин, правнук Сатурна и царь города Лация, был предупрежден духом своего отца, Фавна, не выдавать замуж дочь Лавинию, свое единственное дитя, ни за одного из соотечественников, но выдать ее только за чужеземца, который вскоре должен прибыть в их страну. От этого союза произойдет народ, самой судьбой предназначенный господствовать над всем миром. Таким образом, когда от Энея к Латину пришло посольство, прося для троянцев место на берегу и лесных чащ и полей и право на совместное пользование водами и воздухом, Латин встретил их с почетом, проявив максимум доброй воли. Он был убежден, что Эней и является тем зятем, которого ему предсказал Фавн, о чем он и поведал посланцам. У него никогда не было недостатка в друзьях, добавил он. Энею же попросил сообщить, что у него есть дочь, которой небо воспретило выходить замуж за кого-либо иного, кроме чужеземца, и он считает, что именно троянский вождь предназначен ей судьбою.

Вот здесь-то и вмешалась Юнона. Она вызвала из Аида Алекто, одну из фурий, и приказала ей развязать войну по всей стране, на что та с радостью согласилась. Прежде всего она воспламенила сердце царицы Аматы, жены Латина, внушив ей желание изо всех сил противодействовать женитьбе Энея на Лавинии. Затем она полетела к царю рутулов Турну, который до сих пор считался наиболее подходящим из всех претендентов на руку Лавинии. Посетить Турна и настроить его против троянцев было ей совершенно необходимо. Она сделала это под видом жрицы Юноны. Уже одной той мысли, что на Лавинии женится кто-то другой, было достаточно, чтобы привести Турна в бешенство. Услышав о посещении Латина троянским посольством, он решил немедленно пойти походом на Лацию и силой воспрепятствовать заключению какого-либо договора между латинами и пришельцами.

Третья попытка Алекто развязать войну увенчалась успехом. У одного крестьянина-латина жил олень, красивейшее существо и настолько ручное, что днем его отпускали гулять, а к вечеру он сам приходил к родным дверям. Дочь крестьянина ухаживала за ним с большой любовью: расчесывала ему гребнем шерсть и украшала рога гирляндами. Все крестьяне из дальних и ближних селений знали оленя и не давали в обиду. Любой, кто

осмелился бы причинить ему вред, был бы жестоко наказан. А если бы подобный поступок совершил какой-нибудь чужестранец, это вызвало бы бурю возмущения во всей стране. Именно это и сделал юный сын Энея, направляемый рукой Алекты. Однажды он отправился на охоту, и он и его собаки были направлены фурией к тому месту в лесу, где лежал и отдыхал олень. Сын Энея выстрелил в него и смертельно ранил, но тому удалось добраться до дома к своей хозяйке, на руках которой он и умер. Алекты, естественно, позаботилась о том, чтобы весть об этом событии быстро распространилась и немедленно завязалась схватка между разъяренными латинами, намеревавшимися убить Аскания, и троянцами, защищавшими его.

Эта новость достигла Лация как раз после прибытия туда Турна. То обстоятельство, что его народ уже вооружился, и еще более зловещий факт, что войско рутулов расположилось лагерем перед городскими воротами, легли на плечи царя Латина тяжелым грузом. Его разъяренная супруга, несомненно, тоже сыграла свою роль в принятии им окончательного решения. Он заперся в своем дворце и решил пустить дела на самотек. Теперь, если бы пошла речь о том, как завоевать сердце Лавинии, Эней уже не мог бы рассчитывать на помощь своего потенциального тестя.

В Лации же существовал вот какой обычай. Когда объявлялась война, двое раздвижных дверей храма Януса, которые были заперты в мирное время, должны были быть открыты царем под звуки труб и крики воинов. Но Латин, заперший сам себя в своем дворце, не мог исполнить этот священный обряд. Пока горожане пребывали в нерешительности, не зная, что делать, Юнона, слетев с Олимпа, сама своей рукой сломала засовы и широко распахнула двери храма. Весь город наполнила радость – радость увидеть боевые порядки войска, сверкающее оружие, норовистых жеребцов и гордые знамена, радость от предстоящей войны не на жизнь, а на смерть.

Теперь маленькому войску троянцев противостояло громадное объединенное войско латинов и рутулов. Их вождь Турн был храбрым и опытным воином. В качестве мощного союзника Турна выступал Мезенций, прекрасный воин, хотя и настолько жестокий, что его подданные, многочисленный народ этрусков, восстали против него и вынудили бежать к Турну. Их третьим союзником была девушка по имени Камилла, которая была возвращена и воспитана своим отцом среди глухих воинов; она еще ребенком, вооружившись луком или пращей, научилась сбивать быстрокрылого журавля или дикого лебедя, а ее детские ножки несли ее по земле так же быстро, как мчат журавля или лебедя по воздуху их крылья. Она прекрасно разбиралась во всех тонкостях военного искусства и великолепно владела как дротиком и двулезвийным топором, так и луком. К замужеству она относилась пренебрежительно. Она любила охоту, битву и свободу. Ее сопровождала группа воинов, среди которых были и девушки.

В этой опасной для троянцев ситуации Энея во сне посетил отец Тибериус, бог большой реки Тибра, недалеко от которой они расположились лагерем. Он приказал Энею выступить быстрым маршем вверх по течению реки и найти Эвандра, царя одного бедного городка, которому было суждено стать в будущем одним из самых гордых городов мира, когда башни Рима вознесутся до небес. Здесь, обещал речной бог, Эней получит ту помощь, в которой нуждается. На рассвете он выступил из лагеря с небольшим отрядом отборных воинов, и впервые в истории по Тибру поплыла лодка, заполненная вооруженными людьми. В стране Эвандра они нашли теплый прием со стороны царя и его юного сына Палланта. Провожая своих гостей во дворец, представлявший собой довольно неказистое сооружение, царь и его сын показывали им достопримечательные места городка: высокую Тарпейскую скалу, расположенный рядом с ней заросший ежевикой холм, посвященный Юпитеру (когда на нем поднимется гордый Капитолий), луг с пасущимися на нем коровами (здесь будет сооружен римский Форум, на котором будут решаться вопросы устройства целого мира). – Когда-то тут жили только Фавны и нимфы, – рассказывал им царь, – и племя дикарей. И так продолжалось до тех пор, пока сюда не прибыл Сатурн, бездомный изгнанник, бежавший от своего сына Юпитера. С ним все переменилось. Люди отвергли свои грубые и незаконные

обычаи. Он правил настолько справедливо и мирно, что время его правления до сих пор называют «золотым веком Сатурна». Но позже нравы изменились, мир и справедливость отступили под натиском алчности и кулачного права. Страной правили тираны, пока судьба не привела сюда меня, изгнанного из Греции, из моей милой Аркадии.

Когда старец закончил свой рассказ, путники дошли до скромной хижины, в которой он жил, где Энею пришлось провести ночь на куче листвы, покрывшись медвежьей шкурой. На следующее утро они поднялись на рассвете, разбуженные птичьим щебетом. Появился царь, сопровождаемый двумя большими собаками, его единственными телохранителями, и свитой. После завтрака он дал Энею совет. Аркадия (царь назвал свою новую страну так же, как называлась его родина) – слишком слаба, чтобы оказать троянцам сколько-нибудь существенную помощь. Но на противоположном берегу реки живет могучее и богатое племя этрусков, сбегавший царь которых Мезенций сейчас помогает Турну. Уже одно это может заставить этрусков выступить в военных действиях – настолько велика ненависть к прежнему правителю. Он – жестокое чудовище; причиняя людям страдания, замирал от восторга. Так, он изобрел способ умерщвления людей, ужаснее которого трудно себе представить: привязывал живого человека к мертвому – лицом к лицу и рука к руке, – и это смертоносное обаяние приводило жертвы к отравлению трупным ядом и, как результат, к мучительной смерти.

Наконец против него поднялась вся Этрурия, но ему удалось бежать. Соплеменники твердо решили схватить его и наказать так, как он того заслуживает. Эней найдет в них надежных и мощных союзников. Что же касается его самого, то старый царь заявил, что пошлет Палласа, своего единственного сына, поступить на службу богу войны под командой троянского героя, а вместе с ним – конный отряд юношей, цвет аркадийской кавалерии. Кроме того, он подарил каждому из своих гостей породистого коня, чтобы те поскорее добрались до этрусского войска и смогли попросить этрусков о помощи.

А в это время троянцы, засевшие в своем лагере, окруженном только земляными укреплениями, и оказавшиеся без вождя и лучших воинов, испытывали сильное давление со стороны противника. Турн подверг лагерь серьезным атакам. В течение первого дня осады троянцы защищались вполне успешно, следуя строгому приказу, оставленному Энеем при отъезде, ни в коем случае не переходить в наступление. Но они существенно уступали неприятелю по численности; исход столкновения был неясен, если только они не сумеют известить Энея о том, что происходит. Вопрос состоял только в том, насколько это возможно, поскольку рутулы полностью окружили лагерь. Однако среди троянцев нашлись два человека, которые с презрением отвергли саму возможность просчитать свои шансы на успех или неудачу. Для них крайняя опасность такой попытки была уже достаточным основанием ее совершить. Они решили пробраться через лагерь этрусков под покровом ночи.

Их звали Нис и Эвриал. Первый из них был храбрым и опытным воином, а второй – юношей, новичком в военном деле, но исполненным храбрости и благородного желания совершать воинские подвиги. Они уже привыкли сражаться бок о бок. Там, где был один – в битве или в карауле, – там можно было найти и другого. Мысль совершить этот подвиг сначала пришла в голову Ниса, когда он, рассматривая лагерь противника, заметил, как немного в нем пылают костров и насколько слаб их огонь, и обратил внимание на то, что ночью в лагере царит такое глубокое молчание, как будто в нем заснули все или почти все воины. Он изложил свой план своему молодому другу, совершенно не допуская мысли, что тот может отправиться вместе с ним. Когда же юноша заявил, что он никогда не посмеет оставить друга одного, а тем более прятаться за чужой спиной, Нис почувствовал только горечь и отчаяние.

– Позволь мне идти одному, – умолял он. – Если со мной по случайности что-то произойдет, а в таких делах, как это, таких случайностей тысячи, ты выкупишь меня или погребешь мой прах, как должно. Вспомни, что ты еще так молод, и вся жизнь у тебя впереди.

– Пустые слова, – отвечал Эвриал. – Давай действовать сообща.

Нис понял, что переубедить друга невозможно, и с печалью согласился.

Они застали троянских вождей на военном совете и изложили им свой план. Он был тотчас же принят, и вожди сдавленными голосами и со слезами на глазах благодарили их и обещали большое вознаграждение.

– Я хочу только одного, – заявил Эвриал. – Моя мать находится здесь, в лагере. Она не захочет прозябать вместе с прочими женщинами. Она последует за мной. Я – единственное, что у нее есть. Если я погибну, то...

– Она станет моей матерью, – вмешался Асканий. – Она займет место моей матери, которую я потерял в ту, последнюю ночь Трои. Клянусь тебе в этом. И возьми с собой мой меч. Он тебя не подведет.

Потом друзья перебрались через ров и прокрались во вражеский лагерь. Везде лежали спящие воины. Нис прошептал: «Сейчас я расчищу для нас путь. А ты пока покарауль здесь». С этими словами он принялся убивать врагов одного за другим, причем делал это так ловко, что ни один из них не успевал издать ни звука. Ни один стон не вызвал у врагов тревоги. Вскоре к сбору кровавой жатвы присоединился и Эвриал. Когда они добрались до конца лагеря, за ними оставался коридор, в котором лежали только убитые рутулы. Но они запаздывали. Уже брезжил рассвет; конный отряд, прибывший из Лация, обратил внимание на сверкающий шлем Эвриала и окликнул воина. Когда же тот, не ответив, отступил назад, прячась за деревьями, рутулы поняли, что это – враг, и окружили лесок. В спешке друзья разделились, и Эвриал помчался в неверном направлении. Нис же, обеспокоенный его отсутствием, вернулся на его поиски и, никем не замеченный, увидел Эвриала в руках врагов. Но как спасти его? Ведь он – один. Положение было безнадежным, и все же Нис знал, что лучше попытаться спасти Эвриала и погибнуть, чем оставить друга в беде. И он напал на рутулов – один человек против целого отряда, и его копьё сражало врагов одного за другим. Предводитель рутулов повернулся к Эвриалу и закричал:

– За это ты мне заплатишь!

Но прежде, чем он успел ударить его мечом, перед ним оказался Нис.

– Меня, меня убейте, – выкрикнул он. – Это я во всем виноват. Он лишь следовал за мной.

Но меч рутула уже вонзался в грудь юноши. В тот момент, когда Эвриал упал мертвым, Нис заколол его убийцу, а потом, пронзенный множеством дротиков, сам свалился на землю рядом с другом.

Все прочие события, связанные с пребыванием троянцев на италийской земле, происходят на полях сражений. Эней с большим этрусским войском вовремя возвращается и спасает осажденный лагерь. Разгорается ужасная война. С этого момента повествование превращается в не что иное, как перечень имен воинов, непрерывно сражающих друг друга. Битва следует за битвой, но все они похожи друг на друга как две капли воды. Погибает несчетное количество героев; реки крови орошают землю; из тугих луков летят стрелы, многочисленные, как градины; копыта горячих скакунов, выбивая из травы кровавую росу, топчут мертвые тела. Ужасы перестают быть таковыми задолго до конца поэмы. Все противники троянцев, естественно, перебиты. Камилла погибает, предварительно изложив подробную историю своей жизни; злодей Мезенций полностью получает по заслугам, но только после того, как погибает его храбрый юный сын. Впрочем, погибают и многие союзники, и среди них сын Эвандра Паллант.

В заключение Турн и Эней встречаются в поединке. На этот раз Эней, который в начале поэмы столь же человечен, как Гектор или Ахилл, трансформируется в какую-то странную, неестественную схематическую фигуру; он – уже не человеческое существо. Когда-то Эней вынес на плечах старика отца из горящей Трои и изо всех сил старался уследить за своим маленьким сыном, чтобы тот не отстал от него и бежал рядом; в Карфагене он с важным видом прогуливался в своем щегольском наряде по дворцу Дидоны, понимая, что такое – встретить сочувствие, ощутив которое можно сказать, что «слезы найдем мы и здесь, и здесь растрогает души смертных удел». Но на полях сражений в Лации он уже не человек; он

страшный фантом.

Словно Афон, огромен герой, словно Эрике иль даже
Словно отец Апеннин, возносящий седую от снега
Голову в небо, где вихрь мохнатые падубы треплет.

В другой битве

Словно встарь Эгеон, про которого молвят, что
Сотня рук у него и полсотни уст, изрыгавших
Пламя, и тел пятьдесят, что от молний Отца заслонился
Он полусотней щитов, пятьдесят мечей обнажая,
Так победитель Эней по всей равнине носился,
С теплым от крови клинком.

Когда Эней сталкивается с Турном в последней схватке, ее исход совершенно ясен. Сражаться с Энеем для Турна столь же бессмысленно, как надеяться одолеть молнию или землетрясение.

Поэма Вергилия завершается гибелью Турна. Эней, как может предположить читатель, женится на Лавинии и становится родоначальником нового народа, который, по словам самого Вергилия, «не оставил в наследство другим народам такие вещи, как искусство и наука, но всегда помнил, что призван включить в свое государство все народы земли и установить власть, обеспечивающую их покорное подчинение, чтобы щадить смиренного и сокрушать гордого».

Часть V Великие царские дома Греции

Глава 1 Дом Атрея

Главное значение истории дома Атрея состоит в том, что поэт-трагик V в. до н. э. Эсхил положил ее в основу своей величайшей трагедии Орестея, состоящей из трех частей: Агамемнон, Просительницы (или Молящие) и Эвмениды. В греческой трагедии ей нет равных, за исключением четырех трагедий Софокла об Эдипе и его детях. В начале V в. до н. э. Пиндар сообщает распространенный миф о жутком тире, который устроил богам Тантал, но с протестом заявляет при этом, что миф неправдоподобен. О наказании Тантала повествуется довольно часто, и в первую очередь в Одиссее, откуда я и заимствовала его описание. Историю Амфиона и Ниобы я привожу по Овидию, который единственный излагает ее полностью. Рассказ о том, как Пелопс выиграл гонку на

колесницах, взят мной у Аполлодора (I или II в. н. э.), который дает самое полное из дошедших до нас изложение этого эпизода. История преступлений Атрея и Фiestа и всего того, что последовало за ними, изложена мной по Орестее Эхила.

Дом Атрея – один из самых знаменитых царских домов в греческой мифологии. К нему принадлежал Агамемнон, возглавлявший поход греков против Трои. Такой же известностью, как и Агамемнон, пользуются ближайшие члены его семьи: жена Клитемнестра и дети Ифигения, Орест и Электра. Его брат Менелай был мужем Елены, из-за которой и разгорелась Троянская война.

Это был злополучный дом, и причиной всех несчастий считался его основатель, царь Лидии Тантал, который навлек на себя страшнейшее наказание, совершив некое ужасное преступление. Но на этом бедствия дома далеко не закончились. Они продолжались и после его смерти. Его потомки тоже совершали преступления и наказывались за это. Над семьей словно тяготело проклятие, заставлявшее людей совершать грех против собственной воли и приносившее страдания и смерть как невинным, так и виновным.

Тантал и Ниоба

Тантал был признан богами превыше всех прочих смертных детей Зевса. Ему позволялось делить с богами трапезу и вкушать нектар и амброзию, дотрагиваться до которых из всех смертных мог только он один. Но боги делали и большее: они приходили на пиры к нему во дворец и удостаивали его чести пировать вместе с ними. Но за оказанные ему почести Тантал отплатил настолько по-зверски, что ни один поэт никогда не рискнул объяснять мотивы его поведения. Он убил своего единственного сына Пелопса, сварил его в большом котле и подал это блюдо богам. Быть может, он был охвачен ненавистью к ним за то, что они побудили его пожертвовать сыном, чтобы изведать ужас оттого, что невольно стали каннибалами? А может, наиболее шокирующим из всех возможных способов он хотел показать, как легко могут быть обмануты эти грозные, всеми почитаемые, вызывающие всеобщее благоговение божества. В своем презрении к богам, в своей безмерной самоуверенности он даже не подумал о том, что его гости легко догадаются, какого рода блюдом он их угощает.

Тантал оказался в дураках. Олимпийцы догадались. Они покинули этот ужасный пир и обрушили свой гнев на святотатца. Тантала постигнет такое наказание, решили боги, чтобы в будущем ни один человек, услышав о нем, не осмелился бы оскорбить олимпийцев. Этот архигрешник должен был в аду стоять по колено в ручье, но когда, мучимый жаждой, он наклонялся, чтобы зачерпнуть воды, она ускользала из его ладоней, уходя в почву. Когда же он распрямлялся, вода появлялась снова. Над его головой свисали ветви плодовых деревьев: здесь были и груши, и гранаты, и розовые яблоки, и сладкие фиговые. Но каждый раз, когда он протягивал руку, чтобы сорвать их, ветер относил ветки далеко в сторону. И так Тантал должен был стоять вечно, не в состоянии утолить ни жажды, ни голода.

Боги воскресили его сына Пелопса, но им пришлось сотворить его лопатку из слоновой кости. Дело в том, что одна из богинь (одни называют Деметру, другие – Фетиду), забывшись, попробовала злополучное кушанье, и, когда части тела юноши были сложены в должном порядке, одной лопатки, естественно, не доставало. Эта жуткая история дошла до нас, видимо, в своей первоначальной, очень жестокой, совершенно ничем не смягченной форме.

Грекам более поздних поколений она не импонировала. Так, поэт Пиндар, выражая свой протест против нее, говорит, что это -

Басня, ничтожная ложь,
Ни зернышка истины не содержащая.
Да не позволено быть человеку

Приписать людоедство богам олимпийским!

Но как бы там ни было, остальная часть жизни Пелопса была вполне успешной. Он оказался единственным из потомков Тантала, судьба которого не была отмечена несчастьями. Он счастливо женился, хотя и посватался к весьма опасной невесте, царевне Гипподамии. Правда, причиной гибели ее женихов была не она сама, а ее отец. У этого царя была чудесная пара коней, подаренных ему Аресом. Они, конечно, превосходили всех обычных земных представителей этой породы. Царь не желал, чтобы его дочь вышла замуж, и, как только на ее руку выискивался очередной претендент, ему сообщали, что он должен состязаться с ее отцом в скачках на колесницах и, только победив, получит ее руку. Если же победителем окажется отец, жених заплатит за поражение своей жизнью. Пелопс дерзнул. Ведь у него были кони, на которых он мог вполне положиться, – подарок Посейдона. Он выиграл гонку; но по одной из версий мифа сама Гипподамия способствовала его победе даже больше, чем кони Посейдона. То ли она влюбилась в Пелопса, то ли решила, что этим смертоубийственным гонкам пора положить конец. С этой целью она подкупила Миртила, колесничего своего отца, и тот вытащил перед началом скачек чеки, удерживающие колеса его колесницы. Победа оказалась за Пелопсом. Впоследствии Пелопс убил Миртила, проклявшего его в момент смерти, и, по некоторым источникам, это и послужило причиной бедствий, преследовавших род Атрея. Но большинство авторов все-таки считает, и, безусловно, с большим основанием, что причиной всех бед, обрушившихся на потомков Тантала, было именно его преступление.

Но ни один из потомков Тантала не пострадал больше, чем его дочь Ниоба. Сначала, правда, могло показаться, что боги избрали ее для лучшей доли, как и ее брата Пелопса. Она была счастлива в замужестве. Ее супругом был Амфион, сын Зевса и несравненный музыкант. Он и его брат-близнец Зет, однажды решили укрепить Фивы, окружив их могучими стенами. Зет, как человек большой физической силы, с некоторым пренебрежением относился к своему брату, совсем не уделявшему внимания атлетическим упражнениям и целиком отдававшему себя своему искусству. Однако когда речь зашла о том, как доставить в Фивы нужное количество каменных глыб для стен, музыкант превзошел силача: его лира издавала такие потрясающие звуки, что камни сами начали двигаться и последовали за Амфионом к городу.

В Фивах Амфион и Ниоба правили в полном согласии друг с другом, пока не выяснилось, что высокомерие и надменность Тантала продолжают жить в его дочери. Благодаря своему состоянию она считала себя выше всего того, к чему простые смертные относятся с почтением и благоговением. Она была богатой, благороднорожденной и обладала большой властью. У нее было семеро сыновей, храбрых и красивых, и семеро дочерей, прекраснейших из прекрасных. Она считала себя достаточно могучей, чтобы не только обманывать богов, как это пытался делать ее отец, но и открыто бросать им вызов.

Однажды Ниоба приказала жителям Фив начать воздавать ей божеские почести.

– Вы воскуряете фимиам Лето, – заявила она. – А что она по сравнению со мной? У нее всего двое детей: Аполлон и Артемида. А у меня в семь раз больше. Я – царица. А она была бездомной странницей, пока крохотный Делос, единственный во всем мире, не решил ее приютить. Я – счастливая, могучая, великая. Настолько великая, что никто – ни боги, ни смертные не рискнут причинить мне вреда. Так приносите в храме Лето жертвы мне; это теперь мой храм, а не ее.

Кошунственные слова, произнесенные в состоянии высокомерного осознания своей воображаемой мощи, всегда будут услышаны на небесах и всегда будут наказаны. Аполлон, бог-стреловец, и Артемида, его божественная сестра, мгновенно слетели с Олимпа в Фивы и перестреляли из своих луков всех сыновей и дочерей Ниобы. Она видела их умирающими, и ее горе было невыразимым. В горе, словно окаменев, она упала на землю рядом с их телами, такими юными и сильными; сердце ее тоже уподобилось камню. Лишь

безостановочно текли ее слезы. А потом она и сама превратилась в камень, постоянно, день и ночь, источающий слезы.

У Пелопса родилось двое сыновей: Атрей и Фиест, и то недоброе наследие, которое они получили от Тантала, не замедлило сказаться на них в полной мере. Фиест влюбился в жену своего брата, побудив ее нарушить супружеские обеты верности. Узнав про измену жены, Атрей поклялся, что Фиест заплатит за это так, как не платил еще ни один мужчина в мире. Он убил двух маленьких сыновей Фиеста, сварил в котле и угостил этим кушаньем их отца. Когда же

...распознав злодейство богомерзкое,
Он закричал, упал, изверг убоину
И, опрокинув стол, проклятьем бешеным
Семью Пелопса проклял...

Царем стал Атрей, Фиест же был лишен какой-либо власти. Ужасное преступление не было отомщено при жизни Атрея, но от него жестоко пострадали его дети и дети его детей.

Агамемнон и его дети

Однажды на Олимпе происходило собрание всех богов. Первым держал речь Зевс. Отец богов и смертных был крайне раздражен тем, как низко смертные ведут себя по отношению к богам, постоянно обвиняя божественные силы в собственных злодейских помыслах, причем даже в тех случаях, когда олимпийцы пытаются удержать их от преступления.

– Вам всем известно об Эгисте, которого убил Орест, сын Агамемнона, – заявил Зевс, – о том, как он влюбился в жену Агамемнона и убил его, когда тот возвращался из Трои. По этому поводу нас, собственно, винить не в чем. Мы предупреждали его устами Гермеса: «Смерть сына Атрея будет отмщена Орестом». Именно таковы были слова Гермеса, но даже этот вполне дружеский совет не удержал руку Эгиста, который теперь и понес окончательное наказание.

Этот маленький отрывок из *Илиады* – первое упоминание о доме Атрея. В *Одиссее* ее главный герой, достигнув страны феакийцев, рассказывает им о своем спуске в Аид и о душах, которых он там встретил. Более других, говорит он, в нем вызвала жалость душа Агамемнона. Одиссей спросил у него об обстоятельствах его смерти, и тот сообщил, что погиб бесславно, сидя за столом, как гибнет бык под топором мясника.

– Меня убил Эгист с помощью моей вероломной жены. Он пригласил меня к себе в дом и, когда я начал пировать, зарезал меня. Моих спутников тоже. Ты видел многих воинов, гибнущих в поединке или в битве, но никогда не видел, чтобы воины погибли так, как мы, за чашей вина, перед заполненными яствами столами в зале с залитым нашей кровью полом. В моих ушах еще звенел предсмертный крик Кассандры. Клитемнестра бросила ее тело поверх моего. Я еще пытался воздеть к ней руки, но они уже не поднимались. В этот момент я умер.

Такой эта повесть выглядела в ее первоначальном варианте: Агамемнон убит любовником своей жены. Но это – жалкий вымысел. Как долго он держался на сцене, мы не знаем, но следующая известная версия, изложенная Эсхилом около 450 г. до н. э., выглядит совершенно иначе. Теперь это трагическая история о неизбежном, неотвратимом отмщении, о титанических страстях и невозможности уйти от судьбы. Причиной смерти Агамемнона теперь является уже не греховная любовь мужчины и женщины, а материнская любовь к дочери, убитой ее собственным отцом, и решимость жены отомстить за эту смерть, лишив жизни супруга. Образ Эгиста бледнеет; он едва заметен. Все решения принимает жена Агамемнона Клитемнестра.

Сыновья Атрея: Агамемнон, вождь пришедших под Трою греков, и Менелай, муж

Елены, по-разному завершают свой жизненный путь. Менелай, которому не очень везет в начале жизни, в свои пожилые годы имеет все основания радоваться ей. Да, на какое-то время он теряет жену, но после падения Трои снова обретает ее. Его корабль относит к берегам Египта штормом, который Афина насылает на греческий флот, но в конце концов он благополучно возвращается домой и долгое время счастливо живет вместе с Еленой. Но с его братом дела обстояли совсем иначе.

После падения Трои Агамемнон оказывается самым удачливым из победоносных греческих вождей. Его корабль не разбивается в шторме, уничтожившем или угнавшем к берегам дальних стран множество других кораблей. Он вступает в родной город не только живым и здоровым после всех опасностей, угрожавших ему на суше и на море. Он входит в него как триумфатор, как гордый победитель Трои. Дома его ожидают. Уже получено известие о его высадке, и жители города собираются, чтобы устроить ему торжественную встречу. Он, как представляется всем, – самый прославленный вождь, возвращающийся во всем своем блеске и величии. Победа следует за его спиной, а перед ним шествуют мир и благополучие.

Но среди приветствующей Агамемнона толпы, благодарящей небо за его возвращение, видны тревожные лица, слышны слова, свидетельствующие о темных дурных предчувствиях. Они передаются из уст в уста.

Он увидит здесь страшные вещи, – говорят люди в толпе. – Когда-то во дворце все было честно и хорошо, но этого уже давно нет... Если бы стены могли говорить...

Перед дворцом, чтобы почтить царя, собрались старейшины, но они – тоже в смущении, они испуганы и встревожены еще больше, чем волнующаяся толпа. Расходясь, они шепотом говорят о минувшем. Они далеко не молоды, и прошлое для них гораздо реальнее настоящего. Они вспоминали о принесении в жертву Ифигении, этого милого, невинного создания, безгранично доверявшего своему отцу, а потом представшего пред алтарем, вспоминали о безжалостных ножах, о безжалостных лицах вокруг нее. Старики говорили между собой, и перед ними представали живые картины прошлого, как будто они сами присутствовали там, как будто они сами вместе с Ифигенией слышали, как ее любимый отец приказывает приподнять ее и держать над алтарем. Он убил ее, конечно, не по своей воле, но под давлением войска, жаждущего благоприятного ветра для отплытия в Трою. Однако все обстояло не так просто. Агамемнон поддался этому давлению, поскольку зло, накапливающееся в его роду от поколения к поколению, должно было сказаться и на нем. Старейшины прекрасно знали о тяготевшем над домом Атрея проклятии.

Еще не утихла в сердцах
Жажда крови. Сильна еще старая боль,
А уж новые раны открылись.

Со дня смерти Ифигении прошло десять лет, но последствия ее гибели сказываются и по сей день. Старейшины мудры. Они знают, что каждый грех ведет к новому, каждая вина тянет за собой еще одну вину. Теперь угроза, исходящая от девушки, которой уже нет в живых, повисла над головой ее отца в самый час его триумфа. И все-таки, шептали старики друг другу, быть может, сейчас она не осуществится, не станет реальностью. Они пытались найти хоть крупицу надежды, зная в глубине сердца, но не осмеливаясь говорить об этом вслух, что месть уже затаилась во дворце, поджидая Агамемнона.

Месть поджидала его еще с тех пор, когда царица Клитемнестра вернулась из Авлиды, где была свидетельницей гибели дочери. Она не стала хранить верность своему супругу – ведь он убил ребенка. Она завела любовника, и все про это знали. Все также знали, что она не отослала его, когда пришла весть о возвращении Агамемнона. Он по-прежнему во дворце, рядом с ней. Что же замышляется за дверями дворца? Неожиданно до толпы, теряющейся в догадках, донеслись шум и крики: подъезжали колесницы, раздавались чьи-то возгласы. Во двор въехала царская колесница. На ней рядом с царем стояла девушка, очень красивая и

вместе с тем очень странно выглядевшая. За колесницей следовали слуги и городские жители, и, когда колесница остановилась, двери дворца распахнулись, и в них появилась царица.

Агамемнон сошел с колесницы, громко молясь: «О победа, да пребудь со мной вовеки!» Его супруга пошла к нему навстречу. Ее лицо лучилось, голова была высоко поднята. Она понимала, что все присутствующие здесь мужчины, за исключением ее супруга, прекрасно осведомлены о ее неверности, но она дерзко смотрела им в лица и смеющимися губами словно сообщала, что даже в их присутствии она должна в этот момент говорить о своей великой любви к мужу и о той мучительной боли, от которой она страдала в его отсутствие. А затем с ликующей радостью она попросила его войти во дворец.

– Ты – наша защита, – провозгласила она, – наш могучий оплот. Узреть тебя – столь же радостно, как моряку после шторма увидеть землю, как изнемогающему от жажды путнику увидеть широко разлившийся поток!

Агамемнон отвечал ей, но сдержанно, а потом направился во дворец, обратив ее внимание на девушку, все еще стоящую на колеснице.

– Это – Кассандра, – объяснил он жене, – подаренная мне войском, цветок из всех пленниц. Пусть Клитемнестра присматривает за ней и хорошо с ней обращается.

С этими словами он вошел во дворец, и двери за супругами закрылись. Для одного из них они не откроются уже никогда.

Толпа разошлась. Только старики еще чего-то ждали, стоя перед молчаливым дворцом с запертыми дверями. Их внимание привлекла пленная царевна, и они с интересом принялись ее разглядывать. Им доводилось слышать об ее удивительной славе пророчицы, которой не верила ни одна живая душа и пророчества которой тем не менее всегда сбывались. Она обратила в их сторону испуганное лицо.

– Куда меня привезли? – спросила она в ужасе. – Чей это дом?

Старейшины ответили ей, что это – дворец сына Атрея. И тут она закричала:

– Нет! Это дом, ненавистный богам, дом, где убивают мужчин, дом, пол в котором красен от крови!

Старики обменялись испуганными взглядами. Кровь, убитые мужчины – ведь обо всем этом они только что думали сами, размышляя о страшном прошлом, влекущем за собой еще более страшные события. Как же она, чужеземка, может знать об их прошлом?

– Я слышу детские крики, – продолжала та.

Вот слышу я младенцев бедных плач,
Детей несчастных, съеденных родителем.

Фиест и его сыновья! Где же она могла услышать о них? С ее губ срывались совсем непонятные слова. Казалось, она видела, что произошло в этом дворце много лет назад, казалось, она присутствовала здесь тогда, когда смерть следовала за смертью, когда каждое отдельно взятое преступление и все они вместе влекли за собой все новые и новые. Потом от прошлого Кассандра перешла к будущему. Старики слышали, как она с криками прорицала, что сегодня к списку смертей добавятся еще две и одной из них будет ее собственная.

– Я обречена на гибель, – добавила она, отвернувшись, и направилась во дворец.

Ее пытались удержать, не пускать в этот злополучный дом, но тщетно. Она вошла во дворец, и его двери закрылись навсегда и за ней. Последовавшее за ее уходом молчание было неожиданно прервано. Раздался крик; это был голос агонизирующего мужчины: «Боги! Меня убивают! Смертельный удар...» И снова молчание. Старики, недоумевающие, пришедшие в ужас, сбились в кучу. Это был голос Агамемнона. Что же им делать? Ворваться во дворец? «Торопитесь, торопитесь! – подбадривают они друг друга. – Мы должны узнать, в чем дело». Но взламывать двери уже было не нужно. Двери открылись сами, и на пороге появилась царица.

Ее одежды, ее руки, ее лицо были покрыты темно-красными пятнами, но сама она

выглядела спокойной и совершенно уверенной в себе. И она громко объявила всем, что же произошло во дворце.

– Там лежит тело моего мужа, сраженного моею рукой.

Это его кровь покрывает ее одежды и лицо, и она радуется этому:

...пораженный насмерть, испустил он дух,
И с силой кровь из свежей раны брызнула,
Дождем горячим, черным оросив меня,
И радовалась я, как ливню Зевсову
Набухших почек радуется выводок.

Она не считала нужным ни объяснять свой поступок, ни извинять его. В своих собственных глазах она была не убийцей – она была исполнителем приговора. Она просто наказала убийцу, убийцу своего собственного ребенка, того

...кто, как овцу – из неоглядных стад
Овец прекраснорунных, – дочь, родную дочь,
Дитя мое, убил без сожаления
Затем лишь только, чтоб фракийский ветер стих.

За ней из дверей дворца вышел и встал рядом с ней ее любовник Эгист, младший сын Фиеста, родившийся уже после ужасного пира. У него, собственно, не было личных счетов с Агамемноном, но Атрея, убившего детей и угостившего их мясом Фиеста, уже не было в живых, и месть настигнуть его не могла. Но она должна была настигнуть его сына.

У царицы и у ее любовника имелось достаточно оснований, чтобы считать, что зло нельзя прекратить, совершив еще одно зло. И доказательством тому являлся труп только что убитого человека. Упиваясь своим триумфом, они не прекращали думать, что эта смерть, как и остальные, наверняка повлечет за собой другие.

– Да не будет больше крови на тебе и на мне, – обратилась Клитемнестра к Эгисту. – Мы теперь здесь хозяйева, и у нас все должно быть хорошо.

Но эта надежда оказалась напрасной.

Ифигения была только одним ребенком Клитемнестры и Агамемнона из трех. Двумя другими были Орест и Электра. Если бы Орест оставался жить во дворце, Эгист, безусловно, лишил бы его жизни, но его вовремя укрыли у верного человека. Девочку же Эгист убивать не стал; он лишь поставил ее в такие тяжелые условия, что вся ее дальнейшая жизнь превратилась в одну-единственную надежду: она мечтала, что Орест когда-нибудь вернется и рассчитается за отца. «Но как ему осуществить эту месть?» – снова и снова спрашивала себя Электра. Эгист, конечно, должен умереть, но разве справедливо убить только его одного? Он все-таки менее запятан, чем та, другая. И что же делать? Будет ли справедливо, если сын, чтобы отомстить за отца, лишит жизни собственную мать?» И так она размышляла все те долгие годы, в течение которых Клитемнестра и Эгист правили страной.

Когда мальчик Орест подрос и превратился в юношу, он стал понимать тяжесть ситуации гораздо яснее, чем Электра. Да, убить убийц отца – это долг сына, долг, который превыше всего. Но сын, убивающий мать, отвратителен и богам и смертным. Выполнение самого священного долга оказывается связанным с самым гнусным преступлением. Орест, желающий совершить правое дело, должен выбирать между двумя тяжкими преступлениями. Он должен или предать память отца, или убить собственную мать.

Мучаясь такими сомнениями, он отправился за советом к Дельфийскому оракулу, и Аполлон в совершенно ясных выражениях приказал ему наказать обоих убийц:

Убей же тех двух, кто убил,
Да искупят те смерти своими,

Кровь пролив за уже пролитую.

И Орест понимал, что он не может преступить проклятие, тяготеющее над его родом, он обязан мстить, даже если ему грозит гибель. Он отправился на родину, в дом, где он не был со времен своего раннего детства, в сопровождении своего двоюродного брата и друга Пилада. Друзья выросли вместе, и их связывало больше чем обычная дружба и взаимная преданность. Электра, которая, конечно, ничего не знала об их возможном появлении, тем не менее внимательно следила за событиями. Вся ее жизнь превратилась в ожидание брата, который принесет ей единственное, что имеет для нее ценность.

Однажды, придя на могилу отца, она совершила жертвоприношение и, как обычно, молилась: «о, отец, направь Ореста к его дому!» И тут перед ней неожиданно предстал Орест. Он назвал ее своей сестрой и предъявил в качестве доказательства когда-то сотканный ею плащ, в который она его завернула, когда он много лет назад покидал отчий дом. Ее ответом были слова: «Твое лицо – это лицо моего отца». И она тут же излила на него всю любовь, которую никто не хотел получить от нее за все эти злосчастные годы:

О, свет моих очей, ты четверых один
Мне заменяешь. Я отцом зову тебя,
Тебя люблю, как мать, а настоящую
Родную мать по праву ненавижу я.
Ты – как сестра мне – ведь сестра заколота, —
И ты же брат мой верный, повелитель мой.

Но Орест был слишком погружен в собственные мысли, слишком сосредоточен на том, что ему предстоит, чтобы отвечать сестре или даже просто слышать ее. Он прерывает слова Электры, чтобы поведать ей о том, что так мучает его. Это – страшное пророчество Аполлона, которое Орест с ужасом повторяет:

...Твердо слово Локсия⁵¹.
Он приказал мне, не боясь опасности,
Идти на все. Чудовищными муками,
Такими, от которых стынет в жилах кровь,
Грозил он мне, коль я убийц родителя
Не накажу и смертью не взыщу за смерть.
Он говорил мне, что в быка безумного
Я превращусь, что множество ужасных дел
Я вынесу и в муках кончу дни свои.

Клитемнестра и Орест

Двое друзей и Электра составляют план действий. Орест и Пилад должны пойти во дворец и объявить, что они принесли известие о смерти Ореста. Это должно порадовать Клитемнестру и Эгиста, которые непрестанно опасаются его неожиданного появления и мести и поэтому наверняка захотят увидеть вестников. Попав же во дворец, Орест и его друг должны положить на свои мечи и на полную неожиданность нападения.

Их впустили во дворец, и Электра стала дожидаться их возвращения. Эти минуты стали самыми тяжелыми в ее жизни. Двери дворца растворились, из них вышла женщина и спокойно остановилась на ступенях. Это была Клитемнестра. Она простояла так секунду или две, когда во двор ворвался раб, кричащий:

– Измена! Господин! Измена! – Увидев Клитемнестру, он выкрикнул на одном дыхании: – Орест – жив – он здесь!

Теперь она все поняла, ей стало ясно, что произошло и что еще произойдет. Помрачнев, она приказала рабу принести секиру. Клитемнестра твердо решила сражаться за свою жизнь, но прежде чем оружие принесли, она уже переменила решение. Через дверь вышел мужчина, и его меч был красен от крови. Клитемнестра знала, чья это кровь, как знала и то, в чьих руках находится меч. Она тотчас же нашла другой, более надежный способ защитить себя, чем браться за секиру. Она все-таки мать того, кто стоит перед ней.

– Остановись, мой сын! – произнесла она. – Вот, посмотри. Это – моя грудь. Твоя тяжеленькая головка не раз покоилась на ней, и ты сладко спал. Твой детский ротик, в котором не было еще ни одного зуба, пил мое молоко, и так ты рос...

Не выдержав, Орест закричал:

– О, Пилад, она же моя мать. Я могу ее пощадить? На это его друг мрачно ответил:

– Нет. Так повелел Аполлон, а богам следует подчиняться.

– Я подчиняюсь, – отвечал Орест. – А ты иди со мной.

Клитемнестра поняла, что это – ее конец, и холодно ответила:

– Сын, ты, кажется, собираешься убить свою мать. Орест подтолкнул ее в сторону дворца. Клитемнестра вошла в двери, и он последовал за ней.

Когда он снова вышел, тем, кто ожидал во дворе, не нужно было говорить, что произошло во дворце. Они следили за ним, их новым повелителем, не задавая никаких вопросов. Орест же, казалось, просто не замечал их; он вглядывался в тот ужас, который мерещился ему за их спинами. Запинаясь, он наконец проговорил:

– Эгист умер. Здесь моей вины нет. Он – соблазнитель и должен был умереть. Но она? Убивала или нет? Друзья мои, я убил мать... Не без причин... Она была низкой женщиной... Она убила моего отца, и боги ненавидели ее.

Глаза Ореста были по-прежнему устремлены на не видимый больше никем ужас. И вдруг он закричал:

– Смотрите! Смотрите! Там какие-то женщины. В черном, все в черном... И длинные волосы, как змеи!

Его терпеливо уговаривали, что нигде нет никаких женщин в черном.

– Это – только плод твоего воображения! – говорили ему. – Не бойся!

– А вы их не видите? – кричал Орест. – Это – не плод моего воображения. Я, я вижу их. Их наслала моя мать. Они кружатся вокруг меня... Из их глаз сочится кровь. О, пустите меня...

В конце концов он убежал, преследуемый своими невидимыми спутницами.

В свою страну Орест вернется только через много лет. Он видел многие страны, и везде его преследовали одни и те же ужасные образы. Он изнемог от страданий, но ведь утрата всего, что ценит человек, это – тоже выигрыш... «Страдания выучили меня», – говаривал он. Орест стал понимать, что нет преступления, которое нельзя было бы искупить, что даже он, запятнавший себя убийством матери, может быть очищен от скверны. По указанию Аполлона он отправляется в Афины, чтобы предстать перед судом богини – покровительницы города. Формально он пришел просить о помощи; тем не менее в его сердце царил полная уверенность в себе. Тем, кто искренне желает очистить себя, отказа не бывает, и с людьми, прожившими в одиноких странствиях и душевных терзаниях, черное пятно его вины становилось все слабее и слабее. Он надеялся, что теперь оно уже исчезло насовсем. «Я могу разговаривать с Афиной чистыми устами», – сказал он себе.

Богиня прислушалась к мольбе Ореста. На его стороне выступил сам Аполлон.

– Это я в ответе за то, что сделал Орест, – заявил он. – Он совершил убийство по моему повелению.

Напротив Ореста снова появились ужасающие лики его преследовательниц Эриний, но Орест с прохладцей отнесся к их требованиям о возмездии.

– Я, а не Аполлон несу ответственность за убийство моей матери, – гордо объявил он, – но теперь я очищен от моей вины!

Такие слова не произносил еще ни один человек из дома Атрея. Убийцы, происходящие из этого рода, никогда не испытывали страданий от своей вины и никогда не пытались очиститься от преступления. Афина склонилась к мольбам Ореста и уговорила сделать то же и богинь-мстительниц. Так был установлен новый закон – закон милости и сострадания, согласно которому сами грозные богини должны были изменить свою природу. Из Эриний они превратились в благомысленниц, Эвменид, защитниц просителей и молящих. Они простили Ореста, и, когда были произнесены слова прощения, дух зла, так долго терзавший

дом Атрея, был отогнан. В результате суда Афины Орест стал свободным человеком. Непреодолимые ранее темные силы прошлого уже никогда не склонят на сторону зла ни его, ни кого-либо из его потомков. Проклятие дома Атридов перестало действовать.

Ифигения в Тавриде

Этот миф я целиком заимствовала из двух трагедий Еврипида, поэта-трагика V в. до н. э. Ни один другой автор не излагает его так полно. Счастливое завершение этой истории обеспечивается появлением божества⁵², приемом, общеизвестным в те времена, но Еврипид, правда, единственный из трех великих афинских поэтов-трагиков, кто его применяет. Согласно современным представлениям, его использование следует рассматривать как слабость; и в данном случае он был бы совершенно не нужен, поскольку тот же самый финал мог бы быть достигнут, если бы автор не ввел эпизод с противным ветром. С этой точки зрения появление Афины только осложняет построение сюжета. Возможно, причина этого прегрешения со стороны одного из величайших поэтов, которых знал мир, состоит в том, что афиняне, очень страдавшие в это время от войны со Спартой, жаждали чудес, и Еврипиду захотелось пойти им навстречу.

Как уже было отмечено ранее, греки не жаловали мифы с человеческими жертвоприношениями, которые совершались или с целью умиротворить богов вообще, или побудить Мать-Землю дать хороший урожай, или получить от богов еще что-нибудь хорошее. Они думали об этих жертвоприношениях так же, как думаем мы. Грекам они были отвратительны. Любое божество, требовавшее таких жертв, уже в силу этого оказывалось в их глазах злым, и вслед за Еврипидом они предполагали, что «если боги творят зло, то они – не боги». Поэтому вместо мифа о жертвоприношении Ифигении в Авлиде неизбежно должен был появиться другой, светлый. Согласно первоначальной версии мифа, Ифигения была принесена в жертву потому, что любимая лань Артемиды была убита греками⁵³, и повинные в этом охотники могли вернуть благосклонность богини, только пролив кровь молодой девушки. Но для греков более поздних поколений придерживаться этой точки зрения означало бы очернять Артемиду. Очаровательная хозяйка лесов, всегда особо защищавшая молодые и беспомощные создания, никогда бы не стала предъявлять такое ужасное требование.

Ведь она так добра, Артемида благая,
К юности нежной и хрупким питомцам природы,
К самым младшим из тех, кто в лучах обитает
И населяет леса.

Таким образом, мифу понадобился другой конец. Когда в Авлиде греческие воины пришли за Ифигенией туда, где она содержалась в ожидании смерти, рядом с ней находилась ее мать, но та запретила Клитемнестре провожать ее до алтаря.

– Так будет лучше для тебя и для меня, – сказала она.

Мать осталась одна. Наконец она увидела направляющегося к ней человека. Он бежал, и Клитемнестра подивилась, почему он так торопится передать ей страшную для нее весть. Но он уже кричал: «Чудесные новости! Чудесные новости!» Ее дочь не принесена в жертву, начал он свой рассказ. Это совершенно определено, но что же произошло на самом деле, в точности никто не знает. Когда жрец уже собирался нанести удар, присутствующих, естественно, охватил ужас, и все они потупили глаза. Но вдруг жрец отчаянно закричал, и все, кто там был, подняв головы, увидели чудо, в которое едва ли было можно поверить. Девушка исчезла, а на земле рядом с алтарем трепетала лань с перерезанным горлом.

– Это сотворила Артемида, – провозгласил жрец. – Она не пожелала пятнать свой алтарь человеческой кровью. Она сама выбрала жертвенное животное и сама приняла его как

приношение.

– О царица! – продолжал гонец. – Я сам там был и сам все видел. Твое дитя наверняка у богов!

Но Ифигения не была взята на небеса. Артемида перенесла ее в страну тавров (ныне Крым) на берега Понта Аксинского (Моря Негостеприимного). Тавры же были дикарями, свирепые обычаи которых требовали приносить в жертву богине любого грека, попавшего в их страну. Артемида приняла все меры к тому, чтобы Ифигения была в безопасности, сделав ее жрицей своего храма. Но на долю жрицы приходилась ужасная обязанность совершать жертвоприношения, и хотя сама она не убивала соотечественников своей рукой, но освящала их посредством традиционного ритуала, а затем передавала в руки тех, кто, собственно, и должен был принести их в жертву.

Таким образом она прослужила своей богине уже много лет, когда к этому негостеприимному берегу пристала греческая галера. Ее не принесли буря или враждебные ветры, она подошла к берегу сама. А ведь всем было хорошо известно, как поступают тавры с захваченными ими греками. Значит, бросить здесь якорь мореходов заставила чрезвычайно веская причина. На рассвете с галеры сошли двое юношей и крадучись стали пробираться к храму. Они, очевидно, были благороднорожденными и выглядели как сыны царей, хотя лицо одного из них и бороздили глубокие морщины, свидетельствующие о пережитых страданиях. «Думаешь, это тот храм, Пилад?» – шепнул он другому. «Да, Орест, – ответил второй. – То самое залитое кровью место».

Итак, Орест и его верный друг Пилад в Тавриде? Что же они делают в этой столь враждебной грекам стране? Было ли это до или после того, как Орест очистился от скверны убийства собственной матери? Это произошло через некоторое время после его очищения. Хотя Афина и сняла с него вину за совершенное преступление, не все Эринии согласились с ее приговором. Некоторые из Эриний продолжали его преследовать, или же он так считал. Даже оправдательный приговор, вынесенный Афиной, не восстановил его душевного спокойствия. Его преследовательниц стало меньше, но все равно они настигали его.

Дойдя до отчаяния, Орест отправился в Дельфы. Если он не найдет помощи там, в главном святилище Греции, он не найдет ее нигде. Оракул Аполлона подал Оресту некоторую надежду, но предупредил, что он будет рисковать жизнью. По повелению дельфийской жрицы он должен отправиться в страну тавров и привезти оттуда священное изваяние Артемиды из ее храма. Если он доставит его в Афины, то окончательно исцелится и обретет душевный покой. Он уже никогда не увидит ужасающие лики своих преследовательниц. Поход в Тавриду был очень опасным предприятием, но от его исхода для Ореста зависело все. Он должен был совершить этот поход любой ценой, а Пилад никогда не позволил бы ему отправиться в Тавриду в одиночку.

Добравшись до храма, друзья поняли, что прежде, чем что-либо предпринять, нужно дождаться вечера. Пробраться в храм днем незамеченными было просто невозможно, и они ушли от него, чтобы найти убежище в какой-нибудь темной пещере.

Ифигения, печальная как всегда, выполняла свои обязанности по храму, когда перед ней предстал вестник, сообщивший, что в плен взяты двое молодых греков и их следует принести в жертву немедленно. Он послан передать ей повеление царя подготовить все необходимое для исполнения священного обряда. Ужас, который она уже так часто испытывала, снова охватил ее. При знакомой ужасной мысли об отвратительном для нее кровопролитии, о мучениях жертв она содрогнулась. Но в этот момент в голову ей пришла новая мысль. Она спросила себя: «А богиня ли повелевает совершать такие жуткие вещи? Разве она получает удовольствие от убийства?» И сама себе ответила: «В это я не верю. Кровожадна не богиня, кровожадны люди этой страны, а свою вину они сваливают на богов».

Пока она размышляла подобным образом, привели пленников. Ифигения отослала прислужниц в храм готовить все, нужное для жертвоприношения, и, оставшись с пленниками наедине, заговорила с ними. Она поинтересовалась, где находится их родной

дом, дом, который они не увидят уже никогда. При этом она не могла удержаться от слез, и юноши были очень удивлены проявленному ею состраданию. Орест даже мягко попросил ее не слишком печалиться о них. Прибыв в ее страну, они прекрасно осознавали, что их может ожидать впереди. Но она продолжала свои расспросы. Братья ли они? Да, но такими их следует считать в силу их взаимной любви, но не по причине рождения от одних родителей. Как их зовут?

– Зачем спрашивать имя у человека, готовящегося к смерти? – медленно проговорил Орест.

– Ты даже не скажешь мне, из какого ты города? – продолжала она.

– Я из Микен, – ответил Орест, – этот город был когда-то знаменит.

– Ну, уж царь-то его был, несомненно, знаменит. Его звали Агамемнон, – последовала реплика Ифигении.

– Ничего не знаю о нем, – резко ответил Орест. – И давай закончим этот разговор.

– Нет, нет. Расскажи мне о нем, – попросила она.

– Он мертв, – отрезал Орест. – Его убила собственная жена. И больше не спрашивай меня ни о чем.

– Скажи еще одно, – зарыдала Ифигения. – Она, я хочу сказать: жена, жива?

– Нет. Ее убил ее же сын.

Трое долго молча смотрели друг на друга.

– Ну что ж, это справедливо, – содрогнувшись, проговорила Ифигения, – справедливо, но ужасно. – Она пыталась держать себя в руках. Потом она спросила: – А часто ли говорят о той дочери царя, которая была принесена в жертву?

– Только тогда, когда говорят о мертвых, – отвечал Орест.

Выражение лица Ифигении изменилось. Теперь она выглядела настороженной и напряженной.

– Я могу помочь и вам и себе, – наконец вымолвила она. – Согласитесь ли вы передать письмо моим друзьям в Микенах, если я вас спасу?

– Нет, только не я, – отвечал Орест. – Но мой друг согласится. Он прибыл сюда только ради меня. Отдай ему письмо и прикажи убить меня.

– Будь по-твоему, – подхватила Ифигения. – Подожди, пока я принесу письмо.

Она ушла, и Пилад повернулся к Оресту.

– Я не оставляю тебя здесь одного на погибель, – проговорил он. – Если я поступлю так, все будут называть меня трусом. Нет. Я люблю тебя, и мне не безразлично то, что скажут люди.

– Я отдал под твою защиту сестру, – старался вразумить его Орест. – Электра – твоя жена, и ты не можешь оставить ее одну. А что касается меня, то что за незадача для меня – умереть?

Пока они шептались, пришла Ифигения с письмом в руке.

– Я постараюсь уговорить царя. Уверена, он отпустит моего посланника. Но сначала... – Она обернулась к Пиладу. – Я хочу пересказать тебе содержание письма, чтобы ты, даже если потеряешь его, сохранил бы мои мысли в своей памяти и во что бы то ни стало передал моим друзьям.

– Хорошо, – согласился Пилад. – А кому я должен отнести его?

– К Оресту, – поспешила с ответом Ифигения, – сыну Агамемнона.

Вид у нее был отсутствующий; мыслями она была далеко, в Микенах. Она даже не заметила изумленные взгляды, которые устремили на нее юноши.

– Ты скажешь ему, – продолжала она, – что это письмо от той, которая должна была быть принесена в жертву в Авлиде. На самом же деле она жива...

– Неужели мертвая может вернуться к жизни? – воскликнул Орест.

– Успокойся, – гневно возразила Ифигения. – У нас мало времени. Передай ему на словах: «Брат, возьми меня домой. Освободи меня от этих чудовищных жреческих обязанностей, заberi меня из этой варварской страны». Запомни хорошо, юноша: моего

брата зовут Орест.

– О боги, боги, – простонал Орест. – Это невозможно.

– Я говорю не с ним, а с тобой, – обратилась Ифигения к Пиладу. – Ты запомнил это имя?

– Да, – подтвердил Пилад, – но мне не долго придется носить с собой твое послание. Орест, вот письмо. Оно от твоей сестры.

– А я получаю его, – подхватил Орест, – с такой радостью, которую не выразишь никакими словами.

В следующий момент он уже заключал Ифигению в объятия.

– Я ничего не понимаю! – закричала она. – Как я могу вам поверить? Какие у вас доказательства?

– А ты помнишь, что ты вышивала перед тем, как тебя увезли в Авлиду? – спросил Орест. – Я могу тебе описать. А помнишь свои покои во дворце? Я могу рассказать тебе, что в них находилось.

Оресту удалось убедить ее, и теперь Ифигения сама бросилась в его объятия. Она не могла удержать рыданий.

– О, самый дорогой! Ты – самый дорогой, мой ненаглядный, мой любимый. Когда мы расстались, ты был еще ребенком, совсем крошкой. То, что случилось со мной, – чудо!

– Бедная сестра, – повторял Орест, – осужденная, как и я, на горести и мытарства. И ведь ты могла убить своего же брата!

– О, ужас, – плакала Ифигения. – Но я уже свыклась с ужасными вещами. Да, эти руки могли убить тебя. А как же мне тебя теперь спасти? Кто поможет нам: бог ли, человек?

Пилад, исполненный сочувствия, молча следил за их разговором, но уже проявлял нетерпение. Он понимал, что нельзя терять времени.

– Мы поговорим, – прервал он брата и сестру, – когда выберемся из этого злополучного места.

– Мы убьем царя! – с жаром предложил Орест. Но Ифигения отвергла эту мысль как недостойную.

Царь Фоант был всегда добр по отношению к ней, и она не может отплатить ему злом. И в этот момент у нее родился замысел, совершенный до последней мелочи. Она быстро объяснила его друзьям, и те тотчас же заявили о своем согласии. Потом все трое скрылись за дверьми храма. Через несколько минут Ифигения вышла из него со статуей Артемиды в руках. И тут в воротах храмовой ограды появился какой-то мужчина. Ифигения успела закричать:

– О царь, остановись там, где стоишь.

Тот, немало удивившись, поинтересовался, что происходит. Ифигения же поведала ему, что пленные греки, которых он ей прислал, недостаточно чисты для жертвоприношения. Они не просто запятнаны скверной, они по природе своей низки и подлы; они, наконец, убили свою мать. Артемида очень разгневана.

– Я отнесу изваяние на берег моря, чтобы очистить его, – объявила Ифигения. – И там же я очищу этих людей от всей приставшей к ним скверны. Только после этого можно будет приступать к жертвоприношению. Но все это мне необходимо сделать в одиночестве. Такова воля богини. Пусть пленных отведут на берег, а ты оповести всех в городе, чтобы ко мне не приближалась ни единая живая душа.

– Поступай как знаешь, – согласился Фоант, – и готовься столько времени, сколько тебе для этого понадобится.

Фоант наблюдал за тем, как процессия тронулась в путь: впереди шла Ифигения с изваянием в руках, за ней Орест и Пилад и, наконец, прислужницы, несущие сосуды, необходимые для совершения обряда очищения. Ифигения молилась:

– О Дева и Царица! Дочь Зевса и Лето! Отныне ты поселишься в обители чистоты, и всем нам будет дано счастье!

Они скрылись из виду, направляясь к бухте, в которой стоял корабль Ореста. Казалось,

что план Ифиге-нии просто не может сорваться.

И все-таки он сорвался. Ифигения, как и предполагалось, приказала прислужницам оставить ее одну с Орестом и Пиладом еще до того, как они добрались до моря. Прислужницы подчинились. После этого Ифигения, Орест и Пилад поспешили к кораблю, взошли на борт, и корабль отчалил от берега. Но вдруг в устье бухты, у самого выхода в открытое море, навстречу кораблю задул сильный противный ветер, и двигаться против него корабль не мог. Более того, несмотря на все усилия гребцов, его несло назад, на скалы. А тавры уже поняли, что происходит. Одни из них следили за кораблем, чтобы захватить его, когда он окажется у самого берега, другие же мчались с вестями к царю Фоанту. В гневе он поспешил от храма на берег, чтобы схватить нечестивых чужеземцев и предательницу жрицу и предать их смерти, но тут над ним в небе разлилось лучистое сияние. Перед ним предстала богиня. Царь отшатнулся; его сковал ужас.

– Остановись, царь! – раздался голос богини. – Я Афина. Слушай мои слова. Пусть корабль уплывает. Сейчас Посейдон утихомирит ветер и волны, и корабль спокойно выйдет в море. Ифигения и ее спутники действуют по предначертанию богов. Укроти свой гнев.

Фоант покорно отвечивал:

– Богиня, все будет сделано к твоему удовольствию. И все, кто стоял на берегу, видели, как ветер стих, волны успокоились, а греческий корабль покинул гавань и вышел в море под всеми парусами.

Глава 2 Царский дом Фив

По своей известности историю фиванского царского рода можно поставить в один ряд с историей дома Атридов. То значение, которое для описания судьбы потомков Атрея имеют трагедии Эсхила (V в. до н. э.), для описания злоключений Эдипа и его детей имеют величайшие трагедии его современника Софокла.

Кадм и его дети

Миф о Кадме и его дочерях – это пролог к очень длинной и печальной повести. Миф был популярен в классической древности, и его – целиком или фрагментарно – передает ряд авторов. Я предпочла излагать его по Аполлодору, писавшему в I или II в. н. э. Он передает этот миф очень просто и ясно.

Когда Европа была похищена быком, ее отец, царь Агенор, разослал ее братьев на поиски, запретив возвращаться, пока они не найдут ее. Один из них, Кадм, не пустился на поиски сразу, а поступил более разумно – он прямо направился в Дельфы, чтобы спросить Аполлона о том, где она находится. Бог приказал ему больше не беспокоиться о сестре или о намерении отца не принимать его без Европы, а самому основать город. Аполлон сказал, что в своих странствиях Кадм рано или поздно увидит пасущуюся на лугу телку; он должен

следовать за ней и выстроить город на том месте, где она ляжет отдохнуть. Именно так и были основаны Фивы, а местность вокруг них получила название «страны телки», Беотии. Однако прежде, чем начинать строительство города, Кадм должен был победить страшного дракона, который охранял ближайший источник и убил спутников Кадма, пошедших туда за водой. Конечно, он не мог построить город в одиночку, но после победы над драконом Кадму явилась Афина с приказанием вспахать участок земли и засеять его драконовыми зубами. Кадм послушался приказа богини, совершенно не зная, что из этого может получиться, и к своему ужасу увидел, что из борозд поднимаются и выходят вооруженные воины. Они же, не обратив на Кадма внимания, принялись сражаться друг с другом, пока в живых не осталось лишь пятеро из них, которых Кадм и взял себе в помощники.

С их помощью Кадм выстроил великолепный город и правил в нем счастливо, удачно и проявляя большую мудрость. Геродот сообщает, что именно он ввел в Греции алфавит. В жены боги дали ему Гармонию, дочь Ареса и Афродиты. Олимпийцы оказали молодоженам честь своим присутствием на свадьбе, а Афродита подарила Гармонии чудесное ожерелье, выкованное Гефестом, которое, хотя и сделанное руками бога, должно было принести несчастье его владельцам в следующем поколении.

У супругов родились четыре дочери и один сын, и их судьба научила родителей тому, что ветер расположения богов к смертным никогда не дует слишком долго. На долю всех их дочерей выпали страшные беды. Одна из них, Семела, мать Диониса, погибла, не вынеся вида Зевса, явившегося к ней по ее просьбе в громах и молниях. Второй была Ино. Она стала очень дурной мачехой для Фрикса, мальчика, унесенного от смерти бараном с золотым руном. Ее муж в припадке безумия убил их сына Меликерта, и с его мертвым телом в руках Ино бросилась в море. Но боги спасли их обоих: Ино стала морской богиней, той самой, которая спасла тонущего Одиссея, когда его плот был разбит бурей, а ее сын – морским богом. В *Одиссее* ее имя все еще Ино, но позже ее стали называть Левкофея. Сына же ее звали Палемон. Таким образом, в отличие от других сестер к концу жизни ей все-таки повезло. Двум ее сестрам, Агаве и Автоное, горе принесли сыновья. Агаве было суждено стать самой несчастной из всех матерей. Пораженная безумием, насланным на нее Дионисом, она вообразила, что ее сын Пенфей – это лев, и растерзала его собственными руками. Сыном же Автоной был знаменитый охотник Актеон. Автоное было ниспослано в какой-то мере меньшее горе в том смысле, что ей не пришлось самой лишать жизни свое дитя. Но ей выпало пережить его ужасную гибель в расцвете молодости и красоты, причем гибель, совершенно незаслуженную – он не совершил ничего дурного.

Однажды после охоты, разгоряченный и мучимый жаждой, Актеон заглянул в грот, в котором крохотный ручеек вливался в довольно обширный бассейн. Ему хотелось всего лишь освежиться в кристально чистой воде. Но он не ведал, что попал в любимую купальню Артемиды, и как раз в тот самый момент, когда богиня, сбросив одежды, во всей своей красоте стояла на краю бассейна. Оскорбленная богиня даже не стала размышлять о том, намеренно ли поступил юноша или же он забрел в грот по неведению, и брызнула ему в лицо каплями воды со своей влажной ладони. Как только они достигли его, Актеон тотчас же превратился в оленя. И не только внешне: его сердце стало сердцем оленя, и он, никогда раньше не знавший страха, испугался и бросился бежать. Собственные собаки Актеона увидели его, бегущего, и помчались за ним вслед. Даже смертельный страх не дал ему уйти от быстроногой стаи. Верные псы Актеона догнали его и растерзали.

Таким образом, в старости после многих лет счастья Кадма и Гармонию поразили горести из-за потери детей и внуков. После гибели Пенфея они бежали из Фив, словно пытаясь уйти от преследующего их злого рока. В далекой Иллирии боги превратили их в змей, но не в наказание за какие-либо дурные поступки; это было свидетельством о том, что невинные страдают так же часто, как и виновные. Но ни один человек из этого злополучного рода не был более неповинным в чем-либо злом, чем Эдип, праправнук Кадма, и ни один не пострадал так жестоко.

Эдип

Этот рассказ целиком заимствован мной из одноименной драмы Софокла, за исключением эпизода с загадкой Сфинкса, которую Софокл только упоминает. Рассказ передается многими авторами и почти всегда в одном и том же виде.

Фиванский царь Лай был правнуком Эдипа. Он был женат на своей дальней родственнице Иокасте. Со времени их правления в судьбе этого рода ведущую роль начинает играть оракул Аполлона в Дельфах.

Как известно, Аполлон – бог, воплощающий истину. Какое бы пророчество ни изрекла дельфийская жрица, оно неизбежно свершалось. Пытаться поступать так, чтобы пророчество не сбылось, было так же бесполезно, как противодействовать законам природы. Тем не менее, когда оракул предупредил Лая, что он погибнет от руки собственного сына, Лай решил, что сделает все, чтобы этого не произошло. После рождения ребенка Лай связал ему ножки и приказал отнести на одинокую горную вершину, где тот наверняка должен был погибнуть. Теперь Лай уже ничего не боялся и считал, что в этом отношении может предсказывать судьбу лучше, чем бог. Однако своей цели он не достиг – он погиб, думая, что напавший на него убийца – чужеземец. Он так и не узнал, что своей смертью доказывает истинность предсказания Аполлона.

К моменту смерти он находился далеко от дома. С того времени, когда младенца унесли в горы, прошло очень много лет. Стало известно, что шайка разбойников лишила жизни самого Лая и перебила его спутников, за исключением одного, который и принес эту весть в Фивы. Преступление не было тщательно расследовано, поскольку в это время Фивы находились в очень тяжелых условиях. Всей фиванской области угрожало страшное чудовище, Сфинкс, выглядящее как крылатый лев, но имеющее женские лицо и грудь. Оно подкарауливало путников на ведущих к городу дорогах, и каждый, кто попадал ему в лапы, должен был решить предложенную Сфинксом загадку. Отгадавшего Сфинкс обещал отпустить, но еще ни один несчастный не сумел этого сделать, и ужасное чудовище пожирало человека за человеком. Наконец, город оказался в состоянии осады. Семь огромных ворот, гордость Фив, были постоянно закрыты, и голод все ближе и ближе подбирался к горожанам. Так обстояли дела в Фивах, когда в злополучную страну явился очень смелый и очень умный человек по имени Эдип. Он бежал из родного города Коринфа, где его считали сыном коринфского царя Полиба, а причиной его бегства послужило еще одно прорицание дельфийского оракула, согласно которому он, Эдип, обречен убить собственного отца. Эдип же, как и Лай, задумал поступить так, чтобы предсказание оракула не сбылось, и решил уже никогда больше не возвращаться в Коринф к Полибу. В своих странствиях он достиг фиванской области и услышал о том, что там творится. Эдип был бездомным, не имеющим друзей человеком, для которого жизнь мало что значила, и поэтому он решил найти Сфинкса и попытаться отгадать его загадку.

– Кто, – спросил его Сфинкс, – ходит на четырех ногах утром, на двух – днем и на трех – вечером?

– Человек, – ответил Эдип. – В детстве он ползает на четвереньках, в зрелости ходит на ногах, а в старости помогает себе посохом.

Это был правильный ответ. Сфинкс каким-то необъяснимым образом, но к полному счастью Эдипа лишил себя жизни⁵⁴; фиванцы были спасены. Эдип же приобрел гораздо больше, чем утратил в Коринфе. Благодарные фиванцы избрали его царем, и он женился на вдове Лая Иокасте. Вместе они счастливо прожили немало лет. В этом случае прорицание Аполлона как будто бы оказалось ложным.

Эдип и Сфинкс

Но когда двое их сыновей выросли и стали мужчинами, в Фивы снова пришла беда – эпидемия страшной болезни. По всей стране умирали не только люди, гибли стада коров, овец и коз, засыхал хлеб на полях. Тем, кого пощадила смерть от болезни, угрожала смерть от голода. Никто из горожан не мучился от этого так, как мучился Эдип. Ведь он считал себя отцом всей страны; населяющие ее граждане были его детьми; бедствия каждого из них были его бедствиями. И однажды он послал брата Иокасты Креонта в Дельфы просить совета у бога.

Креонт вернулся с хорошими вестями. Аполлон объявил, что болезнь прекратится при условии, что будет наказан убийца царя Лая. Эдип облегченно вздохнул. Конечно, этого человека или этих людей можно отыскать даже по прошествии многих лет, и он-то уж найдет, как их наказать. Горожанам, собравшимся выслушать сообщение вернувшегося из Дельф Креонта, он заявил следующее.

Приказываю, кто бы ни был
Убийца тот, в стране, где я у власти,
Под кров свой не вводить его и с ним
Не говорить. К молениям и жертвам
Его не допускать, ни к омовеньям, —
Но гнать его из дома, ибо он —
Виновник скверны, поразившей город.

За поиски виновных Эдип взялся очень энергично. Прежде всего он послал за Тиресием, старым слепым пророком, чрезвычайно почитаемым фиванцами.

– Могу ли я, – спросил он Тиресия, – указать виновных?

К большому изумлению и негодованию Эдипа, пророк первоначально отказался отвечать.

– Заклинаю тебя богами-олимпийцами, – настаивал Эдип. – Если ты только знаешь...

– Дураки, – ответил Тиресий. – Вы все – дураки. Отвечать я не буду.

Но когда Эдип, разгневавшись, обвинил пророка в том, что он молчит потому, что сам принял участие в убийстве, тот разгневался в свою очередь, и с его уст слетели слова, которые он не собирался произносить никогда:

– Ты сам – тот убийца, которого разыскиваешь! Эдипу показалось, что Тиресий сошел с ума; то, что он говорил, звучало как бред сумасшедшего. Он приказал Тиресию удалиться и никогда снова не представлять перед его глазами.

Иокаста тоже отнеслась к этому обвинению с большим пренебрежением.

– Ни пророки, ни оракулы наверняка ничего не знают, – заявила она и поведала супругу, как дельфийская жрица напророчила Лаю, что он погибнет от руки своего сына, и как они оба позаботились о том, чтобы родившийся у них мальчик не выжил. – А Лай был убит разбойниками, там, где на пути в Дельфы сходятся три дороги, – с триумфом закончила она свой рассказ. Услышав это, Эдип бросил на нее странный взгляд и тихо спросил:

– Когда это произошло?

– Как раз перед твоим приходом в Фивы, – отвечала Иокаста.

– Сколько слуг было с ним? – продолжал спрашивать Эдип.

– Всех было пятеро, – быстро проговорила Иокаста, – и убиты все, кроме одного.

– Я должен видеть его, – потребовал Эдип. – Пошли за ним.

– Пошлю, – прозвучал ответ, – немедленно. Но у меня есть право знать, что ты задумал.

– Ты будешь знать столько же, сколько знаю я. Прежде чем попасть сюда, я заходил в Дельфы, потому что один человек бросил мне в лицо, что я – не сын Полиба. Я хотел спросить об этом у бога. Аполлон не ответил мне, но зато объявил о страшных вещах: я убью отца, женюсь на матери и порожу с ней детей, вид которых будет вызывать у людей отвращение. Я не вернулся в Коринф. На пути из Дельф, там, где сходятся три дороги, я встретил знатного человека с четырьмя слугами. Он попытался столкнуть меня с дороги и ударил палкой. В гневе я напал на них и всех перебил. Мог ли этот человек быть Лаем?

– Единственный оставшийся в живых слуга рассказывал о целой шайке разбойников, – возразила Иокаста. – Лай был убит разбойниками, а не собственным сыном, тем, невинным, погибшим на горе.

Во время этого разговора им как будто было дано еще одно доказательство того, что пророчества Аполлона могут оказаться ложными. Из Коринфа прибыл вестник, сообщивший о смерти Полиба.

– О, оракул! – воскликнула Иокаста. – Где же твоя правда? Человек действительно умер, но вовсе не от руки своего сына!

При этих словах царицы вестник мудро улыбнулся.

– Значит, это боязнь убить своего отца прогнала тебя из Коринфа? – спросил он. – Ах, царь, ты ошибался. У тебя совсем не было причин бояться. Ведь ты – не сын Полиба. Он

только воспитал тебя, как сына, но принял-то тебя он из моих рук.

– А где ты взял меня? – тотчас же спросил Эдип. – Кто мой отец и мать?

– Я ничего не знаю о них, – таков был ответ вестника. – Тебя передал мне пастух, слуга Лая.

Иокаста побледнела; выражение ужаса застыло на ее лице.

– Стоит ли размышлять над тем, что наболтал этот человек! – вскричала она. – Все, что он говорит, не имеет никакого значения.

Она произнесла эти слова быстро, но уверенно и с силой. Эдип не мог понять их смысла.

– Как, обстоятельства моего рождения не имеют никакого значения? – недоумевал он.

– Заклинаю тебя богами, – остановила его Иокаста, – не продолжай. Горя мне и так хватает.

Сказав это, она сорвалась с места и бросилась во дворец.

И в этот момент перед Эдипом появился какой-то незнакомый ему старик. Он и вестник с удивлением оглядели друг друга, и последний изумленно воскликнул:

– Тот самый человек, о царь! Пастух, который принес тебя ко мне.

– А ты, – спросил Эдип старика, – знаешь ли ты его так же, как он знает тебя?

Старик помедлил с ответом, но вестник продолжал настаивать.

– Ты должен вспомнить. Когда-то ты принес мне найденного тобой младенца, теперь это – стоящий перед тобой царь.

– Замолчи, – пробормотал старик, – придержи язык!

– Что? – в гневе закричал Эдип. – Ты еще будешь сговариваться с ним, как утаить от меня то, что я желаю знать? Но, будь уверен, есть способы заставить тебя заговорить!

Испугавшись, старик запросил пощады.

– О, только не причиняй мне вреда. Я действительно передал ему младенца, но только, ради богов, не спрашивай меня о большем.

– Если мне придется еще раз приказать тебе говорить обо всем, что знаешь, то ты пропал, – опять пригрозил старику Эдип.

– Спроси свою царицу, – выкрикнул тот, – она расскажет тебе лучше.

– Это она отдала ребенка тебе? – спросил Эдип.

– О да, да, да! – простонал в ответ старик. – Я должен был убить его. Было пророчество...

– Пророчество! – повторил Эдип. – Он должен был убить своего отца?

– Да, – прошептал старик.

Мучительный вопль вылетел из горла Эдипа. Наконец он понял все.

– Все правильно! И пусть теперь свет в моих глазах сменится тьмой. Я осужден!

Эдип убил своего отца и женился на его вдове, собственной матери. Помощи ни он, ни она, ни их дети не могли ожидать ниоткуда. Осуждены были все.

В отчаянии Эдип бросился искать свою жену, бывшую ему матерью. Он нашел ее в ее покоях. Она была мертва. Узнав всю правду, она сама лишила себя жизни. Встав рядом с ее телом, Эдип поднял на себя руку, но не затем, чтобы свести счеты с жизнью: он решил перейти из мира света в мир тьмы – и выколол себе глаза. Черный мир слепоты стал для него убежищем – уж лучше оказаться в нем, чем смотреть преступными глазами на по-прежнему яркий мир.

Антигона

История Антигоны взята мной из трагедий Софокла Антигона и Эдип в Колоне, за исключением эпизода смерти Менекея, изложенного в трагедии Еврипида Просительницы (Молящие).

После смерти Иокасты и всех связанных с ней трагических событий Эдип продолжал

жить в Фивах. Его дети постепенно выросли. У него было двое сыновей: Полиник и Этеокл и две дочери: Антигона и Йемена. Это были очень несчастные молодые люди, но они совсем не выглядели чудовищами, при виде которых, как предсказывал оракул, окружающие должны были содрогаться. Юноши нравились фиванцам, а девушки были достойными подражания примерными дочерьми.

Эдип, конечно, отказался от трона. То же самое сделал и его старший сын Полиник. Фиванцы нашли это решение мудрым ввиду сложности отношений в этой семье и пригласили Креонта, брата Иокасты, в качестве правителя Фив. В течение многих лет они относились к Эдипу вполне доброжелательно, но в конце концов все-таки решили изгнать его из города. Что побудило их принять такое решение, неизвестно, но на нем настаивал Креонт, и сыновья Эдипа были вынуждены подчиниться. Единственными близкими людьми для Эдипа остались его дочери. Они оказались верны отцу во всех его испытаниях. Когда Эдип был изгнан из Фив, Антигона отправилась вместе с ним, чтобы служить слепцу поводырем и заботиться о нем. Йемена же осталась в Фивах, чтобы следить за соблюдением его интересов и сообщать о всех событиях, имеющих к нему отношение.

После того как Эдип ушел из города, оба его сына заявили о своих правах на престол, и каждый пытался стать царем в Фивах. Этеокл одолел и изгнал старшего брата из города. Полиник укрылся в Аргосе и делал все возможное, чтобы возбудить всеобщую враждебность против Фив. В конечном итоге он намеревался собрать войско и отправиться на Фивы походом.

В своих злосчастных странствиях Антигоне и Эдипу однажды довелось забрести в Колон, местечко близ Афин, где в те времена было расположено святилище Эриний (Фурий), которых в дальнейшем стали именовать Эвменидами (Благими). Оно служило также убежищем для всех молящих о защите. Старый слепой Эдип почувствовал себя здесь в безопасности; тут он и скончался. Будучи столь несчастным в течение почти всей своей жизни, он обрел счастье к ее концу. Оракул, от которого он когда-то услышал жестокие слова, утешил и поддержал его перед кончиной. Аполлон пообещал Эдипу, что он, опозоренный и бездомный бродяга, будет перенесен в такое место, где его могила станет символом особого расположения и благословения богов. Его со всеми почестями принял царь Афин Тесей, и Эдип умер, радуясь, что он больше уже не ненавистен людям и они приветствуют и почитают его как благодетеля страны, которая его приняла.

Йемена, прибывшая в Колон, чтобы сообщить отцу эту добрую весть, присутствовала при его кончине вместе с сестрой; затем, обеспечив сестрам безопасность, Тесей отослал их домой. Прибыв в Фивы, они узнали, что один из братьев выступил в поход против родного города, собираясь захватить его, а другой намерен защищаться до конца. Полиник, напавший на город, имел большие права на трон, но Этеокл, защищающий Фивы, как-никак спасал их от разгрома. Определить свою позицию по отношению к родным братьям сестрам было невозможно.

К Полинику присоединилось шесть вождей, одним из которых был царь Аргоса Адраст, а другим Амфиарай, зять Адраста. Амфиарай отправился в поход почти против воли, поскольку, будучи прорицателем, знал, что ни один из семерых не вернется домой живым, кроме Адраста. Однако его связывала клятва, данная им его жене Эврифиле, согласно которой она должна была решать любые споры между мужем и ее братом. Эту клятву Амфиарай дал, когда он и Адраст в очередной раз повздорили, а Эврифила примирила их. На этот раз Полиник привлек ее на свою сторону, подкупив чудесным ожерельем, которое было подарено на свадьбу еще Гармонии, и Эврифила заставила своего супруга присоединиться к походу.

Итак, семь ворот Фив собирались атаковать семеро вождей, и столько же равных по храбрости вождей готовились защищать их. Этеокл защищал ворота, против которых стояло войско Полиника, и Антигона и Йемена, находившиеся в царском дворце, со страхом ожидали, чем закончится смертельная схватка. Но прежде чем завязалась решающая битва, за свою родину погиб один фиванский юноша, еще не достигший возраста мужчины и своей

гибелью доказавший, что благородством он превосходит всех. Это был Менекей, младший сын Креонта.

Тиресий, пророк, уже изрекший для царской семьи так много устрашающих пророчеств, сделал и еще одно. Он сообщил Креонту, что Фивы будут спасены только в том случае, если погибнет Менекей. Отец решительно отказался приносить сына в жертву и заявил, что охотно умрет сам.

– Но сына я не убью, даже чтобы спасти родной город, – добавил он. Сыну, который присутствовал при разговоре с Тиресием, Креонт приказал: – Дитя мое, как можно скорее беги, пока о пророчестве не узнал весь город.

– Куда, отец?

– Я найду средства... я найду золото.

– Тогда ищи, – завершил разговор Менекей, но, когда Креонт ушел, он высказал мысли, которые лежали у него на сердце.

Да, мой отец лишает города надежды
И хочет сделать меня трусом.
Так пусть же. Он уж стар,
И я его прощу. Но я-то молод.
Коль Фивы я предаю, мне нет прощенья.
Как может думать он, что не пойду
Сражаться я за город, жертвуя собой?
Чем станет жизнь моя, коль превращусь я в труса,
Когда бы мог спасти свою страну?

Менекей отправился в бой под стены города и, очень плохо владея оружием, был тотчас же убит.

Ни осаждающие, ни осажденные долго не могли добиться преимущества, и наконец те и другие договорились решить дело поединком между братьями. Если победит Этеокл, аргивяне отступят от Фив; если же он будет побежден, царем станет Полиник. Но победителей не было – братья убили друг друга. Умирая, Этеокл глядел на брата и плакал; у него не было сил говорить, а Полиник, собрав силы, проговорил:

– Мой брат, ты – мой враг, но любимый, любимый... Похорони меня в родной земле.

Таким образом, поединок ничего не решил, и битва возобновилась. Но Менекей погиб не напрасно; в конце концов фиванцы возобладали, и все семеро вождей аргивян, за исключением Адраста, погибли в бою. Вместе с остатками войска он бежал в Афины. В Фивах же полным хозяином стал Креонт, заявивший, что ни один из тех, кто сражался против фиванцев, предан земле не будет. Этеоклу будут возданы все почести, которые полагаются благороднорожденным, тело же Полиника будет оставлено на съедение хищным зверям и птицам. Это была месть, которая выходила за пределы справедливости; это означало наказывать мертвого. Души непогребенных не могли пересечь реку, опоясывающую царство мертвых. Они должны были бродить в одиночестве, им не было места успокоения в их тоске и печали. Похоронить покойного – священный долг каждого человека, даже если умерший не был родственником. Но по отношению к Полинику Креонт объявил преступлением этот священный долг. Тот, кто дерзнул бы его похоронить, был бы обречен на смерть.

Антигона и Йемена с ужасом слышали о решении Креонта. Йемену это решение, ужасающее само по себе, переполнило болью и мукой за бедное тело брата, за его одинокую, обреченную на скитания душу; ей приходилось подчиниться. Ведь она и Антигона были совсем одни. А все Фивы ликовали, радуясь, что человек, приведший к их стенам войну, будет так жестоко наказан.

– Мы – женщины, – заявила Йемена сестре. – И должны молчать. У нас нет сил бросать вызов власти.

– Выбирай себе путь сама, – отвечала на это Антигона. – Я же пойду погребать брата, которого люблю.

– У тебя же мало сил, – расплакалась Йемена.

– Ладно, я откажусь от задуманного, если их совсем не останется, – отрезала Антигона, оставляя сестру в одиночестве. Та не осмелилась следовать за ней.

Через несколько часов Креонт был изумлен внезапно услышанным им громким криком:

– Вопреки твоему приказу Полиника погребли! Креонт поспешно вышел из дворца и столкнулся со стражниками, которым приказал тотчас же выяснить, где тело Полиника и где Антигона.

– Полиника похоронила эта девушка, – загомонили они. – Мы ее видели. Ее прикрывала пыльная буря. А когда буря кончилась, Полиника она уже погребла и уже совершала жертвоприношение над его могилой.

– Ты знала про мой приказ? – грозно спросил Креонт.

– Да, – прозвучало в ответ.

– И ты все-таки преступила закон?

– Твой закон, но не законы справедливости, хранящиеся в обители богов! – ответила Антигона. – Неписанные законы небес созданы не для сегодняшнего, не для вчерашнего дня. Они – вечны.

Из дворца с плачем вышла Йемена и встала рядом с сестрой.

– Я помогала ей, – объяснила она.

Но Антигона не приняла ее поддержки.

– Сестра не участвовала в погребении, – заявила она Креонту и приказала Йемене замолчать. – Ты выбрала жизнь, а я – смерть.

Когда ее уводили на казнь, она проговорила:

На меня посмотрите, правители Фив,
На последнюю в роде фиванских царей,
Как терплю, от кого я терплю – лишь за то,
Что почтила богов почитаньем!..

Память об Йемене исчезла. О ней не сложено ни легенд, ни стихов. Дома же Эдипа, этого последнего из рода фиванских царей, больше не существует.

Семеро против Фив

Этот миф пересказывают два великих писателя. Он положен в основу драм Эсхила и Еврипида. Мной выбрана версия Еврипида, поскольку она в большой степени отражает нашу собственную, современную точку зрения. Эсхил блистательно пересказывает миф, но под его пером это – волнующая поэма о военных действиях. Трагедия же Еврипида Просительницы (Молящие) характеризует его близкую к нашей современности ментальность в гораздо большей степени, чем другие произведения.

Итак, за погребение Полиника было заплачено ценой жизни его сестры; теперь душа его могла пересечь реку Ахерон и найти себе приют в царстве мертвых. Однако тела пятерых вождей, пошедших с ним в поход на Фивы, по-прежнему оставались непогребенными и в соответствии с приказом Креонта должны были остаться незахороненными навсегда.

В связи с этим Адраст, единственный уцелевший из семерых вождей и зачинщик войны, прибыл к Тесею, царю Афин, чтобы просить разрешения похоронить тела павших. С ним к Тесею пришли матери и сыновья погибших.

– Единственное, о чем мы просим, – обратился Адраст к царю, – так это о погребении наших павших воинов. Мы пришли за помощью к тебе, потому что Афины – город, всегда готовый оказать самую действенную помощь тем, кто умоляет о ней.

– Я не хочу стать вашим союзником, – отвечал на это Тесей. – Ты повел своих воинов против Фив. Ты разжег эту войну, а не Фивы.

Но Этра, мать Тесея, к которой в первую очередь обратились убитые горем матери павших, решила вмешаться в разговор двух царей.

– Сын мой, – сказала она, – могу ли я защитить твою честь, да и честь Афин?

– Да, говори, – ответил царь и внимательно выслушал все, что лежало на сердце у его матери.

– Ты обязан защищать всех тех, кто терпит беду, – настаивала она. – А насильников, которые отказывают мертвым в их праве на погребение, ты должен заставить подчиняться закону. Так принято во всей Греции. Что же еще удерживает, предохраняет от распада наши государства и вообще все государства на земле, как не уважение к великим законам справедливости?

– Мать, – воскликнул Тесей, – это правильные слова! Но один эту задачу я решить не могу. Ведь я сделал эту страну свободной, в ней каждый имеет право голоса. Я пойду походом на Фивы, только если афиняне будут на это согласны.

Несчастные женщины стали вместе с Этрой ожидать созыва народного собрания, решение которого решило бы судьбу их убитых детей. Они молились: «О град Афины, помоги нам! Да не будут попораны законы справедливости и да будет дано угнетенным вспомоществование!» Вернувшийся Тесей принес хорошие новости. Собрание вынесло решение сообщить фиванцам, что афиняне желают быть им добрыми соседями, но что они не будут равнодушно взирать на то, как совершается большое зло. «Прислушайтесь к нашим словам», – заявят они фиванцам. – Мы хотим только справедливого. Но если вы придерживаетесь иного мнения, это означает, что вы выбираете войну, поскольку мы собираемся воевать, чтобы защитить беззащитных».

Но он еще не закончил свою речь, как появился гонец, спросивший:

– Кто здесь владыка, кто повелитель Афин? Я принес ему вести от повелителя Фив.

– Ты ищешь того, кого не существует, – отвечивал Тесей. – Здесь нет повелителей. Афины свободны. В них правит народ.

– Это устраивает Фивы! – вскричал гонец. – Ведь наш город управляется не толпой, склоняющейся то в одну, то в другую сторону. У нас правит один человек. А может ли невежественная толпа мудро руководить действиями всего народа?

– Мы в Афинах, – парировал Тесей, – пишем свои собственные законы, а потом живем в соответствии с ними. Мы считаем, что нет более худшего врага государству, чем тот, кто держит закон в своих руках. Огромное преимущество наше – в том, что наше отечество радуется своим сынам, мужам сильным и могучим своей мудростью, своими справедливыми деяниями. Но тирану такие мужи ненавистны. Он уничтожает их, боясь, что рано или поздно они потрясут основы его власти.

Ступай назад в Фивы и передай своим соотечественникам, что нам известно, насколько мир лучше войны. Только глупцы стремятся к войне, чтобы поработить более слабую страну. Мы не хотим причинять вреда вашему государству. Мы хотим лишь вернуть земле тела, которыми всякий человек владеет не как хозяин, а как временный, пребывающий в них гость. Прах должен снова обратиться в прах.

Креонт не прислушался к обращению Тесея, и афиняне выступили в поход против Фив и разбили фиванцев. Охваченные паникой жители Фив страшились, что все они будут перебиты или проданы в рабство, а их город разрушен. Но после победы Тесей приказал своему войску отойти от стен Фив.

– Мы пришли сюда не для того, чтобы разрушить ваш город, – объявил он, – но только затем, чтобы похоронить прах павших.

Гонец же, принесший ожидавшим в тревоге афинянам весть о победе, сообщил им также, что Тесей, готовясь совершить погребальные обряды над телами пяти несчастных, сам обмыл их, прикрыл покрывалами и положил на погребальные колесницы.

Узнав, что тела их сыновей положены на погребальный костер со всеми

полагающимися им почестями и почетом, убитые горем матери вождей вздохнули с облегчением. Над их телами последнее слово произнес Адраст:

– Вот лежит Капаней, муж, славный своими богатствами, но всегда смиренный, как бедняк, и истинный друг всем людям. Он не произносил слов обмана, с его уст слетали только правдивые слова. А вот Этеокл, бедный всем, кроме чести. Ею он обладал в избытке. Если бы ему предложили золото, он бы отказался от него. Он бы не захотел стать его рабом. Рядом с ним лежит Гиппомедон. Этот воин и охотник с радостью выносил любые лишения, с детства с презрением относился к возможности легкой жизни. А вот Партенопей, сын Аталанты, любимый многими мужами и многими женами, никогда никому не причинявший зла. Он радовался, когда радовалось его отечество, и печалился, когда печалилось оно. А вот – молчаливый Тирей. Возвышенна его душа, насколько высоко она воспаряла, свидетелями – его дела, а не слова.

Когда костер был зажжен, на вершине скалы над ним появилась женская фигура. Это была Эвадна, жена Капанея. И вот ее последние слова:

Я все же нашла ваш костер погребальный
И с муками жизни хочу я проститься.
О, как сладостно гибнуть вместе с любимым моим!

Эвадна бросилась в пылающий костер, и душа ее вместе с душой ее супруга отправилась в подземный мир.

Матери героев, зная, что души их сыновей наконец умиротворены, тоже обрели покой. Но его не обрели сыновья павших вождей. Когда костер затух, они поклялись, что когда вырастут, то обязательно отомстят Фивам. «Наши отцы спят в могилах, но зло, причиненное им, заснуть не может», – заявили они. Через десять лет они организовали поход на Фивы. Они победили; разбитые фиванцы бежали, а их город победители сровняли с землей. Прорицатель Тиресий пропал без вести во время бегства. От древних Фив осталось только ожерелье Гармонии, которое перенесли в Дельфы и в течение нескольких сотен лет показывали там путешественникам. Сыновья семи вождей, хотя они одержали победу там, где их отцы потерпели поражение, известны как «эпигоны» (позжерожденные), как будто они появились на свете, когда все великие подвиги уже были совершены. Но во времена падения Фив греческие корабли еще не отплыли под Трою; сын того же Тидея Диомед прославил себя как один из самых знаменитых героев, сражавшихся под троянскими стенами.

Глава 3 Царский дом Афин

Сказание о Прокне и Филомеле изложено мной по Овидию. Он излагает его лучше, чем кто-либо другой, хотя подчас у него и встречаются совершенно немыслимые места. Так, например, в пятнадцати длинных строчках, которые я опускаю, он описывает, как был

вырезан язык у Филомелы и на что он был похож, когда, «трепеца», валялся на земле, куда его отбросил Терей. Греческие поэты не прибегали к подобным деталям, но римские вполне их допускали. Я также следовала Овидию в большей части мифов о Прокриде и Орифии, правда позаимствовав некоторые подробности у Аполлодора. Судьба Креусы и Иона находится в центре внимания в пьесе Еврипида, одной из многих, в которых он пытается показать афинянам, что же из себя в действительности будут представлять их боги, если их оценивать по человеческим представлениям о милосердии, чести, самоконтроле. Греческая мифология была буквально переполнена рассказами вроде мифа о похищении Европы, в которых вопрос о том, что божество поступает несколько не так, как должно поступать божеству, даже и не ставится. В своем варианте истории Креусы Еврипид, собственно, говорит аудитории: «Взгляните на вашего Аполлона, этого яркого, как солнце, повелителя музыкальных струн, этого чистейшего бога, представляющего Истину. И что же он на самом деле сделал? Сперва зверски изнасиловал беспомощную юную девушку, а потом бросил ее». Если подобного рода пьесы делали полные сборы, это означало конец греческой мифологии.

Это правившее в Афинах семейство, даже если рассматривать его на фоне других семейств с трагической судьбой, особенно выделяется теми трагичными обстоятельствами, которые выпадали на долю его членов. Ни в одном из мифов не рассказывается о событиях более необычных, чем те, которые происходили в этой семье.

Кекроп

Кекроп был первым царем Аттики. Смертных среди его предков не было, и сам он был человеком только наполовину.

Кекроп, царь и герой,
Порожденье дракона,
И сам вполовину дракон.

Именно он причина того, что Афина стала покровительницей его города. Посейдону тоже хотелось стать покровителем Афин, и, чтобы показать, какие блага он может принести этому городу, он, ударив своим трезубцем по скале Акрополя, заставил хлынуть из раскрывшейся расселины соленую воду, наполнившую глубокий колодец. Но Афина поступила умнее. Она повелела, чтобы на Акрополе выросло оливковое деревце, наиболее ценное из всех деревьев Греции.

Серо-зеленые листья оливы
Явила богиня городу,
Это – слава вовеки Афинам.
Град – под защитой богини.

Приняв во внимание этот щедрый дар, Кекроп, бывший судьей на этом состязании богов, решил, что покровительствовать городу будет Афина. Посейдон был крайне разгневан этим решением и наказал город, наслав на Аттику наводнение.

В одной из версий мифа об этом состязании между богами интерес представляет вопрос о том, как голосовали женщины Афин. В те далекие дни женщины принимали участие в голосовании наравне с мужчинами. В данном случае все женщины отдали свои голоса богине, а все мужчины – богу. Но женщин оказалось на одну больше, чем мужчин. Мужчины, во главе с Посейдоном, были весьма раздосадованы этим женским триумфом и, пока Посейдон продолжал затоплять страну, решили отобрать у женщин право голоса. Тем не менее город остался за Афиной.

Большинство писателей утверждает, что описанные события произошли до Потопа, а Кекроп, принадлежавший знатному афинскому роду, не был полужмеей-получеловеком. Он был простым смертным, известным среди афинян только благодаря своим именитым родителям. Он был, собственно, сыном прославленного царя, племянником двух и братом трех мифологических героинь. Кроме того, он был прадедом афинского героя Тесея.

Его отец, афинский царь Эрехтей, согласно преданию, правил как раз в то время, когда в Элевсин пришла Деметра и научила людей земледелию. У него было две сестры: Прокна и Филомела, отмеченные своими предельно трагическими несчастьями.

Прокна и Филомела

Прокна, старшая из сестер, была замужем за фракийским царем Тереем, сыном Ареса, который доказал, что унаследовал все brutальные качества своего отца. У них был сын по имени И тис, и, когда ему исполнилось пять лет, Прокна, прожившая все годы своего замужества во Фракии отдельно от семьи, попросила Терее разрешить пригласить к себе в гости свою сестру Филомелу. Тот согласился, но заявил, что сам поедет в Афины и привезет сестру. Но как только Терей увидел девушку, он влюбился в нее. Она была прекрасна красотой нимфы или наяды. Терей с легкостью убедил ее отца отпустить ее с ним, да и сама она радовалась предстоящему путешествию сверх всякой меры. Переезд через море прошел великолепно, а когда они сошли с корабля и направились во дворец по сухопутью, Терей, заявив Филомеле, что получил известие о смерти Прокны, заставил ее вступить с ним, как она предполагала, в брак. Однако через короткое время она узнала правду и стала угрожать Терее. Она, несомненно, найдет средства рассказать о его злодеянии всему миру, и среди людей он станет последним изгоем. Этим она и разъярила, и испугала его. Он связал ее и вырезал ей язык. Потом, оставив ее под охраной, он отправился к Прокне и поведал той, что Филомела скончалась во время путешествия.

Положение Филомелы представлялось совершенно безнадежным. Она оказалась под замком, она не могла говорить, а письменность в те времена была еще неизвестна. Терей чувствовал себя в полной безопасности. Однако, хотя люди еще не умели писать, они могли сообщать друг другу об известных им вещах, не прибегая к словам, поскольку они были искусные ремесленники, такие мастера своего дела, которых теперь уже давно нет. Так, например, кузнец мог выковать щит, на поверхности которого была изображена охота на львов: два льва пожирали буйвола, а пастухи в это время натравливали на них своих собак. Он мог изобразить на щите и сцену сбора урожая: поле, усыпанное фигурами жнецов и вязальщиц снопов, виноградник с лозами, склоняющимися к земле под тяжестью кистей, которые собирают в корзины юноши и девушки, а один из них наигрывает на пастушьей дудочке, веселя остальных. Женщины тоже были весьма искусны в своих работах. На прекрасных тканях, которые они изготавливали, они могли изобразить, например, людей, которые были настолько похожи на живых, что каждый мог догадаться, кого имела в виду ткачиха. И Филомела обратилась к своему ткацкому станку. Причина ясно и четко изобразить на ткани свою судьбу у нее была гораздо более важной, чем у любой другой ткачихи. С бесконечной болью и непревзойденным умением она соткала чудесный ковер, на котором была показана история всех ее бед. Потом она отдала его старой женщине, которая ей прислуживала, и объяснила, что ковер предназначен для царицы.

Гордая от сознания, что ей доверен такой бесценный дар, старуха доставила его Прокне, еще продолжавшей носить траур по сестре, и сердце ее давило горе, такое же черное горе, как цвет ее одежд. Она развернула ковер и тотчас же узнала на нем Филомелу, ее лицо и фигуру, и Терее. С ужасом она поняла, что случилось с ее сестрой. Яснее не скажешь. Ее гнев и ярость, в которую она пришла, помогли ей сдержаться. Здесь не было места ни для слез, ни тем более для слов. Она напрягала весь свой ум, чтобы сообразить, как ей выручить сестру и наиболее жестоко наказать злодея мужа. Прежде всего она добралась до Филомелы, несомненно, через старуху вестницу, а затем, рассказав сестре (которая, понятно, в ответ

сказать ничего не могла), что ей все известно, она забрала ее с собой во дворец. Пока Филомела рыдала, Прокна обдумывала свои дальнейшие действия.

– Плакать будем завтра, – заявила она сестре. – Чтобы наказать Терей за все то зло, которое о нам причинил, я готова на все.

В этот момент в покой забежал Итис, ее маленький сын от Терей, и, когда Прокна взглянула на него, она осознала, что он стал ей ненавистен.

– До чего же ты похож на отца, – тихо произнесла она, и тут ей стало ясно, что она должна сделать.

Она заколола мальчика одним ударом кинжала, а потом, отрезав ему голову, сунула его руки и ноги в котел, кипящий над пламенем очага, и в тот же вечер подала их Терей на ужин. Она внимательно следила за тем, как он ел, а потом рассказала, чем ему пришлось поужинать.

Застыв от ужаса, Терей не мог шевельнуться, и сестрам удалось беспрепятственно убежать. Однако близ Даулиса он догнал их и уже собирался убить, когда боги – неожиданно для всех – превратили сестер в птиц; Прокну – в соловья, а Филомелу – в ласточку, поскольку, лишенная языка, она может только щебетать и никогда не поет. Что же касается Прокны, вот ее судьба.

Птичка с темными крыльями,
Чудо ночи – соловей,
Осужден звать до века:
«Итис, Итис, ты потерял,
Ты потерял навсегда!»

Она поет сладостней, чем все другие птицы, ведь ее пение – самое печальное. Она никогда не забудет, что убила сына.

Злополучный Терей был тоже превращен в птицу – безобразную и с большим клювом, как говорят некоторые, в ястреба⁵⁵.

Заметим, что римские писатели, пересказывавшие этот миф каким-то странным образом, перепутали имена сестер и соловьем стали называть лишенную языка Филомелу, что совершенно бессмысленно.

Прокрида и Кефал

Племянницу этих несчастных женщин звали Прокрида, и она была почти столь же несчастна, сколько и они. Она весьма удачно вышла замуж за Кефала, сына повелителя ветров Эола. Но не успели они прожить в счастливом браке и несколько недель, как Кефала похитила не кто иная, как сама Аврора, богиня утренней зари. Он был большим любителем охоты и привык вставать пораньше, чтобы выследить дичь. На рассвете Авроре не раз доводилось видеть молодого охотника, и в конце концов она в него влюбилась. Но Кефал любил Прокриду, и ни одна, пусть даже самая лучезарная богиня, не могла заставить его изменить супруге. В его сердце царила только Прокрида. Уязвленная упорством Кефала, которое не могли преодолеть никакие ее уловки и хитрости, Аврора отпустила его к жене, но предложила убедиться, что она была так же верна ему, как он ей.

Это коварное предложение заставило Кефала сходить с ума от ревности. Его так долго не было дома, а Прокрида так красива... Он решил, что не успокоится до тех пор, пока сам не убедится, что Прокрида любит его одного и все время оставалась ему верна. Так или иначе, он решил изменить свою внешность. По некоторым источникам, в этом ему помогала Аврора; во всяком случае, Кефал замаскировал себя настолько хорошо, что, когда под видом странника он вернулся в свой дом, никто из домочадцев его не узнал. Ему было приятно убедиться, что все в доме ждут возвращения хозяина, однако своих намерений он не изменил. Все же, когда он был допущен к Прокриде и увидел ее бросающуюся в глаза

печаль, горестное лицо и скромную манеру держаться, он было решился отказаться от своего плана, но не отказался, помня коварные слова Авроры. Сразу же по возвращении в дом он начал склонять Прокриду вступить в любовную связь с ним, с чужеземцем. Он изо всех сил принялся ухаживать за ней, не забывая при этом упомянуть, что ее супруг просто-напросто забыл о ней. Тем не менее он долго не мог растопить ее сердце. На все свои мольбы он слышал только один ответ: «Я принадлежу ему, и, где бы он ни был, я берегу свою любовь для него».

Но однажды, когда он снова начал изливать свои просьбы, слова убеждения и всяческие обещания, она помедлила с ответом. Она не сдалась, а лишь не противилась его натиску с прежней твердостью, но для Кефала этого было вполне достаточно.

– О, вероломная, бесстыдная женщина, я же – твой муж! – вскричал он. – Свидетельствую, что ты мне неверна! Прокрида пристально посмотрела на него, а потом, не говоря ни слова, повернулась и ушла из дома. Ее любовь к нему обернулась ненавистью. Она прокляла весь мужской род и отправилась в горы, чтобы жить там в одиночестве. Кефал же быстро пришел в себя, сменил гнев на милость, поняв, какую дурную роль ему пришлось сыграть. Он долго искал ее повсюду, пока не нашел, а потом несмело попросил у нее прощения.

Прокрида не могла простить Кефала, глубоко переживая, как он ее обманул, прикинувшись чужеземцем. В конце концов ему удалось завоевать ее, и они прожили вместе несколько счастливых лет. Однажды они по своему обыкновению отправились на охоту. Надо сказать, что Прокрида подарила супругу копье, никогда не знающее промаха. Дойдя до леса, супруги в поисках дичи разделились. Кефал неожиданно заметил, что что-то копошится в самой чаще, и метнул туда копье. Оно, как всегда, попало в цель, в лесной чаще, пронзенное копьем, лежало мертвое тело Прокриды.

Орифия и Борей

Одну из сестер Прокриды звали Орифия. В нее влюбился Борей, северный ветер, но ее отец Эрехтей, а также граждане Афин противились его сватовству. Не забывая печальную судьбу Прокны и Филомелы, да и северное происхождение злодея Терея, они испытывали ненависть ко всем северянам и отказывались выдать Орифию за Борей. Однако, полагая, что могут удержать при себе то, что хотелось заполучить могучему северному ветру, они жестоко ошибались. Однажды, когда Орифия играла с сестрами на берегу реки, Борей опустился к ней в виде гигантского смерча и унес с собой. Впоследствии двое ее сыновей, которых она родила Борей, – Зет и Калаид – отправятся вместе с Ясоном за золотым руном.

* * *

Однажды Сократ, великий учитель Афин, живший сотни, даже тысячи лет после того, как впервые были рассказаны мифы, прогуливался с молодым человеком по имени Федр, к которому был искренне привязан. Прогуливаясь, они лениво беседовали, и Федр спросил:

– Скажи, а не здесь ли то место, откуда, как говорят, Борей похитил Орифию?

– Где-то здесь, – ответил Сократ.

– Думаешь, оно самое? – удивился Федр. – Ручеек – чистый и прозрачный, и, как я представляю, девушки вполне могли резвиться где-то здесь поблизости.

– Полагаю, – отвечал Сократ, – что это место – на четверть мили ниже по течению, и где-то там и алтарь Борей.

– Скажи, Сократ, – продолжал Федр, – ты действительно веришь в эту историю?

– Мудрые склонны к сомнению, – отвечал тот, – и если я сомневаюсь, значит, я – не один.

Разговор происходил во второй половине V в. до н. э. Древние сказания уже переставали интересовать умы людей.

Креуса и Ион

Креуса была сестрой Прокриды и Орифии и, как и они, глубоко несчастной женщиной. Однажды, когда она была еще совсем молоденькой, едва, в сущности, выйдя из отроческого возраста, она отправилась на прогулку собирать крокусы на горе, в которой была глубокая пещера. Ее покрывало, которое она использовала вместо корзинки, уже было полным-полно этих желтых цветов, и она уже направлялась домой, когда ее схватил в объятия какой-то мужчина, появившийся словно ниоткуда или сразу же ставший видимым. Он был божественно красив, но она – в ужасе своем – даже не успела заметить, как он выглядит. Она воззвала к своей матери, но помощи было ждать неоткуда. Ее похититель, Аполлон, тотчас же увлек ее в темную пещеру.

Хотя он и был богом, она возненавидела его, в особенности в ту пору, когда ей подходило время родить дитя, а он не подал ей ни одной весточки и не оказал помощи. Рассказать о своей беде родителям она не смела. Конечно, ее возлюбленным был бог и сопротивляться ему она не смела, но, как показывает опыт, это обстоятельство извинительным не считалось. Сознаваясь в грехе, девушка подвергала себя риску расстаться с жизнью.

Когда Креусе пришло время рожать, она в одиночку отправилась в ту самую мрачную пещеру, где и родила сына. И здесь она оставила его одного умирать. Несколько позже, мучаясь от желания узнать, что же с ним все-таки случилось, она вернулась назад. Но пещера оказалась пустой, и даже капля крови нигде не было видно. Дикие звери, очевидно, не тронули ребенка. И что удивительно, вещи, в которые она завернула его: накидка и плащ, сотканые ее собственными руками, также исчезли. Она испугалась, что, быть может, в пещеру влетел большой орел или гриф и унес дитя вместе со всеми вещами в своих ужасных когтях. Это, видимо, было единственно возможное объяснение.

Через некоторое время она вышла замуж. Ее отец, царь Эрехтей, отдал ее руку чужеземцу в качестве награды за помощь в войне. Ее муж, которого звали Ксуф, был определенно грек, но родом не из Афин и даже не из Аттики. Афиняне смотрели на него как на пришельца, более того, как на чужака, и, если Креуса и Ксуф длительное время оставались бездетными, афиняне не считали это большой бедой для их семьи. Для Ксуфа же это было несчастьем. Ему страстно, гораздо больше, чем Креусе, хотелось сына. Поэтому они отправились в Дельфы, это прибежище всех попавших в беду греков, чтобы спросить бога, смогут ли они иметь ребенка.

Креуса, оставив своего супруга в городе в обществе одного из жрецов, направилась в святилище одна. В его внешнем дворе она встретила красивого юношу в жреческом одеянии, собирающегося очистить священное место водой из золотого колодца и распевającego хвалебный гимн своему богу. Он очень по-доброму оглядел красивую статную женщину, как и она его, и они вступили в разговор. Он сказал ей, что она – из высококоротенных и носит на себе благословение судьбы. На это Креуса с горечью ответствовала:

– Благословение судьбы! Лучше сказать, боль, от которой жизнь становится невыносимой!

В этих словах выразились все ее беды, ее страх и давняя тоска, ее горе из-за потери ребенка и тяжесть тайны, которую она несла в себе вот уже столько лет. Увидев удивление в глазах юноши, она собралась с духом и спросила его, кто он, такой молодой, но, очевидно, посвященный в высокие таинства святая святых Греции. На это он ответил, что его зовут Ион, но откуда он родом, не знает. Однажды утром Пифия, прорицательница и жрица Аполлона, нашла его в младенческом возрасте на ступеньках храма и воспитала его, как нежная мать. Он с радостью трудится в храме, всегда счастливый и гордый, что служит богу, а не людям.

А затем стал спрашивать ее. Почему, деликатно задавал он вопрос, она так печальна и ее глаза увлажнены слезами? Ведь пилигримы приходят в Дельфы вовсе не с таким

настроением – они радуются, что приблизились к святилищу Аполлона, бога-возвещателя Истины.

– О, Аполлон! – воскликнула Креуса. – Я пришла в его святилище совсем не с радостью.

А затем, в ответ на недоуменный и исполненный упрека взгляд Иона, добавила, что прибыла в Дельфы с секретным поручением. Ее муж уже был здесь, чтобы выяснить, есть ли надежда, что у него когда-нибудь родится сын, она же хочет узнать о судьбе ребенка, точнее, сына одной... Здесь она запнулась и замолчала, а затем быстро произнесла:

– Моей подруги, несчастной женщины, которой ваш дельфийский бог причинил большое зло. Не успел этот ребенок, зачатый ею от бога, родиться, как тот уже бросил ее. Его, должно быть, нет в живых, ведь это случилось много лет назад. Но моя подруга жаждет уверенности, она хочет знать, при каких обстоятельствах это произошло. И поэтому я и прибыла сюда.

Услышав обвинение, выдвинутое против бога, которому служит, Ион ужаснулся.

– Это неправда, – с жаром запротестовал он. – Это был какой-то смертный, а она, чтобы извинить свой позор, называет насильником бога.

– Нет, – твердо произнесла Креуса, – это был Аполлон.

Ион молчал. Потом он покачал головой.

– Даже если бы это было правдой, – промолвил он, – то, что ты собираешься сделать, – глупость. Ты не смеешь приблизиться к алтарю бога, чтобы назвать его насильником.

Пока этот удивительный юноша говорил, Креуса начала чувствовать, что ее решимость постепенно слабеет и уходит прочь.

– Я не приближусь к алтарю, – сказала она послушно. – Я поступлю, как велешь ты.

Ее обуревали чувства, смысла которых она не понимала. И тут во двор вбежал Ксуф. Радость триумфа озаряла его лицо. Он протянул было руки к Иону, но тот отступил с выражением холодного неприятия на лице. Но Ксуфу все-таки удалось обнять Иона, к величайшему его неудовольствию.

– Ты – мой сын! – воскликнул он. – Мне это объявил Апполон!

В сердце Креусы появилось чувство горькой неприязни к Иону.

– Твой сын?! – резко спросила она. – А кто же его мать?

– Не знаю, – сконфузился Ксуф. – Я-то думаю, что он – мой сын, но, быть может, это бог дарит его мне. Но в любом случае он – мой.

Ион продолжал стоять в стороне с ледяным выражением лица, Ксуф – ошеломленный, но счастливый, а Креуса – с чувством, что она всю жизнь была мужененавистницей и теперь не потерпит навязываемого ей сына от какой-то неизвестной, низкороденной женщины. И в этот момент к ним подошла немолодая жрица, прорицательница оракула Аполлона. В руках она несла две какие-то вещи, заставившие Креусу – при всей ее занятости собственными мыслями – сосредоточиться и посмотреть на них более внимательно. Одной из них было покрывало и второй – девичий плащ. Жрица сообщила Ксуфу, что с ним желает побеседовать некий жрец, и, когда тот удалился, она протянула принесенные ею вещи Иону.

– Мой милый, – сказала она, – эти вещи ты должен взять с собой, когда отправишься в Афины со своим вновь обретенным отцом. Это – одежды, в которые ты был завернут, когда я тебя нашла.

– О, это же моя собственная мать одела меня в них! – воскликнул Ион. – Это – ключ, теперь я ее найду, даже если буду искать по всей Европе и по всей Азии.

В этот момент Креуса неслышно подошла к нему и прежде, чем он успел отпрянуть, обидевшись во второй раз, обняла его и, с плачем прижав его лицо к своей груди, не уставала повторять:

– О, сын мой, мой сын!

Для Иона это было уже слишком.

– Да она – сумасшедшая!! – вскричал он.

– Нет и нет, – твердо отвечала Креуса. – Эта накидка, этот плащ – мои. Я завернула

тебя в них, когда оставляла в пещере. Смотри. Та подруга, о которой я тебе рассказала... Словом, это – не подруга, это – я сама. А твой отец – Аполлон. О, не отворачивайся. Я тебе все докажу. Разверни эти вещи. Я перечислю тебе на них все вышивки. Я сделала их собственными руками. Смотри же. Сейчас ты найдешь на плаще две маленькие золотые змейки – я сама к нему их прикрепила.

Обнаружив драгоценности, Ион перевел взгляд на мать.

– Мама! – потрясенно произнес он. – Но тогда выходит, что бог-возвещатель Истины солгал? Ведь он сказал, что я – сын Ксуфа. Мама, я боюсь!

Афина предстает перед Креусой и Ионом.

– Но Аполлон не сказал, что ты – собственный сын Ксуфа. Он передал тебя ему как подарок! – вскричала Креуса. Ее тоже била дрожь.

Неожиданно их обоих озарило яркое сияние, идущее откуда-то сверху. Все их страдания померкли перед лицом охватившего их трепетного страха. Над ними возвышалась фигура богини, прекрасная и бесконечно величественная.

– Я – Афина Паллада, – произнесла богиня. – Меня послал Аполлон, чтобы возвестить, что Ион – твой сын и сын Ксуфа. Когда ты оставила его, именно он принес его сюда. Возьми его с собой в Афины, Креуса. Он достоин управлять моей страной, моим городом.

С этими словами Афина исчезла. Мать и сын смотрели друг на друга. Ион буквально

светился радостью. А Креуса? Был ли этот поступок Аполлона достаточной компенсацией за все, что она выстрадала? История, как принято говорить, об этом умалчивает, а мы можем только гадать.

Часть VI Менее значимые мифы

Глава 1 Мидас и другие мифы

Сказание о Мидасе лучше всего излагает Овидий, которому я и следую в этой книге. Рассказывая об Асклепии, я опираюсь на Пиндара, у которого история Асклепия описана наиболее полно. Судьба Данаид находится в центре внимания одной из пьес Эсхила. Сказания же о Главке и Скилле, Помоне и Вертумне и Эрисихтоне заимствованы у Овидия.

Мидас, имя которого давно стало синонимом богача, не получил больших выгод от своих богатств. Обладание ими длилось не более одного дня и поставило его под угрозу быстрой голодной смерти. Его поведение в данном случае было образцом глупости, столь же фатальной, как смертный грех, хотя он и не предвидел возможных дурных последствий. Он просто не прибег к услугам своего ума, хотя, как показывает его история, и прибегать-то было вообще не к чему.

Он царствовал во Фригии, стране роз, и перед его дворцом цвели пышные розовые сады. В них как-то раз заплутал старый Силен, который, как всегда будучи пьян, отбился от свиты Вакха и заблудился. Этот старый толстопузый пьяница был обнаружен дворцовыми слугами в увитой розами беседке. Они связали его розовыми гирляндами, надели на голову венок из цветущих роз, разбудили и доставили к Мидасу, желая его рассмешить. Тот поприветствовал Силена и десять дней развлекал его. Потом он препроводил его к Вакху, который – в восторге оттого, что снова обрел своего наставника, – предложил Мидасу исполнить любое его желание. Ни секунды не думая о возможных последствиях, тот попросил, чтобы все, до чего бы он ни дотронулся, тотчас же превращалось в золото. Конечно, Вакх предвидел, что же случится за следующей трапезой, но Мидас не подозревал ни о чем дурном, пока пища, которую он поднес к губам, не превратилась в кусок золота. Придя в отчаяние от голода и жажды, он поспешил к богу, умоляя забрать свой дар назад. Вакх посоветовал ему отправиться к истоку реки Пактол, где он и утратит свой роковой дар. Мидас так и поступил. Вот почему в песке по берегам этой реки находят крупинцы золота.

Впоследствии Аполлон превратит уши Мидаса в ослиные; но и это наказание он понес не за какие-либо ошибки, а вследствие собственной глупости. Дело в том, что он был выбран одним из судей в музыкальном состязании между Аполлоном и Паном. Простоватый бог мог наигрывать на своих тростниковых свирелях очень приятные мотивы, но, когда Аполлон ударил по струнам своей серебряной лиры, стало ясно, что ни на земле, ни на небесах не могло существовать созвучий, сравнимых с его мелодией, за исключением разве что хора

Муз. Хотя другой судья, горный бог Тмол, присудил победу Аполлону, Мидас, сведущий в музыке не более, чем во всем другом, искренне предпочел Пана. Конечно, с его стороны это была двойная глупость. Ведь обычная осторожность должна была подсказать ему, насколько опасно было выступить против Аполлона на стороне Пана, бесконечно уступающего тому по могуществу. Так Мидас был награжден ослиными ушами. Аполлон при этом заметил, что он просто придал ушам тугоухого Мидаса надлежащую форму. Мидасу пришлось прятать их под специально сделанной для этого шапкой, но их не мог не видеть его парикмахер. Он дал торжественное обещание молчать об ослиных ушах, но секрет настолько тяготил его, что в конце концов он отправился в поле, выкопал яму и тихо-тихо проговорил в нее: «У царя Мидаса ослиные уши». Почувствовав облегчение, он засыпал яму и ушел. Но весной на этом месте вырос тростник. Колеблемые ветром, его стебли шептали спрятанные в земле слова, не только открыв людям, что случилось с глупым злосчастным царем, но и показав, что, когда боги соревнуются друг с другом, единственно возможное решение – быть на стороне более сильного.

Асклепий

В Фессалии жила-была девушка по имени Коронида, настолько красивая, что в нее влюбился Аполлон. Но, как ни странно, она не слишком долго уделяла внимание своему божественному поклоннику и предпочла простого смертного. Она не думала, что Аполлона, который сам никогда не обманывает, перехитрить невозможно.

У гордого пифийца Аполлона
Советчик был, и ему он вполне мог доверяться —
Тот – честен, прям и смел в своих суждениях и по кривым
не хаживал путям.
Советчик тот – пифийца ясный разум;
Он знает обо всем на свете, и его ни смертный, ни
бессмертный
обойти не могут;
Он видит, сделано ль уже какое дело, иль только замышляется
оно.

Коронида же по-детски надеялась, что Аполлон не узнает об ее неверности. Как говорят, дурную весть богу принес ворон, тогда еще – совершенно белый, с ослепительно белоснежным оперением. Аполлон же, в припадке гнева, совершив несправедливость, которую часто совершают разгневанные боги, наказал своего верного вестника, превратив его перья в совершенно черные. Конечно, Коронида была убита. По одной версии, бог сделал это сам, по другой – он попросил Артемиду послать одну из своих разящих без промаха стрел.

Несмотря на всю свою жестокость, глядя на то, как девушка лежит на погребальном костре, уже охваченном пламенем, он почувствовал некоторое сожаление.

«Я по меньшей мере могу спасти дитя», – сказал он себе и, подобно Зевсу, спасшему ребенка Семелы, выхватил из огня дитя, которому уже подходил срок родиться на свет. Он отнес его к Хирону, мудрому и доброму старому кентавру, обитавшему в пещере на горе Пелион, попросив назвать ребенка Асклепием. На воспитание Хирону своих детей отдавали многие знаменитые герои, но самым дорогим из его питомцев для Хирона всегда оставался сын погибшей Корониды. Он совсем не походил на своих сверстников, всегда готовых к шумным забавам и склонных к физическим упражнениям; прежде всего ему хотелось научиться всему тому, что его приемный отец мог сообщить о высоком искусстве врачевания. А Хирону было ведомо очень многое. Он знал, как пользоваться теми или иными травами, понимал толк в заговорах и снимающих жар напитках. Но его ученик

намного превзошел его. Он мог лечить все виды болезней. Кто бы ни приходил к нему, страдая от ран в руке или ноге или же от телесных, внутренних болезней, он исцелял от страданий всех – даже тех, кто был на шаг от смерти.

Он – кроткий врачеватель. Изгоняя боль,
Он дарит человеку исцеленье,
Желанное здоровье снова ему возвращает.

Он оказывал благодеяния всем и каждому. И тоже привлек к себе внимание богов, совершив грех, который бессмертные не могли простить ему. Он носил в себе «мысли, слишком великие для человека». Однажды ему предложили очень большое вознаграждение за то, чтобы воскресить мертвого мужчину, и он воскресил его. Многие утверждали, что воскрешенным был сын Тесея Ипполит, погубленный своей мачехой, и что он уже никогда больше не поддавался под власть смерти, а, став бессмертным, жил в Италии, где его почитали как бога под именем Вирбия.

Однако судьба великого врача, извлекшего Ипполита из Аида, не была столь счастливой. Зевс не мог допустить, чтобы смертный располагал властью над душами мертвых, и, метнув свои перуны, поразил Асклепия. Аполлон же, в ярости от гибели сына, поспешил к Этне, где киклопы ковали Зевсу перуны, и перебил их своими стрелами (по одной версии – самих киклопов, по другой – их сыновей). Зевс, разъярившись, в свою очередь, послал Аполлона служить царю Адмету в качестве раба (по одним данным – в течение года, по другим – девяти лет). Это был именно тот Адмет, супругу которого, Алкесту, Геракл вызволил из Аида.

Асклепия же, хоть он и вызвал неудовольствие царя богов и людей, почитали на земле, как никого из смертных. В течение столетий после его гибели к его храмам стекались, прося исцеления, больные, увечные, слепые. Там они совершали жертвоприношения, а потом отходили ко сну, и великий врачеватель открывал им в сновидениях, каким образом они могут исцелиться. Принимали ли участие в излечении змеи, неизвестно, но они считались священными слугами Асклепия.

Известно, что на протяжении столетий тысячи и тысячи больных считали, что Асклепий избавил их от страданий и помог снова обрести здоровье.

Данаиды

Данаиды очень известны – и намного больше, чем может ожидать любой читатель, знакомый с их историей. Их часто упоминают поэты; их называют в числе наиболее знаменитых страдальцев в Аиде, где они должны вечно носить воду в дырявых сосудах. Правда, за исключением одной из них, Гипермнестры, они совершили всего лишь то, что, как установили аргонавты, сделали женщины Лемноса: поубивали своих мужей. Тем не менее женщины Лемноса почти не упоминаются в сказаниях; зато каждый, кто хоть немного знаком с мифологией, наслышан о Данаидах.

Их было пятьдесят. Все они были дочерьми Даная, одного из потомков Ио, жившего на берегах Нила. Их пятьдесят двоюродных братьев, сыновей брата Даная по имени Египт, очень хотели на них жениться. Данаиды же по каким-то необъяснимым причинам решительно не хотели вступать с ними в брак. Вместе с отцом они бежали на корабле в Аргос, где нашли убежище. Аргивяне единогласно голосовали за то, чтобы признать за ними «право молящего».

Когда сыновья Египта прибыли в Аргос, готовые силой оружия захватить, как они считали, невест, город не признал их притязаний. Аргивяне заявили, что не допустят брать женщин замуж против их воли и вообще не выдадут любого молящего о помощи – вне зависимости от того, насколько он слаб и насколько силен его преследователь.

На этом история Данаид на какое-то время прерывается. Когда же она открывается, так

сказать, на следующей главе, девушки почему-то оказываются за пиршественным свадебным столом, за которым верховенствует их отец. Никаких объяснений по поводу того, как это могло произойти, не дается. Тем не менее сразу же становится ясно, что все это случилось вовсе не из-за каких-то изменений в умнастроениях Данаая или его дочерей. Действительно, на свадебном пиру отец вручает всем дочерям по кинжалу. Как свидетельствуют последующие обстоятельства, каждой из них было твердо сказано, что она должна с кинжалом делать, и каждая согласилась. После свадебной церемонии в брачную ночь Данаиды закололи своих юных мужей – все, за исключением Гипермнестры. Лишь она одна пожалела мужа. Посмотрев на спящего рядом с ней сильного и прекрасного молодого мужчину, она почувствовала, что у нее не хватит сил поднять кинжал и превратить это воплощение радостно пылающей жизни в олицетворение холодной смерти. Она забыла об обещании, данном отцу и сестрам. Она, как выразился римский поэт Вергилий, была в этот момент восхитительно вероломна. Разбудив мужа (его звали Линкей), она все ему рассказала и помогла бежать.

За предательство Данаей заключил ее в темницу. Согласно одной из версий, позже она и Линкей воссоединились и, наконец, зажили счастливо. Их сын Абант стал прадедом Персея. Прочие версии завершаются брачной ночью и наказанием Гипермнестры.

Все они, однако, говорят об одном и том же, о тщетности той бесконечно длящейся задачи, которую должны были выполнять Данаиды в подземном мире в наказание за убийство мужей. Придя на берег реки, они должны были наполнять дырявые кувшины, вода из которых на обратном пути выливалась, и Данаиды возвращались к реке, чтобы наполнить их снова, а потом опять обнаруживать, что они пусты⁵⁶.

Главк и Скилла

Рыбак Главк однажды ловил рыбу. Раскинув на зеленом лугу, плавно спускающемся к морю, свою сеть и принявшись пересчитывать пойманную им рыбу, он вдруг заметил, что рыбы начинают шевелиться, а затем переползают к воде, бросаются в нее и уплывают. Это его чрезвычайно удивило. Совершает ли это какой-то неведомый бог или какая-то таинственная сила присуща самой траве? Он сорвал пучок травы и прожевал его. И тотчас же его охватило непреодолимое желание устремиться к морю, сопротивляться которому он не мог. Он помчался к морю и бросился в волны. Морские божества радушно встретили его и тотчас же повели к Океану и Тефис, чтобы те измерили его земную натуру и превратили в одного из них. Сто рек были позваны облить Главка своими водами. Под потоками воды он потерял сознание. Когда же пришел в себя, он был уже морским богом с зелеными волосами под цвет моря и телом, заканчивающимся рыбьим хвостом – столь милым для сердца обитателей моря и столь же отталкивающим для жителей суши. Таким и увидела его прелестная нимфа Скилла, купавшаяся в маленькой бухточке и заметившая его поднимающимся из моря. Она убежала от него и мчалась до тех пор, пока не добежала до мыса, откуда, чувствуя себя в безопасности, могла наблюдать за Главком, дивясь на этого получеловека-полурыбу. Главк окликнул ее:

– Девушка, не бойся! Я – вовсе не чудовище. Я бог, повелевающий водами, и я тебя люблю!

Но Скилла уже не смотрела на него и, заспешив от моря, скрылась из виду.

Главк пришел в отчаяние, поскольку уже успел до безумия в нее влюбиться. Он решил обратиться к волшебнице Кирке и просить у нее приворотное зелье, чтобы растопить суровое сердце Скиллы. Но пока он рассказывал Кирке свою историю и умолял о помощи, она сама влюбилась в него. Она пыталась завлечь его самыми обворожительными взглядами, самыми сладкими словами, но Главк совершенно не обращал на них внимания.

– Скорее деревья вырастут на дне морском, а водоросли – на вершинах гор, чем я разлюблю эту девушку, – заявил он ей. Кирка, естественно, разгневалась, но не на Главка, а на Скиллу. Она приготовила фиал сильнодействующего яда и, придя к бухте, в которой

имела обыкновение купаться Скилла, вылила в ее воды эту смертоносную жидкость. Как только Скилла, придя сюда купаться в следующий раз, вошла в воду, она превратилась в ужасное чудовище. Прямо из ее тела начали вырастать змеиные и собачьи головы. Эти головы стали неотъемлемыми частями ее тела – она не могла ни вырваться из тех оков, которыми они опоясали ее, ни оторвать их. И она, словно сросшаяся со скалой, стояла в своем неизъяснимом горе, ненавизя и уничтожая все, до чего только могла дотянуться. И горе тем мореходам, кораблям которых доводилось проплывать мимо нее, как это испытали на себе Ясон, Одиссей и Эней.

Главк и Скилла

Эрисихтон

Некая женщина, как и Протей, была наделена огромной способностью принимать

облик различных существ и вещей. Но как нередко это случается, она использовала эту свою способность с единственной целью – добывать пищу для своего вечно страдающего от голода отца. Сказание о ней – единственное, в котором добрая богиня Деметра обрисована жестокой и мстительной. Однажды Эрисихтон возымел дерзостное желание срубить самый высокий дуб в посвященной Деметре роще. Когда он приказал сделать это своим слугам, те в ужасе содрогнулись и отказались выполнять это приказание. Тогда он схватился за топор и принялся рубить могучее дерево, вокруг которого дриады привыкли водить свои хороводы. Когда он нанес первый удар по стволу, из него потекла кровь, и из дуба раздался голос, предупреждающий, что Деметра непременно накажет его за преступление. Но эти чудеса не испугали пришедшего в ярость Эрисихтона; он рубил и рубил, пока огромный дуб не грянулся оземь. Дриады тотчас же поспешили к Деметре, чтобы сообщить о случившемся, и глубоко оскорбленная богиня заявила им, что накажет преступника доселе еще не виданным способом. Затем она посадила одну из дриад в свою колесницу с приказом ехать в ту сумеречную страну, где обитает Голод, и приказать ему войти в Эрисихтона.

– И прикажи ему сделать так, – напутствовала Деметра дриаду, – чтобы никакое количество еды не было бы для Эрисихтона достаточным. И пусть страдает от голодных мук даже тогда, когда ест.

Голод выполнил приказание Деметры. Он тихо вошел в спальню Эрисихтона и обнял его своими костлявыми руками. Держа Эрисихтона в своих смертоносных объятиях, он наполнил его собою – ощущением постоянного голода. Тот проснулся со страстным желанием набить себе чем-нибудь желудок и потребовал еды. Но чем больше он поглощал, тем сильнее ему хотелось есть. Он голодал даже тогда, когда засовывал куски мяса себе в глотку. Он истратил все свои богатства на гигантские количества пищи, которая, однако, не удовлетворяла его ни на мгновение. В конце концов в доме у него не осталось ничего и никого, кроме дочери. Он продал и ее. На берегу моря, где стояла лодка купившего ее человека, она помолилась Посейдону, прося его избавить ее от рабства, и бог внял ее молитве. Он превратил ее в рыбака. Ее хозяин, который в это время находился совсем неподалеку, теперь мог увидеть на длинной полоске берега только мужчину, разбирающего свои рыболовные снасти. Он окликнул рыбака и спросил:

– А куда делась девушка, которая была здесь всего минуту назад? Вот идут ее следы, но дальше их не видно!

Рыбак отвечал:

– Клянусь Посейдоном, сейчас кроме меня на берег не приходили ни мужчина, ни женщина.

Когда хозяин девушки, совершенно озадаченный происшедшим, отплыл, к ней вернулся ее прежний облик. Она пришла к отцу и своим рассказом о происшедшем привела его в совершенное восхищение. Он увидел невероятные возможности получать сумасшедшие деньги от ее продажи. Он продавал ее снова и снова, и каждый раз Посейдон превращал ее то в кобылицу, то в птичку и т. д. И всякий раз она убегала от своего нового хозяина и являлась к отцу. Но однажды, когда принесенных ею денег не хватило, он принялся грызть собственное тело до тех пор, пока сам себя не умертвил.

Помона и Вертумн

Помона и Вертумн – не греческие, а римские божества. Помона была единственной нимфой, не испытывавшей любви к лесным чащобам. В круг ее интересов входили исключительно плоды и фруктовые сады. Она с восторгом подрезала и прививала деревья и исполняла все обязанности садовника. Она старалась держаться подальше от мужчин, почаше оставаться со своими любимыми деревьями и не подпускала к себе ни одного поклонника. Из всех тех, кто старался заслужить ее расположение, самым настойчивым и ревностным был Вертумн, но добиться успеха он никак не мог. Правда, ему нередко удавалось прийти к ней переодетым: иногда в обличье грубоватого жнеца с корзиной

ячменных колосьев, иногда – неуклюжего пастуха или работника, подрезающего виноградные лозы. В такие моменты он испытывал и радость оттого, что видел любимую, и горечь от осознания того, что на такого, каким он сейчас ей представляется, она никогда и не взглянет. Но наконец в голову ему пришел лучший план. Он обратился в древнюю старуху, так что Помоне не показалось странным, что, восторженно похвалив ее плоды, он сказал:

– Но ты гораздо прекраснее их! – и поцеловал. Помона пришла в изумление, когда он поцеловал ее еще и еще раз. Он отпустил ее и уселся напротив вяза, который обвивала виноградная лоза, усыпанная пурпурными кистями. А потом тихо произнес: – Смотри, как им хорошо вместе и как плохо им было бы порознь: дереву, не приносящему никакой пользы, и лозе, стелющейся по земле и не способной породить виноград. Разве ты – не такая же лоза? Ты отворачиваешься от всех, кто желает с тобой быть. Ты хочешь выстоять одна. И все-таки (послушай старую женщину, которая любит тебя больше, чем ты думаешь) есть один мужчина, которому отказывать бы не следовало. Его зовут Вертумн. А ты – его первая и последняя любовь. И он, как и ты, ухаживает за садами и огородами и будет трудиться с тобой бок о бок.

А потом он очень серьезно напомнил ей, сколько раз Венера демонстрировала, как ненавидит жестокосердых девушек. Он рассказал ей печальную историю Анаксареты, отвергшей ухаживания ее поклонника Ифиса, который в отчаянии повесился у нее на воротах, после чего Венера превратила бессердечную деву в каменное изваяние.

– Побереги себя, – продолжал он, – и уступи тому, кто истинно тебя любит.

С этими словами он сбросил старушечий наряд и предстал перед ней во всем блеске цветущей юности. Помона не могла не сдаться перед его красотой, к тому же сопровождаемой таким красноречием. С тех пор в ее садах трудятся два садовника.

Глава 2

Короткие мифы, изложенные в алфавитном порядке

Аврора и Тифон

Аврору и Тифона Гомер упоминает в Илиаде.

Рано, едва лишь Десница Тифона прекрасное ложе
Бросила, свет вожделенный неся и бессмертным и смертным,
Зевс Вражду ниспослал к кораблям быстроходным ахеян...

Тифон, супруг Авроры, богини утренней зари, породил вместе с нею сына, темнокожего царевича Эфиопии Мемнона, который был убит под Троей, сражаясь на стороне троянцев. Судьба самого Тифона сложилась более чем удивительно. Аврора умолила Зевса сделать Тифона бессмертным, на что тот дал согласие, но она забыла попросить его дать Тифону вечную юность. Поэтому когда он состарился, то умереть не мог. Наконец, совершенно беспомощный, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой, он стал

молить о смерти, но смерти для него не существовало. Он был обречен жить вечно, а старость все сильнее и сильнее брала свое. В конце концов богиня оставила его в одном из покоев и заперла дверь. Он мог только бормотать какие-то бессмысленные слова. Вместе с мощью его тела ушла и сила ума. От него остались буквально кожа да кости.

По другой версии, он начал уменьшаться в размерах, и это происходило до тех пор, пока Аврора со свойственным ей пониманием меры вещей не превратила его в состоящего из одной кожи и производящего бессмысленный шум кузнечика.

Его сыну Мемнону была воздвигнута гигантская статуя в Египте, под Фивами. Говорят, что, когда по утрам на нее падали первые лучи солнца, она издавала звуки, напоминающие звуки арфы.

Амазонки

Эсхил говорил о них как о «воительницах и мужененавистницах». Они, собственно, были племенем, состоящим только из женщин, причем все они были воинами. Предполагалось, что они обитают где-то в предгорьях Кавказа и их главный город называется Фемискира. Любопытно, что они вдохновляли скорее ваятелей и художников на создание их статуй и живописных портретов, а не поэтов, которые могли бы писать о них стихи. Нам они знакомы благодаря нескольким связанным с ними сказаниям. Они вторгались в Ликию, но были отражены Беллерофонтом. Они также вторгались во Фракию в дни молодости Приама и в Аттику, когда царем там был Тесей. Он увез в Афины их царицу, и амазонки пытались спасти ее, но Тесей нанес им поражение. В Троянской войне они сражались против греков во главе со своей царицей Пенфесилеей. Об этом ничего не сообщается в *Илиаде*; это сказание передано Павсанием. По его версии, она пала в поединке с Ахиллом, который, глядя на лежащую на земле царицу, такую молодую и красивую, проливал слезы жалости.

Амалфея

Согласно одной версии, Амалфея (Амалтея) была козой, молоком которой питался младенец Зевс. Согласно другой, это была нимфа, которой принадлежала коза. Как утверждают, один из ее рогов всегда был полон всяческой снеди и напитков по желанию любого алчущего и страждущего. Он назывался рогом изобилия (*Cornu copiae* по-латыни; известен также в римской мифологии как *Cornicopia*). Однако, согласно воззрениям римлян, *Cornicopia* был рогом речного бога Ахелоя, который сломал Геракл в схватке с этим богом, принявшим вид быка. Он всегда был полон плодов и цветов.

Амимона

Так звали одну из Данаид. Однажды ее отец послал Амимону за водой к источнику, где ее увидел сатир и начал преследовать. Ее крик о помощи услышал Посейдон, тотчас же влюбился в нее и спас от сатира. Ударив об землю своим трезубцем, он выбил из земли источник, носивший ее имя.

Антиопа

Фиванская царевна Антиопа родила Зевсу двух сыновей: Зета и Амфиона. Страхась гнева своего отца, она оставила детей на дикой горе сразу же после их рождения, но их обнаружил и воспитал один пастух. В Фивах тогда правил Лик, а его жена Дирка так жестоко обходилась с Антиопой, что та решила бежать от них. В конце концов она набрела на хижину, где обитали ее сыновья. Каким-то образом они узнали ее (или она их), после чего, собрав компанию друзей, направились во дворец, чтобы отомстить за мать. Они убили Лика

и страшно покарали Дирку, привязав ее за волосы к рогам быка. Потом братья бросили ее тело в колодец, который с тех пор стал называться ее именем.

Арахна

(Это сказание передается только римским поэтом Овидием, и поэтому в нем употребляются римские имена.)

Судьба этой девушки – еще один пример того, как опасно соперничать с богами в чем-либо и когда-либо. Среди олимпийцев Минерва слыла первой ткачихой подобно тому, как Гефест – первым кузнецом. Естественно, сотканые ею вещи она считала совершенными и по красоте, и по тонкости ткани и пришла в ярость, услышав, что простая крестьянская девушка по имени Арахна заявляет, что как ткачиха она искуснее ее, Минервы. Богиня немедленно отправилась к хижине, где обитала Арахна, и вызвала ее на соревновании. Та согласилась. Обе тотчас же установили свои станки, натянули основу и принялись за работу. Рядом с каждой были разложены мотки пряжи всех цветов радуги, золотые и серебряные. Минерва постаралась изо всех сил, и результат был поистине сказочным, но работа Арахны, законченная ею в тот же момент, ничем не уступала работе богини. В припадке ярости Минерва разорвала прекрасную ткань сверху донизу и стукнула девушку в лоб своим наперстком. Арахна, оскорбленная и униженная, повесилась. Тогда сердце Минервы охватило раскаяние. Она вынула тело девушки из петли и опрыскала его магическим снадобьем Гекаты. Арахна же превратилась в паука, и ей было оставлено ее мастерство ткачихи⁵⁷

Арион

Возможно, что Арион был реально существовавшей личностью, поэтом, жившим около 700 г. до н. э. До нас не дошло ни одного из его стихотворений, и единственно, что нам известно о нем, – это история о том, как ему удалось избежать смерти, очень похожая на миф. Однажды он отправился из Коринфа на Сицилию, чтобы принять участие в музыкальном состязании. Он мастерски играл на лире и выиграл приз. На обратном пути корабельщики, захотев овладеть этим призом, намеревались его убить. Однако Аполлон предупредил его во сне об опасности и о том, как избежать ее. Когда корабельщики напали на него, он попросил разрешения в последний раз перед смертью сыграть на лире и спеть. Закончив пение, он бросился в море, где дельфины, привлеченные к кораблю его музыкой, подхватили его, уже тонувшего, и вынесли на берег.

Аристей

Пчеловод Аристей был сыном Аполлона и водяной нимфы Кирены. Когда его пчелы погибли от какой-то неизвестной болезни, он обратился за помощью к матери. Та сообщила сыну, что мудрый морской старец Протей мог бы рассказать ему, как избежать еще одной беды, но сделает это только по принуждению. Аристей должен схватить его и связать, то есть решить, как показал опыт возвращавшегося из Трои Менелая, довольно сложную задачу. Как известно, Протей мог принимать обличье самых разнообразных существ и вещей. Однако если поймавший Протея удерживал его достаточно решительно, несмотря на все превращения, тот, наконец, сдавался и отвечал на вопросы, которые ему задавались. Аристей последовал совету матери и немедленно отправился к любимому лежбищу Протея, на остров Фарос, а по другой версии – на Карпафос. Здесь ему удалось захватить Протея, и он не отпускал его, в какие бы чудовища тот ни превращался, пока присмиривший бог не вернулся к своему настоящему облику. Выслушав Аристея, он посоветовал ему принести жертвы богам, а скелеты жертвенных животных оставить на месте жертвоприношения. А через девять дней он должен вернуться и осмотреть скелеты. Аристей поступил, как ему

было велено, и на десятый день обнаружил в одном из скелетов пчелиный рой. Впоследствии его пчелы не гибли и не болели.

Битон и Клеобис

Они были сыновьями Кидипы, жрицы Геры. Однажды ей захотелось увидеть прекраснейшую статую этой богини, находящуюся в Аргосе. Статуя была изваяна великим скульптором Поликлетом Старшим, про которого говорили, что он ничуть не уступает своему младшему современнику Фидию. Но дойти до Аргоса пешком было слишком трудно, а ни лошадей, ни быков Кидипа не имела. Но сыновья решили исполнить ее желание. Они сами впряглись в повозку и провезли ее до Аргоса, несмотря на дорожную пыль и жару. Аргивяне восхищались сыновней заботой о матери, а сама мать, стоя перед статуей богини, молила Геру, чтобы та вознаградила сыновей наилучшим даром, который только имеется в ее власти. Когда она закончила свои молитвы, сыновья рухнули на землю. Они улыбались и выглядели так, как будто их застал внезапный сон. На самом же деле они были мертвы; они умерли одновременно, не заметив этого.

Геро и Леандр

Леандр – это юноша из Абидоса, города, расположенного на Геллеспонте, а Геро – жрица Афродиты в Сеете, расположенном на его противоположном берегу. Каждую ночь Леандр переплывал Геллеспонт, ориентируясь на свет маяка в Сеете, как говорят одни, или на свет факела, всегда зажигаемого Геро на самом верху башни, как утверждают другие. В одну очень бурную ночь огонь задуло ветром и Леандр погиб. Его тело было выброшено волнами на берег, и Геро покончила жизнь самоубийством.

Гиады

Гиады – это дочери Атласа и сводные сестры Плеяд. Их считали «звездами дождя», поскольку при их появлении на небосводе по вечерам и утрам, приходящемся приблизительно на май и ноябрь, обычно идет дождь. Всего их было шесть. Когда-то их заботам Зевс препоручил младенца Диониса и в награду за их хлопоты, превратив в звезды, поместил на небо.

Дриопа

История Дриопы свидетельствует о том, насколько серьезно и строго древние греки порицали уничтожение или даже повреждение дерева.

Однажды вместе со своей сестрой Иолой она отправилась к озеру, намереваясь вить гирлянды для нимф. Она взяла с собой маленького сына и, увидев близ воды лotosовое дерево с прекрасными яркими цветами, сорвала несколько, чтобы порадовать дитя. К своему ужасу, увидела, что по стеблю лотоса течет кровь. На самом деле это было не дерево, а нимфа Лотис (Лотида), которая, спасаясь от преследователя, превратилась в это дерево. Когда же Дриопа, пришедшая в ужас от этой зловещей картины, поспешила прочь, ноги не послушали ее. Казалось, что она приросла к земле. Иола, беспомощно наблюдавшая за ней, увидела, что ее тело снизу вверх начинает покрывать кора. Когда на месте происшествия появились ее муж и отец, кора уже закрывала ей лицо. Иола с плачем объяснила им, что же произошло, и мужчины, обняв еще теплый ствол, омочили его слезами. У Дриопы еще нашлось время объяснить, что зло лотосу она причинила нечаянно, и попросить их почаше приводить к ней ребенка, чтобы он играл в ее тени, и когда-нибудь рассказать ему, что произошло с его матерью, чтобы, увидев это место, он мог подумать: «Здесь, в этом дереве, находится моя мама».

– И скажите ему, – добавила она, – пусть никогда не рвет цветы и не забывает, что каждый кустик на самом деле может оказаться богиней.

Говорить больше Дриопа уже не могла – кора полностью покрыла ей лицо. Она исчезла навеки.

Ивик и журавли

Ивик – не мифологический персонаж; он поэт, живший около 550 г. до н. э. К сожалению, от его стихов до нас дошло очень мало фрагментов. Все, что мы знаем о нем, это – драматическая история его смерти. Недалеко от Коринфа на него напала шайка разбойников, смертельно его ранивших. В этот момент над ним пролетала стая журавлей, которых он призвал отомстить за него. Вскоре после этого над открытым, полностью заполненным зрителями театром в Коринфе появилась стая журавлей, парящих над головами присутствующих. Неожиданно среди зрителей раздался мужской голос:

– О, это Ивиковы журавли, мстители! Кричавший был в паническом ужасе. В толпе же, в свою очередь, слышались крики:

– Убийца свидетельствует против самого себя! Кричавший был схвачен, остальные разбойники разысканы, и вся шайка была предана смерти.

Каллисто

Каллисто была дочерью Ликаона, царя Аркадии, превращенного в волка за свое злодеяние. Дело в том, что он угостил человеческим мясом Зевса, явившегося к нему в гости. Его наказание было вполне заслуженным, но его дочь пострадала так же ужасно, как и он, хотя и была неповинна. Однажды Зевс увидел ее охотящейся в свите Артемиды и влюбился в нее. Гера, ужасно разгневавшись по этому поводу и после того, как Каллисто родила сына, превратила ее в медведицу. Когда мальчик подрос и начал охотиться, богиня заставила Каллисто появиться перед ним, рассчитывая, что сын по неведению застрелит свою мать. Однако Зевс спас медведицу и поместил ее среди звезд, превратив ее в созвездие Большая Медведица. Впоследствии ее сын Аркас также был перенесен на небо в виде созвездия Малая Медведица. Гера же, уязвленная честью, оказанной сопернице, убедила Посейдона запретить обеим медведицам опускаться в океан, подобно прочим звездам. Из всех созвездий только одни они не заходят за горизонт.

Клития

История Клитии уникальна в том смысле, что она касается не бога, влюбленного в не желающую этого смертную девушку, а девушку, влюбленную в не желающего этого бога. Клития влюбилась в бога солнца Гелиоса, однако без взаимности с его стороны. Она изнывала по Гелиосу, сидя перед дверьми своего дома, откуда могла смотреть на него, поворачивая лицо и следя глазами за его перемещением по небу. Так она постепенно превратилась в цветок, в подсолнечник⁵⁸, который всегда обращен к солнцу.

Лето (Латона)

Лето – дочь титаниды Фебы и титана Коя. В нее влюбился Зевс, но, когда ей пришло время родить ребенка, оставил ее, страшась гнева Геры. Все земли и острова, мимо которых она проходила, по той же причине отказывались принять ее и предоставить ей убежище, где она могла бы родить. В отчаянии Лето продолжала свои странствия, пока не набрела на кусочек суши, плавающий по морским волнам. У него даже не было каменного основания, и его носили по морю волны и ветры. Островок назывался Делос, и он был не только самым ненадежным из всех островов, но и скалистым и бесплодным. Но когда Лето ступила на его

почву и попросила убежища, островок с радостью приветствовал ее, и в этот самый момент со дна морского поднялись четыре опоры, навсегда закрепившие остров на месте. Здесь и родились дети Лето: Артемида и Феб-Аполлон. Впоследствии здесь был построен знаменитый храм Аполлона, куда толпы паломников стекались со всего мира. Теперь бесплодный островок называли «Островом, созданным небом», и из самого презренного он стал самым знаменитым.

Лин

В *Илиаде* юноши и девушки, собирающие виноград, называют виноградник «сладостной песней Линос». Это, видимо, выражение скорби о юном сыне Аполлона и Псамафы – Лине, который был оставлен своей матерью, воспитан пастухами и, еще не став взрослым, разорван собаками. Этот Лин, как и Адонис и Гиацинт, – носитель молодой жизни, умирающей или угасающей еще до начала ее расцвета. Греческое слово *айлинон*, означающее «скорбим по Лину» и звучащее по-русски как обычное «увы», употреблялось в каждой похоронной песне. Известен и еще один Лин, сын Аполлона и одной из Муз, учивший игре на лире Орфея и пытавшийся выучить и Геракла, но убитый им.

Марпесса

В определенном смысле Марпесса оказалась более удачливой, чем другие девушки, в которых влюблялись боги. Идас, один из участников охоты на Калидонского вепря и похода аргонавтов, увез Марпессу из дома отца с ее согласия. Они бы и дальше могли купаться в волнах безоблачного счастья, но тут в нее влюбился сам Аполлон. Уступить богу Идас отказался и, более того, осмелился даже вступить с ним в схватку. Зевс разнял сражающихся и предложил Марпессе выбрать того из соперников, кто ей более по душе. Она выбрала смертного, побаиваясь, и не без оснований, что бог будет ей неверен.

Марсий

Флейта была изобретена Афиной, но она отбросила ее от себя, обнаружив, что для игры на ней она должна надувать щеки, из-за чего лицо ее, как она считала, становилось безобразным. Флейту подобрал сатир Марсий, который умел извлекать из нее такие волшебные звуки, что даже осмелился вызвать на соревнование Аполлона. Конечно, это соревнование выиграл бог и в наказание за дерзость ободрал с несчастного кожу⁵⁹.

Меламп

Меламп спас и выкормил двух маленьких змеек, когда его слуги поубивали их родителей, и со временем его питомцы с лихвой с ним расплатились. Однажды, когда он спал, они заползли к нему на ложе и своими языками прочистили ему уши. Вскочив в страхе с ложа, он неожиданно для себя обнаружил, что понимает, о чем у него за окном щебечут две птички. Змеи сделали его способным понимать язык всех летающих и всех ползающих тварей. Используя эти свои способности, он освоил дар предсказания, как никто другой, и стал знаменитым прорицателем. Между прочим, его дар однажды спас ему жизнь. В тот раз Мелампа захватили его враги и посадили в маленькую каморку. Сидя там, он услышал, как черви шепчутся о том, что поддерживающая крышу балка подгнила, скоро упадет и тогда крыша раздавит все, что под ней. Он тотчас же позвал своих сторожей и предложил, чтобы все они перебрались в какое-нибудь другое место. Они так и поступили, и сразу после этого крыша обвалилась. Увидев, что он – настоящий прорицатель, сторожа освободили и щедро вознаградили его.

Меропа

Супруг Меропы Кресфонт, сын Геракла и царь Мессении, был убит во время мятежа вместе с двумя своими сыновьями. Человек, захвативший его трон, Полифонт, заставил ее выйти за него замуж. Но ее третий сын по имени Эпит был спрятан ею в Аркадии. Он вернулся домой несколько лет спустя, назвал себя убийцей Эпита и был милостиво принят Полифонтом. Однако его мать, не зная, кто он на самом деле, решила расчитаться с мнимым убийцей сына. К счастью, она все-таки успела установить, кто же он есть, и оба покарали Полифонта смертью, после чего царем стал Эпит.

Мирмидоняне

Мирмидоняне – это муравьи, превращенные в людей на острове Эгипа во времена правления Эака. Именно они воевали вместе с Ахиллом под Троей. Они были не только трудолюбивыми и экономными, что можно было предположить, исходя из их происхождения, – они были превращены, как это ни странно, в результате очередного приступа ревности у Геры. Она гневалась на то, что Зевс полюбил Эгипу, девушку, именем которой был назван остров и сын которой Эак стал на нем царем. Гера наслала на население острова лютую болезнь, моровую язву, которая косила людей тысячами. Казалось, что в живых не останется никого. Эак же, придя в храм Зевса, помолился ему, напоминая, что он – его сын и сын женщины, которую он любил. Во время молитвы он заметил большую группу чем-то занятых муравьев.

– О отец! – воскликнул он. – Создай из них для меня народ, столь же многочисленный, как они, и наполни ими мой опустевший город.

Ответом ему был раскат грома, и той же ночью ему приснился сон, в котором он увидел муравьев, превращающихся в людей. На рассвете его сын Теламон разбудил его, рассказав, что к дворцу приближается большая толпа мужчин. Эак вышел из дворца и увидел великое множество людей, многочисленных, как население муравейника, и кричавших, что они – его верные подданные. Таким образом, Эгипа была снова населена, и это ее население стало называться мирмидонами, то есть происшедшими от муравьев (*myrmex*).

Нис и Скилла

У Ниса, царя Мегары, в шевелюре был пурпурный волос, который он, согласно предсказанию, никогда не должен был срезать. От того, сохранит он его или нет, зависела судьба его трона. Однажды его город осадил критский царь Минос, но Нис, конечно, отдавал себе отчет в том, что никакого вреда ему не будет причинено, пока пурпурный волос остается на своем месте. Дочь же его, Скилла, увидев Миноса с городской стены, безумно влюбилась в него. И она не смогла придумать лучшего способа привлечь к себе внимание Миноса, как принести ему волос с головы отца и таким образом позволить ему захватить город. Она так и сделала: отрезала у спящего отца волос и отнесла его Миносу, зная, какое злодеяние сделала. Тот в ужасе отшатнулся от нее и прогнал с глаз долой. Когда город был захвачен и критяне уже спускали на воду свои корабли, она, безумная от страсти, примчалась на берег и, прыгнув в воду, ухватилась за руль корабля, на котором находился Минос. Но в этот момент на нее налетел громадный орел. Это был ее отец, которого боги спасли, изменив его облик. В ужасе она отпустила руль и неминуемо свалилась бы в воду, если бы тоже не была превращена в птицу. Ее пожалел какой-то морской бог; хотя она и предала отца, но сделала это она все-таки ради любви.

Орион

Орион был красивейшим молодым человеком гигантского роста, знаменитым

охотником. Он влюбился в дочь царя острова Хиос и во имя этой любви очистил остров от диких зверей. Свои охотничьи трофеи он всегда приносил своей любимой, которую мифы называют иногда Аэро, иногда Мероной. Ее отец Ойнопион соглашался выдать дочь за Ориона, но все время откладывал свадьбу. Однажды Орион, напившись, оскорбил девушку, и Ойнопион воззвал к Дионису, прося помочь ему наказать оскорбителя. Бог погрузил того в глубокий сон, и Ойнопион ослепил его. Однако один оракул предсказал Ориону, что он снова обретет способность видеть, если направится на восток и подставит свои ослепшие глаза лучам восходящего солнца. В своем странствии Орион добрался до Лемноса, где ему и было возвращено зрение. Он немедленно отправился на Хиос, чтобы отомстить коварному царю, но тот бежал, и Орион не мог его отыскать. Тогда он переехал на Крит, где состоял охотником в свите Артемиды. В конце концов эта богиня лишила его жизни. По одной версии, в него влюбилась Эос, которую иногда называют Авророй, а Артемида застрелила его из ревности. По другой версии, Орион прогневал Аполлона, и тот устроил так, что его сестре пришлось его убить. После смерти Орион был перенесен на небо и превращен в созвездие, в конфигурации которого можно четко распознать его меч, пояс, дубину и львиную шкуру.

Плеяды

Их было семь, и они были дочерьми Атласа. Звали их Электра, Майя, Келено, Тайгета, Алкиона, Меропа и Стеропа. Их преследовал Орион, а они убегали от него, и ему никогда не удавалось пленить ни одну из них. Он продолжал преследовать их, пока Зевс, пожалев сестер, не поместил их на небо. Но, как утверждают, даже там Орион не переставал их преследовать, но безуспешно, хотя и настойчиво.

Еще в своей земной жизни Майя стала матерью Гермеса, а Электра – Дардана, родоначальника троянцев. Хотя их было семь, на небе хорошо различимы лишь шесть звезд. Седьмую могут увидеть только люди с очень острым зрением.

Рекус

Увидев готовый повалиться дуб, Рекус спас его, поставив к нему подпорки. Дриада, которая могла погибнуть вместе с деревом, предложила ему попросить у нее все, что он только пожелает, и она выполнит его желание. Он же ответил, что жаждет только ее любви, и дриада согласилась. На прощанье она велела ему быть настороже и ждать ее вестницу, пчелу, которая передаст ему ее пожелания. Однако Рекус, как на зло, повстречал приятелей и настолько забыл о пчеле, что, услышав жужжание, просто-напросто отогнал ее и при этом еще и поранил. Когда же он вернулся к дереву, в наказание за то, что он пренебрег ее словами, да еще причинил вред ее вестнице, дриада лишила его зрения.

Салмоней

Судьба этого человека – еще одно доказательство того, насколько для смертного может оказаться фатальным соперничество с богами. То, что он совершал, было настолько глупо, что многие из знающих его историю считали его просто сумасшедшим. Он делал вид, что он – Зевс. У него была колесница, сконструированная так, что при движении она издавала звук грохочущей меди. Однажды на празднествах в честь Зевса он с огромной скоростью промчался через город, бросая в воздух факелы и во весь голос требуя от горожан, чтобы они воздавали ему божеские почести, потому что он не кто иной, как Зевс-громовержец. Но вдруг неожиданно раздались раскаты настоящего грома и сверкнула молния. Салмоней свалился с колесницы замертво.

Это сказание часто объясняют в том духе, что оно, дескать, сложено еще в те древние времена, когда практиковалось «закливание погоды». С этой точки зрения Салмоней был

магом, пытавшимся вызвать грозу путем ее имитации.

Сисиф (Сизиф)

Сисиф был царем Коринфа. Однажды ему довелось увидеть, как могучий орел, превосходящий размерами и великолепием любого обычного орла, несет в когтях девушку на расположенный неподалеку остров. Когда же к Сисифу пришел речной бог Асоп, пожаловался ему, что похищена его дочь, в чем он сильно подозревает Зевса, и попросил Сисифа помочь ее найти, тот рассказал, что он, собственно, видел. Этим он навлек на себя гнев неумолимого Зевса⁶⁰. В Аиде он был наказан тем, что должен был вечно вкатывать на гору огромный камень, который в конечном итоге всегда скатывался вниз.

Не помог он и Асопу. Речной бог побрел к указанному Сисифом острову, но Зевс отогнал его перуном. Название острова изменилось; теперь он стал называться Эгиной в честь дочери Асопа. Ее сын Эак был дедом Ахилла, которого поэтому иногда звали Эакидом, то есть потомком Эака.

Тиро

Тиро была дочерью Салмоней. Она родила двух близнецов Посейдону, но, боясь вызвать гнев своего отца, если бы он узнал об этом, бросила их. Их нашел конюший Салмоней и воспитал вместе со своей женой, назвав одного ребенка Пелием, а другого – Нелеем. Спустя несколько лет о характере отношений Тиро с Посейдоном узнал ее супруг Кретея. В гневе он развелся с ней и женился на одной из ее служанок, Сидеро. После смерти Кретея близнецы узнали от своей мачехи, кто на самом деле были их родители. Они тотчас же отправились на поиски Тиро и, найдя, объявили, кем они ей приходятся. Она жила в совершенной нищете, и близнецы решили наказать Сидеро за обиды и беды матери. Услышав об их прибытии, Сидеро пыталась укрыться в храме Геры. Тем не менее Пелий убил ее, чем вызвал гнев богини. Гера отомстила за себя, но только спустя много лет. Сводный брат Пелия, сын Тиро и Кретея, стал отцом Ясона, которого Пелий пытался погубить, отправив за золотым руном. Но случилось обратное – Ясон стал косвенной причиной смерти Пелия, которого убили собственные дочери по наущению Медеи, жены Ясона.

Хирон

Хирон был одним из кентавров, но, в отличие от остальных, отличавшихся свирепостью и буйным нравом, был настолько повсюду известен своей добротой и мудростью, что ему препоручали молодых сыновей греческих героев на воспитание и обучение. Его учениками были Ахилл, великий врач Асклепий, знаменитый охотник Актеон и многие другие. Среди кентавров он был единственным бессмертным, и все-таки в конце своего земного пути ему пришлось умереть и сойти в подземное царство. Косвенным виновником его смерти оказался Геракл. Однажды он зашел в гости к своему приятелю, кентавру по имени Фол, и, испытывая сильную жажду, убедил его открыть сосуд с вином, которое принадлежало всем кентаврам вместе. Аромат волшебного напитка тотчас же донесся до остальных кентавров, и они помчались разделаться, как они думали, с похитителем. Но Геракл оказался крепким орешком. Он сразил их всех, но в схватке нечаянно ранил Хирона, который вообще не участвовал в нападении. Его рана оказалась неисцелимой, и в конце концов Зевс позволил Хирону умереть, а не жить на земле в вечных страданиях.

Эпименид

Его имя вошло в круг мифологических сюжетов только из-за того, что он прославил себя длительным сном. Он жил около 600 г. до н. э., и однажды, будучи еще мальчиком, он, разыскивая потерянную овцу, был внезапно охвачен сном и проспал целых пятьдесят семь лет. Проснувшись, он даже не понял, что с ним случилось, и продолжал искать свою овцу, пока не заметил, что все вокруг изменилось. Впоследствии он был направлен дельфийским оракулом в Афины, чтобы очистить город от постигшей его скверны. Когда благодарные афиняне предложили ему крупную сумму денег, он отказался и попросил только о том, чтобы между Афинами и его родным городом, Кноссом на острове Крит, всегда существовали отношения дружбы.

Эрихтоний

Это – другое имя Эрехтея. Гомер знает только одного человека с таким именем, Платон же говорит уже о двух. Он был сыном Гефеста¹, воспитанным Афиной и имевшим полузмеиное-получеловеческое тело. Афина передала сундук с младенцем Эрихтонием трем дочерям Кекропа², запретив им его открывать. Они нарушили запрет и с ужасом увидели там змееподобное существо. Афина наказала их, настав на них сумасшествие, и они покончили жизнь самоубийством, бросившись с Акрополя. Когда Эрихтоний вырос, он стал царем Афин. Его внук был назван его именем. Он был отцом второго Кекропа, Прокриды, Креусы и Орифии.

Часть VII Скандинавская мифология

Введение в скандинавскую мифологию

Мир скандинавской мифологии – необычный мир. Обитель богов Асгард коренным образом отличается от небесных обителей других мифологических систем. Там нет места ни светлой радости, ни блаженству. Это – место, исполненное духа мрачной торжественности, над которым нависла угроза неизбежной гибели. Боги знают, что рано или поздно придет день, когда они будут уничтожены. Когда-нибудь они встретят своих противников, которые принесут им поражение и смерть, а Асгард превратят в руины. Дело, за которое силы добра будут бороться с силами зла, обречено. Тем не менее боги будут сражаться за него до конца.

То же самое относится и ко всему человечеству. Действительно, если перед лицом зла бессильны сами боги, то что же говорить о смертных мужчинах и женщинах? Герои и героини самых древних легенд ставятся или оказываются перед катастрофой. Им известно, что они не могут спасти себя ни смелостью, ни терпеливостью, ни великими деяниями. И тем не менее они не сдаются. Они умирают, но умирают сопротивляясь. Мужественная смерть позволяет им, по меньшей мере бойцам, занять место в Вальхалле, одном из чертогов Асгарда, но и они обречены на поражение и гибель в самой последней битве.

В этой битве между силами добра и силами зла они выступят на стороне богов и умрут вместе с ними.

Такова жизненная концепция, положенная в основу религии скандинавов, такая же мрачная, как и их мировоззрение. Это – самая мрачная концепция, которую когда-либо мог породить разум человека. Единственной поддержкой для человеческого духа, вселяющей надежду в чистые, незамутненные души, является героизм, а его степень зависит от понесенных индивидом потерь. Герой может показать, кто он есть на самом деле, только в своей смерти. Сила и мощь добра – не в триумфальной победе над злом, а в способности сопротивляться ему даже перед лицом неизбежного поражения.

На первый взгляд такая жизненная позиция представляется несколько фаталистической, однако фактически установления неумолимой судьбы играют в скандинавской схеме мира не большую роль, чем предопределение у святого Павла и его воинственных протестантских последователей, причем в точности по тем же самым причинам. Хотя скандинавский герой, если он не сдавался, был обречен, он все-таки мог выбирать между отступлением и смертью. Решение находилось в его собственных руках. И даже более того. Героическая смерть, как и мученическая, – не поражение, а триумф. Герой одного из скандинавских мифов, который громко хохочет, когда враги вырезают у него сердце, демонстрирует превосходство над своими мучителями. Он, собственно, говорит им: «Вы ничего не можете сделать мне, потому что мне безразлично, что делаете вы». Его убьют, но он останется непобежденным.

Это – весьма трагичная концепция для человечества, трагичная – на свой собственный лад, – как и Нагорная проповедь, но на длительных исторических интервалах легкий путь никогда не определял степень преданности человечества идее. Как и ранние христиане, скандинавы мерили жизнь героическим стандартом. Правда, христиане видели впереди небеса, преисполненные вечной радости. У скандинавов же таковых не было. Тем не менее в течение бесчисленных веков, прошедших до прихода христианских миссионеров, проявлений героизма в Скандинавии было предостаточно.

Поэты, внесшие свой вклад в скандинавскую мифологию и видевшие, что победа возможна в смерти и смелость никогда не будет побеждена, – это единственные защитники духа тевтонской расы, частью которой являются и англичане, и жители США, унаследовавшие этот дух от первопоселенцев. В любых других частях Северо-Западной Европы древние хроники, традиции, песнопения и легенды истреблялись христианским духовенством, чувствовавшим острую ненависть к язычеству, которое оно было призвано истребить. Приходится только удивляться, насколько эффективно оно решило эту задачу. От язычества остались лишь очень немногочисленные культурные памятники: *Беовульф* в Англии, *Песнь о Нибелунгах* в Германии и отдельные, разбросанные по разным странам фрагменты. И если бы не осталось двух исландских *Эдд*, мы бы ничего практически не знали о религии, ставшей поистине плавильной печью для семейства народов, к которому мы принадлежим. В Исландии, вследствие того, что она стала самой северной страной, в которую пришло христианство, миссионеры как будто действовали более мягко, а точнее, они пользовались меньшим влиянием. Латинский язык не вытеснил древнескандинавский в качестве литературного. Скандинавы по-прежнему рассказывали древние легенды на языке, принятом в быту, и некоторые из них были записаны, хотя кем и когда – неизвестно. Древнейшая рукопись *Старшей Эдды* датируется приблизительно 1300 годом, то есть временем, когда с начала христианизации прошло около трехсот лет, но поэмы, из которых она составлена, всеми учеными признаются чисто языческими и очень древними. *Младшая Эдда* была записана в прозе Снорре Стурлусоном во второй половине XII века. Ее основное содержание – технические вопросы стихосложения, но она включает в себя и некоторые материалы по доисторической мифологии, отсутствующие в *Старшей Эдде*.

Старшая Эдда имеет для нас много большее значение. Она состоит из отдельных поэм, нередко рассказывающих об одних и тех же событиях, но никогда не связанных друг с другом. Это – материал для эпоса, столь же великого, как *Илиада*, а быть может, и более значительного, но, к сожалению, в Скандинавии не нашлось поэта, который бы переработал их так, как это сделал Гомер с поэмами – предшественницами *Илиады*. В северных странах

не обнаружилось гения, способного сплавить древние поэмы в одно целое и придать результату мощь и красоту; не нашлось даже такого, который бы рискнул убрать грубости и общие места и отказаться от детски беспомощных и утомительных повторов. В *Эддах* встречаются перечни имен в несколько страниц длиной. Тем не менее сквозь их стиль пробивается торжественное величие саги. Вероятно, тот, кто не читает на древнескандинавском, едва ли будет обсуждать стиль поэмы; но все их переводы настолько напоминают друг друга своей уникальной неуклюжестью, что нельзя не заподозрить, что причиной этого обстоятельства является сам оригинал, хотя бы частично. Скандинавы, слагавшие *Старшую Эдду*, по-видимому, базировались на концепциях более высоких, чем их умение претворить эти концепции в стихотворные строки. Многие из легенд просто великолепны. В греческой мифологии равных им нет – за исключением пересказанных поэтами-трагиками. Все лучшие скандинавские мифы трагичны. Они рассказывают о мужчинах и женщинах, которые упрямо идут вперед навстречу смерти, нередко тщательно выбирая ее вид, даже планируя ее заранее. Героизм – это единственный свет во тьме.

Глава 1 Саги о Сигню и Сигурде

Я выбрала для пересказа две эти саги, потому что, по моему мнению, они дают о характере и мироощущении скандинавов более четкое представление, чем любые другие. Сигурд – самый известный из скандинавских героев; его история во многом совпадает с историей Зигфрида, героя Песни о Нибелунгах. Он играет главную роль в Саге о Вельсунгах, скандинавском варианте германского героического эпоса, с которым нас познакомили оперы Вагнера. Однако я обратилась не к ней, а к Старшей Эдде, в центре внимания некоторых поэм которой находятся любовь и смерть Сигурда, Брюнхильд и Гудрун. Прозаические же саги относятся к более позднему времени. История Сигню излагается только в Саге о Вельсунгах.

Сигню была дочерью Вельсунга и сестрой Сигмунда. Ее муж предательски убил Вельсунга и захватил его сыновей. Одного за другим он приковывал их на ночь в таком месте, где их могли обнаружить и разорвать волки. Когда очередь дошла до последнего, Сигурда, Сигню нашла способ спасти его. Она освободила его, а затем брат и сестра поклялись отомстить за отца и братьев. Сигню решила, что у Сигурда должен появиться помощник, в жилах которого течет кровь Вельсунга, для чего она, замаскировавшись, однажды пришла к нему и провела с ним три ночи. Кто она, он никогда не узнал. Когда мальчик, родившийся от их союза, достиг того возраста, в котором она уже могла отпустить его, она отправила его к Сигурду, и они зажили вместе, пока тот (его звали Синфиотли) не достиг возраста мужчины. Все это время Сигню жила вместе со своим мужем и рожала ему детей, ничем не проявляя пылавшее в ее сердце желание отомстить. Наконец пришел день возмездия. Сигмунд и Синфиотли неожиданно нагрянули на хутор убийцы. Они убили детей Сигню, а потом заперли ее мужа в доме и подожгли его. Сигню наблюдала за ними, не произнося ни слова. Когда все было кончено, она объявила им, что они славно отомстили за

мертвых; с этими словами она вошла в пылающий дом и сгорела в нем. Все годы ожидания она знала, что, убив мужа, она умрет вместе с ним. Если бы нашелся скандинавский Эсхил, который смог бы воспеть трагедию Сигню, то образ Клитемнестры побледнел бы на ее фоне.

История Зигфрида настолько знакома современному читателю, что образ Сигурда, его скандинавского прототипа, может быть описан очень кратко. Валькирия Брюнхильд отказалась подчиниться Одину и в наказание была погружена в сон, который будет длиться до тех пор, пока ее не разбудит некий мужчина. Она просит, чтобы тот, кто придет к ней, обладал бесстрашным сердцем, и Один окружает ее ложе огненной стеной, преодолеть которую может только герой. Этот подвиг совершает Сигурд, сын Сигмунда. Он направляет своего коня через пламя и будит Брюнхильд. Та с восторгом встречает его, поскольку, разбудив ее, он проявил немалую доблесть. Через несколько дней он оставляет ее в том же огненном кольце.

Сигурд и Брюнхильд, окруженная огненным кольцом

Затем Сигурд попадает в дом Гьюкунгов, где становится побратимом короля Гуннара. Мать Гуннара Кримхильд желает выдать за Сигурда свою дочь Гудрун и угощает его волшебным питьем, заставляющим его забыть Брюнхильд, и он женится на Гудрун. Далее, приняв под действием чар Брюнхильд облик Гуннара, он снова отправляется к Брюнхильд, чтобы просватать ее за Гуннара. У самого же Гуннара смелости на это не хватает. Сигурд проводит с Брюнхильд восемь ночей, но всегда кладет между ними в постели меч. Брюнхильд едет с ним к Гьюкунгам, где Сигурд принимает свой настоящий облик, о чем Брюнхильд и не догадывается. Она выходит замуж за Гуннара, полагая, что Сигурд оказался ей неверен и что через пламя к ней пробивался Гуннар. Поссорившись с Гудрун, Брюнхильд узнает правду и решает отомстить. Для этого она сообщает Гуннару, что Сигурд нарушил данную ему клятву и что в действительности он обладал ею все три ночи, хотя и заявил, что клал между ними меч, и что, если Гуннар не убьет его, она его оставит. Сам Гуннар, принесший обет побратимства, не может убить Сигурда, но убеждает своего младшего брата убить того во сне. Проснувшись, Гудрун обнаруживает, что по ней струится кровь супруга.

Тогда рассмеялась
Брюнхильд, дочь Будли,
Единственный раз
От души рассмеялась,
Когда на ложе
Своем услышала
Рыдания громкие
Дочери Гьюки.

Но хоть она и сама устраивала это убийство, жить, если Сигурд мертв, она уже не хотела. Своему супругу она заявляет:

Один, а не многие
Был мне дорог, Женщины дух
Не был изменчивым!

Брюнхильд рассказывает ему, что Сигурд не изменил данной ему клятве, когда приезжал сватать ее за Гуннара.

Ложились мы с ним
На ложе одно,
Как если бы был он
Братом моим;
Восемь ночей вместе мы были —
Хотя бы рукой
Друг друга коснулись!

Долго придется
В горькой печали
Рождаться на свет
Мужам и женам!
С Сигурдом я теперь
Не расстанусь!

Брюнхильд кончает жизнь самоубийством, умоляя, чтобы ее тело было сожжено на

одном погребальном костре с телом Сигурда.

Рядом с телом Сигурда в безмолвной печали сидит Гудрун. Она не в состоянии ни говорить, ни рыдать. Придворные страшатся, что, если она не найдет себе облегчения, ее сердце разорвется от горя. Одна за одной сидящие с ней женщины рассказывают о своих собственных бедах.

«У меня отобрано все: супруг, дочери, сестры, братья, – жалуется одна из них, – а я все продолжаю жить».

Не было слез
Горючих у Гудрун;
Гибель юноши,
Конунга смерть,
Горе великое
Камнем легло.

«Семь моих сыновей и муж пали в дальнем южном краю, – сообщает еще одна из женщин. – Я убрала их тела для могилы собственными руками. Я делала это целых полгода, и никто не пришел облегчить мое горе». По-прежнему

Не было слез Горючих у Гудрун;
Гибель юноши,
Конунга смерть,
Горе великое
Камнем легло.

В конце концов, одна, видимо, более мудрая женщина

Одернула саван
С тела Сигурда,
К ногам жены
Подушку метнула:
«Вот он! Прильни
Губами к устам, —
Ведь ты его
Живого встречала!»

Горестно взор
Бросила Гудрун
На голову князя
В сгустках крови,
На очи героя,
Померкнувшие ныне,
На жильё души,
Мечом рассеченное.

Вскрикнув, грянулась
Оземь Гудрун;
Косы рассыпались,
Вся покраснела,
Хлынули слезы

Дождем на колени.
Горько заплакала
Гудрун, дочь Гьюки,
Слез поток
Оросил покрывало...

* * *

Таковы ранние скандинавские саги. Человек рожден для скорби, как птица для полета. Жить – значит страдать, и единственное решение проблемы жизни – страдать мужественно. Возвращаясь из своего первого путешествия к Брюнхильд, Сигурд встречает некоего Грипнира, которого считают мудрейшим из людей, к тому же знающим будущее, и спрашивает его о своей судьбе.

...правду хочу
Узнать, хоть печальную:
Какая у Сигурда
Будет судьба?
Я на земле
Никого не знаю,
Кто видит грядущее
Грипнира зорче;
Открой мне его,
Пусть оно мерзко
Иль в преступленье
Я буду повинен.

Грипнир дает ему следующий ответ:

Нет, в жизни твоей
Не будет позора, —
Знай это, Сигурд,
Конунг достойный;
Навеки прославится
Между людьми,
Бурю копий зовущий,
Имя твое.

Будет Сигурду
Сказана правда,
Если меня он
К тому принуждает,
Нелживое слово
Мое послушай,
Скажу я о дне
Смерти твоей.

В том утешение,
Князь, найдешь ты,

Что счастья тебе
Суждено немало;
Здесь на земле,
Под солнца жилищем,
Не будет героя,
Сигурду равного!

Глава 2 Боги Скандинавии

Строго говоря, ни один греческий бог не мог вести себя героически. Ведь все олимпийцы были бессмертными и неуязвимыми. Они никогда не могли испытывать пламенные страсти и никогда не могли накликать на себя беду. Сражаясь, они были полностью уверены в победе; их никогда не могла коснуться смертельная опасность. В Асгарде дела обстояли иначе. Великаны, жившие в городе Етунсхейме, были упорными, постоянными врагами асов (так звались жившие в Асгарде боги); они не только представляли извечный источник опасности для асов, но и были уверены, что в конечном итоге победа останется за ними.

Понимание этого тяжелым грузом лежало на всех обитателях Асгарда, но тяжелее всех приходилось их вождю и правителю Одину. Подобно Зевсу Один,

Одетый в серый, как тучи, кафтан
И капюшоном под цвет синего неба прикрытый,
Был небесным Всеотцом.

Но на этом их сходство заканчивалось. Трудно представить себе более непохожие фигуры, чем гомеровский Зевс и Один. Один мрачная, драматическая фигура, всегда держащаяся в стороне от других. Даже сидя на пирах с другими богами в своем золотом дворце Гладсхейме или с героями в Вальхалле, он совершенно не дотрагивается до еды. Пищу, которую ставят перед ним, он скармливает двум волкам, припавшим к его ногам. На его плечах сидят два ворона, которые целыми днями летают по свету и приносят ему последние новости о том, что делают люди. Одного из них зовут Хугин (Мысль), а другого – Мунин (Память). Пока другие боги заняты трапезой, Один размышляет о том, что сообщают ему Хугин и Мунин. За то, чтобы по возможности отсрочить приход Дня судьбы Раснарока, когда погибнут и земля и небо, он несет большую ответственность, чем все прочие боги. Хотя Один – и всеобщий отец, первый среди богов и людей, он постоянно находится в поисках мудрости. Так, он сошел к Источнику знания и мудрости, охраняемому мудрецом Мимиром, чтобы попросить из него глоток; когда же Мимир ответил, что Один должен расплатиться за это одним из своих глаз, тот согласился потерять глаз. Руны он познал тоже ценой страданий. Руны – это магические письмена, дающие невообразимую силу тому, кто может их на чем-нибудь вырезать – на дереве, металле, камне. Один овладел ими ценой собственных мук, имевших некое мистическое значение. В *Старшей Эдде* он рассказывает про себя, что ему пришлось провисеть

Целых девять ночей
На раскидистом дереве, что шаталось под ветром;
В жертву Одину Один так был принесен
На том дереве, имя которого люди не знают.

Приобретенное в муках знание Один передал людям. Теперь, пользуясь рунами, они тоже могли себя защитить. Он еще раз подвергает опасности свою жизнь, чтобы забрать у великанов мед поэзии, делавший поэтом каждого, вкусившего его. Этот дар он преподнес и людям и богам. Он – благодетель человечества во всех отношениях.

Спутницами Одина были девы, Валькирии. Они прислуживали за пиршественным столом в Асгарде, наполняя вином рога присутствующих, но их главной задачей было находиться в небе над полем битвы и решать по приказанию Одина, кто выиграет битву, а кто должен в ней погибнуть, и приносить души храбрецов Одину. «Валь» означает «убитый», «павший в битве», а Валькирии – это те, кто выбирает, кому суждено пасть. Место же, куда они относили души павших в битве, именовалось Чертогом павших, Вальхаллой. Во время битвы обреченный смерти герой видел в небе

Дев красоты непревзойденной,
Скачущих в сверкающих доспехах,
Погруженных в мрачные раздумья
И перстами указующих на жертвы.

День Одина – пятница. Южная, германская форма этого имени – Водан.
Из других богов существенное значение имеют пять: Бальдр, Тор, Фрейр, Хеймдалль, Тюр.

И на небе и на земле самым любимым из богов был Бальдр. Его смерть была первой из катастроф, постигших богов. Однажды ночью ему приснился беспокоивший его сон, предвещавший ему большую опасность. Услышав об этом, Фригг, супруга Одина, решила защитить его от малейшей угрозы. Для этого она обошла весь мир и взяла клятву со всех: и с живых созданий, и с неодушевленных вещей не причинять Бальдру вреда. Но у Одина еще были некоторые опасения. Поэтому он спустился в Нифльхейм, где разыскал жилище богини смерти Хель, которое было убрано и разукрашено по-праздничному. Пробужденная им от смертного сна вельва (прорицательница) поведала ему, кого же готовятся встретить в этом доме:

Мед здесь стоит,
Он сварен для Бальдра,
Светлый напиток,
Накрыт он щитом;
Отчаяньем сыны
Асов охвачены.

Тогда Один понял, что Бальдр должен умереть, но остальные боги полагали, что Фригг сделала все, как надо. Они даже играли в игру, доставлявшую им большое удовольствие. Они пытались поразить Бальдра, бросая в него камни, дротики или стреляя из лука, стараясь поранить его мечом, но все эти предметы или не долетали до него, или же отскакивали от его тела, не причиняя ему вреда. Казалось, ничто не может представлять опасности для Бальдра. Он словно бы был приподнят и поставлен судьбою над всеми ими, и все оказывали ему по этому поводу почести. Все, кроме Локи. А тот вовсе не был богом; он был сыном одного из великанов, и, куда бы он ни пошел, за ним следовали всяческие несчастья. Он непрерывно втягивал богов в какие-то неприятности, подвергал их опасностям, однако ему позволялось

беспрепятственно приходить в Асгард, поскольку по каким-то причинам он был связан с Одином отношениями побратимства. Он всегда ненавидел добро и взрешивал к Бальдру. Сейчас он решил буквально из кожи вылезти вон, но навредить ему. Для этого он нарядился старухой, отправился к Фригг и вступил с ней в разговор. Фригг же рассказала ему о своем путешествии, предпринятом ею, чтобы спасти Бальдра, и о том, как все твари и вещи на земле сущие клялись ей не причинить ему вреда. За исключением маленького кустика омелы, добавила она, который показался ей столь незначительным, что она прошла мимо.

Для Локи этого было достаточно. Он тотчас нашел омелу и пошел с ней в чертог, где забавлялись боги. Хед, слепой брат Бальдра, сидел в стороне, не принимая участия в игре.

– А ты почему не играешь? – спросил его Локи.

– Вслепую-то? – ответил тот. – Да и бросить в Бальдра нечем.

– Ничего, сыграй, – ободрил его Локи. – Вот тебе прутик. Брось его, и я направлю твою руку.

Хед взял прутик и изо всех сил метнул его. Направленный Локи, он долетел до Бальдра и пронзил его сердце. Тот упал замертво как подкошенный.

Но его мать даже теперь не хотела терять надежды. Она воззвала к богам в поисках добровольца, который отправился бы к Хель и попытался выкупить Бальдра. Свои услуги предложил Хермод, один из ее сыновей. Один дал ему своего коня Слеспнира, и тот поспешил в Нифльхейм.

Остальные же стали готовить похороны. Они сложили на большой ладье гигантский костер и положили на него тело Бальдра. Его жена Нанна пошла взглянуть на него в последний раз; ее сердце не выдержало, и она упала на палубу замертво. Тело Нанны положили рядом с телом мужа. После этого костер разожгли и ладью оттолкнули от берега. Когда она отплыла далеко в море, языки пламени взвились высоко в небо и охватили ее полностью.

Когда Хермод нашел Хель и передал ей просьбу богов, она ответила, что она отдаст Бальдра, если ей докажут, что по нему горюет все сущее на земле. Но если хоть одна живая тварь или неодушевленная вещь откажется его оплакивать, она удержит Бальдра у себя. Боги тотчас же разослали гонцов по всему миру просить всех его оплакать, чтобы тот мог восстать из мертвых. Отказа они не встречали нигде. И земля, и небо, и все, что находится между ними, охотно оплакивали любимого им бога. Обрадованные гонцы с радостью пустились в обратный путь, чтобы сообщить богам эту новость. И тут, почти в самом конце их путешествия, они встретили великаншу, и вся скорбь мира тут же обратилась в ничто, поскольку плакать эта великанша отказалась.

– Вы получите от меня только сухие глаза, – с усмешкой объявила она. – От Бальдра ничего хорошего я не получила, и поэтому и ему хорошего не сделаю.

Так Хель удалось удержать Бальдра при себе.

Локи был наказан. Боги схватили его и сковали в глубокой подземной пещере. Над его головой свисала змея, и яд из ее пасти капал ему в лицо, причиняя невыносимую боль. Помочь ему пришла его жена Сигюн. Усевшись рядом с ним, она стала собирать змеиный яд в горшок. Но когда она выходила вылить горшок – яд хотя бы на мгновение опять попадал ему на лицо, и Локи в агонии сотрясал землю.

Из других великих богов Тор был богом-громовержцем, самым сильным среди асов. Его именем назван четверг (Thursday). Хеймдалль был стражем радужного моста Биврест, ведущего в Асгард, а Тюр – богом войны. В его честь назван вторник (Tuesday), бывший когда-то днем Тора.

В Асгарде богини не имели такого значения, как на Олимпе. Ни одну из скандинавских богинь нельзя сравнить, например, с Афиной, и внимания, в сущности, заслуживают только две из них. Фригг, супруга Одина, по имени которой, согласно одной из версий, названа пятница (Friday), считалась весьма мудрой богиней. Вместе с тем она отличалась молчаливостью, и о том, что было ей известно, она не рассказывала даже Одину. Она – не вполне ясная фигура, чаще всего изображаемая за прялкой. Нити, которые она прядет, – из

золота, но для чего она их прядет, остается секретом.

Фрейя – богиня любви и красоты, но, как это нам ни странно, половина павших в битвах переходит в ее распоряжение. Валькирии Одина могут доставить в Вальхаллу только другую их половину. Фрейя сама скакала к полю битвы и требовала свою половину душ. Норвежским поэтам это занятие казалось вполне естественным и приемлемым для богини любви и красоты. Согласно общепринятой версии, пятница названа все-таки в ее честь.

Тем не менее существовала одна область, целиком и полностью переданная в ведение богини. Царство смерти принадлежало богине Хель. Ни один бог, даже сам Один, не мог там распоряжаться. Золотой Асгард принадлежал богам; знаменитая Вальхалла – героям; Мидгард был ареной битв для мужчин и вовсе не сферой деятельности женщин. В *Старшей Эдде* Гудрун жалуется, что в ее мире

Жены покорствуют мужам жестоким.

Таким образом, в скандинавской мифологии сферой деятельности женщины был холодный и тусклый загробный мир.

Сотворение мира

В *Старшей Эдде* вельва (прорицательница) рассказывает о первозданном мире в следующих выражениях.

В начале времен,
Когда жил Имир,
Не было в мире
Ни песка, ни моря,
Земли еще не было
И небосвода,
Бездна зияла,
Трава не росла.

Солнце, друг месяца,
Правую руку
До края небес
Простирало с юга;
Солнце не ведало,
Где его дом,
Звезды не ведали,
Где им сиять,
Месяц не ведал
Мощи своей.

Но бездна, какой бы глубокой она ни была, не простиралась бесконечно. Далеко на севере находился Нифльхейм, холодное царство смерти, и далеко на юге – Муспелльсхейм, страна огня. Из Нифльхейма вытекало двенадцать рек, низвергавшихся в бездну, замерзавших там и постепенно заполнявших ее льдом. Из Муспелльсхейма приходили огненные тучи, превращавшие лед в туман. Из скоплений тумана выпадали капли воды, а из них, в свою очередь, сформировались инеистые девы и Имир, первый великан. Его сын стал отцом Одина, матерью и женой которого были инеистые девы.

Один и два его брата убили Имира. Из его плоти они сделали землю и небо, из его крови – море, из его черепа – небо. Из искр, взятых из Муспелльсхейма, они сделали солнце,

месяц и звезды и поместили их на небо. Земля была круглой и со всех сторон была окружена морем. Из бровей Имира боги выстроили стену, окружавшую пространство, предназначенное для жизни человечества. Оно было названо Мидгардом. Здесь из деревьев были созданы первые люди – мужчина из ясеня, женщина – из вяза. Они и породили человечество. В мире жили также карлики Цверги – уродливые создания, но искусные мастера-ремесленники, жившие под землей, а также Альвы, милые, приветливые существа, заботящиеся о красоте цветов и чистоте источников.

Вселенную поддерживал чудесный ясень Иггдрасиль. Свои корни он пустил по всему миру.

Три корня растут
На три стороны
У ясеня Иггдрасиль;
Хель под одним,
Под другим исполины
И люди под третьим.

Известно, что «один из корней ясеня прорастает до Асгарда». Рядом с этим корнем находится источник с очень прозрачной водой, Источник Урд. Эта вода считается настолько священной, что пить ее не смеет никто. Ее охраняли три Норны, которые

Судьбы судили,
Жизнь выбирали
Детям людей...

Их зовут Урд (Прошное), Верданди (Настоящее) и Скульд (Будущее). Сюда каждый день, переходя через трепетный мост-радугу, приходят боги, чтобы обсудить дела людей. Еще один источник, расположенный у другого корня, называется Источником знания и мудрости. Его охраняет мудрец Мимир.

Над Иггдрасилем, как и над всем Асгардом, нависла угроза гибели. Он обречен смерти, как и боги. Со стороны Нифльхейма, обитатели Хель, его подгрызает страшный змей со своим выводком. Когда-нибудь им удастся погубить дерево, и тогда рухнет вся вселенная.

Инеистые великаны и горные исполины, живущие в Етунхейме, – враги добра во всех его проявлениях. Они – brutальные силы земли, и в неизбежной схватке между ними и божественными силами небес победа будет за ними.

Обречены ведь боги, и конец им – смерть!

Но это противоречит глубочайшей убежденности человеческого духа, что добро сильнее зла. Даже обитающие в безнадежных условиях скандинавы, повседневная жизнь которых в их ледяной стране с черными зимними ночами – это непрерывный вызов идее героизма, видели перед собой через тьму далекий свет. В одном из пророчеств *Старшей Эдды*, совсем как в Апокалипсисе, говорится, что после поражения богов, когда

Солнце померкло,
Земля тонет в море,
Срываются с неба
Светлые звезды,
Пламя бушует
Питателя жизни,
Жар нестерпимый
До неба доходит.

Все-таки появятся новая земля и новое небо.

...вздывается снова
Из моря земля,
Зеленя как прежде;
Падают воды,
Орел пролетает,
Рыбу из волн
Хочет он выловить.

Заколятся
Хлеба без посева,
Зло станет благом.

Прорицательница-вельва сообщает, что

Чертог она видит
Солнца чудесней,...
стоит он,
Сияя золотом;
Там будут жить
Дружины верных,
Вечное счастье
Там суждено им.

И тогда начнется правление Того, кто выше О дина и до которого не дотянутся никакие злые силы.

Нисходит тогда
Мира владыка,
Правящий всем
Властелин могучий.

И тех мало,
Кто видеть может
Дальше мгновения
Гибели Одина.

Это видение бесконечного далекого счастья дает маленькую поддержку, защиту от отчаяния, но это единственная надежда, о которой говорится в *Эддах*.

Мудрость Скандинава

В *Старшей Эдде* значительное внимание уделено еще одному аспекту скандинавского мировоззрения, странным образом отличающегося от его героического аспекта. Существует целый ряд подборок или даже коллекций «мудрых изречений», пришедших из Скандинавии, которые не только отражают присущий этому народу героизм вообще, но и дают представление о связанных с ним взглядах на жизнь. Конечно, такого рода литература не отличается глубиной и проникновенностью Апокалипсиса; строго

говоря, она даже едва ли заслуживает применения к ней слова «мудрый». Однако создававшие эти изречения скальды во всяком случае располагали изрядной толикой здравого смысла, что составляет разительный контраст с бескомпромиссностью духа скандинавских героев. Как и составители Книги притчей Соломоновых, это – немалодые люди; они располагают солидным жизненным опытом, немало поразмышляв о делах человеческих. Несомненно, когда-то они были героическими воинами; теперь же они уже не бьются на полях битв и смотрят на вещи с несколько иной точки зрения. Иногда они даже смотрят на жизнь не без тени юмора, и вот тому примеры:

Меньше от пива
Пользы бывает,
Чем думают многие.
Чем больше ты пьешь,
Тем меньше покорен
Разум тебе.

Добра не жалея,
Что нажито было,
Не скорби о потере,
Что другу обещано,
Недруг возьмет —
Выйдет хуже,
Чем думалось.

Глупый надеется
Смерти не встретить,
Коль битв избегает;
Но старость настанет —
Никто от нее
Не сыщет защиты.

Вопросит и ответит
Умный всегда,
Коль слыть хочет сведущим.
Должен один знать, а не двое —
У трех все проведуют.

Глупый не спит
Всю ночь напролет
В думах докучных;
Утро настанет —
Где же усталому
Мудро размыслить.

Некоторые стихи свидетельствуют о глубоком знании человеческой природы:

Кто нравом тяжел,
Тот всех осуждает,

Смеется над всем;
Ему невдомек,
А должен бы знать,
Что сам он с изъяном.

Щедрые, смелые
Счастливы в жизни,
Заботы не знают.
А трус, тот всегда
Спасаться готов,
Как скупец – от подарка.

Иногда стихи бывают и веселыми, почти игривыми:

Молод я был,
Странствовал много
И сбился с пути;
Счел себя богачом,
Спутника встретив, —
Друг – радость для друга.

Надобно в дружбе
Верным быть другу,
Одарять за подарки;
Смехом за смех
Пристойно ответить...

Путь не близок
К другу плохому,
Хоть двор его рядом;
А к доброму другу
Дорога пряма,
Хоть далек его двор.

Иногда в стихах прорывается удивительный дух терпимости:

Хворый судьбой
Не совсем обездолен:
Этот счастлив сынами,
Этот близкой родней,
Этот богатством,
А этот деяньями.

Не доверяй
Ни девы речам,
Ни жены разговорам —
На колесе
Их слеплено сердце,

Коварство в душе их.
Откровенно скажу
О мужьях и о женах:
Мужи тоже лживы;
Красно говоря,
Но задумав коварство, —
Улестим даже умных.

Изъян и у доброго
Сыщешь, а злой
Не во всем нехорош.

Временами в стихах ощущается и подлинная глубина:

Следует мужу
В меру быть умным,
Не мудрствуя много,
Ибо редка
Радость в сердцах,
Если разум велик.

Гибнут стада,
Родня умирает,
И смертен ты сам;
Но знаю одно,
Что вечно бессмертие —
Умершего слава.

В заключение приведем еще несколько строк из самой знаменитой скандинавской коллекции мудрых изречений⁶³:

Твоей лишь душе
Ведомо то,
Что в сердце твоём;
Худшей на свете
Хвори не знаю,
Чем духа томленье.

* * *

Наряду с героизмом, вселяющим нам поистине священный трепет, эти люди Севера обладали поистине восхитительным здравым смыслом. Такое сочетание представляется невозможным, но доказательством тому служат сами поэмы. В этнографическом отношении мы близки к скандинавам, а наша культура уходит корнями в греческую. Скандинавская и греческая мифология, взятые вместе, позволяют понять, какими были люди, которым мы обязаны основной частью полученного нами духовного и интеллектуального наследия.

Комментарии

1

Диспатер. *(Примеч. ред.)*

2

Зевс проглотил свою беременную супругу, после чего из головы Зевса родилась Афина. *(Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, примеч. перев.)*

3

Культ Аполлона (Феба) был распространен по всей Греции. В то же время данные греческого языка не позволяют раскрыть этимологию имени Аполлона, что может свидетельствовать о неиндоевропейском происхождении образа. *(Примеч. ред.)*

4

В храме Аполлона в Дельфах был установлен камень – омфалос («пуп») – метеорит. Он считался надгробием Пифона и центром мира: над этим камнем встретились два орла, пущенные Зевсом с востока и запада для определения центра мира. *(Примеч. ред.)*

5

А и к о с по-гречески «волк». А и к и я – область в Малой Азии.

6

Оры или Горы – богини меняющихся времен года и часов.

7

Их во время свидания Гефест приковал к ложу невидимыми глазу сетями. *(Примеч. ред.)*

8

Ошибка автора. Елена – смертная; ее можно убить, что, в частности, собирался сделать Менелай до самого последнего момента (см., например, «Троянки» Еврипида).

9

Не путать с мудрым Силеном, спутником Диониса.

10

Точнее, Гамадриады рождаются и гибнут вместе с деревом; Дриады же – просто покровительницы деревьев.

11

По другой версии, он был сыном богини земли Геи и бога моря Понта.

12

Их видели аргонавты и Одиссей.

13

Квирин отождествлялся с Ромулом только в более поздние времена. Первоначально он – бог народного собрания. Отсюда полное наименование римлян: «римский народ квиритов» или просто «квириты». Квирин считался также мирной ипостасью Марса.

14

По основной версии мифа, Тесей оставил Ариадну на Наксосу по повелению самого Диониса. Бог явился Тесею во сне и заявил, что тот должен покинуть Ариадну, поскольку она предназначена судьбой ему, Дионису.

15

Согласно основной версии, Прометей унес с неба горящие угольки в полом стебле тростника.

16

Гиакинту. (*Примеч. ред.*)

17

Супруги были превращены в зимородков (вариант: Кеик стал чайкой, Алкеона – зимородком). Правда, зимородки не живут у моря. По другой версии мифа, они были превращены в птиц из-за того, что, гордясь своей супружеской любовью, дерзали именовать себя Зевсом и Герой.

18

Л а т м о с – гора в Карий (Малая Азия).

19

По другой версии, Эндимион был погружен в сон Зевсом за то, что, будучи взят на небо, попытался овладеть Герой. Еще по одной версии, Селена родила от Эндимиона 50 дочерей.

20

См. ч. VI, гл. 1.

21

Харибда – чудовище в виде страшного водоворота, трижды в день поглощающего и извергающего черные воды узкого пролива.

22

По более распространенной версии, медный великан, изготовленный Гефестом и подаренный Зевсом Миносу для охраны Крита. Талое три раза в день обходил остров и, когда к Криту приближались чужеземные корабли, бросал в них огромные камни. У Талоса была единственная вена, заполненная ихором (кровь богов). Это было его единственное уязвимое место. Когда аргонавты прибыли к Криту, Медея своими чарами наслала на Талоса безумие, в припадке которого великан задел ногой острый камень; кровь вытекла, и он умер. Вариант: Талое поверил обещанию Медеи сделать его бессмертным и позволил вытащить гвоздь, затыкающий вену.

23

Брата звали Беллер, а Беллерофонт по-гречески означает «убийца брата». Настоящее имя Беллерофонта – Гиппоной.

24

По более распространенной версии мифа, Пегас пришел в ярость от укусов слепня, посланного Зевсом.

25

Эвриала, Сфено и Медуза, дочери морских божеств Форкия и Кето, внучки земли Геи и моря Понта.

26

Речь шла, очевидно, о голове Медузы, единственной смертной из трех Горгон.

27

Граи (буквально «старухи»): Энио, Пемфредо и Дио, сестры Горгоны.

28

По основной версии, Тесею явился Дионис, заявивший, что судьба предназначила Ариадну ему и Тесей должен отступить, что тот и сделал.

29

См. ч. V, гл. 2.

30

См. ч. III, гл. 3.

31

Ипполита (вариант: Антиопа) – вовсе «не одна из них», то есть амазонок, а их царица.

32

Скорпионы – бичи с металлическими шипами.

33

Первоначально Геракл должен был совершить только десять, но два из них Эврисфей не засчитал (расчистка Авгиевых конюшен и убийство лернейской гидры).

34

Они прогневали Зевса тем, что предавались любви в его храме. Согласно представлениям древних, львицы могли сочетаться только с леопардами, и поэтому постигшее супругов наказание лишало их возможности продолжать брачные отношения.

35

Отражающий мужей – прозвище, данное за то, что он отразил нападение шайки разбойников. (*Примеч. ред.*)

36

У Гомера Гекуба жертвует не одеяние, а двенадцать коробов «трав однолетних».

37

Мирмидоняне – ахейское племя, сотворенное Зевсом из муравьев по просьбе деда Ахилла Эака. Мирмике по-гречески «муравей».

38

Кронион – сын Крона (Кроноса), то есть Зевс.

39

И л и о н – другое название Трои. Отсюда *Илиада*. Дано в честь троянского царя Ила, сына первого царя Троса, по имени которого и названа Троя, Ил – отец Ааомедонта и дед Приама.

40

Аякс будто бы овладел Кассандрой прямо перед статуей Афины. Богиня-девственница подняла к небу очи, не в силах взирать на подобное кощунство.

41

Аполлодар называет имена более 150 женихов.

42

См. ч. I, гл. 4

43

Самая мрачная часть Аида; иногда отождествляется с Аидом в целом.

44

Любопытен способ, с помощью которого Пенелопа выясняла, действительно ли Одиссей – ее муж. Она приказала Евриклее выставить их брачное ложе из спальни и положить Одиссея одного. Но это ложе переносить было нельзя, так как Одиссей намертво закрепил его на пне старого масличного дерева при постройке дома. Об этом знали только он сам и Пенелопа, и, только поняв, что этот секрет известен чужестранцу, Пенелопа признала в нем мужа.

45

Октавиан Август.

46

Августов мир.

47

По другой версии, топоним Италия происходит от имени Итала, царя племени сикулов, жившего на Сицилии. Уйдя (или будучи) изгнан оттуда, Итал поселился на реке Тибре и назвал область по течению Тибра своим именем

48

Мойры – богини судьбы.

49

Сивилла – в греко-римской мифологии пророчица, прорицательница, в экстазе предсказывающая будущее.

50

О р к (Оркус) – Аид римлян.

51

Л о к с и й – одно из имен Аполлона.

52

Deux ex machina – «бог из машины».

53

В одном из вариантов эту лань застрелил Агамемнон, похвалявшийся при этом, что сама Артемида не сделала бы лучшего выстрела.

54

Принято считать, что Сфинкс бросился со скалы.

55

Согласно основной версии – в удада.

56

По основной версии, Данаиды заполняли сосуд, не имеющий дна («бочка Данаид»).

57

Согласно основной версии, сама Арахна вызвала Минерву на состязание, которая приняла вызов, явившись в образе старухи, предупредившей, однако, Арахну о необходимости смирения перед богами. Арахна же изобразила на своей ткани любовные похождения Зевса, Посейдона и Диониса, что усугубило гнев богини. Некоторые исследователи видят в мифе отголоски богоборческих настроений героической эпохи.

58

Вариант: в гелиотроп.

59

По преданию, кожа Марсия висит у истоков реки Меандр; при звуках флейты она начинает шевелиться, но недвижима при звуках песен в честь Аполлона.

60

Разгневанный Зевс послал за Сисифом демона смерти Таната, но тот сумел заковать его в цепи и держал в плену несколько лет, поэтому люди не умирали. Только Арес сумел освободить Таната, который первой своей жертвой избрал самого Сисифа. Но и в Аиде Сисиф сумел обмануть богов: он оказался единственным умершим, возвратившимся на землю. Традиция рисует Сисифа хитрым стяжателем, нарушающим законы богов и людей.

61

Рожден землей Геей от семени Гефеста.

62

К е к р о п – один из афинских царей.

Имеется в виду песнь «Речи Высокого».